

З. Б. Кипкеева

**ПОТОМКИ ЧИНГИЗХАНА
В ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
XVIII–XIX вв.**

Ставрополь
2017

УДК 947 (470.6)
ББК 63.3 (235.7) 47
К 42

Рецензенты:

доктор исторических наук ***С. Л. Дударев***,
кандидат исторических наук ***Р. Т. Хатиев***

Кипкеева З. Б.

К 42 Потомки Чингизхана в истории Северного Кавказа XVIII–XIX вв. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2017. – 330 с.

ISBN 978-5-9296-0891-9

В монографии освещается история части народов Северного Кавказа: абазин, адыгейцев, балкарцев, ногайцев, кабардинцев и карачаевцев – через жизнь и деятельность в регионе потомков крымских ханов-чингизидов Султанов в XVIII–XIX вв. Исследование выполнено на основе архивных материалов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, и обширной кавказоведческой литературы.

Книга адресована как профессиональным исследователям, так и широкой аудитории любителей отечественной истории.

УДК 947 (470.6)
ББК 63.3 (235.7) 47

ISBN 978-5-9296-0891-9

© Кипкеева З. Б., 2017
© Издательство Северо-Кавказского
федерального университета, 2017

ВВЕДЕНИЕ

История Северного Кавказа в период его вхождения в состав Российской империи в человеческом измерении причудливо, но закономерно отражена в судьбах потомков великого завоевателя Чингизхана. Чингизиды – ханы Гиреи, создав в XV в. на обломках Золотой Орды Крымское ханство и получив покровительство Османской империи, смогли включить в свою орбиту на 300 лет значительную часть северокавказских народов.

В предлагаемой работе исследована одна из родовых линий кавказских чингизидов с её драматическими изгибами, взлётами и падениями, сопровождавшими в период русско-турецкого соперничества за обладание Северным Кавказом судьбоносный выбор будущего пути не только для себя, но и для тех народов, в аристократические сословия которых они были инфильтрированы в особом статусе Султанов. Поэтому представляется важным прежде, чем приступить к истории региона, персонифицированной в героях этой книги – Султанах из рода Гиреев, объяснить, каким образом они появились и укоренились в регионе.

Отдельные Гиреи в сопровождении войска (сейменов) направлялись на Северный Кавказ как представители или наместники крымских ханов и контролировали в подвластных народах сбор дани, а также обеспечивали их участие в войнах на стороне Крымского ханства и Османской империи. Для прочной интеграции свободолюбивых ногайцев, абазин и адыгов этого отработанного механизма было явно недостаточно. Поэтому одним из способов распространения и укрепления среди них своей власти стало широкое использование крымскими ханами древнего тюркского обычая – «аталычества» (тюрк.: отцовство), позволявшего выстраивать взаимные отношения не с позиции противопоставления сил, а с опорой на дружественные и лояльные партии внутри высших сословий этих народов.

Выбирая самых верных и влиятельных из подвластных князей, крымские ханы отправляли к ним на воспитание юных Гиреев, которые обучались в чуждых обществах местным языкам и нравам, устанавливали личные связи, приобретали материальные и политические выгоды. В свою очередь местные народы в лице своих воспитанников и их отцов имели покровителей и защитников в междо-

усобных конфликтах, что определяло их прокрымскую ориентацию. Многие ханы прошли через этот «институт искусственного родства» и имели надёжную опору на Северном Кавказе. Некоторые из воспитанников в силу различных причин оставались здесь навсегда, рождались через браки с местной знатью, и их потомки сложились в особый привилегированный слой ногайских и адыгских социумов.

Малая Ногайская Орда (Казыев улус) появилась на Северном Кавказе в конце XVI в. как реальная сила, охранявшая восточные рубежи Крымского ханства и удерживающая в его власти часть северокавказских народов. С самого начала ханы посредством аталычества скрепили связи с родственной тюркоязычной знатью. Так, по сведениям исследователя И. С. Капаева, основатель Казыева улуса Казымурза был аталыком младших царевичей Гиреев, «которых он принимал, содержал и воспитывал в своих улусах» [Орак-эли... 2015, с. 30]. Казыев улус, имея обширное скотоводство, кочевал в степях вокруг Азовского моря, вдоль рек Маныч, Кубань, Кума, Кура, Малка. Ногайцы не строили городов, жили и передвигались в войлочных кибитках, тем не менее в местах постоянного расселения успешно занимались земледелием и даже платили дань десятой долей урожая сераскиру (наместнику и главнокомандующему из дома Гиреев), назначаемому крымским ханом.

В так называемой Черкесии западноадыгские народы между Нижней Кубанью и Чёрным морем, а также восточноадыгские кабардинцы, откочевавшие к Тереку, жили почти «так же, как ногайцы», но небольшими подвижными аулами в пределах «границ владений своего племени» [Пейсонель, 1990, с. 19–20]. Как отмечал французский консул в Крыму в 1750–1762 гг. Ш. Пейсонель, черкесы несли определенные повинности, платили дань при вступлении на престол очередного хана, состоявшую из сотен рабов, которых тот в свою очередь поставлял султану Османской империи [Пейсонель, 1990, с. 13].

Надо сказать, что к этому времени название «черкесы» ещё не прочно закрепилось исключительно за адыгами. Так, русский посол в Османской империи П. А. Толстой в своём описании «Состояние народа турецкого в 1703 г.» так передал видение Стамбулом своего владычества на Северном Кавказе: «Есть в области турецкой под державою салтанскою народ, именуемый черкесы и менгрелы, которых имеют они за диких людей и недостойных всякому делу человеческому, тех же есть некоторая часть и под царём персидским» [Сер-

геев, 1914, с. 57]. Очевидно, что здесь под *черкесами* подразумевались различные народы, не только адыгские, от Чёрного моря до Каспийского, где власть персов распространялась на Дагестан. Такая же традиция называть все горские народы *черкесами* существовала и в России до XIX в. и даже позже.

В отношениях крымских ханов с адыгскими народами, за которыми постепенно закрепилось название *черкесов*, обычай аталычества также играл значительную роль. В 1724 г. французский консул в Крыму К. Главани писал в «Описании Черкесии», что «они пребывают в добром согласии вследствие того, что каждый бей, в видах приобретения покровительства татар, берёт к себе на воспитание одного из принцев ханского дома. Вообще нет почти такой фамилии дворян или мирз, которая не воспитала бы одного из принцев, так как это считается у них большою честью» [Главани, 1974, с. 159].

Крымские принцы воспитывались во владельческих семьях местных народов как собственные дети и часто оставались на постоянное жительство в этом народе, при этом сохраняя статусные позиции Гиреев. По словам Главани, «вследствие того, что они позволили ханам легкомысленно обмануть себя: один из ханов прислал к ним своего сына, другой двух, третий трёх сыновей, и таким образом мало-помалу черкесы попали под управление султанов». Главани в своё время насчитал в Черкесии 52 Султана, имевших конных и хорошо вооружённых слуг: «В отношении управления Черкесией и в видах обуздания народа султаны действуют заодно, так что черкесы сделались как бы рабами султанов».

В Закубанье Султаны сначала обосновались на левом притоке Лабы р. Ходзь у абазин (народ, переселившийся на Северный Кавказ из Абхазии) и бесленеевцев (западноадыгский народ), а затем переходили в те общества, к которым принадлежали их воспитатели (аталыки). Так возникли различные роды Султанов [Сборник документов... 2003. Т. 1, с. 143–144]. Они повелевали князьями и народом, а их конная свита собирала и отправляла хану в положенный срок дань. Как представители ханов, они могли разрешить конфликты и примирить враждующие стороны в силу легитимности своей власти и влияния на владетельных князей.

Исследователь С. Броневский в первой четверти XIX в. писал: «Прежде сего крымские султаны всегда воспитывались у черкесов, и в надежде на дружеские связи, между ними упроченные, при малей-

шем неудовольствии на хана обвыкли находить за Кубанью убежище [Бронеvский, 1823, с. 173]. Действительно, в XVIII в. часть кавказских Султанов выступала против политики турецких султанов и крымского ханов, проявлявших склонность к мирным отношениям с Россией и требовавших соблюдения мирных договоров с нею, но в периоды русско-турецких войн большей частью они возглавляли военные силы ногайцев и западных адыгов против русских войск.

После уничтожения Крымского ханства в 1783 г. Султаны оказались в неопределённом статусном положении и опирались только на собственный авторитет и традиционное почтение к их происхождению. Тем не менее, когда Закубанье находилось под юрисдикцией Османской империи (1783–1829), «султаны пользовались немало-важными отличиями, нередко получали звание сераскиров и тем самым право управления зависящими от них народами» [Сборник документов... 2003. Т. 1, с. 143–144]. Затем эта территория с многочисленными народами по Адрианопольскому договору отошла к Российской империи, и она также отличала сословие Султанов, привлекая в своё подданство, так как они «своими познаниями и связями могли быть полезны» в урегулировании конфликтных ситуаций.

Однако российские власти не были заинтересованы в существенном упрочении власти потомков крымских ханов над покорёнными народами, оставляя им право сохранить княжеский титул только верноподданнической службой в армии, за что они награждались высокими чинами и крупными земельными наделами в частную собственность. До этого, как специально подчёркивали царские чиновники во второй половине XIX в., Султаны традиционно «не имели ни поземельной собственности, ни подвластных у себя народов» и не принимали «непосредственного участия в событиях, касавшихся судеб тех племён, у которых они нашли себе гостеприимство». Касаясь этнической и сословной идентификации Султанов, русские источники сообщают, что они, «не сливаясь с туземными сословиями, сохранили в своих семействах свои особенные обычаи, по которым живут и по настоящее время», причём все дети Султана, от кого бы они ни были рождены, считались равноправными между собой.

Немецкий учёный Г.-Ю. Клапрот, посетивший Кавказ в 1807–1808 годах, упоминал: «В областях за Кубанью укрылись некоторые потомки крымских султанов, но их последователи малочисленны. Татары и черкесы называют их общим именем Султания» [Клапрот,

1974, с. 244]. В середине XIX в. исследователь и профессиональный военный К. Ф. Сталь, служивший на Северном Кавказе и встречавший в числе местной аристократии потомков крымских ханов, поселившихся здесь в разные времена, утверждал, что «князья черкесские глубоко их уважают» [Сталь, 2001, с. 262].

Балкарский князь Мисост Абаев писал: «Все „адыге“ (этим именем называют себя кабардинцы и другие черкесские племена) подчинялись Крымскому хану, который посылал к ним своих наместников из членов своего рода» [Абаев, 1911, с. 595–596]. Он же отмечал, что потомки этих наместников впоследствии «очеркесились» и носили официальную фамилию «Султан», а «туземцы» называли их «Хан». В Кабарде как особая прослойка высшей знати Султаны исчезли в XVIII в., но сохранились на Северо-Западном Кавказе.

Уникальность аталычества ханских отпрысков на Северном Кавказе заключалась в том, что часть их не вернулась в Крым, а осталась в воспитавших их обществах навсегда, создав специфический аристократический слой сложной этнической самоидентификации: оставаясь крымскими татарами и гордо именуясь чингизидами, они и их потомки одновременно олицетворяли и те народы, среди которых жили, называясь «ногайцами» или «черкесами». В российский период появилась тенденция полного отождествления Султанов с элитами тех народов, с которыми их связывали аталыческие и родственные (через браки) отношения.

Надо сказать, что обычай аталычества, привнесённый крымскими ханами, получил самое широкое распространение и в среде собственно местного высшего сословия народов Северного Кавказа, использовавшего в роли аталыков для своих детей верхушку узденского сословия (условно соответствовавшего «дворянскому» сословию). Мальчиков часто передавали на воспитание узденям в иноязычные общества, таким образом они становились двуязычными и обретали дружественные связи. Нередко княжеские семьи различных народов воспитывали детей друг друга, укрепляя военные и экономические союзы между собой. Обычай аталычества тщательно регламентировался адатом – сводом традиционных законов и правил, общих для всех народов.

Русский исследователь Ф. И. Леонтович видел смысл аталычества в том, что «не имея государственного устройства, раздираемые беспрерывной войной, враждой княжеских домов и кровомщениями,

черкесы находят в аталычестве средство дать каждому семейству опору, связи и обширное родство» [Леонтович, 2002, с. 142]. Установленная тесная связь семейств и родов между собой вела естественно к союзам небольших враждующих народов. Полковник царской службы и писатель Султан Хан-Гирей объяснял популярность этого обычая так: «Не только семейство воспитателя вступает в тесную связь с семейством воспитанника, но даже все родственники его и все подвластные поступают под защиту воспитанника» [Хан-Гирей, 1989, с. 159].

Закубанские Султаны, не обладая легитимной властью без внешней государственной поддержки, искали покровительства или российской, или турецкой стороны для сохранения высокого социального статуса и имущественных привилегий. Собственные князья бывших данников Крымского ханства отказывались добровольно уступать Султанам власть в своих народах. Так, в 1830 г. на попытки Султана Хан-Гирея с помощью русских властей утвердиться «начальником» над западноадыгскими бжедухами, их «природный князь» заявил, что Султаны «считались только почётными гостями народа» [Хаджимуков, 1910, с. 49]. В то же время ногайские Султаны, перейдя на российскую службу, стали тем самым социальным слоем, который ускорил переход в российское подданство и провёл неизбежные преобразования в своих обществах, облегчив, насколько это было возможно, адаптацию к новой исторической реальности.

Каждый российский начальник, знакомясь с неизвестным для него краем, сразу же видел и отмечал видную роль Султанов в сословной иерархии местных народов. Так, в 1842 г. командующий Правым флангом Кавказской линии генерал-майор С. Д. Безобразов писал: «Султаны их почитаются самыми главными вельможами, которых они по преданиям уважают как потомков владетельных князей, за ними следуют по старшинству мирзы или князья, за мирзами – уздени, а потом простой народ» [Безобразов, 2005, с. 136]. При этом Безобразов отмечал, что «все высшие классы пользуются уважением горского народа только лично и при некоторого рода обычаях и обрядах, но при собраниях для набегов, грабежей и общего восстания владычество преимущественно возлагается на отличающихся в храбрости и людей, пользующихся общим доверием».

В документах российских комиссий указывалось, что сословие Султанов «всегда в мнении кубанских горцев стояло очень высоко и пользовалось наибольшими знаками почтительности и уважения», и само «название *хануко* (кабард.: «ханский сын». – З. К.) давало его владельцу преимущество пред всеми другими высшими лицами горских племён, а знание ими разных горских наречий было причиной тому, что они принимались в Кубанском крае как дорогие почтеннейшие гости» [Сборник документов... Т. 1, 2003, с. 141–145]. Однако в XIX в. кавказские Султаны являлись уже не «гостями», а органичной и важной составляющей высшего сословия ногайских и западно-адыгских народов.

Гиреев связывали родственные узы с высшими сословиями, пожалуй, всех народов Северного Кавказа, в том числе и тюркоязычных карачаевцев, никогда не входивших в состав Крымского ханства. Заключение браков с представителями ханского рода являлось весомым свидетельством высокого статуса местных элит. Принцип статусности в браке являлся самым ярким проявлением сословной субкультуры и морали того времени, поэтому власти вынуждены были признать, в частности, что сословие карачаевских князей (бий) равносильно княжеским сословиям ногайцев (мурза), абазин (аха), адыгов (пши) и Султанов, так как они находились в родственных связях через брачные союзы. При этом Султаны имели более высокие, чем местные князья, статусные позиции в социальной иерархии и именовались у ногайцев «Султан», у адыгов и абазин – «Хануко» (ханский сын), у карачаевцев и балкарцев – «Ханла» (ханы).

В исторической науке и взглядах властей общественно-политическое и сословное устройство северокавказских народов трактовалось неоднозначно, роль и место на Северном Кавказе государственных, религиозных и культурных институтов Крымского ханства не освещались вовсе, акцентировалось внимание лишь на негативных сторонах данничества, пленопродавства и работорговли. Между тем Султаны как носители государственных традиций и более широких политических взглядов оказались тем социальным феноменом, потенциал которых не так часто, но успешно использовался для мирного привлечения местных народов к России.

В предлагаемой книге впервые освещена роль Султанов в истории Северного Кавказа на протяжении XVIII–XIX вв., когда сформировались ногайская и адыгская ветви чингизидов Гиреев.

За пределами этих заявленных хронологических рамок показана судьба последнего известного представителя династии в XX в. российского филолога Девлета Гиреева, родившегося в родовом ауле Султанов в Пятигорье. География исследования определена территорией расселения в данный период абазинских, адыгских, ногайских и карачаево-балкарских этнолокальных групп Центрального и Северо-Западного Кавказа, оказавшихся между противоборствующими Российской и Османской империями.

Для исследования использовались как опубликованные, так и неопубликованные документы из архивов Москвы (РГВИА), Ставрополя (ГАСК), Краснодара (ГАКК), Владикавказа (ЦГА РСФСР), Грузии (ЦГИА Грузии), Турции (БОА) и др., публикации периодических изданий XIX в., записки и очерки русских и иностранных авторов, научная и военно-историческая литература, в которых освещается история исследуемых народов Северного Кавказа, а также содержатся фрагментарные сведения о потомках крымских ханов в регионе.

Отметим, что у ногайцев и западноадыгских народов такой рудимент крымскотатарской зависимости, как инфильтрация в их среду в качестве высшего сословия этнического татарского элемента, привёл к превращению титула Султанов в фамилию, а родовое имя Гирей непременно прибавлялось к собственному имени. Мы придерживались написания титула потомков ханского рода с большой буквы, чтобы различить от привычного титула турецкого султана. Так, в основном, он фигурирует в русской литературе и архивных документах. Жизнь героев данной книги – ногайских Султанов Гиреев – проходила на фоне российско-османского противостояния, и они были непосредственными участниками всех войн на Северном Кавказе, начиная с основателя этой династии – кубанского сераскира Бахты-Гирея, современника Петра I.

Глава I КУБАНЬ В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ

Гирей – потомки Чингизхана

Крымское ханство охватывало не только Крымский полуостров с татарским населением, но и бескрайние степные просторы в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе, на которых кочевали в основном ногайские орды, перешедшие во власть крымских ханов Гиреев, одной из царских династий потомков Чингизхана. Ногайская Орда как государственное образование позднего Средневековья распалась в XVI в., однако ногайские крупные улусы во главе с князьями – мурзами, потомками знаменитого золотоордынского эмира Эдиге (Идегея), ещё долго играли заметную роль в военно-политической жизни на юге России.

Малая Ногайская Орда (Казыев улус) в степях Северного Кавказа стала надёжной опорой и верным воинством крымских ханов на восточных рубежах. Девлет-Гирей I писал, что «были у него первые люди Касаевы; только на Казые царского имени не было, а каменная стена была Крымскому юрту и Азову» [Цит. по: Орак-эли... 2015, с. 30]. Крымских татар и ногайцев объединяли тюркский язык, ислам, общность истории и культуры. Элита народов была тесно сплочена аталыческими и родственными связями.

Ханы Гирей как вассалы могущественной Османской империи пользовались её покровительством и защитой от внешних врагов, пока в конце XVII в. Россия не начала активную военную экспансию в южном направлении. Царский дом Романовых привлёк на свою сторону воинственных кочевников – калмыков, монголоязычный народ, вытеснивший Большую ногайскую орду с левобережья Волги в степи Предкавказья. Калмыцкие ханы удержали в зависимости большеордынских ногайцев – едисанцев и джембойлукцев, но и они, воспользовавшись калмыцкими междоусобиями и началом военных действий в Приазовье между Россией и Турцией, в 1696 г. массово мигрировали в пределы Крымского ханства, «обще поддались хану крымскому» и вместе с татарами выступили на стороне турок в Северном Причерноморье [Бутков, 2001, с. 41].

В предкавказских степях российские калмыки и татарские ногайцы вольно кочевали, остерегаясь только друг друга и служа по-

граничным воинством для своих почти формальных сюзеренов. Русское правительство через калмыков требовало возвращения ногайцев, а османское правительство через крымских татар привлекало их на свою сторону. Фактически Предкавказье представляло собой «буферные» земли или, как предпочитают писать некоторые современные историки, «фронтир» между двумя империями. Российская сторона начала настаивать на учреждении «линейных» межгосударственных границ с Османской империей, а значит, и с Крымским ханством со взаимными обязательствами удерживать подвластные народы от нарушения границы в мирное время. Разграничение земель между империями в Приазовье вынуждало кочевников строго соблюдать своё подданство, оставить самовольные перемещения через границы и отказаться от традиционных набегов в чужие пределы.

Калмыки и ногайцы становились заложниками границы, препятствовавшей прежде всего необходимым при их обширном скотоводстве сезонным перекочевкам. В то же время границы ни в коей мере не сдерживали неуклонного продвижения самой России, сопровождавшейся занятием степных просторов поселениями и крепостями, расселением русского населения. Степняки, теряя привольные кочевья и лишённые стабильности для мирного труда, пытались восполнить свои материальные потери набегами и уводом полона для продажи на невольничьих рынках. Ногайские орды служили Крыму «каменной стеной» за воинскую добычу, так же как и калмыки – России, поэтому и для хана, и для царя они всегда оставались неизменным орудием для военных походов, но в мирное время их самовольные набеги давали поводы России и Турции к взаимным обвинениям во вторжениях в свои земли.

При этом граница почти не несла основной своей функции – оборонительной, а служила только плацдармом для дальнейшего продвижения имперских войск и, по сути, становилась одним из эффективных ходов в Большой игре могущественных держав, преследовавших собственные геополитические цели, жертвой которых неминуемо должно было стать Крымское ханство. Крымские ханы отвечали перед Блистательной Портой (правительством Османской империи) за набеги кубанцев в российские пределы, но возможностью полностью остановить их не обладали, да и не очень, видимо, старались, так как набеги степняков были не про-

сто «традиционными грабежами», но попыткой остановить русскую колонизацию.

Формально обозначенные границы являлись временными рубежами России. Важнее представлялось подданство местного народа, особенно кочевого. Очень «удобно»: где кочует российский народ – там российская земля, где крымский – там татарская. Кубанская орда, бывший Казыев улус, традиционно выступая в качестве буфера, отделявшего Крым от Калмыцкого ханства, управлялась крымскими ханами слабо, впрочем, так же как и Калмыцкая орда – русским царём. Но и те и другие использовали военные силы степняков в своих войнах, исправно обещая в награду именно неприятельский полон и добычу.

В Крымском ханстве для военного и административного управления многочисленными ногайцами, расселившимися в степях между низовьями Дона, Днепра, Дуная, Днестра, Южного Буга, а также в Кубанской орде, существовал институт сераскиров как главнокомандующих военными силами. Назначались они исключительно из рода Гиреев и занимали в крымской правительственной иерархии место после калги, нурадина и ор-бея. Сераскиры собирали войска в своих ордах в случае необходимости Крыму или Османской империи, взымали дань, осуществляли судопроизводство и охраняли границы ханства [Алиева, 2010, с. 54].

Так, в начале XVIII в. хан Девлет-Гирей II назначил своего старшего сына Бахты-Гирея сераскиром, а затем калгой в Кубанскую орду, и его резиденция Копыл находилась в устье Кубани [Сень, Грибовский, 2015, с. 639, 641]. В разросшейся династии крымских Гиреев далеко не все «принцы крови» имели шанс занять ханский престол или получить место в правительстве, поэтому часть из них навсегда укоренялась на Кавказе, в обществах своих аталыков, где воспитывались с малолетства по обычаю тюркской знати. Однако у Бахты-Гирея были все шансы занять крымский престол, и он, скорее всего, не предполагал, что навсегда свяжет свою судьбу с Кавказом и оттуда будет грозить России. Отважный и решительный характер основателя ногайской династии Гиреев сложился на примерах героических подвигов деда и отца, которым он был свидетелем и участником.

Дед Бахты-Гирея хан Селим-Гирей I разбил во время русско-турецкой войны (1686–1700) у Перекопа 200-тысячную русскую

армию боярина Голицина, прибывшего из Москвы для завоевания Крыма. Тогда, несмотря на доблестную победу крымских татар, Османская империя проиграла войну против «Священной лиги» (Австрия, Венеция, Польша, Россия) и заключила в 1700 г. Константинопольский мир с Россией, в которой уже воцарился Пётр I. Сдача ему крепости Азова стала первой территориальной потерей Османской империи, и турецкий султан, боясь потерять и Крым, решил укреплять свои границы, а не расширять их. Русский царь, напротив, начал двадцатилетнюю Северную войну со шведами, приобретая всё новые территории.

Отец Бахты-Гирея хан Девлет-Гирей II не смирился с фактом, что «московиты» постепенно занимают татарские земли и отказываются платить дань, окончательно отменённую по условиям Константинопольского мира. Османская империя, подписавшая этот договор, запретила хану вступать в войну с Россией, пока она не угрожала безопасности самого Крыма. В 1708 г. антироссийского хана султан сменил на Каплан-Гирея, но в том же году сместил его за приём на Кубани бежавших от русского царя 8 тысяч казаков-некрасовцев с Дона [Смирнов, 1889, с. 12]. Тогда Девлет-Гирей II последний раз занял крымский престол. 1 июня 1709 г. русскую миссию от Петра I, прибывшую к хану под предлогом возвращения казаков-некрасовцев, в Перекопе встречал и сопровождал до столицы Крыма Бахчисарая калга Бахты-Гирей. Посланцы Петра I пытались подкупить хана, чтобы он воздержался от союза со шведами против России, обещая никогда не нарушать мирных договоров. Попытка обеспечить нейтралитет Крыма с помощью взятки провалилась: предложенные ему соболю мехи хан с гневом отверг [Санин, 2010. Эл. ресурс]. Только строжайшее повеление турецкого султана сдержало Девлет-Гирея II от участия в Полтавской битве, но разбитые Петром I шведы нашли пристанище у него в Крыму.

Османская империя упорно настаивала на прекращении татарских военных походов, надеясь, что Российская империя также не будет нарушать утверждённой границы. Однако в ноябре 1710 г. Девлет-Гирей II отправился к султану и убедил его, что русские не остановятся, пока не завоюют Стамбул [Смирнов, 1889, с. 17]. Хан добился возобновления русско-турецкой войны (1710–1713) и выступил на Украину вместе с казаками и остатками шведской армии. В этой успешной экспедиции участвовал со

своим многотысячным войском и его старший сын Бахты-Гирей [Возгрин, 2004. Эл. ресурс].

Когда в январе – феврале 1711 г. армия Петра I направилась в Молдавию, её окружила татарская конница и отрезала пути для доставки снаряжения и провизии. Девлет-Гирей II гордо выступил на военном совете: «Такой сильный и беспощадный враг, как Москва, придя на своих ногах, попала в наши в руки. Это такой удобный случай, когда, если мы того захотим, сможем захватить Россию от одного края до другого, так как я достоверно знаю, что всю силу русской армии составляет это войско. Наша задача сейчас – потрепать русское войско так, чтоб оно не смогло никуда с этого места сдвинуться, а нам дойти до Москвы и довести дело до того, чтобы русский царь был бы назначаемым нашим падишахом» [Халим Гирай-султан, 2008. Эл. ресурс].

Девлет-Гирей II развернул военные действия на Левобережной Украине, а на Правобережье действовал Бахты-Гирей с 30 тысячами татар, в конце мая 1711 г. остановив планируемый поход русского войска Бутурлина на Крым [Санин, 2000. Эл. ресурс]. 7 июля Бахты-Гирей задержал его в районе Полтавы, куда не распространялась российская граница по Изюмской линии. Хан вывел с полуострова почти все имевшиеся у него силы, соединился с войском сына и с конца июня изнурял русскую армию партизанской войной, нанося больший ущерб, чем регулярные сражения. Так поход на Крым провалился, и отвлечь основные силы татар от главного театра военных действий в Молдавии не удалось. Катастрофическое положение русской армии на Пруте, оказавшейся 8–10 июля окруженной превосходящими турецкими и татарскими силами, заставило Петра I искать возможности для мирных переговоров. Голод, дезертирство и опасение быть отрезанными от тыловых баз заставили его спешно отступить. От плена царя спасла только измена подкупленного золотом турецкого паши (военачальника), согласившегося на перемирие.

Этот опыт участия в русско-турецкой войне мог дать Бахты-Гирею ложное представление о слабости Петра I, а ярости против него прибавил неожиданный и сокрушительный удар царских сил по крымским подданным на Северном Кавказе. Пока Кубанская орда во главе с Бахты-Гиреем воевала в Северном Причерноморье, по приказу Петра I войска под командованием астраханского губернатора Апраксина выступили против оставшегося без защиты

населения Кубани. 17 августа 1711 г., соединившись в Азове с 20 тысячами калмыков хана Аюки, они двинулись в низовья Кубани и 26 августа razорили город Копыл. В победной реляции Апраксин сообщал, что убито 11 460 татар, а 21 тысяча взята в плен. Затем он преследовал ногайцев вверх по течению Кубани на протяжении 100 верст, утопив на переправах более 6 тысяч человек. С конца августа до начала сентября войска Апраксина уничтожили более 16 тысяч ногайцев и около 22 тысяч взяли в плен, а в качестве военной добычи захватили 2 тысячи верблюдов, 40 тысяч лошадей, почти 200 тысяч крупного рогатого скота [Грибовский, Сень, 2008, с. 177]. По некоторым сведениям, 6 сентября русские и калмыки разбили подоспевшее войско Бахти-Гирея из 7 тысяч татар и 4 тысяч казаков-некрасовцев, отбив у них 2 тысячи русских пленников [Санин, 2000. Эл. ресурс].

Апраксин ушёл с Кубани только после того, как получил известие о заключении Прутского мира, по которому Пётр I вернул туркам Азов, обязался уничтожить свой Азовский флот, скрыть крепость в Таганроге и «покаялся жизнью» не нападать на Крым. Девлет-Гирей II был в гневе от Прутского мира, отменившего традиционную с золотоордынских времён дань и оставлявшего русские военные силы в Северном Причерноморье в непосредственной близости от Крыма [Санин, 2000. Эл. ресурс]. Он пытался продолжить борьбу, но султан запретил ему осложнять русско-турецкие отношения «воинственным порывами» своих подданных.

Адрианопольский мир 1713 г. завершил русско-турецкую войну, а Девлет-Гирей II, не соглашаясь с уступчивой политикой Турции в ущерб Крыму, поднял мятеж, поэтому султан сместил его с трона и сослал на остров Родос, вновь назначив ханом его врага Каплан-Гирея [Смирнов, 1889, с. 17]. После этого Султан Бахты-Гирей с братьями бежал на Кавказ и «на Кубани салтаном учинился собою», т. е. самовольно объявил себя сераскиром Кубанской орды, и всё Прикубанье оказалось под его властью. Бахты-Гирей «в надежде занять отцовский престол, пошёл производить смуты и волнения в Черкесии», и хан отдал приказ «усмирить» его [Смирнов, 1889, с. 26–27].

Бахты – сокращенное имя от тюркского имени Багатыр или Багатыр, поэтому в некоторых документах кубанский сераскир назван полным именем «Багатыр-Гирей» [Бутков, 2001, с. 83]. За свой некротимый, воинственный характер он получил прозвище «Дэли-

Султан» (тюрк.: «безрассудный Султан»). Пренебрежение волей султана и нарушение русско-турецких договоров, отвага и решимость в военных походах подтвердили его прозвище, которое иногда переводят с татарского языка как «бешенный или шальной султан», хотя больше подходит «безрассудный или бесстрашный». В. Д. Смирнов тоже переводил прозвище «Дэли» по-разному: отчаянный, бешеный, сумасшедший [Смирнов, 1889, с. 33, 47, 225]. Халим-Гирей в своей летописи «Розовый куст ханов» писал, что татары и турки также называли и русского царя Петра I (Дэли Петро), а позже и последнего хана-героя Крым-Гирея [Халим Гирав-султан, 2008, с. 115].

Султан Бахты-Гирей продолжил политику отца, пытаясь самостоятельно противостоять турецко-русским соглашениям и опираясь на военный потенциал Кубанской орды и других народов Северного Кавказа для борьбы против России. Независимый кубанский сераскир Дэли-Солтан остался в истории как последний из Гиреев, совершавший дальние набеги со значительными военными силами в глубь России и уведивший многочисленный полон из Пензы и Казани. С него начинается укоренение на Северном Кавказе ногайской ветви чингизидов Гиреев.

Бахты-Гирей во главе Кубанской орды (1713–1729)

В Предкавказье кубанскому сераскиру Бахты-Гирею противостоял калмыцкий хан Аюка, в 1708 г. победивший в междоусобной борьбе благодаря поддержке астраханского губернатора Апраксина, за что обещал удерживать подвластных ему едисанских и джембойлукских ногайцев от набегов в российские пределы [Грибовский, Сень, 2008]. С помощью того же Аюки-хана против крымского хана восстали кабардинцы и обратились за помощью к русскому царю [Главани, 1974, с. 159]. Французский дипломат Мотре в 1711 г. писал об отношениях Крыма и Кабарды в этот период: «С Черкесией велась война с тех пор, как она отказалась от ежегодной дани рабами и лошадьми, которую прежде давали хану, чтобы поддерживать мирные отношения с татарами и обеспечить себя от их набегов» [АКБИЕА 1974, с. 121].

Сами же кабардинские князья писали Петру I о причинах нападений на них татар и кубанцев: «Мы сбежали от Крыма, отошли и ссорились» [КРО, 1957, с. 21]. Пётр I призвал их прервать связь с

Крымским ханством и обещал военную помощь. Он послал к ним в низовья Терека их родственника, находящегося на российской службе князя Александра Бековича-Черкасского с грамотой от 4 марта 1711 г., в которой предлагал вступить в российское подданство, обещал не только не требовать никаких податей, но и платить князьям «погодное жалованье», как платил Аюке-хану [КРО, 1957, с. 3].

Пётр I, соблазнив калмыцкую и кабардинскую знать щедрым жалованием и богатой добычей в походах, готовил их для войны против Кубанской орды. Позже кабардинские князья будут уверять царя, что в 1711 г. Апраксин их не дождался, но они тоже ходили со своей стороны с царским посланником Бековичем-Черкасским на Кубань, «били боем и рубили саблями» 15-тысячное войско, а если бы Апраксин объединился с ними, то «ни один татарин на Кубани не остался», а все народы от Чёрного моря до Терека «поддались» бы русскому царю. Теперь же они боялись мести Бахты-Гирея и просили помощи и жалования [КРО, 1957, с. 10].

Боялись мести Бахты-Гирея и калмыки, являвшиеся в 1711 г. главной ударной силой в войске Апраксина. Тогда при переправе ногайцев через Кубань в горы, «где над ними поисков чинить невозможно», именно калмыцкие войска, получив «волю» преследовать, «сколько их, Кубанцев, найти могли, всех перерубили, а жён и детей их многих тысячи побрали в полон, а лошадей и скота их отогнали весьма великое множество» [Бакунин, 1939, с. 202]. Перед Бахты-Гиреем стояла сложная задача – восстановить любым способом былую мощь Кубанской орды. Чтобы восполнить численность ногайцев и материальный ущерб, нанесённый войсками Апраксина, он предпринимал воинские походы на обширные территории от Кабарды до Астрахани. Однако после Прутского мира нарушения русско-турецкой границы запрещались, и попытки вернуть угнанных ногайцев и компенсировать потерю скота рассматривались исключительно как «грабежи порубежья». Это мог делать лидер неофициальный, не подчинявшийся ни крымскому хану, ни османскому султану, такой как опальный Бахты-Гирей.

В начале 1715 г. Бахты-Гирей во главе Кубанской орды отправился на Волгу против Аюки-хана [Бутков, 2001, с. 41]. Разгромив калмыков, он вывел на Кубань 10 300 кибиток едисанцев и джембойлукцев, 1 220 кибиток юртовских татар, а также других ногайцев с низовий Волги. Кубанская орда увеличилась более чем на 60 ты-

сяч человек [Грибовский, Сень, 2008, с. 178]. Аюка-хан бежал в Астрахань под защиту русских властей, однако они не оказали ему помощи, а к Бахты-Гирею отправили своего посланника в сопровождении других калмыцких владельцев для переговоров о мире.

Примечательно, что в Астрахани Аюка-хан прятался от Бахты-Гирея в полках капитана Александра Бековича-Черкасского, собранных для похода в Среднюю Азию. Однако кабардинский князь, племянница которого была одной из жён Аюки-хана, отказался тогда выступить против кубанцев, и этого калмыцкий хан ему не простил. Он дал отставку жене Абухане, предупредил хивинцев о предстоящем походе против них Бековича-Черкасского и решил примириться с Бахты-Гиреем.

Крымский хан реагировал по-другому: послал против Бахты-Гирея многочисленное войско и перевёл часть едисанцев и джембойлукцев в Крым и на Днепр, тем самым ослабив его военные силы. В ответ Бахты-Гирей заключил военный союз с Аюкой, и тот прислал зимой 1717 г. на Кубань сына Чакдорджапа с войском громить кипчакских ногайцев за верность крымскому хану. Бахты-Гирей за эту помощь вернул ему оставшуюся часть едисанцев и джембойлукцев, согласно соглашению с Аюкой. Российские власти, встревоженные союзом Кубанской и Калмыцкой орд, старались разрушить его с помощью кабардинских князей. Однако те не смогли уговорить Чакдорджапа напасть на Бахты-Гирея, а сами без калмыков на это не решились, но предупредили царя о готовящемся набеге Бахты-Гирея в столицу донских казаков Черкасск [КРО, 1957, с. 17].

Летом 1717 г. Бахты-Гирей со своими братьями собрал мощные силы для набег на Воронежскую, Казанскую и Нижегородскую губернии и повёл 15-тысячное войско из ногайцев, калмыков и казаков-некрасовцев по российским землям. Губернские власти в панике докладывали Петру I, что они «села и деревни жгут и разоряют, а людей бьют и в полон берут» [Грибовский, Сень, 2008, с. 180]. Обрато Бахты-Гирей шёл по калмыцким кочевьям, но Аюка-хан отказался послать калмыков для его задержания, ответив русским властям, что «якобы без указа того чинить не может», при этом напомнив, что Бекович-Черкасский «при нападении на него, Аюку, кубанских татар стрелять по оным без указа также не осмелился» [Бакунин, 1939, с. 203].

Впрочем, на обратном пути войско Бахты-Гирея перехватили донские казаки с армейскими полками из пограничных мест и от-

били тысячу человек из полона. Пётр I послал царские грамоты на Дон, хваля казаков, но велел иметь «крепкую осторожность» от Бахты-Гирея. За Аюкой же Пётр I поручил следить саратовскому воеводе Бехметеву, получившему в своё ведение калмыцкие дела и посланному специально для организации охраны границы от набегов Бахты-Гирея. В 1717 г. правительство начало строить на Царицынской линии (на самом коротком расстоянии в 60 вёрст от Дона до Волги) форпосты, крепости, станицы. Поселённые здесь казаки составили Волжское казачье войско.

Русские запомнили Бахты-Гирея так же хорошо, как кубанцы Апраксина. В 1736 г. вице-канцлер Остерман в письме к великому визирю Османской империи писал, что этот набег России «на миллионы убытку приключил». Пленников, захваченных в набегах, Бахты-Гирей продавал янычарам в турецкой крепости Азов, несмотря на запрет анапского паши, страшившегося гнева султана [Смирнов, 1889, с. 27]. Поэтому в Порту специально был послан русский посол с жалобой на Бахты-Гирея, производившего «опустошительные набеги на русские окраины вопреки существующему между Россиею и Портою мирному трактату» [Смирнов, 1889, с. 33]. Несмотря на то что турецкие и крымские власти дистанцировались от Султана-«мятежника», Петр I предъявил Османской империи протест и потребовал «надлежащей сатисфакции» за разорение и гибель русских людей при вторжении в его земли «кубанского Бахти-Гирея Дели-Салтана».

Однако Блистательная Порта не меньше опасалась самоуправства Бахты-Гирея и поручила назначенному в 1717 г. новому хану Саадет-Гирею «положить конец своевольным действиям» кубанского сераскира. Видимо, тогда же повеление следить за ним получил азовский паша, предупредивший казаков о подготовке очередного набега. По сведениям паши, Бахты-Гирей велел беречь лошадей, не распускать татар, призывал к себе некрасовцев, темиргоевцев, бесленеевцев и готовил пушки в зимний поход под Черкасск «для разорения» [Грибовский, Сень, 2008, с. 182]. Бахты-Гирей призывал в поход и кабардинских князей, но они отказались и, боясь за это наказания, просили срочной военной помощи у России, уверяя царя в своей верности. Так, Асланбек Кайтукин и другие князья, известив русских о готовящемся набеге, просили защиты, а пока, как они писали, «их, салтанов, маним и льстим» [КРО, 1957, с. 16].

Хотя Пётр I приказал принять меры к обороне, Бахты-Гирею удалось совершить очередной громкий набег с 10-тысячным войском: 25 января 1718 г. возле Черкаска он разбил казаков и юртовых калмыков, затем напал на Харьковский и Изюмские полки и дошёл до Казанской губернии [Бутков, 2001, с. 286]. Донцы отстояли Черкасск, отстреливаясь из пушек, но кубанцы все же сильно пограбили окрестности. Крымский хан в письме на Дон от 13 марта 1718 г. отрешивался от Бахты-Гирея, «который изменил ему и султану и самовольно чинит набеги», и сообщил о том, что приказал своим подданным захваченную во время набега добычу возвратить казакам [Грибовский, Сень, 2008, с. 183].

В это же время Пётр I послал кабардинским князьям «жалования, соболей и иной мягкой рухляди» и поручил поймать опасного сераскира. Зная, что Бахты-Гирей действует против воли хана и султана, российские власти надеялись, что через некоторое время он «с Кубани выбит будет, а в Крым не поедет», и тогда кабардинцы смогут его поймать с помощью родственных им темиргоевцев и бесленеевцев, живших в Закубанье во власти крымского хана [КРО, 1957, с. 19].

Благодаря обустройству Царицынской линии на своих южных рубежах в 1718–1720 гг. Пётр I усилил контроль над калмыками. Хан Аюка понимал, что гарантией привольной жизни в приволжских степях являлось только российское подданство, а не зыбкие планы на независимость с помощью кубанского сераскира. Примечательно, однако, что Пётр I предпринял попытку решить проблему мирным способом и привлечь Бахты-Гирея на свою сторону, допуская мысль о возможности его перехода в российское подданство. Исследователи Грибовский и Сень обратили на это внимание: «Обер-коменданту Астрахани был послан указ, предусматривавший в случае, если Дели-султан пожелает быть под рукой Петра I и кочевать близ Астрахани, то с ним следует ласково обходиться» [Грибовский, Сень, 2008, с. 180].

Не только воинские и лидерские качества Бахты-Гирея, но и его происхождение от Чингизхана могли обеспечить ему блестящее будущее в Российской империи, а Кубанская орда, возможно, избежала бы чудовищных потрясений, которые ещё долго будут её преследовать. Однако для гордого Бахты-Гирея это было неприемлемо, ведь не прошло и десяти лет, как он лично встречал в Крыму русских посланцев с данью для его отца Девлет-Гирея II.

По приказу Порты в мае 1718 г. войска хана Саадет-Гирея разбили в Тамани 3-тысячный отряд Бахты-Гирея и вынудили его скрыться на Верхней Кубани. После этого распространился слух, что татары намерены всю Кубанскую орду переселить в Крым. Бахты-Гирей между тем стал готовить поход в Большую Кабарду, где князья склонились на сторону России, рассчитывая на её военную мощь. Главный кабардинский князь Асланбек Кайтукин и другие писали царю, что они в большой опасности от Крыма, откуда на них идёт татарское войско, соединённое с ногайцами и другими кубанцами, для взятия полона: «А нам, подданным вашим, беспомощным рабам, что сделается, не ведаем, и сопротивляться им не можем» [КРО, 1957, с. 21]. В начале 1719 г. Пётр I передал им через их посла, что они получают от него ещё больше милости и жалованья, если смогут Бахты-Гирея «поймать и в руки его царскому величеству отдать, и покажут в том к его величеству свою верность». Так, оказание военной помощи и покровительство русского царя кабардинцам прямо было поставлено в зависимость от их усердия против Бахты-Гирея. При этом Пётр I, похоже, желал получить его в свои руки живым.

В начале 1720 г. в Кабарду отправился сам крымский хан с войском для сбора дани. Турецкий султан, видимо, чтобы отвлечь татар от набегов в российские пределы, разрешил хану набег на черкесов и уполномочил «ведать все дела черкесские по своему усмотрению» [Смирнов, 1889, с. 33]. Хан «амнистировал» Бахты-Гирея, поставил во главе войска и поручил собрать с кабардинцев обычную дань «айыблык» – с каждого двора по ясырю (рабу). Князья Атажукины повиновались хану, а Кайтукины укрылись в предгорьях Кашка-тау у балкарцев, молили о помощи Петра I и в отчаянии писали ему, что «в здешних странах от всех неприятельское на себя нападение претерпеваем» [КРО, 1957, с. 23–24]. Жалуясь, что хан требует от них ясырей и переселения на Кубань, Кайтукин просил царя прислать казаков и калмыков [КРО, 1957, с. 25].

В конце года хан повторил поход в Большую Кабарду, и опять с ним шёл Бахты-Гирей во главе Кубанской орды, но тут подоспел отряд астраханского губернатора А. П. Волынского, и «татары ввиду этого возвратились без успеха» [Гугов, 1999, с. 441]. В 1721 г. Волынский при посредничестве калмыков собрал на Тереке и примирил баксанскую и кашкатавскую партии Большой Кабарды, а с владельцев «взял формальные присяги» [Бакунин, 1939, с. 204].

Чтобы в дальнейшем своевременно получать военную помощь и жалование, кабардинские князья обратились с просьбой построить русскую крепость вблизи их жилищ в местности Бештамак у впадения Малки в Терек [КРО, 1957, с. 29]. Царь, опасаясь осложнения дипломатических отношений с Турцией, не стал этого делать, но предложил кабардинцам переселиться на российскую сторону Терека. Кайтукин же продолжал просить царя о военной помощи: «Припадая к ногам вашим и лобзая подножную землю вашу, все-нижайше молим, ежели Ваше величество изволите нас оберегать и иметь под высокою своею протекциею, то повелите донским казакам своим указом, когда нам потребно будет, войска к нам прислать, чтоб нам не бедствовать» [КРО, 1957, с. 34–36].

Когда в 1722 г. Пётр I предпринял известный Персидский поход и прибыл в Дагестан, Кайтукин уже три года находился в Кашка-тау в осаде «от татарских народов, уже весьма в великих нуждах пребывая». Вместе с другими князьями он обратился к царю, но не получил ожидаемой благосклонности Петра I, поддержавшего Атажукинскую партию [КРО, 1957, с. 37–38]. Не получив ответа и на последнюю свою просьбу «не отдавать Кабарду Крыму», видимо, из-за повеления царя переселить кабардинцев к русской крепости Терки, Кайтукин предпочёл помириться с кубанским сераскиром Бахты-Гиреем и скрепил союз, выдав за него свою дочь. При помощи тестя Кайтукин вывел из Кабарды абазин-алтыкесексов. Атажукины тогда жаловались русским властям, что крымско-кубанские войска «абазинский народ от кабардинцев силой взяли и перевезли за Кубань» [КРО, 1957, с. 59].

Усиленный новыми данниками и воинами, Бахты-Гирей снова представлял реальную угрозу пошатнувшемуся влиянию Крыма в Кабарде и на Кубани, поэтому хан Саадет-Гирей, вернувшись после почти двухлетнего пребывания в Кабарде в Крым, назначил официальным сераскиром Кубанской орды своего сына Салих-Гирея, поручив ему выжить Бахты-Гирея с Кавказа и «водворить в Румелийской области», на Балканах, но ему это сделать не удалось [Смирнов, 1889, с. 34]. Салих-Гирей, видимо, рассчитывал на кабардинцев, так как Асланбек Кайтукин объявил себя его аталыком.

Главани писал, что Кайтукин получал от русского царя 10 тысяч рублей в год для войны против татар, но, не получив военной помощи, «вступил через посредство своего воспитанника в сноше-

ния с ханом и получил от него прощение и обещание покровительства» [Главани, 1974, с. 159]. В конце 1723 г. Салих-Гирей привёз Кайтукина и ещё 20 знатных мурз в Крым к отцу. Они приняли присягу на верность хану и обязались дать ему 5 001 человека «рабов и рабынь в вознаграждение за татар, убитых в продолжение войн». Число рабов, конечно, невероятное. Возможно, здесь имелась в виду численность всех абазин-алтыкесеков, поселившихся на кубанской стороне Крымского ханства.

А в Калмыкии после смерти хана Аюки в 1724 г. разразились междоусобицы, и, воспользовавшись временным безвластием, уведённые туда ногайцы бежали «в крымское подданство», но реально попали под власть Бахты-Гирея [Бутков, 2001, с. 41]. Появились у него и новые союзники – калмыки, так как кроме 12 тысяч едисанцев и 3 тысяч джембойлукцев с российской стороны бежали на Кубань также некоторые «калмыцкие феодалы, виновные в смуте» [Приймак, 2009, с. 95]. Дело в том, что внук Аюки-хана Дондук-Омбо из-за раннего вскрытия Волги не успел перейти со своим улусом на левый берег по льду, а оставаться «летовать» на правом берегу опасался кубанских татар и ногайцев, поэтому сначала даже просился перекочевать внутрь Царицынской линии [Бакунин, 1939, с. 211]. Однако затем он «отрёкся» от этого плана, опасаясь русских, поддержавших в калмыцких междоусобицах других наследников Аюки-хана, и предпочёл заключить союз с Бахты-Гиреем.

Бахты-Гирей мог теперь вести борьбу за власть на Кубани и за её пределами с помощью калмыков, «среди которых пользовался авторитетом и репутацией удачливого военного предводителя» [Сень, Грибовский, 2015, с. 643]. После совместных набегов на османские владения в Азове, ногайцы и калмыки укрывались в российских владениях в Поволжье. В Стамбуле турецкое правительство выразило российскому посланнику по этому поводу своё недовольство, «особенно негодовали турки из-за союза калмыков с Бахты-Гиреем». Узнав, что Бахты-Гирей собрал значительное войско, осенью Кайтукин звал его в поход на Кабарду, обещая за помощь в междоусобицах с каждого двора по два ясыря. Поход был удачным, и Атажукины тогда жаловались Петру I, что Бахты-Гирей с калмыками отогнал у них 1 000 лошадей.

Крымский хан и турецкий султан не прочь были воспользоваться военными силами Бахты-Гирея в случае разрыва мира с

Россией, чтобы он «с Кубанскою ордою всемерно с Российскими подданными возымел войну». Однако в период мирных отношений с Российской империей усиление независимого Бахты-Гирея приводило к нежелательным политическим осложнениям, поэтому бежавших к нему из Калмыкии ногайцев решили ему не оставлять. Хан направил на Кубань 5-тысячное войско и переселил в Крым весь «кипчакский эль» и около тысячи эдисанцев, а почти 10 тысяч кибиток ногайцев откочевали к турецкой крепости Азов. Напрасно Бахты-Гирей уговаривал их вернуться на Кубань, «обнадеживая их, что он им никакого зла не учинит», осенью 1724 г. у него осталось только 7 тысяч ногайских семей.

Крымский хан написал киевскому генерал-губернатору, что если Бахты-Гирей появится в российских границах «поймать и убить» его» [КРО, 1957, с. 172]. Поэтому неудивительно, что Бахты-Гирей повёл Кубанскую орду в Крым и поддержал мятеж крымских мурз против вероломного хана, возможно, рассчитывая занять его место. Однако турецкий султан назначил новым ханом Менгли-Гирея II, а Бахты-Гирей был вынужден опять бежать на Кубань.

Кубанский сераскир «побратался» с Дондук-Омбо, перешедшим к нему с частью калмыков и собиравшим силы для борьбы за власть в Калмыцком ханстве. Объединение двух самых воинственных, но опальных лидеров могло серьёзно подорвать все договоренности Российской и Османской империи по разделу сфер влияния в регионе по Константинопольскому мирному трактату 1724 г. Во второй половине 1725 г. крымский хан выступил на Кубань, чтобы выполнить приказ турецкого правительства, договорившегося с российской стороной об уничтожении Бахты-Гирея за «бунт против Оттоманской Порты», но тому и на этот раз удалось ускользнуть.

Следующая характеристика хана не исключает его роковой роли в судьбе Бахты-Гирея, приходившегося ему племянником: «Менгли-Гирей прикинулся ласковым к своим противникам и равнодушным к людям, к которым в душе был расположен. Несколько месяцев он не предпринимал никаких действий, но зорко присматривался к окружающим. Затем, воспользовавшись персидским походом, он отправил с войском самых беспокойных из мурз и попытался захватить их оставшихся товарищей. Правда, большинству смутьянов удалось бежать, но в целом успех оказался на стороне хана. Прежнее безначалие прекратилось, и водворился неко-

торый порядок. Благодаря этому Менгли-Гирею удалось вскоре вернуть под свою руку непокорных ногайцев, которые уже много лет исполняли только те указы хана, которые им нравились» [Рыжов, 2004. Эл. ресурс]. Понятно, что предводитель «непокорных ногайцев» Бахты-Гирей вполне мог стать очередной жертвой интриг Менгли-Гирея, который получил от Порты прямое указание ликвидировать мятежника и «исполнил это поручение с успехом» [Смирнов, 1889, с. 46]. Правда, ему понадобилось для этого три года.

Летом 1726 г. Бахты-Гирей и Дондук-Омбо со своими силами напали на Азов и увели оттуда беглых ногайцев на российскую сторону, на Волгу. В марте 1727 г. нурадин Салаат-Гирей выступил в поход против калмыков, который в итоге провалился, но его предложение о мире Бахты-Гирей принял и даже взял на себя обязательства по охране границы от набегов, заручившись поддержкой калмыков. Однако по требованию Порты русские запретили калмыкам поддерживать Бахты-Гирея. Отметим, что ради стабильности и создания надёжного пророссийского плацдарма в регионе Бахты-Гирей снова рассматривался как потенциальный союзник. Так, летом 1727 г. правительство поручило подполковнику Беклемишеву, затем полковнику Бахметеву склонить его к союзу с Россией, обещая военную помощь в борьбе за крымский престол, и только в случае отказа найти способ лишить его жизни.

В конце года распространились слухи о совместном нападении русских и турок на калмыков, и Бахты-Гирей привёл часть калмыков на Кубань для соединения с верными ему ногайцами. Это был его последний удачный поход. Калмыки помогли ему утвердиться вновь сераскиром на Кубани и изгнать Салаат-Гирея к черкесам. В этот момент крымский хан вдруг предложил Бахты-Гирею мир, хотя был уверен, что калмыки готовы оказать ему помощь в завоевании крымского трона. Возможно, главной целью деятельности Бахты-Гирея было формирование на Северном Кавказе объединённых военных сил для овладения «отцовским троном» [Смирнов, 1889, с. 46], возможно, создание на Кубани «некого протогосударственного образования из ногайцев, калмыков и западных адыгов» [Приймак, 2009, с. 97]. В любом случае тезис о покровительстве Бахты-Гирею со стороны Османской империи, якобы желавшей «руками кубанских ногайцев и калмыков расширить сферу своего влияния в регионе, избежав прямого столкнове-

ния с Россией», ничем не подтверждён. Кроме надежды, что Бахты-Гирей присоединиться к турецким войскам во время войны, Порты не показала своей заинтересованности в нём, тем более после мятежа в Крыму. Поэтому, скорее всего, крымский царевич Бахты-Гирей, предки которого назначались на трон исключительно по воле турецкого султана, лелеял в душе надежду на прощение и поддержку с его стороны.

Однако в 1728 г. именно османские войска нанесли самый чувствительный удар по могуществу Бахты-Гирея, переселив с Кубани значительную часть едисанцев и джембойлукцев за Днепр, чтобы калмыки их «не взяли к себе по-прежнему на Волгу» [Бутков, 2001, с. 42]. Этот турецкий десант на Кубани встревожил русских, подозревавших не без оснований, что Бахты-Гирей являлся для турок удобным поводом к походу через Северный Кавказ в Персию, где территориальные приобретения России после смерти Петра I оказались под угрозой. Верховному визирю Ибрагим-паше пришлось успокаивать российского резидента в Стамбуле, что войска посланы на Кубань для усмирения Бахты-Гирея «с его партизанами», а с Россией султан твёрдо намерен сохранять вечный мир, так как «Порта пространные области имеет и не желает больше распространяться» [Бутков, 2001, с. 107]. Чтобы отвести от себя всякие подозрения в экспансии, турецкое правительство предупредило, что любой, кто нарушит русские границы, будет убит. Так Порты «приговорила» Бахты-Гирея, а крымский хан нашёл исполнителей приговора в Кабарде.

Бахты-Гирей вынужден был вернуться из Калмыкии на Кубань после того, как турецкий султан потребовал от российской стороны поймать или убить его в своих границах. Калмыцкое войско сопровождало Бахты-Гирея до Копыла в низовьях Кубани, где нурадин Салаат-Гирей неожиданно заключил с ним договор «одному против другого не воевать» и убедил отпустить войско на Волгу. Бахты-Гирей оставил при себе всего 1 000 калмыков. После этого крымский хан официально признал его главой Кубанской орды, а весной 1729 г. отправил во главе войска в Кабарду за данью. Сопровождал его Асланбек Кайтукин, специально для этого вернувшийся с Крыма, где прожил два года у хана [КРО, 1957, с. 61–63]. Похоже, хан тщательно готовил Бахты-Гирею смертельную ловушку, и живым из Кабарды он уже не вернулся.

Примечательно, что кабардинскому посланнику М. Атажукину в Санкт-Петербурге в 1732 г. был задан вопрос: зачем находившийся

во враждебных отношениях с ханом Бахты-Гирей пошёл в Кабарду и как его там убили? Атажукин ответил, что хан помирился с Бахты-Гиреем, прислал ему войско и велел вместе с Кайтукиным переселить кабардинцев в Крым. Однако в Кабарде татар уже ждали и войско их разбили, а Бахты-Гирея «саблями до смерти изрубили». В бою был убит также его брат, и «с тех пор над кабардинцами нависла месть за кровь двух султанов» [Карданов, 2001, с. 374]. Так «избавились черкесы от постыдной дани, которую обязаны были ежегодно платить крымскому хану мальчиками и девочками» [Гугов, 1999, с. 441].

Известие о гибели Бахты-Гирея вызвало бурную реакцию в правительствах России, Турции и Крымского ханства. Если для них это был долгожданный уход лишнего игрока, мешавшего совместному конструированию границ на Северном Кавказе, то ногайцы и калмыки потеряли своего легендарного вождя, дававшего им уверенность в своих силах и смутную надежду на независимость.

Крымские ханы, избавившиеся от мятежника, тем не менее не отступились от обычая кровной мести: так, в 1731 г. Каплан-Гирей, в третий раз ставший ханом, решил напасть на Кабарду, отомстить за племянников и вернуть ногайцев, ушедших туда после смерти Бахты-Гирея в количестве 2 000 казанов (или семей) из-за планов предыдущего хана переселить их в Крым. За этой частью ногайцев Кубанской орды закрепилось название «солтан-ульцы», т. е. аул Султана. М. Атажукин докладывал в Петербурге, что они существенно пополнили силы Кабарды: в Большой Кабарде войско состояло из 10 000 человек, из них половина пехота, а ногайцы выставили 7 000 всадников. В Малой Кабарде было всего 700 всадников [КРО, 1957, с. 60]. Цифры, конечно, сомнительны, но важно указание на преобладание ногайской конницы, представлявшей довольно значительный военный ресурс.

Итак, в октябре 1731 г. татарское войско направилось в Кабарду под предлогом мести за Бахты-Гирея, хотя, как сообщали «Санкт-Петербургские ведомости», он был убит по приказу Порты за «непослушание и дерзновение, а особливо за учинённые против России до нарушения мирных трактатов касающиеся преступления и бесчестия». Поэтому турецкий султан запретил крымскому хану поход в Кабарду, находившуюся уже несколько лет «под протекцией Российского государства» [Бутков, 2001, с. 109–111]. Впрочем, кабардинские князья получали приказ об устранении

Бахты-Гирея и от России, неудивительно, что именно её войска в 1731 г. взяли под защиту Кабарду, встретили и разбили татарское войско на Тереке.

После этого кабардинские князья просили у России постоянной военной помощи, но предупреждали, что войска «на своём провианте содержать не могут», а для российской стороны дальние походы калмыков и донских казаков из Астрахани в Кабарду тоже приносили «казне убыток» [КРО, 1957, с. 70]. Так назревала обоюдная заинтересованность в строительстве русской крепости с военным контингентом вблизи Кабарды. Пока же российская сторона могла подать помощь только силами кочующих там калмыков. В 1732 г. калмыцкий хан Дондук-Даша пытался увести с собой из Кабарды солтанаульцев, видимо, в качестве военной добычи за помощь против татар. В это время к нему заехал возвращавшийся из Петербурга М. Атажукин и, «взяв руку его, наместникову, при бригадире Кольцове и подполковнике Спицыне, поцеловал с ревностным благодарением за обещание им, наместником, в приязни и доброжелательстве их содержать» [КРО, 1957, с. 118]. Солтанаульцы же тогда вернулись на Кубань.

Султан Бахты-Гирей, собиравший под свои знамена самые разные народы, даже будучи изгоем, мятежником, врагом трех правительств, остался в кавказской истории как яркая личность с амбициями истинного чингизида. Его военные походы отражали сопротивление кочевников неотвратимой экспансии и утверждению на их землях «линейных границ» между Россией и Турцией. Историки, исследовавшие деятельность мятежного Султана, пишут: «Совершенно очевидна масштабность тех угроз, которые несла обеим империям деятельность Бахты-Гирея по выстраиванию собственной схемы отношений с кочевыми народами Кубани, Поволжья» [Грибовский, Сень, 2008, с. 190]. Однако мощь империй не оставляла им шанса на самостоятельный политический статус даже во главе с таким героическим лидером, как сераскир Кубанской орды Султан Бахты-Гирей.

Султаны и русско-турецкая война (1735–1739)

В XVIII в. потомки Большой Ногайской Орды, распавшейся на Едисанскую, Джембойлукскую, Едишкульскую и Буджакскую орды, кочевали от степей Предкавказья до Дуная. На восточных границах Крымского ханства потомки Малой орды (Казыева улуса) под общим названием Кубанской орды составляли крымское войско

в особом «бейлике» от Керченского пролива до Кабарды, который исследователь Н. Г. Волкова называла «наместничеством» [Волкова, 1974, с. 85]. Французский консул в Крыму писал, что во владения Крымского ханства входила «вся Черкесия от Еникольского пролива, или Босфора Киммерийского, до Кабарды, где расположена орда Кубанских ногайцев» [Пейсонель, 1990, с. 4]. Условная российская граница пролегла по ногайским кочевьям от устья Дона до крепости Кизляр в устье Терека [Бутков, 2001, с. 60]. На российской стороне от Волги до Кумы кочевали калмыки, кроме них, российскими подданными считались прикаспийские кумыки и караногайцы.

О народах на северных склонах Главного Кавказского хребта, соседях Крымского ханства и Кабарды, российское правительство имело весьма смутное представление. Только в 1743 г. от прибывших в Петербург кабардинских князей Магомета Атажукина, Алдигирея Гиляксанова и кумыкского князя Алиша Хамзина коллегия иностранных дел получила сведения о вольных народах от Чёрного моря до Терека: Большая Абаза (абхазы) и Шапсы (шапсуги) у Чёрного моря, Карачай (карачаевцы) на Верхней Кубани, Соны (сваны) на южном склоне Кавказского хребта, Чегем, Безенги, Хулам, Хусыр, Масар (балкарцы) в верховьях левых притоков Терека, Дюгорь, Сюрдюгор (дигорцы) в верховьях Урюха и других рек напротив Малой Кабарды. Послы сообщили, что эти горские народы «ни у которого государя не в подданстве и никому ими действительно овладеть невозможно за тем, что живут в крепких и непроходимых местах» [РОО, 1976, с. 38]. Самые верхние пограничные укрепления с ногайским населением Крымское ханство устраивало на Кубани у впадения в неё с левой стороны Большого и Малого Зеленчуков, Урупа и Лабы.

Для России важнейшее стратегическое значение имело приобретение Кабарды, занявшей равнинные места между Терекom и Баксаном, однако крымские ханы не желали упускать из рук своих данников. Удерживали их в орбите Крыма с помощью кубанских ногайцев, которыми управляли сыновья бывшего сераскира Бахты-Гирея: Султаны Казы-Гирей, Селим-Гирей, Курган-Гирей, Сахиб-Гирей, Девлет-Гирей, Арслан-Гирей и Саадет-Гирей (Карач-Султан). По примеру отца, они тоже иногда пытались вести самостоятельную политику в регионе, заручившись военной поддержкой калмыцкого хана. Однако накануне новой русско-турецкой

войны российское правительство предприняло меры по недопущению союза калмыков с кубанцами и послало военные силы для защиты Кабарды. Сыновья Бахты-Гирея примирились с крымским ханом и назначались сераскирами на Кубани в различных ногайских этнолокальных обществах.

В 1733 г. Султан Арслан-Гирей, один из сыновей Бахты-Гирея, сопровождал ханского сына с трёхтысячным войском в урочище Калаус к Дондук-Омбо «для сватовства его дочери», но, узнав, что с Дона идут русские для соединения с кабардинцами, они отошли к Куме. Дондук-Омбо отказался от союза с татарами и перешёл на сторону кабардинского князя Бамата Атажукина, скрепив союз браком с его сестрой Джан [Бутков, 2001, с. 111]. Во время русско-турецкой войны (1735–1739) они совместно выступили на стороне России и разорили Кубанскую орду, вынудив ногайцев искать спасение на Верхней Кубани, в верховьях её левых притоков: Урупа, Большого и Малого Зеленчуков, на нейтральной территории вольных карачаевцев.

Так, в апреле 1736 г., в то время, когда русские войска Ласси и Миниха осаждали Крым, на Северо-Западном Кавказе 40 тысяч калмыков перешли Кубань и, загнав ногайцев-наврузовцев в верховья Урупа, взяли штурмом их становище в тесном ущелье, вырезали 6 тысяч человек, а 20 тысяч женщин и детей взяли в плен [Потто, 1994. Т. 1, с. 50]. В низовьях Кубани они разорили до основания укреплённую каменными стенами резиденцию кубанского сераскира Эски Копыл, окружили крепости Темрюк и Ачуев, принудив к бегству татар и ногайцев-джетишкулов во главе с сераскиром Султаном Селим-Гиреем, сыном Бахты-Гирея, после чего сожгли Хан-Тюбе – лучший городок казаков-некрасовцев, отказавшихся возвращаться в Россию. В декабре было уничтожено 30 тысяч татар и 10 тысяч взято в плен, добыча только калмыков, не считая русских, составила 20 тысяч лошадей: «Дундук-Омбо уверял, что давно такой совершенной победы не имел» [Бутков, 2001, с. 55–56].

Затем калмыки, объединившись с кабардинцами, отправились на Верхнюю Кубань за ногайцами, «принадлежащими султан-аульскому роду». 10 тысяч солтанаульцев со своим владельцем Мусой-мурзой пытались скрыться в верховьях Зеленчука, но после 37 дней осады в горном ущелье вынуждены были сдаться [Потто, 1994. Т. 1, с. 50]. В этом совместном набеге Дондук-Омбо и Бамат

Атажукин «Мусу-мурзу и абазинских черкес завоевали» [КРО, 1957, с. 85, 97]. «Абазинских черкес», т. е. абазин-алтыкесеков Атажукин перевел в Кабарду, а солтанаульцев Дондук-Омбо переселил к российской крепости Кизляр.

Позже Екатерина II напишет, что «солтанаульские татары» издревле под названием Малого Ногая кочевали при Волге в подданстве астраханских ханов, а в 1552 г. перешли в российское подданство, но во время бунта Разина в 1670 г. ушли к Тереку, затем в 1696 г. переселились на Кубань и «поддались Ханам Крымским, где и оставались по 1736 год» [ПСЗ, 1830, с. 685]. Силами калмыков солтанаульцы были переведены кочевать между Терекем и Кумой и поступили «по-прежнему» в российское подданство. Однако в 1738 г. 700 кибиток (семейств) бежали обратно на Кубань, а остальных власти хотели разделить по калмыцким улусам. Не состоялось это рассеяние ногайцев благодаря браку сына Мусы-мурзы и дочери Бамата Атажукина, после чего Дондук-Омбо оставил солтанаульцев на Тереке, «поручив» их своему шурину [Бутков, 2001, с. 293–294].

18 сентября 1739 г. война завершилась Белградским миром, утвердившим российскую границу на Северном Кавказе от земель Войска Донского по Калаусу до местности Маджары на Куме (у совр. г. Буденновска в Ставропольском крае) и дальше к крепости Кизляр в низовьях Терека. Итогами этой войны Россия осталась недовольна, так как после жесточайшего разгрома Крыма рассчитывала присоединить ханство к своей империи, чего, однако, не случилось. Кабарда также не стала официально российской, но получила статус вольной, «барьерной» территории между Россией и Крымским ханством.

Население Кабарды в плоскостной части региона из-за отсутствия естественных преград страдало от вторжений и военных действий степных феодалов – крымских ханов, тарковских шамхалов, ногайских биев, калмыцких владетелей. Кабардинцы вынуждены были часто менять местожительство и вести подвижный, по сути, кочевой образ жизни, однако противились воле крымских ханов, желавших переселить их за Кубань. Как утверждала историк Н. Г. Волкова, Закубанье никогда «не было местом постоянных поселений кабардинцев, уходивших в эти места лишь при угрозе нападения и на короткие сроки» [Волкова, 1974, с. 64]. В силу исторических условий в Кабарде не было ни одного признака государственности: ни

оседлого населения, ни чётких границ, ни административно-политического центра [Лайпанов, Хатуев, Шаманов, 2009, с. 65]. Поэтому «нейтральный статус», данный ей могущественными державами, лишь отсрочил её присоединение к одной из них, но оградил от притязаний Крыма.

Больше всех пострадали в ходе этой войны кубанские ногайцы. Калмыцкий хан превратил Кубань, по словам военного историка Потто, «из цветущей страны в обширное кладбище» [Потто, 1994, Т. 1, с. 61]. Императрица Анна Иоановна перед смертью успела отблагодарить Дондук-Омбо за уничтожение военной мощи и людского резерва Кубанской орды «собольей шубой и саблей» [Бутков, 2001, с. 52]. Через год умер и Дондук-Омбо, после чего солтанаульцы по «договору кубанского сераскира», т. е. по договоренности с Султаном Казы-Гиреем, сыном Бахты-Гирея, пославшего им навстречу войска, массово бежали на Кубань [Бутков, 2001, с. 45]. Это первое известное нам упоминание Султана Казы-Гирея, продолжившего династию чингизидов, находящуюся в фокусе нашего внимания.

По примеру своего отца, кубанский сераскир Казы-Гирей предпринял активные военные действия, направленные против рассеяния ногайцев, стараясь собрать их на Кубани. По сведениям Буткова, он не просто «подзывал солтанаульцев из Кабарды на Кубань», но и лично «произвёл движение к Кабарде» [Бутков, 2001, с. 295]. Так, в 1742 г. Казы-Гирей вернул в Кубанскую орду около 6 тысяч семей ногайцев, но ещё 30 их аулов осталось в Кабарде. Оставшиеся же на российской стороне у Кизляра 3 тысячи солтанаульцев были срочно переселены к Астрахани и разделены по калмыцким улусам. Часть из них переселили даже в Казанскую и Оренбургскую губернии в качестве «поселян казенного ведомства» [ПСЗ, 1830, с. 685]. В 1746 г. российские власти потребовали от крымского хана вернуть всех беглецов, но он отказался, утверждая, что ногайцы всегда были подвластными крымских ханов и «со всеми крымцами родство имели» [Бутков, 2001, с. 46].

Российские власти всячески препятствовали концентрации ногайцев на Кубани и пытались удержать их оставшиеся аулы в Кабарде. Для этой цели в 1743 г. туда прибыла российская команда. Примечательно, что тогда же там появился некий «Сеадет-Гирей, или Карач-солтан», которому кабардинцы помогли поймать

и увести четырёх терских казаков, посланных в разведку [КРО, 1957, с. 160]. По сведениям Грибовского и Сеня, Султан Сеадет (Саадет)-Гирей приходился сыном Бахты-Гирею и братом Казы-Гирею [Грибовский, Сень, 2008, с. 189]. Отмечая, что «потомки Бахты-Гирея успешно интегрировались в пространство местных элит», исследователи нашли указания на сераскирство Сеадет-Гирея в 1740-х гг. Очевидно, что Сеадет-Гирей – официальное имя Карач-Султана, который упоминался среди солтанаульцев, с ними же бежал с Терека, жил у наврузовцев за Кубанью и в качестве сераскира требовал от российской стороны вернуть ему оставшихся у калмыков солтанаульцев, угрожая нападениями. Наконец, именно он вывел солтанаульцев из Кабарды на Кубань. К этому персонажу мы ещё вернёмся, а пока запомним имя Карач-Султана.

Итак, большая часть солтанаульцев перешла к устью Кубани и влилась в Кубанскую орду, а «в вершинах же самое малое число их осталось» [Бутков, 2001, с. 48]. Так, в 1747 г. Юсуп Мурзабеков искал в Кабарде угнанных у него лошадей и останавливался у Атажукиных, которые и донесли русским, с его слов, что живёт он с племянниками, детьми Мусы-мурзы, и всего их осталось 100 семейств, а скрылись они на Верхней Кубани, потому что «ногайскую орду стали в Крым перегонять» [КРО, 1957, с. 142]. Непонятно, почему ногайский мурза назван Мурзабековым, но потомки его брата Мусы-мурзы будут носить фамилию Тугановых (Тагановых). Княжеская династия Тугановых имела прочные аталыческие и родственные связи с Султанами. Возможно, вторые имена давали своим воспитанникам Гиреям в аталыческих семьях. Обычай табуирования женщинами имён мужа, его родственников и даже собственных детей с целью отвести от них «злых духов» имел широкое распространение на Северном Кавказе, даже и теперь немало людей у некоторых народов с двумя именами: официальным и «домашним».

Султан Казы-Гирей тоже имел второе имя – Сапелек. Но сначала напомним об Асланбеке Кайтукине, который в 1732 г. вернулся с Кубани в Большую Кабарду, а в 1737 г. даже стал старшим князем [КРО, 1957, с. 154]. В 1742–1743 гг. Бамат Атажукин попытался настроить против него Елизавету I, но получил ответ: «Арсланбек российским интересам противности не чинит». Впрочем, в 1744 г. Кайтукин снова увёл абазин «на Кубань», что означало «крымские владения», поэтому кубанский сераскир Казы-Гирей

потребовал с них дань. В 1745 г. Кайтукин жаловался кизлярскому коменданту, что сераскир требует ясак (дань) с абазин, несмотря на то что те объявили себя «подданными российскими, а ведомства владельца Асланбека Кайтукина». Тем не менее Казы-Гирей отогнал у них лошадей, а кизлярские власти не стали осложнять русско-крымские отношения в мирное время и открыто вмешиваться в дела Кабарды.

В 1746 г. А. Кайтукин умер, а у его сына Хаммырзы поселился Сапелек-Султан, который помог ему вернуться в Кабарду. Так, в 1747 г. среди Султанов, «ханских детей» (хануко), пришедших с войском в Большую Кабарду для истребления рода Касая Атажукина, враждебного Кайтукиным, упоминался «Казы-Гирей или Сапелек-султан Бактыгиреев сын» [КРО, 1957, с. 172]. Видимо, уступив сераскирство в Кубанской орде брату Карач-Султану, Казы-Гирей, как «частное лицо», вторгся с Хаммырзой Кайтукиным в вольную Кабарду для участия в княжеских междоусобицах. В 1749 г. он уже снова упоминается как «за Кубаном Сепелен (Сапелек. – 3. К.) султан» [КРО, 1957, с. 166]. Нет сомнений, что Сапелек – это второе имя Султана Казы-Гирея.

Очевидно, Хаммырза Кайтукин приводил Казы-Гирея в Кабарду, как когда-то Асланбек Кайтукин приводил Бахты-Гирея с целью увести абазин, которых захватили Атажукины и переселили за р. Малку. По жалобе Казы-Гирея в 1748 г. турецкие власти обратились к российскому правительству с претензиями, что кабардинцы (Атажукины) насильно уводят к себе и «причиняют вред турецким подданным», имея в виду абазин [КРО, 1957, с. 138].

Российские же дипломаты в Стамбуле настаивали, что абазинны подвластны кабардинским князьям, и только потому, что обитали «в близком соседстве с подданными турецкими, то некоторым образом находились и под властью у сераскиров кубанских и иногда в войсках их служили» [Бутков, 2001, с. 68]. В Кабарде владельцы утверждали, что абазинский народ издревле «послушен» им, а кубанскому сераскиру они давали по три-четыре лошади только за то, что кочевали на их земле. Когда же они возвращались в Кабарду, то «уже в кубанскую сторону ничего не давали», а кабардинские князья брали у них скот «для пропитания своего».

Российская дипломатия отстояла в Стамбуле интересы кабардинцев, дав им понять, что «они и впредь в таких случаях на милость

монархов российских надеяться могут» [Черкесы... Т. 1. 1996, с. 27–28]. Так, вопрос об абазинах русские решили непосредственно с турецким правительством, имевшим смутное представление об этнических, территориальных, даннических и др. отношениях между северокавказскими народами, за которыми сохранялся собирательный этноним золотоордынского периода – «черкесы». Турецкий султан «в тамошние дела мало тогда интересовался и оставлял в том ханам крымским поступать по их воле», – так напишет позже Екатерина II. Если кабардинские князья успешно пользовались покровительством Российской империи, то кубанские сераскиры такой заинтересованности от Османской империи не видели.

Однако связи сыновей Бахты-Гирея с Крымом укрепились, так как на крымский трон вступил родной брат их отца Арслан-Гирей и в 1748 г. потребовал от кабардинцев возмещения «за кровь» Бахты-Гирея. Готовящийся поход татар в Кабарду предотвратили русские, предъявив 31 декабря 1750 г. ноту Блистательной Порте с жалобой на хана, требующего платы за кровь Бахты-Гирея, убитого тогда, когда сама Турция объявила его «бунтовщиком» и дала об этом знать российскому резиденту в Стамбуле [КРО, 1957, с. 172, 176]. Турецкий султан, не желая портить отношения с Россией, приказал хану не вмешиваться в дела Кабарды и забрать своих малолетних сыновей, воспитывавшихся у Кайтукиных.

В связи с этим сыновья Бахты-Гирея тоже попали в немилость, и хан был вынужден в 1751 г. отстранить Казы-Гирея от сераскирства на Кубани. Султаны Казы-Гирей (Сапелек-Султан) и Сеадет-Гирей (Карач-Султан) стали «турецкими противниками» и сами ушли к Хаммурзе Кайтукину в Кабарду [КРО, 1957, с. 184]. Более того, оттуда Казы-Гирей даже «просил российский двор о принятии его скрытным образом в подданство и о переводе его тайно в Астрахань» [Бутков, 2001, с. 69]. Однако ему в этом было «до времени» отказано, чтобы не портить отношений с Турцией [Бутков, 2001, с. 298]. В 1752 г. кабардинские князья просили разрешения русских властей принять к себе на жительство этих «бывших салтанов» вместе с кочующими при них мурзами с 200 дворами ногойцев [КРО, 1957, с. 179].

В Кабарде Казы-Гирей ждал решения российского правительства о принятии его в подданство, но в 1754 г. его просьбу окончательно отклонили. Елизавета I не рискнула в мирное время осложнять дипломатические осложнения с Османской империей, приняв

к себе не просто подданного Крымского ханства, а известную личность, чингизида, занимавшего в ханстве одну из ключевых должностей и имевшего большое влияние на все пограничные народы. Однако, возможно, тайную связь с Казы-Гиреем через посредство кабардинских князей российские власти установили именно тогда, хотя и не позволили Султанам остаться в Кабарде, так как, укореняясь в среде местных народов, они в какой-то мере удерживали их в сфере влияния Крымского ханства. Например, когда в 1755 г. российские власти попытались переселить в Кабарду бесленеевцев, близкородственных кабардинцам, хан Арслан-Гирей настоял на возвращении своих подданных за Лабу, и вряд ли бы он смог это сделать без помощи живших там Султанов.

В Петербурге уже знали, что народы, не принимавшие у себя Султанов, свободны от власти Гиреев. Так, в 1753 г. коллегия иностранных дел Российской империи подготовила записку об абазинах, по сведениям от кабардинских послов, в которой констатировала: «Там же за рекою Кубаном сверх сих абазинцев и другие некоторые народы в ущельях и горах находятся, которые ему (Крымскому ханству. — З. К.) ни малейше не подданны, как то: Большая Абаза, Шапсо, Харачай и Соны и другие им подобные» [КРО, 1957, с. 188]. Действительно, абхазы, шапсуги, карачаевцы и сваны сохраняли независимость и собственное управление.

В 1758 г. ханом стал Крым-Гирей, самый младший брат Бахты-Гирея [Бутков, 2001, с. 299]. Он активно пытался установить добрососедские отношения с донскими казаками. Так, в 1760 г. хан обещал атаману войска Донского сыскать и вернуть пятерых похищенных человек, посланных им к кубанскому сераскиру в 1759 г., но только в том случае, если они проданы абазинам, а не «карачайским народам» [КРО, 1957, с. 205]. Это подтверждает, что в Карачае не было Султанов, а значит, и никаких «рычагов влияния» на карачаевских князей.

Впрочем, не все Султаны были верны хану. В 1761 г. Крым-Гирей послал войско для взятия дани с темиргоевцев, поручив это сераскиру Багадыр-Гирею. Темиргоевцы отказались платить и вступили в сражение, а сераскир бежал с поля боя, изменил хану и с частью кубанских ногайцев примкнул к мятежу [Черкесы... 1996. Т. 1, с. 18–19]. Хан послал на Кубань дополнительные войска, а донскому атаману сообщил о готовящихся набегах закубанцев во главе с Багадыр-Гиреем, написав, что не будет возражать, если его

поймают и убьют. Тем самым он снимал с себя ответственность за возможные вторжения своих подданных на российскую сторону в мирное время.

Ещё меньше хан мог влиять на ситуацию в Кабарде без участия своих племянников Султанов Казы-Гирея и Сеадет-Гирея. В это время российское правительство оказывало покровительство и всеми мерами предотвращало падение Кабарды, раздираемой борьбой не только между князьями Большой Кабарды (по левобережью Терека) и Малой Кабарды (по правобережью Терека), но и конфликтами в Большой Кабарде Атажукиных и Кайтукиных. В 1761 г. астраханский губернатор Неронов потребовал выслать из Кабарды ханских детей и беглых Султанов, а затем направил в Кабарду войско из двух тысяч калмыков, одной тысячи казаков и регулярной команды с пушками для разделения враждующих партий. Он приказал Атажукиным жить на Баксане, а Кайтукиным – в Кашкатаве, для перемещения в другие места кабардинцы должны были обращаться к российским властям и просить указать им место «для поселения» [КРО 1957, с. 212–213].

Укрепившись под российским покровительством на равнинных местах у выходов из ущелий горных рек, текущих на восток с Главного Кавказского хребта, кабардинские князья оказались во враждебной позиции к независимым горским народам: чеченцам, ингушам, осетинам, балкарцам, карачаевцам, так как препятствовали свободному выпасу их скота на равнине. Так, балкарский князь Мисост Абаев писал в начале XIX в.: «С этим сильным и воинственным племенем пришлось горсти жителей пяти обществ Балкарии вести постоянную борьбу до последних времён. В этой борьбе с почти кочевым народом – Кабардою, оседло живущим веками в горных ущельях балкарцам помогли: сама природа – недоступность гор, сильная привязанность горцев к родине, единодушие, порядок во внутреннем управлении и возможность доставлять из Закавказья жизненные припасы путём мены на скот и шерстяные изделия. Не будь этих условий в связи с постоянными ссорами кабардинских князей между собою, едва ли горцам удалось бы сохранить за собою независимость» [Абаев, 1911, с. 595–596].

Однако у самой Кабарды, получившей вольный статус по Белградскому миру 1739 г., шансов сохранить независимость на открытой равнине не было, поэтому её владетельные князья посто-

янно лавировали в выборе покровительства то крымской, то российской стороны. С восшествием на российский престол Екатерины II такой же выбор неминуемо стал и перед татарской элитой как в Крыму, так и на Кубани. Отметим, что на троне Крымского ханства, начиная с русско-турецкой войны 1735–1739 гг. и до его присоединения к России в 1783 г. побывали три младших брата Бахты-Гирея и четыре племянника, что укрепляло статусные позиции и влияние на Северном Кавказе его сыновей – кубанских Султанов. Тем не менее Султан Казы-Гирей уже нащупывал пути к сближению с Россией, видя её могущество и неизбежное доминирование в судьбе Крымского ханства по сравнению с Османской империей.

Глава II СУЛТАНЫ В НОГАЙСКИХ ОРДАХ

Кубань и Кабарда в русско-турецкой войне (1768–1774)

Во II половине XVIII в. российско-крымское соперничество подошло к своему завершению. Могущество Османской империи клонилось к закату, и её вассалы – крымские ханы Гирей не могли остановить продвижение России к Чёрному морю. Как только в 1762 г. взошла на престол Екатерина II, правительство представило ей план по покорению Крыма, завладев которым можно было держать «под страхом ближние восточные и южные страны» [Возгрин, 1992, с. 258]. Россия стала готовиться к войне с Османской империей за Крым и, соответственно, за крымские владения на Северном Кавказе. Позиция русского правительства относительно пограничной Кабарды выражалась в готовности защищать её от крымского хана, «чтоб сильною рукою не покорил под свою власть кабардинцев, которые по трактату с Портою имеют пребывать вольным народом и служить барьером между обеими державами, и за которых Россия вступить обязана для собственных интересов своих» [О Малой Татарии... 1916, с. 193].

В 1763 г. русские возвели на р. Терек крепость Моздок, поселили там крестившегося малокабардинского князя и усилили военное присутствие в Кабарде. Однако сразу же в крепость стали массово бежать под защиту русских властей и принимать христианство крестьяне и рабы, поэтому владельцы Большой Кабарды, недовольные таким близким соседством, склонились на сторону Крыма. Коллегия иностранных дел России крымское влияние на Северном Кавказе объясняла так: «Одинаковый образ жития и поведений, и один язык, и закон много могут в степных народах при том почтительном мнении, каково у всех у них есть о происхождении фамилий ханов крымских, производящих свой род от славных бывших в великой Татарии завоевателей, о чем некоторым образом знает и самый последний из татар» [Черкесы... 1996. Т. 1, с. 47].

В Большой Кабарде главными владельцами стали сыновья российского сторонника Бамата Атажукина Темрюк, Дударука и Мисост. В 1763 г. хан Крым-Гирей через Темрюка, оставшегося в

Крым после паломничества в Мекку, предложил кабардинцам переселиться «в границы турецкие» на Кубань [Черкесы... 1996. Т. 1, с. 21]. Они понадобились для подкрепления сил кубанского сераскира Казы-Гирея, которому хан поручил наказывать бунтующих темиргоевцев и прислал для этого всего 500 «крымцев и сейменов», т. е. воинов для взятия дани. Хан требовал 120 ясырей (рабов) и всей их добычи при разгроме крымского войска во время прошлого бунта. Казы-Гирей подавил мятеж и получил от темиргоевцев ясырей, остальное они «сыскать и собрать» не смогли [Черкесы... 1996. Т. 1, с. 57].

И крымские, и российские власти пристально следили за вольными кабардинцами, пресекая самовольные набеги и разбои, которыми они в мирное время «не страшась Бога, между обеими империями тревогу чинят». Крым-Гирей писал им: «О том не ведаете, глупые вы люди; для чего не стыдитесь, не боитесь и не знаете, что во время между обеими империями дружбы ничего пропасть не может, и по тому происшествию как вам, так и кубанским ногайцам, когда какое дело воспоследует, тогда уже от раскаяния вашего никакой пользы получить не можете» [Черкесы... 1996. Т. 1, с. 205].

Кубанским ногайцам хан запретил переходить границу и даже заставил вернуть взятые в набеге на Кизляр товары. Однако, как он ни старался сохранять добрососедские отношения, предотвратить очередную русско-турецкую войну, разумеется, не мог. Обычные набеги и грабежи лихих наездников на русской стороне являлись только поводом, но не причиной неудержимого натиска России на Крымское ханство. Обе стороны старались привлечь на свою сторону кабардинских князей, занимавших так называемые буферные земли между ними, но отношения с Россией у них ухудшились из-за отказа в выдаче из Моздока беглецов.

Охлаждению к России могло способствовать и пребывание в Кабарде Султана Казы-Гирея, не случайно русские власти настойчиво потребовали от турецкого султана удалить его оттуда. Вернувшись на Кубань, Казы-Гирей помогал хану вернуть под власть Крыма Большую и Малую Кабарду, которые вдруг «сделались почетительными державами помощью российской», как он доносил в Османскую империю по поводу их вольного статуса [Черкесы... 1996. Т. 1, с. 220]. Кабардинские князья всё ещё опасались мести

за давнее убийство Бахты-Гирея и его брата, но хан Крым-Гирей в предверии русско-турецкой войны, стараясь склонить Кабарду на свою сторону, обещал простить «кровь» своих братьев и вызвать кабардинских аманатов из России.

В 1765 г. хан выдвинул условия: за разгром ханского войска и убийство Султанов – 1 500 ясырей, кроме того, за пойманного на воровстве в Крыму Дударуки с каждого двора в аулах Атажукиных по ясырю и с четырех княжеских фамилий – по аманату [Черкесы... 1996. Т. 1, с. 204]. Стороны как-то договорились, и в марте 1767 г. князя Большой Кабарды во главе с Мисостом Атажукиным увели аулы подальше от Моздока на Верхнюю Куму, чтобы «быть в крымской протекции обще с кубанцами» [Бутков, 2001, с. 229]. Это было большим достижением кубанского сераскира Казы-Гирея, укрепившим его авторитет в Крымском ханстве.

В русско-турецкую войну (1768–1774) на северокавказском театре военных действий русскими войсками командовал генерал-майор Медем. Российское правительство, уверенное в скором приобретении Кабарды, предусмотрительно, но как бы мимоходом объявило, что к ней якобы относится и часть территории от Кумы до Кубани как находящаяся «в руках кабардинских подданных». Судьба горских народов, не подвластных Крымскому ханству, виделась ей в составе Кабарды, принятие которой в российское подданство стало первоочередной задачей Медема. Он ввёл войска в Пятигорье, где им противостояли только силы кубанского сераскира Казы-Гирея и перебежавших к нему кабардинцев.

Главной военной силой российских войск стала калмыцкая конница хана Убаши, и Медему было приказано «командовать ханом, но так, чтобы это командование ему не было приметно» [Потто, 1994, Т. 1, с. 60]. В первом же сражении 29 апреля 1769 г. на р. Калаус участвовало 20 тысяч калмыков, прибывших с Волги [АКАК, 1866. Т. 1, с. 83]. Они разгромили 6-тысячное крымское войско под предводительством Арслан-Гирея, старшего сына кубанского сераскира Казы-Гирея, и других Султанов [Бутков, 2001, с. 72]. С российской стороны участвовали в сражении калмыки, казаки и драгуны, оснащённые артиллерией, а с крымской – татары, ногайцы, западные адыги и кабардинцы.

По сообщению «Санкт-Петербургских ведомостей» от 29 мая 1769 г., татары сражались «с великой храбростью», но когда всту-

пили в бой пушки, они пришли «в великое замешательство»: «При неприятельском корпусе было пять знамён: одно чёрное, два красных и два белых, которые все калмыками взяты. Сверх того, в добычу получено множество панцирей и ружья, и более 5 000 лошадей; но пленных число невелико для того, что калмыки никому пощады не делали, да и побежденные до самой крайности оборонялись» [Черкесы... 1996. Т. 1, с. 288–289]. После победы калмыки отправились к Бештовым горам (карач.: Беш-тау – Пятигорье) на соединение с Медемом. Здесь при посредничестве Убаши кабардинцы добровольно вернулась на Баксан.

Султан Казы-Гирей в этой войне активности не проявил, но его сын Арслан-Гирей даже после сокрушительного поражения на Калаусе, видимо пытаясь восполнить силы Кубанской орды, увёл некоторых кабардинских князей с 200 «узденями и холопьями» в верховья Кумы [КРО, 1957, с. 290]. Однако в ущелье Эшкакон казаки и калмыки догнали их и после неравного боя 6 июня возвратили на свои места [Потто, 1991, с. 238]. Так, все кабардинцы после двухлетнего пребывания на Верхней Куме вернулись на Баксан и присягнули России, после чего «на Куме ничьих кабаков (тюрк.: подвижные небольшие аулы без названия. – *З. К.*) не осталось» [КРО, 1957, с. 292]. Чтобы не терять лояльности владельцев, Екатерина II приказала не принимать больше в Моздоке беглых крестьян из Кабарды [Черкесы... 1996. Т. 1, с. 271].

Расширяя территорию Кабарды, империя соответственно увеличивала свою, поэтому Екатерина II поспешно объявила завоеванное Пятигорье частью Кабарды, хотя, разумеется, знала пределы её «действительных» границ и писала Медему: «Нужно, чтоб кабардинцы навсегда остались в российской стороне, а для того внушить кабардинцам, чтоб данников своих из-за Кубани выводили на свою действительную землю в продолжение ещё войны; тогда общее кабардинское имя уничтожит особенные оных народов, и они потому учинятся подданными российскими, как и сами кабардинцы» [Бутков, 2001, с. 72].

Официально граница Российской империи ещё не установилась, так как война не закончилась, и массовые переселения определялись выбором подданства местных народов. Так, принявших тогда же российское подданство абазин-алтыкесеков Медем поселил в Пятигорье, затем хотел переправиться на левобережье Куба-

ни за абазинами-башильбаевцами, но нашёл реку «в великом наводнении» от растаявшего в горах снега. При поисках переправы на правобережье Верхней Кубани были обнаружены скрывавшиеся в Карачае солтанаульцы с «Карач-Солтаном из рода ханов крымских» [Черкесы... 1996. Т. 1, с. 295, 307]. У них находился «главный бунтовщик» Мисост Атажукин. 30 июня 1769 г. Медем послал за ними 5 тысяч калмыков и русское войско с артиллерией. Солтанаульцы бежали, но были застигнуты у слияния Кубани и Теберды на Каменном мосту (карач.: Ташкёпюр), войска перешли за ними на левый берег Кубани и начали обстрел, вынудив их уйти вниз на равнину. Через пять дней солтанаульцы «прибегли с повинною и вступили в российское подданство» [Бутков, 2001, с. 88]. Их расселили, так же как и абазин, «у Бештовых гор».

Надо сказать, что до этого в Пятигорье после нашествия великого завоевателя Тамерлана в конце XV в. другого, кроме карачаевцев, оседлого тюркоязычного населения не было. Так, в 1643 г. под «Пяти горами» «карачаевские черкесы» фиксировались в сведениях терского воеводы Михаила Волынского [Лайпанов, Хатуев, Шаманов, 2009, с. 67]. Карачаевские селения и хутора располагались также по рекам Хасаут, Мушт, Кичмалка, Лахрань. Тюркская топонимика Пятигорья в верховьях Кумы и Подкумка представлена весьма широко и является карачаевским наследием. На западе граница Карачаевского княжества проходила по р. Большая Лаба, как и западная граница исторической Алании.

Что же касается западных границ Кабарды, то они были искусственно расширены до Пятигорья после присоединения этой территории к России, и по замыслу Екатерины II расселение там абазин и ногайцев должно было обернуться «соединением участи их с кабардинскою и препоручением в их кабардинское ведомство» [Документальная история... 1998, с. 184]. Упорным стремлением императрицы «соединить» ногайцев с кабардинцами, видимо, объясняется назначение первым приставом Кабарды Дмитрия (Казбулата) Туганова, внука солтанаульского владельца Мусымурзы, взятого у него в аманаты (араб.: «заложник») ещё в Кизляре. Юный Казбулат, который уже «татарской грамоте читать и писать умел», в 1744 г. был отправлен в Петербург, где получил образование и христианское имя. Служил он в особом ведомстве Коллегии иностранных дел «при калмыцких делах», затем получил

назначение в Кабарду, «как по роду своему кабардинцами и кубанцами уважаемый» [Бутков 2001, с. 46]. В ведомственной переписке подчёркивалось, что его послали в Кабарду, «чтобы знатного его породю воспользоваться» [АКАК, 1868. Т. 1, с. 83]. Туганову, скорее всего, и принадлежала главная роль в выводе своих родственников на Куму, где они поступили в его ведение. Екатерина II в письме от 9 августа 1771 г. велела кабардинским владельцам считать солтанаульцев «за совокупленных навсегда к вашему обществу» [Черкесы... 1996. Т. 1, с. 363]. Это была временная стратегия для создания прочного и обширного тыла перед решительным натиском на Кубань.

Что касается народов, «точно подданных крымского хана», то императрица указывала Медему, что их судьба зависит от мирного договора между двумя воюющими империями, «по всем войны успехам полагаемого» [Документальная история... 1998, с. 180]. По сведениям Гюльденштедта, в это время Кубанская орда состояла из 8 000 семей касаяевцев (мансуровцев), кочующих около и между устьями Зеленчуков, и 2 000 семей наурузовцев, живущих около устья Лабы «домами и неподвижными деревнями», т. е. оседло [Орак-эли... 2015, с. 47]. Он же отмечал, что среди тех и других обретались «несколько Князей рода крымских Ханов, кои пришли сюда по разным причинам, питаются от Нагайцев и имеют частые раздоры». Видимо, причина «раздоров» заключалась в отсутствии единомыслия по поводу выбора покровительства между воюющими империями.

На случай успеха русского оружия Екатерина II готовила почву среди кубанских ногайцев и велела Туганову установить с ними связь, объяснить им выгоды подданства России, а не Крыма, отдалённого от них морским проливом, и обещала оставить их «по прежнему свободными во внутреннем своем обращении» [Документальная история... 1998, с. 187]. Екатерина II рассматривала возможность мирного перехода кубанских народов в российское подданство, и уверенность в этом ей, возможно, придавал сам кубанский сераскир Казы-Гирей, но неожиданно этим планам помешали калмыки. Хан Убаша без согласования с Медемом разорил кубанские аулы, в ответ крымские подданные собрали трёхтысячное войско и направились в Пятигорье к лагерю Медема, который в это время напрасно ждал калмыков для совместного похода на Кубань. Из-за разгоревшегося конфликта с Медемом 31 августа

1770 г. Убаша увёл войско к своим улусам под Астрахань, а вскоре почти 200 тысяч калмыков тайно бежали с ним в Китай [Черкесы... 1996. Т. 1, с. 331–332].

Набег Убаши на Кубань возмутил Медема не только потому, что он спровоцировал сбор крупных неприятельских сил. Было очень важное обстоятельство, которое знал генерал, но не знал калмыцкий хан. По сведениям П. Г. Буткова, «к негодованию Медема, движение калмыков воспрепятствовало за Кубанью Казы-Гирея-Салтана, родственника ханов крымских, который к тому был склонен и на которого калмыки сделали нашествие» [Бутков, 2001, с. 83–84]. Другими словами, калмыки напали на аулы Казы-Гирея, который «склонялся ко вступлению в российское подданство; что, однако, не исполнилось». Перспектива получить всю Кубань с пророссийским сераскиром рухнула из-за калмыцкого погрома.

В сентябре 1770 г. собранное сыновьями Казы-Гирея войско из мансуровцев, бесленеевцев, темиргоевцев и др. направилось к Куме, чтобы угнать табуны из русского лагеря. Но темиргоевцы и бесленеевцы, не подчинившись поставленному над ними Мансур-мурзе, отделились от общего войска и ночью отправились к Бештовым горам [Черкесы... 1996. Т. 1, с. 334]. В результате несогласованности остальные не смогли найти их и остановились на левобережье Кумы, где были атакованы артиллерией Медема [Бутков, 2001, с. 306]. 5 октября Султаны увели своё войско обратно за Кубань через лесистые горы Карачая «ни с чем». Так, попытка выступить против русских войск без помощи турок провалилась, и изменить это соотношение сил ничего не могло, даже уход калмыков. Видимо, осознавал это пока только кубанский сераскир Казы-Гирей.

Таким образом, в 1769–1770 гг. русские взяли под контроль Пятигорье, формально отнеся его в ведение созданного Кабардинского приставства и расселив там абазин-алтыкесеков и ногайцев-солтанаульцев. Что касается абазин, то российское подданство не освободило их от дани кабардинским князьям, как это было обещано, и они стали группами убегать за Кубань. Солтанаульцы тоже обращались к властям в конце 1770 г. с просьбой «особой императорской грамоты», в чём им было отказано, однако они, поселившись в степях между Кумой и Кубанью до Калауса, всё же управлялись независимо от кабардинцев [Черкесы... 1994. Т. 1, с. 364].

В это время в Северном Причерноморье Османская империя проигрывала войну России. В Крыму после смерти Крым-Гирея в

1769 г. его преемники почти не оказывали сопротивления. В 1770 г. хан Селим-Гирей не только отказал в военной помощи кубанским народам, но и звал их в Крым, так как сам «от предстоящих российских войск находится в великом страхе» [Черкесы... 1994. Т. 1, с. 320]. В 1771 г. российские войска вошли в Крым, Селим-Гирей бежал в Стамбул, а новый хан Сахиб-Гирей остался практически без военных сил, так как Екатерина II склонила на свою сторону и переселила в правобережные степи Кубани ногайские орды с северо-запада Крымского ханства. Учитывая, что издревле в Крыму обитали автохтоны-земледельцы, так называемые «татары перекопские», а за пределами полуострова жили ногайцы, составлявшие «основную и наиболее воинственную часть татарского войска», то их уход совершенно ослабил хана [Якобсон, 1994, с. 135].

Так, Буджакская, Едисанская, Едишкульская и Джембойлукская орды вступили в союз с Россией и переселились с Северного Причерноморья на Кавказ, поверив в обещанную независимость под её покровительством. В степях от правобережья Кубани до р. Еи расселились до 80 тысяч так называемых «ордынцев» [Бутков, 2001, с. 102]. Как только российские власти стали муссировать вопрос о создании для них отдельной Ногайской области на Кубани, Сахиб-Гирей согласился на требование Екатерины II отказаться от вассальной зависимости от Османской империи, взамен она обещала отказаться от ногайского проекта. После подписания 1 ноября 1772 г. сепаратного Карасунского договора, т. е. «Декларации об отделении от Порты» и «Союзного договора с Россией», российские войска вышли из Крыма [Очерки истории Кубани, 1996, с. 153].

Ногайский сераскир Султан Казы-Гирей

Турецкий султан отказывался признавать независимость Крымского ханства, и тогда проект по созданию независимой Ногайской области стал опять актуальным, теперь для нажима на Османскую империю. В декабре 1772 г. в российском правительстве активно обсуждался вопрос о тайном содействии в выборе пророссийского сераскира в ногайских ордах на Северном Кавказе. Лучшей кандидатурой являлся чингизид Султан Казы-Гирей, о котором командующий русскими войсками в Крыму генерал-поручик Щербинин неоднократно писал, что «небесполезно было бы определить его сераскиром над ногайскими ордами по приме-

ченной в нём к нам преданности» [Черкесы... 1996. Т. 1, с. 374–375]. Но императрица всеми мерами поддерживала калгу Шагин-Гирея, родного брата хана Сахиб-Гирея, а о Казы-Гирее, укrywшемся в это время в горах Верхней Кубани, приказала разузнать, может ли он для «хана крымского и правительства быть приятен».

Ногайские орды настаивали на кандидатуре Казы-Гирея, но утвердить его в должности сераскира мог только сам хан. Екатерина II, стремясь показать формальное невмешательство во внутренние дела ханства, предписывала действовать тайно, рассчитывая иметь влияние и на Кубанскую орду через общего сераскира для всех ногайцев. Признав, что Казы-Гирей обладает авторитетом и доверием в союзных ногайских ордах и «издавна в особливом уважении находится не только у кабардинцев, но и у всех горских народов», она разрешила командующему войсками в Крыму содействовать выбору его сераскиром [Потто, 1991, с. 398].

В марте 1773 г. по поручению Медема кабардинский пристав Туганов имел тайную встречу с Казы-Гиреем в абазинском ауле Джантемирова [Потто, 1991, с. 384]. Получив от него сведения, императрица писала: «Казы-Гирей-солтан, сообщаясь с кабардинцами, а больше ещё с ногайцами, то есть с народами, заимствующими Наше благоволение в самом своем настоящем бытии и существовании, видится больше ищущим Нашего призрения (покровительства. – З. К.), нежели умышляющим подавать явные к раздражению поводы, не оказавшись никогда явным к империи нашей противником во всю, издавна продолжающуюся, его на Кубани бытность» [Черкесы... 1996. Т. 1, с. 390–391].

К осени Екатерина II передумала поддерживать слишком популярного и опытного Казы-Гирея и сделала ставку на молодого и тщеславного Шагин-Гирея, но остерегалась, что Казы-Гирей «в свойственном крымскому султану у них почтении, а у прочих тамошних народов в силе, давно им приобретенной», может составить ему нежелательную конкуренцию [Черкесы... 1994. Т. 1, с. 394–395]. Шагин-Гирея не любили ни татары, ни ногайцы за его безоглядную верность России и слепое подражательство европейской культуре. В 1771–1772 гг. он находился в Петербурге, и, как признавала Екатерина II, «отлучась из своего отечества и тем самым исключив себя от соучастования дел татарских, в совместничество пронырливому Казы-Гирею никак употреблен быть уже не может».

В конце концов выбор между двоюродными братьями Казы-Гиреем и Шагин-Гиреем оставили на рассмотрение Щербинина, получившего предписание не препятствовать избранию ногайцами «почитаемого ими» Казы-Гирея, чтобы не дать им повода к возмущению, и даже помогать ему, если он подтвердит свою лояльность России [Черкесы... 1994. Т. 1, с. 399]. Дело было в том, что Казы-Гирей созвал Собрание ногайцев для выбора сераскира, на которое русские повлиять не могли. Поэтому императрица не стала явно отказывать ему в поддержке, опасаясь, что он «мог бы, как легкомысленный и мстительный по дикости своей человек, сделаться тягостным злодеем и развратителем всех магометан, жителей Кубанского края» [Черкесы... 1994. Т. 1, с. 395]. Ногайцы, разумеется, выбрали сераскиром Казы-Гирея.

Шагин-Гирея же Екатерина II объявила «ногайским ханом» в пику турецкому султану, назначившему крымским ханом Девлет-Гирея IV. Этот хан не признал Карасунского договора как заключённого до окончания войны и осенью 1773 г. прибыл из Стамбула в Суджук-Кале (ныне г. Новороссийск) «для подкрепления бунтующих татар и горцев против России» [АКАК, 1866. Т. 1, с. 87]. Его 8-тысячный турецкий корпус быстро усилился закубанскими ногайцами и адыгами, в мае 1774 г. начал военные действия в низовьях Кубани, а в марте двинулся за ордынцами, которых возглавлял Казы-Гирей. Русские защитили союзников, нанеся поражение Девлет-Гирею IV на Черкасском тракте у впадения речки Калалы в Большой Егорлык [Потто, 1994. Т. 1, с. 70]. Однако ордынцы вдруг восстали и склонились к нему, протестуя таким образом против «ногайского хана» Шагин-Гирея.

Тогда же войска Девлет-Гирея призвали к себе кабардинские владельцы, но это уже не могло изменить. События на Кавказе зависели от исхода войны на западе Крымского ханства, где неудачи преследовали турецкую армию и флот, поэтому Османская империя согласилась на заключение мира. Кючук-Кайнарджийский договор 10 июня 1774 г. утвердил Крымское ханство независимым и суверенным государством. Екатерина II признала, что все татарские народы: крымские, буджакские, эдисанские, джембойлукские, эдишкульские и кубанские совершенно независимы от России и остаются «под самодержавной властью хана крымского». Но российско-крымская граница между Кубанью и Манычем была довольно размыта и ничем

не обозначена, и кочующие на этих «буферных» землях ордынцы, по словам императрицы, не имели представления «о положении наших границ в их соседстве, в котором они, видя пустыню одну, едва ли поныне и мыслили о принадлежности оной к нашей стороне» [Черкесы... 1996. Т. 1, с. 417, 438].

Османская империя медлила с ратификацией договора, надеясь на его пересмотр с помощью европейских государств, а Екатерина II «давила» на неё проектом об отделении от Крыма независимой Ногайской области на правобережье Кубани. Между тем уже в августе 1774 г. она приказала перевести Шагин-Гирея в Крым, готовя его на ханский трон, а в сентябре князь В.М. Долгоруков из крепости Перекопская писал о нём фавориту императрицы Г.А. Потёмкину: «Все же Крымцы столько ненавидят калгу-султана, что имени его терпеть не могут» [Известия ТУАК, 1914, с. 15]. Даже его родной брат хан Сахиб-Гирей выпрашивал у пленного турка, бежавшего от Шагин-Гирея: «Не крестится ли калга-султан и не сделался он гяуром?» [Известия ТУАК, 1914, с. 23].

В это время ногайцы на Кубани были оставлены в ведении сераскира Казы-Гирея, которому в ноябре срочно увеличили жалование. На него рассчитывали в кубанских делах, чтобы русские войска могли воевать в Крыму, не отвлекаясь на ногайские орды [Черкесы... 1996. Т. 1, с. 400–403]. Екатерина II писала: «Орды ногайские, теперь на кубанской стороне находящиеся, превосходя далеко числом своим крымских жителей, коль долго с крымским правительством останутся несогласными, до тех пор крымцы сами по себе ничего значить не могут» [Черкесы... 1996. Т. 1, с. 422].

Ордынцы же бунтовали, требуя обещанной российской императрицей «вольности» и надеясь, что сераскир Казы-Гирей объединит всех ногайцев: и ордынских, и кубанских. 12 ноября 1775 г. Екатерина II обнародовала рескрипт о создании отдельного от Крыма «Кубанского ханства» во главе с Шагин-Гиреем, снабдив его войсками и деньгами для подчинения ногайцев, но сломить их сопротивление во главе с Казы-Гиреем, не удалось. Впрочем, становиться «кубанским ханом» Шагин-Гирею не понадобилось, так как Екатерина II доставила ему трон в Крыму.

Султан Османской империи, пытаясь предотвратить раздел Крымского ханства и усиление России на Кубани, ратифицировал Кючук-Кайнарджийский договор о независимости Крымского

ханства [Бутков, 2001, с. 167]. Проект отдельного «Кубанского ханства» был отложен, а Шагин-Гирей в 1777 г. стал первым и последним независимым от Османской империи крымским ханом, правившим «под сенью дружеских штыков» России. Сераскира Казы-Гирея хан лишил должности за «непослушание», и он перешёл от ордынцев обратно в Кубанскую орду [АКАК, 1866. Т. 1, с. 91]. Исторического шанса объединить всех ногайцев под покровительством России Султан Казы-Гирей не получил.

Конец Крымского ханства

Азово-Моздокская линия – граница Российской империи от устья Дона до Терека, утверждённая по Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г., имела огромную протяжённость и проходила по кочевьям ногайцев, где не было крупных населённых пунктов, занятие которых могло бы укрепить русское владычество. Для дислокации военных сил Россия возводила собственные опорные пункты и искала способы для водворения в них русского населения. Обустройство новой границы наместник Азовский и Астраханский князь Г. А. Потёмкин поручил астраханскому губернатору генерал-майору Якоби [Бутков, 2001, с. 170]. В 1777–1779 гг. на линии построили девять крепостей, в том числе Ставрополь, Георгиевск, Екатериноград.

Однако Екатерина II не собиралась останавливаться на достигнутых рубежах, более выгодным в военно-стратегическом отношении являлось устройство форпостов по Кубани, на территории Крымского ханства, чтобы «создать условия для возможного её отделения от Крыма в случае начала новой русско-турецкой войны или же неудачного исхода событий в Крыму» [Очерки истории Кубани, 1996, с. 157]. Командующий Кубанским корпусом А. В. Суворов со своими солдатами при помощи 3 000 рабочих с Дона за зиму 1777–1778 гг. построил редуты и укрепления от Азова до Тамани и вверх по Кубани до впадения в неё Лабы.

Так, правобережные ногайские орды были отделены от Крыма, Турции и закубанских народов [Толстов, 1900, с. 50]. На такое явное вторжение в пределы другого государства без санкции правительства прославленный генерал сам бы не решился, хотя царский историк Бутков пытался всю ответственность возложить на него: «Кажется, Суворов не имел повеления к сооружению сих

укреплений в земле, ни по каким договорам с турками и крымцами ещё тогда России не принадлежавшей» [Бутков, с. 168].

Возможно, Суворов пренебрёг мнением на этот счёт крымского хана, но заручился поддержкой Султанов, обладавших реальной властью в ногайских ордах. Известно, что Якоби вёл переговоры с Казы-Гиреем и писал в рапорте от 27 марта 1778 г.: «Казы-Гирей-Султан, Чингизского поколения, бывший долгое время сераскиром на Кубани и отрешённый от звания сего за непослушание Крымским ханом, пользовался доверенностью и уважением к нему многих горских народов и самопроизвольно имел пребывание своё за Кубанью. В течение сей последней Турецкой войны в покушениях против России он не имел никакого участия» [АКАК, 1866. Т. 1, с. 90–91]. Казы-Гирей выкупал русских пленников, извещал о ситуации на Кубани и снова просил о принятии его в российское подданство «со всем его домом».

Русские крепости на Кубани со всей очевидностью продемонстрировали, что хан Шагин-Гирей не мог обеспечить территориальную целостность государства и удержать в повиновении ни кубанские, ни татарские народы. В Крымском ханстве вспыхнуло против него восстание, поддержанное Османской империей, поэтому русские спешно вернулись на Азово-Моздокскую линию и стали усиленно укреплять её в ожидании войны. Ордынцы же начали массово переселяться с правобережья Кубани в Закубанье, а 10-тысячный корпус Суворова пытался их удержать силой. Военные действия только усиливали масштабы миграции, вели к значительному изменению картины расселения ногайцев и катастрофическому уменьшению их численности.

Строительство укреплений на Кубани не оставляло сомнений, что Екатерина II планировала вхождение ордынцев в состав России и создание удобного плацдарма для продвижения к Чёрному морю, поэтому пыталась остановить их бегство испытанным приёмом: обещала создать отдельную Ногайскую область. В Указе от 11 февраля 1778 г. она писала: «Создание на Кубани самостоятельного государства становится все более очевидным» [Очерки истории Кубани... 1996, с. 156–158]. Этот политический блеф позволил Суворову привлечь на свою сторону часть Султанов и мурз, одновременно введя русские войска в Крым для поддержки хана Шагин-Гирея.

В свою очередь Османская империя послала на помощь восставшим татарам военные корабли, но российские войска в Крыму уничтожили все очаги сопротивления. Турецкий флот, не сумев вытеснить русских, увлёк с собою через Суджук (совр. Новороссийск) в Бендерскую степь значительную часть ордынцев «со степей кубанских», кроме того, с Кубани мигрировало до 700 кибиток касеевских ногайцев [Бутков, 2001, с. 170, с. 313]. Касеевцы (мансуровцы) кочевали на левобережье и правобережье Средней Кубани до Ставропольской возвышенности, и с их уходом Кубанская орда потеряла большую свою часть.

В 1778 г. подготовка к войне за Крымское ханство шла в обеих империях. Обе стороны старались привлечь к себе местные народы через их владетельных князей, мурз и, конечно, Султанов. На Кубани самой значительной фигурой, лояльной к российским властям, оставался Казы-Гирей, отстранённый крымским ханом от сераскирства и, по-видимому, стеснённый в материальном содержании. Суворов в свойственной ему пренебрежительной манере так отзывался о нём в личном письме от 4 августа 1778 г. к своему приятелю Турчанинову: «Казы-Гирей ласкается, – детина добрый, весельчак, никогда денег ни полушки, – просил в долг 500 рублей; я обчелся, прислал 600. Был очень рад, Его Сиятельству обещал служить и пр. Надобно еще его дарить. И в некоторых горских татарах и жидях есть желание к переселению в Россию» [Сборник писем... 1986. Эл. ресурс]. Однако князю Г. А. Потёмкину Суворов характеризовал Казы-Гирея как «человека разумного», постоянного в преданности России и даже предлагал его в приемники хану Шагин-Гирею.

Старший сын Казы-Гирея Арслан (Аслан)-Гирей, продолжатель исследуемой нами династии, в это время являлся сераскиром остатков Касеевской орды, кочевавшей у Ставрополя [Сенютин, 2000, с. 257–260]. Суворов встречался с ним, когда инспектировал строительство пограничных укреплений Азово-Моздокской линии [Беликов, 1997, с. 19]. В письме к Румянцеву от 23 февраля 1779 г. он писал: «Касайский Арслан-Гирей вывел паки несколько российских захваченных. Я с ним виделся в Ставропольской крепости: сих Султанов стараюсь я всемерно содержать в содружестве словом и посредственною мздою». Под Султанами, которых он старался привлечь на свою сторону, оказывая им военную и материальную помощь, Суворов имел в виду также влиятельных в Закубанье сераскиров Батыр-Гирея и Арслан-Гирея, родных братьев крымского хана.

Однако тогда войны с Османской империей удалось избежать, так как в марте 1779 г. Россия подписала конвенцию о невмешательстве в дела Крыма и вывела свои войска, предварительно подавив там восстание против хана, закончившееся массовой эмиграцией татар. К началу 1780 г. с полуострова ушло 2/3 татарского населения, осталось не более 100–120 тысяч человек [Дружинина, 1959, с. 104]. Обессиленный Крым был уже обречён на поглощение Российской империей, только одиозная фигура честолюбивого Шагин-Гирея усиливала катастрофу, давая повод к бессмысленным кровопролитиям и исходу народа со своей родины. В 1780 г. ему не подчинялись ни ногайцы, ни татары, и он снова обратился к Екатерине II за военной помощью против собственного народа, и она направила в Крым русскую армию.

Также безжалостно поступили с ногайцами на Кавказе. Для оправдания вторжения в мирное время на чужую территорию, как обычно, на соседние народы с лёгкостью необыкновенной накладывалось клеймо «разбойников», не желавших подчиняться законному хану. В декабре 1780 г. астраханский губернатор Якоби доложил в секретном рапорте генерал-аншефу Г. А. Потёмкину о предпринятых военных действиях за Азово-Моздокской границей. Так, «для очищения линии от злодеев» на самом деле от пограничного местного населения командующий войсками Фабрициан направил сразу четыре значительных войска, которые прошли всю степь между линией и Кубанью, «и сколько нашли тех разбойничьих партий, то оных истребили, а других за Кубань прогнали» [КРО, 1957, с. 339]. Генерал-майор Фабрициан истребил аулы кубанских ногайцев и изгнал их в Закубанье якобы за отказ подчиняться хану, а фактически для очистки от них правобережных степей.

После этого Фабрициан послал Казы-Гирею письмо с объяснениями, что целью вторжения русских войск на Кубань были только «сыск и возврат увезённых», т. е. беглых ногайцев, но оскорблённый сераскир, видимо, не ожидавший такого вероломства, даже не ответил. Все ногайцы восстали против хана, от имени которого их истребляли русские войска, и чтобы как-то спасти положение, в декабре 1780 г. Шагин-Гирей официально назначил Казы-Гирея кубанским сераскиром. На какое-то время Казы-Гирей попытался удержать ногайцев в повиновении крымскому хану и вернул их на правобережье Кубани.

Однако там положение ордынцев, обложенных ханом непомерными налогами, в 1779–1780 гг. усугубил неурожай хлеба и травы, а также эпидемия чумы. Они гибли тысячами, теряя скот, своё единственное богатство, а за привольные пастбища по Манычу с ними открыто враждовали донские казаки. Автор очерка «Военные действия донцов против ногайских татар в 1777–1783 гг.» М. Сенютин не удержался от напоминания о Золотой Орде: «Гнев Божий явно тяготел в это время над остатками некогда сильного народа, более 200 лет тиранствовавшего над Россией» [Сенютин, 2000, с. 244].

В 1781 г. бунтующие ногайцы стали большими группами уходить через Суджук в Северное Причерноморье [Бутков, 2001, с. 184]. Российское командование Азово-Моздокской линии вынуждены были озаботиться возвращением беглецов в обезлюдившие степи и подчинением их дружественному крымскому хану. Так, 12 августа Фабрициан послал на Кубань за беглыми ногайцами Султана Арслан-Гирея, сына Казы-Гирея, и он без боя вернул их на кочевья по р. Егорлык [Черкесы... 2000. Т. 3, с. 72]. Но уже осенью бежали за Кубань едисанцы и едишкульцы со своими многочисленными стадами. Фабрициан просил Казы-Гирея удерживать «от разбоев» темиргоевцев и бесленеевцев, живших за Лабой и, видимо, способствовавших переселению ногайцев.

Примечательно, что в этот период на российской службе отмечен сын солтанаульского Карач-Султана *Батыр-Гирей-Караиш-султанов*. Фабрициан отправил его с отрядом к абазинам-алтыкесекам, бежавшим из Пятигорья за Кубань, для приведения их в повиновение крымскому хану [Черкесы... 2000. Т. 3, с. 121, 110]. 12 октября абазин-алтыкесексов принудили вернуться с Лабы на правобережье Кубани и пасти свой скот по Егорлыку. Для приведения их к присяге на верность хану отправился тот же *Батыр-Гирей Кара-Султан*. Сам Карач-Султан уже не упоминается в источниках.

Тогда же Казы-Гирей и его сын Арслан-Гирей привели в покорность крымскому хану кубанских ногайцев: наврузовцев, кипчаков и мангытов, которые, по словам Фабрициана, «супротив воли их ничего противного никогда не предпримут» [Черкесы... 2000. Т. 3, с. 129, 121]. При Фабрициане служил и младший сын Казы-Гирея Алим-Гирей, помогавший отцу «в восстановлении тишины и спокойствия», т. е. покорности хану. Отмечая «труды, усердие и отменную предан-

ность» Алим-Гирея и Батыр-Гирея, а также двух татарских эфенди, Фабрициан писал хану Шагин-Гирею, что, если «первые двое по крови и по родству Вашей Светлости должны быть усердными, прочие же поступали так как достойные и верные рабы своему государю». Но Шагин-Гирей не доверял своим родичам и предупреждал Фабрициана, чтобы он не верил находившемуся при нём «под образом дружбы» Султану Арслан-Гирею, поскольку он «сущий лазутчик» и доносит обо всём закубанским Султанам, верным Порте [Черкесы... 2000. Т. 3, с. 135].

Другой сын Казы-Гирея – «гордый Амурат-Гирей», которому отец помог увести за Кубань часть едисанцев, – объявил себя их сераскиром без воли хана [Сенютин, 2000, с. 283]. Амурат-Гирей просил у черкесских владельцев помощи для переселения остальных ногайцев за Кубань, но не получил от них войска. От отца своего он также «удачи не имел», сераскир не стал больше помогать сыну переселять ордынцев за Кубань, так как узнал, что черкесы их там грабили [Черкесы... Т. 3, с. 148, 293]. Русские объявили Амурат-Гирея главным виновником «волнений в ногайской орде». Однако восстание против Шагин-Гирея тайно возглавили его старшие братья Батыр-Гирей и Арслан-Гирей, призывавшие ордынцев уходить к черкесам [Сенютин, 2000, с. 286].

По некоторым сведениям, к 1780 г. по берегам Кубани и её притокам насчитывалось 300–350 тысяч ногайцев всех родов и орд [Народы Карачаево-Черкесии, 1998, с. 349]. Османская империя предпринимала меры по заселению их в турецких владениях на восточном побережье Чёрного моря, увеличивая верное воинственное население между устьем Кубани и Чёрным морем. 40 тысяч ордынцев были расселены в пограничных местах между русскими и черкесами [Волкова, 1974, с. 87]. Одновременно началась массовая эмиграция ногайцев в Османскую империю. Так, в феврале 1782 г. в Синоп прибыло 12 кораблей с ногайскими мигрантами [Черкесы... 2000. Т. 3, с. 156].

Что касается кубанских ногайцев, то Суворов насчитывал по обе стороны Кубани в 1782 г. касаевцев (мансуровцев) – 4 тысячи котлов (семейств), наврузовцев – 8 тысяч котлов [Бутков, 2001, с. 318]. Правительство планировало колонизацию степных пространств от Азова до Моздока, но ногайцы осложняли заселение здесь казаков: «Пока существовала на Кубани орда, нечего было

думать о заселении степного пространства нынешней Ставропольской губернии каким бы то ни было оседлым мирным населением», – писал генерал и историк Потто [Потто, 1994. Т. 1, с. 110].

Впрочем, для России Азово-Моздокская линия не представляла стратегической важности, она стремилась вывести свою границу на Кубань. Откровенное вмешательство в ногайские дела при полном соглашательстве крымского хана не оставляло сомнений, что скоро так и будет. Точно так же возросла роль Турции на левобережье и её агитация среди части Султанов. Умножая военные силы за счёт ногайцев, османское правительство готовилось к неминуемому соседству с Российской империей. Российский резидент из Стамбула писал, что ногайцы просят у Порты защиты и покровительства, так как «Шагин-Гиреево поведение подаёт повод кубанским жителям опасаться, чтоб, наконец, не уступил российскому двору Кубанской области» [Черкесы... 2000. Т. 3, с. 39].

В марте 1782 г. братья хана Батыр-Гирей и Арслан-Гирей открыто возглавили в Закубанье борьбу против него и объявили, что все народы на Кубани вольны и не должны подчиняться хану, а закубанские народы – подданные Турции [Черкесы... 2000. Т. 3, с. 158, 167]. В мае они переправились из Тамани на крымский берег с военными силами закубанских народов и турок, вынудили Шагин-Гирея бежать из Крыма под защиту русских и обратились с просьбой к турецкому султану прислать нового хана «на древних обычаях». К июлю у Батыр-Гирея, объявленного ханом, было 40-тысячное войско, а в октябре к нему в Карасу шло ещё подкрепление из Турции и от черкес.

В такой обстановке Россия ввела в Крым и на Кубань крупные силы, которыми командовали: Кубанским корпусом – генерал-поручик А. В. Суворов, Кавказским – генерал-поручик П. С. Потёмкин. Войска под предлогом защиты Шагин-Гирея должны были покончить с независимостью Крымского ханства, и президент военной коллегии Г. А. Потёмкин этого не скрывал. Дореволюционный историк М. Сенютин писал: «В деятельном уме князя уже, вероятно, тогда родилась гениальная мысль присоединить к России Крым и Тамань не оружием, а посредством одних только дипломатических переговоров. При своей тонкой проницательности, он не мог не видеть, что обстоятельства как нельзя больше тому благоприятствовали. Мятеж ногайцев представлял самое лучшее

понудительное средство склонить хана к добровольной уступке его владений России, тогда как, действуя оружием, можно было только раздражать против неё татар и соседние державы (особенно Турцию) и тем затруднять достижение предположенной цели» [Сенютин, 2000, с. 276].

Шагин-Гирей вынужден был отречься от престола в пользу Екатерины II ещё и потому, что, как всегда оказывается в таких случаях, его ханство погрязло в кредитах: за несколько лет «дружбы» долг Шагин-Гирей в российскую казну достиг более 12 миллионов рублей, что по тем временам составляло огромную сумму, непосильную для выплаты. Императрица особо подчёркивала это обстоятельство и писала, что на присоединение Крыма повлияло «желание возратить в Государственную пользу, употребленные доныне на татар и для татар знатные денежные суммы» [Черкесы... 2000. Т. 3, с. 220].

Присоединение Крымского ханства на деле оказалось его «разделом» между Российской и Османской империями, так как татарские владения на Северно-Западном Кавказе были разделены между ними по реке Кубань [Кипкеева, 2006, с. 64]. 8 февраля 1783 г. российское правительство официально объявило царский манифест «О принятии полуострова Крыма, острова Тамана и всей кубанской стороны под Российскую державу», а 28 декабря 1783 г. Константинопольский договор закрепил раздел Крымского ханства: Крым и правый берег Кубани признавались за Россией, а левый берег Кубани до Чёрного моря – за Османской империей.

Статья 3 Константинопольского договора гласила: «Принимая за границу на Кубани р. Кубань, российский двор отрицается в то же время от всех татарских поколений, обитающих по левую сторону сказанной реки, т. е. рекою Кубанью и Чёрным морем» [Бутков, 2001, с. 193]. С исчезновением на политической карте Крымского ханства история Северо-Западного Кавказа стала развиваться в контексте военно-политических отношений между Российской и Османской империями.

Кавказское наместничество

В 1783 г. степи между Кубанью и Азовским морем официально отошли к Российской империи, но о создании отдельной Ногайской области для обитавших здесь ордынцев уже не было речи. Президент военной коллегии Г. А. Потёмкин приказал Суворову переселить их «в обезлюдившие после пугачёвского бунта Уральские степи» [Потто, 1994. Т. 1, с. 110]. Чтобы вывести ордынских ногайцев из-под влияния Османской империи, российское правительство щедро субсидировало мероприятия по срочному их переселению с Кавказа, но значительная часть Буджакской, Джембойлукской, Эдисанской и Джетышкульской (Едишкульской) орд успела переместиться к родственным кубанскими ногайцам на левобережье Кубани. В апреле Потёмкин велел привести к присяге оставшихся ногайцев на правой стороне Кубани, при этом предложив тем, кому «противно присягнуть в верности государю христианского закона», удалиться «куда желают» [Бутков, 2001, с. 188–189]. Воспользовавшись его неосторожным разрешением, ордынцы продолжили перемещение на турецкую сторону.

Переселить ногайцев за Волгу можно было только как российских подданных, поэтому Суворов 28–29 июня собрал 6 тысяч ордынцев у Ейского укрепления для торжественной присяги, однако, узнав о предстоящем переселении, они на следующий день после присяги устремились к Кубани, а бывшие наготове русские войска пытались удержать их силой. Отчаянно сопротивляясь и потеряв до 3 тысяч убитыми, в том числе женщин и детей, большая часть ордынцев прорвалась через кордоны и ушла за Кубань, бросив до 30 тысяч лошадей, до 40 тысяч голов рогатого скота и более 200 тысяч овец [Бутков, 2001, с. 319].

Суворов со своим корпусом тоже перешёл границу и 1 октября напал на ногайский стан, раскинутый на правом берегу Лабы, недалеко от Кубани [Потто, 1994, Т. 1, с. 113]. После жестокого сражения в плен попало более тысячи человек, в том числе 200 ногайцев-наврузовцев, впрочем, «сразу же отпущенных» [Бутков, 2001, с. 191]. Закубанцев не брали в плен, так как целью торже-

ния на турецкую сторону были только ордынцы как беглые российские подданные. Кроме пленных, донские казаки в этом походе захватили до 6 000 рогатого скота, до 15 000 овец, а на обратном пути ещё 20 000 рогатого скота и лошадей, «такую добычу, какой (сколько известно по истории) ни прежде, ни после того не получали», – писал Сенютин [Сенютин, 2000, с. 313]. Суворов вернул уцелевшие после чудовищного истребления остатки ордынцев на российскую сторону, но на правобережье Кубани их не оставили, а переселили частью в Крым, откуда они затем мигрировали в Турцию, частью – за Урал, частью оставили в Кавказской губернии, переместив подальше от границы.

Так как в 1783 г. Закубанье перешло под юрисдикцию Османской империи, то последующие перемещения туда ордынских и солтанаульских ногайцев, абазин-алтыкесексов и кабардинцев рассматривались как бегство российских подданных на чужую территорию. Однако на турецкой стороне жили родственные им народы: кубанские ногайцы, абазины-шкарауа и западные адыги. Разорвать между ними сообщение без хорошо укрепленной и охраняемой пограничной линии оказалось невозможно. Перед ногайцами, неуклонно оказывавшимися на пути продвижения на юг российской границы – Кавказской линии, менявшейся по результатам русско-турецких войн, неизменно ставилось условие: принимать российское подданство и селиться на российской стороне «линейных» границ. Весьма сомнительные проекты по их переселению вели к окончательному разобщению и ослаблению этого некогда могущественного народа.

Перемещения ногайцев через Кубань регулировались властями в зависимости от статуса левобережных и правобережных народов. Екатерина II писала им: «...ни у России, ни у Порты Оттоманской не можете, конечно, найти ни убежища, ни защиты потому, что обе сии великие империи формальным договором точно и свято одна другой обещали полюбовно между собой согласиться в рассуждении всяких надобностей по делам, до татарских народов касающимся» [Черкесы... 2000. Т. 3, с. 90]. Мирные аулы на правом берегу Кубани служили своеобразным заграждением между казачьими поселениями и закубанскими народами, но экономические и родственные связи, кочевнический образ хозяйствования и другие причины не позволяли им полностью прекратить сообщения через Кубань.

Кубанские ногайцы на левобережье также оказались в крайне сложном положении, кочуя по обширной территории. Перекочевки по обе стороны Кубани составляли основу их хозяйственной жизни, только теперь для сохранения обычных маршрутов они вынуждены были переходить государственную границу. И русские, и турки пытались использовать кубанских ногайцев в своих военно-политических интересах, привлекая на свою сторону Султанов. Некоторые из них переходили на российскую службу, так как Екатерина II указом от 22 февраля 1784 г. позволила «князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами Российского дворянства» [ПСЗ, 1830, с. 51]. Элита Крымского ханства с самого начала перехода под российскую юрисдикцию, безусловно, сохраняла свои сословные статусы, в том числе и на Северном Кавказе. Султанов как родственников крымских ханов в России «почитали за князей, а мурз татарских – за дворян», что было закреплено в указах Военной и Иностранной коллегий 1776 года и Сената 1784 года [Бутков, 2001, с. 194].

***

В этот период в Пятигорье будущие города и селения Кавказских Минеральных Вод устраивались как крепости и редуты, а позже стали развиваться как курорты. Так, в 1780 г. в пяти верстах от современного г. Пятигорска на р. Подкумок поставили пограничную крепость Константиногорскую, чтобы «пресечь кабардинцам лёгкую удобность соединяться с закубанцами и в Бештовых горах находить убежище» [Бутков, 2001, с. 172]. Выше по Подкумку за пределами Азово-Моздокской линии находился «знаменитый углекислый источник Нарзан» – район будущего Кисловодска, который «на этот раз оставался за линией русских владений» [Ковалевский, 1915, с. 29].

Строительство пограничных крепостей влекло за собой серьёзные изменения в русско-кабардинских отношениях. Несмотря на то что кабардинцы вошли в состав Российской империи и получили её покровительство, возведение напротив их жилищ в урочище Бештамак крепости Екатериноградской и усиление российской власти обернулось восстанием в Кабарде. Причиной недовольства владельцев оставались побег их крестьян в российские крепости, где их принимали под защиту и крестили. В 1779 г. кабардинские владельцы

при участии закубанцев и ногойцев-солтанаульцев предпринимали набеги на Кавказскую линию, требуя срытия крепостей Марьинской и Павловской [Ковалевский, 1915, с. 29]. Тогда на правом берегу Малки войска генерал-майора Фабрициана нанесли им жестокое поражение и уничтожили значительную часть высшего сословия. Кабардинцы отказались от притязаний на земли, занятые под укрепления, и в декабре повторили присягу России, признав Малку северной границей Кабарды [АКАК, 1866. Т. 1, с. 91].

Последние надежды части кабардинских владельцев освободиться от российской власти рухнули в 1783 г., когда Крымское ханство перестало существовать, и статья Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. о предоставлении судьбы Кабарды «на волю крымского хана» потеряла всякое значение. Пятигорье стало средоточием военной и административной деятельности российских властей на Северном Кавказе, постепенно занимавших близлежащие земли впереди пограничной линии для водворения на них российских подданных ногойцев-солтанаульцев, абазин-алтыкесексов и кабардинцев, вытесняя вольных карачаевцев и балкарцев в высокогорье. Военных сил для сопротивления русским войскам с артиллерией у горцев не было, а Турция могла подать военную или дипломатическую помощь только своим подданным – кубанским ногойцам и западным адыгам.

Летом 1783 г. П. С. Потёмкин разрешил кабардинцам пасти скот внутри линии на назначенных местах, «никому не отведённых», тем самым приблизил к себе кабардинскую знать для использования в своих целях: зная их потребность в набегах и грабежах, он обратил их против независимых горцев, чтобы заставить последних искать российского покровительства. Потёмкин объявил кабардинским князьям, что им не запрещается «требовать подати» со всех соседних народов, кроме «пользующихся покровительством российской державы» [Бутков, 2001, с. 195–196]. Санкционированные российскими властями грабительские набеги кабардинских князей против горских народов ставило их во враждебные отношения друг к другу. В результате кабардинцы лишались надёжных убежищ в горах и путей сообщения с Закубаньем. Русские контролировали дороги по равнинным местам, а единственной связующей территорией между Кабардой и родственными западноадыгскими народами остался Карачай, занимавший бассейн Верхней Кубани.

Карачаевское княжество не подлежало разделу между империями, так как никогда не входило в состав Крымского ханства. Екатерина II писала: «Сама Порта познала и приняла за благо всё, нами содеянное, получив при новых договорах в свою пользу земли по левой стороне Кубани издревле к Крымской области принадлежавшие» [ПСЗ, 1830, с. 885]. Российская укрепленная граница по Кубани обозначалась линией от её устья по нижнему и среднему течению до впадения в неё р. Уруп, а дальше шла «сухим путём» по предгорной полосе через Пятигорье до Георгиевска, где соединялась с Моздокской линией, как отмечено на «Карте Кавказа с показанием политического его состояния до 1801 г.» [АКАК, 1868. Т. 1]. Таким образом, «сухой» отрезок Кубанской линии обходил стороной пространство Верхней Кубани.

В 1785 г. российское правительство учредило наместничество из Кавказской и Астраханской областей, а двоюродный брат князя Г. А. Потёмкина граф П. С. Потемкин стал первым наместником на Кавказе. В 1786 г. он превратил пограничные крепости, оказавшиеся в тылу новой Кавказской линии, в уездные города: Кизляр, Моздок, Екатериноград, Георгиевск, Александров и Ставрополь. Екатериноград на левобережье Малки, у впадения её в Терек, стал первым областным центром и местом пребывания П. С. Потёмкина. Здесь он разработал план пути сообщения из Кабарды в Грузию по Военно-Грузинской дороге через Главный Кавказский хребет, что стало возможным благодаря вхождению в состав России Осетии, расположенной как раз у перевалов. Любопытно, что и в этом случае Екатерина II использовала тот же сомнительный тезис, что и в отношении ногайцев и абазин, — о политической подвластности осетин кабардинским князьям: так как Кабарда «почитает осетинский народ своими подвластными, то и оной, с нею соединённой, подлежит к здешней (русской. — З. К.) стороне» [Берозов, 1980, с. 48].

Закрепление новых территорий за Россией зависело от массовости поселений на российской стороне подданного населения, поэтому правительство проводило активную колонизацию, расселяя русские селения под прикрытием укреплений. Одновременно началась казачья колонизация правобережья Кубани. Известный историк Кавказа Потто писал: «Ни казаку не удержаться бы перед горами без помощи государства, ни государству с одной регулярной армией не одолеть бы беспокойного Кавказа. Сами горцы превосходно понимали

разницу между занятием страны военной силой и истинным завоеванием её, то есть заселением. Они говорили: «Укрепление – это камень, брошенный в поле: дождь и ветер снесут его; станица – это растение, которое впивается в землю корнями и понемногу застилает и охватывает все поле» [Потто, 1994. Т. 1, с. 96].

Кубанская линия во время русско-турецкой войны (1787–1791)

Кавказская линия от устья Кубани до Пятигорья имела не только оборонительную функцию, но и представляла собой надёжный плацдарм для дальнейшей экспансии и вытеснения из региона Османской империи. Россия прочно укрепилась на правом берегу Кубани и начала распространение своего влияния среди левобережных народов. Судьбы Султанов, их сомнения и метания, поиски способов самосохранения между имперскими жерновами России и Турции весьма показательны, и особенно остро стал перед ними неминуемый выбор во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг., когда Османская империя прислала на Кавказ довольно значительные военные силы во главе с Батал-пашой. В командование увеличенными русскими силами на Кавказской линии вступил генерал-аншеф Текелли.

На время военных действий турецкий султан облёк титулом *ханов* Шегбаз-Гирея, отправленного из Стамбула в Буджак на севере от Чёрного моря, и Бахты-Гирея, жившего в Закубанье на востоке от Чёрного моря, но, по словам В. Д. Смирнова, их положение было «фиктивным» [Смирнов, 1889, с. 244]. Имя Бахты (Батыр, Багатыр) довольно распространённое среди Гиреев, поэтому сложно по фрагментарным сведениям установить личность «кубанского хана», но, скорее всего, это был старший брат последнего крымского хана Шагин-Гирея, отмеченный в это время среди западноадыгских народов [Бутков, 2001, с. 338]. После падения Крымского ханства Батыр-Гирей присягнул Екатерине II и отправил своего сына на военную службу в Россию. В Закубанье прорусские настроения так усилились, что многие просили подданства. «Абазинцы и черкесы постоянно приезжали к Батыр-Гирею узнать, нет ли от Российской стороны приказаний», а анапский паша предупреждал своё правительство, что «ни черке-

сам, ни другим племенам доверять нельзя. Эти люди думают только о своих интересах» [Феофилактова 1995, с. 74].

В июне 1788 г. президент военной коллегии Г. А. Потёмкин направил к Текелли полковника Султана Селим-Гирея, предвидя от него пользу, «ибо отец его Батыр-Гирей-Султан, присягнувший нам на подданство в 1783 году, в уважении у черкесов и ими начальствует» [Бутков, 2001, с. 219]. Однако во время русско-турецкой войны статус *кубанского хана*, полученный от турецкого султана, обязывал его собрать войско в помощь туркам. А сын его предводительствовал казаками в составе русского войска, которое 26 сентября на р. Убын атаковало 8-тысячное войско Батыр-Гирея: «Сын остался победителем и вынудил своего отца покинуть поле сражения; черкесы были разбиты, и гребенцы с боя взяли неприятельское знамя» [Потто, 1994. Т. 1, с. 161]. 11 октября русские, разбив закубанский отряд из 500 человек, шедший от Лабы на помощь Батал-паше, встретили лагерь авангарда, посланного Селим-Гиреем к отцу, намеревавшемуся вступить в российское подданство; «дело, однако, кончилось после ничем» [Черкесы... 2004. Т. 4, с. 226, 315].

В 1790 г. султан Османской империи Селим III надеялся на активное участие закубанцев и кабардинцев в войне с Россией и существенно увеличил содержание «верно исполняющего свой долг и обязанности кубанского хана» Батыр-Гирея (Бахты-Гирея): «Теперь от казны султана сумма повышается, так как возросло число его воинов и султанов, в отличие от прежних выплат, кубанскому хану необходимо отправить 250 кошельков с монетами» [Osmanlı Devleti... 1992, с. 56]. Батыр-Гирей получил деньги от султана, но, видимо, отказался от безнадёжной войны, что не осталось незамеченным турками. Так, на очередном рапорте с Закубанья Селим III написал: «Бахти-Гирей говорит прекрасные слова, но его действия – чистое предательство» [Беннигсен, 1994, с. 78].

Примечательно, что сын Батыр-Гирея тоже не хотел воевать и бежал с российской службы. Так, пленный закубанец, знавший Селим-Гирея, 21 сентября 1790 г. свидетельствовал: «Он находился в Анапе недолго, и уже будет скоро год как в Царьграде (Стамбуле. – З. К.), а в здешнем краю его нет» [Черкесы... 2004. Т. 4, с. 226, 315]. Что касается его отца, то, по сведениям В. Д. Смирнова из турецких источников, «кубанский Богадырь-хан», т. е. Батыр (Бахты)-Гирей, был «ханом» почти 4 года, только в продолжение

русско-турецкой войны, а умер в Турции в 1801 г., прожив там два года [Смирнов, 1889, с. 245]. Скорее всего, сведения из российских источников о Султане Батыр-Гирее, перешедшем в конце войны на российскую сторону и вернувшемся в Закубанье только после войны, касаются именно «кубанского хана» Бахты-Гирея. Вдохновителем на войну с Россией в Закубанье был вовсе не он.

Известный воин и проповедник Шейх Мансур в начале войны прибыл из Чечни и активно агитировал кубанских ногайцев напасть на Кавказскую линию. Против них выступили вместе в составе русских войск кабардинские князья, которым Екатерина II обещала за это щедрые дары и «увеличение земель» [Материалы для истории... 1902, с. 266]. Ногайцы пытались скрыться в верховьях Урупа, Большого и Малого Зеленчуков, но войска пошли за ними и вывели в два этапа на российскую сторону: в 1787 г. часть переселил генерал Текелли, другую часть – в 1790 г. генерал Розен [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3 Д. 1. Л. 106]. Всего с левобережья Кубани переселили 30 тысяч ногайцев [Бутков, 2001, с. 236]. Они получили кочевья в ставропольских степях от Кумы до Егорлыка.

Тогда же российские войска возвратили в Пятигорье абазин-алтыкесеков, бежавших за Кубань в 1786 г. из-за набегов кабардинцев и искавших убежища «то на одной, на другой стороне Кубани» [Броневский, 1999, с. 70]. Хотя они не кочевали в кибитках, как ногайцы, но тоже были довольно мобильны, легко перемещая свои аулы, «выстроенные из шалашей и плетневых домов». Чтобы предотвратить в дальнейшем бегства абазин из Пятигорья, российские власти перевели их в «особенное» ведение военных, исключив из Кабардинского приставства и запретив кабардинским князьям требовать с них «подати».

Одновременно из Закубанья вывели около 4 000 ногайцев-мансуровцев во главе с мурзами, и среди них отмечен Султан Батыр-Гирей с 30 семьями. Мансуровцам назначили места по левой стороне Кумы, но постепенно они распространились по обширной степи и заняли места по рекам Кума, Калаус, Янкуль, Егорлык. Однако после войны Батыр-Гирей вернулся в Закубанье, но не к мансуровцам, а к западным адыгам – хатукаевцам, судя по рапорту нового главнокомандующего на Кавказе Гудовича, писавшего 7 ноября 1791 г. после взятия им Анапы, что «между атукайским народом живёт от поколения крымских ханов Султан-Шагин-Гирей-Бахты-Гирей, от-

лично ими уважаемый по своему роду» [Черкесы... 2004. Т. 4, с. 357]. Бахты-Гирей – это, конечно, Батыр-Гирей, но неясно, почему к его имени прибавлено имя Шагин-Гирея. Возможно Гудович, новый человек на Кавказе, так отразил информацию, что Батыр-Гирей – родной брат последнего крымского хана.

По сведениям С. Броневского, Батыр-Гирей, «коего сын известный Селим-Гирей, бывший на Российской службе бригадиром, ушёл за Кубань», имел несколько аулов на речке Пшекупс [Броневский, 1999, с. 220]. Видимо, отсюда он и переселился в Турцию. После войны, по словам В. Д. Смирнова, «песенка Гераев (Гиреев. – З. К.) была спета» [Смирнов, 1889, с. 244]. Для Османской империи потомки крымских ханов ничем уже не могли быть полезны, хотя многие воспользовались её гостеприимством и жили там как почётные, но частные лица.

Обратимся теперь к сведениям о семье кубанского сераскира Султана Казы-Гирея, на протяжении своей долгой жизни не раз искавшего российского подданства, но так и не получившего его. В 1784 г. в рапорте высшему командованию П. С. Потёмкин просил определить денежное вознаграждение Арслан-Гирею, сыну Казы-Гирея, так как он «в течение нескольких лет верен России и оказывает помощь пограничному командованию» [Феофилактова, 1995, с. 69].

Однако во время войны Казы-Гирей помогал собирать войска из закубанских народов для турецкого Батал-паши [Бутков, 2001, с. 330]. К этому времени сераскирство уже перешло от престарелого Казы-Гирея к Арслан-Гирею. Закубанские Султаны как турецкие подданные должны были воевать на стороне Османской империи, и в марте 1789 г. сераскир Арслан-Гирей (он же Аджи-Гирей, возможно, совершил хадж) и Султаны Адимей, Аксак, Курама (также сын Казы-Гирея) собрали в низовьях Лабы ополчение из закубанских народов в помощь Батал-паше [Бутков, 2001, с. 220].

Зимой 1790 г. начальник Кавказского корпуса генерал-поручик Бибииков предпринял неудачный поход в Анапу с плохо подготовленными войсками без достаточного провианта и снаряжения, надеясь на богатую военную добычу. С 15 февраля по 22 марта он с 6-тысячным войском прошёл по Закубанью, сражаясь с махошами, темиргоевцами, бжедухами, хатукаевцами, абадзехами, шапсугами, натухайцами, 24 марта вышел к Анапе, но, столкнувшись с войсками Батал-паши и Султанов, 27 марта отступил. Отражая нападения горцев, 11 апреля

отряд Бибикова «в крайнем изнеможении, среди страшных лишений от холода и бескормицы» вернулся к Кубани и с трудом переправился через неё выше Копыла [Бутков, 2001, с. 227, 331]. За бессмысленную потерю свыше тысячи человек и большей части лошадей его отстранили от дел, а командование Кавказским корпусом поручили генерал-поручику Бальмену.

Анапский поход Бибикова сыграл решающую роль в судьбе следующего Султана из ногайской династии Гиреев, имя которого впервые появляется в исторических документах. Султан Менгли-Гирей, сын Арслан-Гирея и внук Казы-Гирея, 10 февраля 1790 г. добровольно явился к генералу Бибикову, направлявшемуся к Анапе, и объявил о своём желании перейти на российскую сторону. Возможно, этим он спас наврузовских ногайцев от разорения русскими войсками.

Кубанский исследователь Фелицын называл «аманатами», т. е. заложниками, взятыми Бибиковым за Кубанью, Менгли-Гирея и 6 мурз, 6 узденей, 6 холопов, так как главнокомандующий в тот момент на Кавказе Розен действительно в своём рапорте включил Султана и его свиту в список аманатов. Он писал: «Несмотря на бедствия, перенесённые в походе, наши войска продолжали внушать страх к себе среди горцев – иначе нельзя объяснить появление у Бибикова аманатов» [Черкесы... 2004. Т. 4, с. 161]. Однако командующий войсками Бальмен в рапорте от 27 июля 1790 г. уточнил: «Султан Менгли-Гирей не аманат, потому что он сам с своими узденями и слугами, всего с пятнадцатью человеками... к нему, господину Бибикову, объявил своё желание жить в России» [Черкесы... 2004. Т. 4, с. 279].

Аманаты брались только у российских, а не турецких подданных, поэтому в Георгиевске, где с начала войны находилась резиденция главнокомандующего на Кавказе, содержались в таком качестве только 4 кумских абазина, 6 ингушей и 10 кабардинцев. А Менгли-Гирея с 5 подвластными его людьми, снабдив одеждой и деньгами, 28 июля Бальмен отправил к князю Г. А. Потёмкину в Яссы, оставив в Георгиевске 1 мурзу, 4 узденей и 6 татар, которые «не есть аманаты, а подданные, его (Менгли-Гирея. – *З. К.*), свиту при нём составляющие» [Черкесы... 2004. Т. 4, с. 282].

Кубанский сераскир Арслан-Гирей писал 25 августа 1790 г. кабардинскому князю Хамурзину (сыну Хаммурзы Кайтукина),

состоявшему на российской службе, о продвижении турецкого войска по Закубанью и обещал уведомить, когда они вступят в Бесленей, чтобы идти в Кабарду. Примечательно, что здесь же он просил у князя содействия в освобождении из России неких «Базыровых детей», находящихся на Дону в Черкасске [Черкесы... 2004, Т. 4, с. 291]. Очевидно, так Арслан-Гирей беспокоился о сыне Менгли-Гирее и его узденях, отправленных в Новороссию накануне крупного похода Батал-паши на российскую страну, но по горскому обычаю старался не демонстрировать озабоченность судьбой сына и даже не называл его имени.

Кавказский губернатор Попов, представляя к награждению отличившихся в войне 1787–1791 гг. кабардинских князей и узденей, писал, почему российские власти так лелеяли честолубие местной элиты: «Его светлость покойный фельдмаршал князь Григорий Александрович (Потёмкин. – 3. К.) оказывал всегда особое уважение к владельцам народа кабардинского и ласковым с ними обращением старался утвердить их к России привязанность. Он вселил в них любочестие. Многие из лучших князей просили чинов и получали по мере усердия своего и значения, которое они в народе имели» [Черкесы... 2004, Т. 4, с. 291].

Г. А. Потёмкину был обязан своей карьерой на российской службе и вывезенный им в Санкт-Петербург Менгли-Гирей, «сын одного из знатнейших закубанских султанов». Он находился при Потёмкине до его отъезда из столицы, а затем был отправлен на родину. Попов писал, что Менгли-Гирей, «за болезнью, на дороге приключившейся, ещё сюда не прибыл». Видимо, его уже ждали на Кавказской линии, так как знали, что «покойный князь намерен был испросить ему чин и жалованье, полагая ему производить не менее пяти рублей на день» [КРО, 1957. Т. 2, с. 375]. Как известно, Г. А. Потёмкин прибыл в Петербург в январе 1791 г. на несколько месяцев, а затем вернулся в Яссы и 5 октября умер. Значит, 1791 год Менгли-Гирей провёл в столице Российской империи, затем следы его обрываются до 1801 г. Возможно, он оставался всё это время в Петербурге, где в 1798 г. получил чин полковника [Бутков, 2001, с. 225, с. 275].

Отметим также, что подвластные Менгли-Гирею ногайцы-наврузовцы в 1790 г., после его перехода на российскую службу, также перешли с правобережья Лабы на правобережье Кубани и кочевали по Кавказской линии на 60 вёрст [Фелицын, 2004, с. 387].

Вывод из-за Кубани значительной части кубанских ногайцев – наиболее опасной силы в случае вероятного соединения с турецким войском – обернулся тем, что осенью 1790 г., когда состоялся поход из Анапы турецкого корпуса Батал-паши, на Кубани оказать ему военную помощь было просто некому: ногайцы уже находились на российской стороне. Несмотря на то, что войско Батал-паши пополнили тысячи западных адыгов и «множество султанов и князей с горскими народами окружают его, и всякий день более их пребывает», как докладывал лазутчик, турки попали в засаду и были обстреляны русской артиллерией с Тохтамышевских высот сразу же после перехода через Кубань [Черкесы... 2004. Т. 4, с. 298]. Войско бежало, а сам Батал-паша попал в плен. После этого владельцы закубанцев стали искать покровительства России как более могущественной стороны.

Отметим следующее обстоятельство, в очередной раз показавшее зыбкость и несамостоятельность выбора владельческой знати местных народов, зависящих от международных договоров между империями. Дело в том, что во время войны было составлено «Постановление закубанским народам, вступающим в вечное подданство Всероссийского престола» с требованием аманатов и угрозой «всех не покоряющихся Российскому престолу истреблять и притеснять, как собственных своих неприятелей» [Черкесы... 2004. Т. 4, с. 294–295]. По заготовленному тексту многие владельцы дали клятву императрице в вечном подданстве со всеми принадлежащими им землями, подданными и ясырями (рабами). Так, главнокомандующему на Кавказе Гудовичу во время похода в Анапу присягали на подданство некоторые Султаны, в том числе живший между бжедухами Султан-Мехмет-Гирей-Чобан-Гирей, «весьма в бедном состоянии, но уважаемый по своему роду» [Черкесы... 2004. Т. 4, с. 358]. Именно его сыновья Хан-Гирей и Адиль-Гирей впоследствии стали известными адыгскими деятелями на российской службе.

Летом 1791 г. часть западноадыгских народов: абадзехов, шапсугов, натухайцев и бжедугов – даже обратилась к русскому командованию с просьбой принять в российское подданство и поселить их на опустевшие земли ногайцев по левобережью Средней Кубани. Примечательно, что во время этой войны прошение о российском подданстве поступило даже от вольных карачаевских князей, в среде которых, видимо, появилась пророссийская партия [Карачаевцы.

Балкарцы, 2014, с. 43]. Однако война закончилась подписанием 29 декабря 1791 г. Ясского мира, по которому Анапу вернули туркам, граница между двумя империями на Северном Кавказе сохранилась по Кубани, и закубанские народы, кроме карачаевцев, сохранивших независимый статус, остались в подданстве Османской империи. Всем, успевшим принять присягу России, объявили, что «императрица освобождает их от подданства» [Бутков, 2001, с. 337].

Османская империя взяла на себя обязательство «употребить всю власть и способы к обузданию и воздержанию народов, на левом берегу реки Кубани обитающих при границах её, дабы они на пределы Всероссийской Империи набегов не чинили, никаких обид, хищничеств и разорений Российско-Императорским подданным и их селениям, жилищам и землям не приключали ни тайно, ни явно, и ни под каким видом людей в неволю не захватывали» [Документальная история... 1998, с. 195]. Как видим, экспансия России и принятие в подданство местных народов прямо зависели от условий международных мирных договоров с Османской империей. Поэтому, например, мансуровцы должны были вернуться в турецкое Закубанье. В этом контексте переходы на российскую службу некоторых закубанских Султанов, видимо, рассматривались как исключительно «личные дела» представителей крымско-татарской элиты, сословные права которой после присоединения Крыма к России Екатерина II подтвердила особым указом.

Русско-турецкая граница по Кубани сохранилась от устья до впадения в неё Урупа и по степным районам в юго-восточном направлении до Георгиевска, однако после победы над Батал-пашой верхние казачьи посты продвинулись вперёд. Так, в 1792 г. на так называемом «сухом отрезке» Кубанской линии возникла цепь пограничной системы: редут Покоривший при впадении реки Курсавки (Кумские Барсуклы) в Куму, редут Айдарский на левом притоке Кумы реке Дарье, редут Песчаный Брод у впадения в Куму с левой стороны реки Горькой, Кумский штершанец на Куме, редут Кумский на Танлыке, Овчебродский пост в верховьях реки Овечки (Батмаклы), упразднённый «по нездоровому местоположению» редут Барсуковский на Кумских Барсуках (р. Курсавка), редут Кубанский на Кубани в 10 верстах севернее места сражения с Батал-пашой, где впоследствии был учреждён пост Жмуринский, редут Открытый в 5 верстах к северу от впадения в Кубань Малого

Зеленчука, редут Невинный при впадении в Кубань Невинки [Черкесы... 2004. Т. 4, с. 385, 401–403].

Российских подданных ногайцев и абазин-алтыкесеков, которых теперь чаще называли по их самоназванию абазины-тапанта, расселили от Кумского штерншанца в Песчанобродском урочище до Константиногорской крепости под плотной охраной войск. Они выходили кочевать также и «впереди нашей линии у Бештовых гор», напротив главных казачьих постов Песчаный брод и Воровской лес [Фелицын, 2004, с. 111]. Кумские ногайцы и абазины составляли «буферное» население между Кавказской линией и Верхней Кубанью, фактически нарушая границу, так как жили не постоянными «деревнями», а «дворами (хуторами)», и главным занятием их было кочевое и отгонное скотоводство. На землях впереди границы войска охраняли их как российских подданных и брали под контроль смежные с ними восточные территории Карачая. Так, в этот период часть абазин отмечена на правых притоках Верхней Кубани Танлыкe, Тохтамышe, Эльтаркачe [АКАК. 1870. Т. 4, с. 853].

Гудович хотел довести пограничную линию до Верхней Кубани и построить укрепление у места переправы через Кубань Батал-паши, но «тогда предположение это осталось не осуществленным». «Сухая» часть границы лишь продвинулась через редут Темнолесский на правом берегу Большого Егорлыка, в 15 верстах к юго-западу от Ставрополя, до редута Воровсколесского, устроенного в 1792 г. в верховьях Кумских Барсуков (ныне р. Курсавка, приток Кумы). В 1794 г. на месте редутов донские казаки основали станицы Темнолесскую и Воровсколесскую (ныне в Ставропольском крае).

Только в 1798 г. на Кубани был устроен самый верхний Баталпашинский редут между устьями её правых притоков Тохтамыш (ныне р. Абазинка) и Батмаклы (ныне р. Овечка), названный в честь победы в этом месте над Батал-пашой, после чего уже отсюда «сухой» отрезок границы проходил на юго-восток до крепости Константиногорской в Пятигорье. При впадении Курсавки в Куму около Кум-горы при редуте Покоривший находился ногайский аул Султановский [Фелицын, 204, с. 401–403]. Этот аул стал центром ногайцев и абазин Пятигорья.

После войны земли ордынских ногайцев между Кубанью и Азовским морем Екатерина II подарила «навечно» бывшим запорожским казакам, создав из них Черноморское войско и поручив охранять границу от устья Кубани до крепости Усть-Лабинская, а «сухой отрезок» до Пятигорья охраняли донские казаки, переселённые для несения пограничной службы. Со временем приграничное русское население увеличивали переселенцы из Малороссии, Украины, внутренних губерний России и др.

Взошедший на престол после смерти Екатерины II в 1796 г. император Павел I велел проводить колонизацию Кубани мирными методами и ограничить применение военной силы, поэтому войскам запретили переходить границу. Однако казакам разрешили «репрессалии» – экспедиции за Кубань с целью реквизиций скота и имущества в отместку за набеги. Так как «хищнические» (т. е. грабительские, от слова «хищение») рейды для небольших партий закубанцев были обычным делом, впрочем, как и казачьи грабежи и вырубка леса на левобережье, каждый год войска имели повод для вторжений на турецкую сторону, жертвами которых становились мирные аулы. В это время турки восстановили Анапу, ввели туда гарнизон, и анапский паша как наместник султана активизировал свою деятельность среди местного населения, обещая от имени Османской империи защиту от русских.

В Пятигорье российские власти ещё не урегулировали административные, земельные и правовые проблемы поселённых там ногайцев и абазин, поэтому нередко, спасаясь от произвола местных начальников и набегов кабардинских князей, владельцы аулов пытались увести их в Закубанье. Так, бежавшие за Кубань абазинские князья Лоовы в 1792 г. вернулись на Куму, чтобы увести на турецкую сторону всех абазин, но встретили с их стороны сопротивление. Они отказывались покоряться и кабардинским князьям, которые в 1796 г. организовали вооружённое нападение на них, отражённое русскими войсками.

В 1799 г. Адиль-Гирей Атажукин, сын Темрюка, увёл свой аул из Кабарды на Малый Зеленчук, а в мае 1800 г. попытался насильно увести туда же абазин из Пятигорья, «обещая полную независимость», но русские отрезали им путь и «арестовали все их имущество и первейших их владельцев» [АКАК. 1866. Т. 1, с. 720].

В этот период беглые абазины, наоборот, пытались вернуться из-за Кубани под защиту российских войск [Абазины, 1989, с. 21]. Абазинский вопрос требовал незамедлительного решения, и так как на Куме они обитали на одной территории с ногайцами, то их объединили в одно ведомство.

Тогда же на ногайцев Пятигорья предъявил свои права закубанский сераскир Арслан-Гирей. Сначала он попытался вернуть наврузовцев, в письмах подговаривая их к побегу за Кубань, но, не преуспев в этом, решил переселиться к ним сам, чтобы «управлять делами оных по их обычаю» [Бутков, 2001, с. 275, 340]. По сведениям Буткова, в 1792 г. Арслан-Гирею помогал его отец: «Казы-Гирей-Салтан – брат Шагин-Гирея – письмами подговаривает кубанских татар, покоренных России, к побегу за Кубань». Очевидно, двоюродный брат последнего крымского хана Казы-Гирей в конце жизни всё ещё пытался предпринимать меры для объединения разделённых ногайцев.

По данным на 1794 г., на российской стороне Кавказской линии жили ногайцы следующих родов: казбулатовцы (108 аулов из 7 489 человек), кипчаковцы (24 аула из 1 707 человек), мангитовцы (20 аулов из 1 271 человек), наурузовцы (11 аулов из 749 человек), джембойлуковцы (18 аулов из 1 452 человек), едисанцы (6 аулов из 380 человек), а также абазины аулов Бебердовых, Клычевых, Дударуковых, Лоовых, Джантемировых, Арслановых и Травовых. По сведениям Дебу, всё местное население состояло из 18 291 человека [Дебу, 2001, с. 82].

Убедившись, что они не хотят оставлять свои места, в 1798 г. Арслан-Гирей приехал к командовавшему тогда войсками на линии генерал-лейтенанту Морхову на Кумский пост и просил позволения жить «между ногайскими татарами, живущими на Куме и около Бештовых гор, с поручением их в его начальство». Затем он обратился в правительство с просьбой об отводе ему особых земель и перемещении туда всех ногайцев и абазин Пятигорья, а главное – о признании его сераскиром над ними. Морхов доносил Павлу I, что Арслан-Гирей якобы опасался жить среди закубанских народов, так как «они, узнав об усердии его к России и об известиях, которые он подавал, когда у них были вредные замыслы на границы, имеют намерение сделать ему всякий вред» [Бутков, 2001, с. 275, 334].

Но российские власти, видимо, не простили Султану Арслан-Гирею активного участия на стороне турок во время войны, и новый командующий Кавказской линией Кнорринг по поручению императора отказал ему в звании сераскира как не соответствующему российскому управлению, пообещав, впрочем, отвести ему земли на правобережье Кубани «на одном основании с прочими народами». Султан Арслан-Гирей предпочёл остаться со своими сыновьями и братьями в турецком Закубанье.

Дореволюционный историк кубанского казачества Ф. А. Щербина полагал, что «русско-черкесская война», подразумевая под «черкесами» все закубанские народы, началась в 1800 г. [Щербина, 1992, с. 152]. Он отмечал, что первыми жертвами этой войны стали кубанские ногайцы со своей элитой – Султанами: «Когда-то власти черкесов, в позднейшее время они сами попали в зависимое положение и жили среди черкесских племён как народность, чуждая им по национальности и языку. С ногайцами не церемонились ни черкесы, ни турки» [Щербина, 1992, с. 609].

Не имея легитимной власти, закубанские Султаны могли сохранить авторитет и влияние, только возглавляя борьбу против русских, выражавшуюся в единственно возможном виде – набегах, или же используя свой высокий статус, связи и знание языков для урегулирования конфликтов как между народами, так и с российскими и турецкими властями. Так, в мае 1800 г. войсковому атаману Бурсаку доложили, что вблизи Екатериновского кордона встречен небольшой отряд черкесов под предводительством «закубанского князя» Арслан-Гирея, требовавшего возвращения похищенных казаками 40 лошадей, «грозя в противном случае нападением на казачьи жилища» [Щербина, 1992, с. 152–153]. Надо сказать, анапский паша пытался удерживать черкесов от набегов, стараясь сохранять дружественные отношения с российским кордонным начальством: «Осман паша и Бурсак обменивались любезностями». Паша заставлял черкесов возвращать украденное, а за убитых платить деньги.

Если до 1800 г., как писал Щербина, «между казаками и горцами как между соседями существовали ещё дружественные отношения», то после официального разрешения императора вводить войска в Закубанье «в наказание их дерзости» единичные случаи взаимного грабежа в пограничье обернулись эскалацией военных действий. 2 июня отряд из 2 005 казаков начал военную

экспедицию, но встретил за Кубанью лишь мелкие партии черкесов, у которых захватили двух пленников. Затем казаки напали на аулы, принадлежавшие Султанам Арслан-Гирею и Давлет-Гирею, и захватили более полторы тысячи голов скота [Щербина, с. 156–157]. Черкесы бежали в горы, оставив аулы на разграбление, и черноморцам досталось 660 голов рогатого скота и 2 684 овцы.

Император, объявив войскам благоволение, приказал разделить эту добычу между казаками и регулярными войсками. 4 июля отряд напал на аул Султана Магмета и захватил 500 голов рогатого скота, до 2000 овец и много имущества. Щербина добросовестно признаёт, что «русско-черкесская война началась на почве военной поживы». Инициативу в этом проявляли обе стороны. Сопротивление регулярным русским войскам, вторгавшимся в Закубанье с артиллерией с позволения самого императора и при полной военной беспомощности турецкой власти в Анапе, вело только к новым поводам для конфликтов.

Последний закубанский сераскир Арслан-Гирей, видимо, умер не позже 1802 г., когда Кнорринг донёс императору, что «салтаны из дома крымских Гиреев, пребывающие между закубанцами, лишены были всякой власти и значения» [Бутков, 2001, с. 349]. Впрочем, это было не совсем так. По сведениям Буткова, в 1800–1802 г. у закубанских народов жили и водили их в набеги младшие братья Арслан-Гирея: Селим-Гирей, Мурат-Гирей, Давлет-Гирей и дети Султана Казиль-Бека. С ними «упражнялся в беспрестанных хищениях» некий Селим-Гирей «Адимеев» [Бутков, 2001, с. 277]. По некоторым сведениям, Селим-Гирей являлся аталыком Султана Менгли-Гирея [Барасбиев, 2007, с. 152]. Его воспитанник в это время вернулся на Кавказскую линию из Санкт-Петербурга в чине генерал-майора российской службы.

Генерал-майор Султан Менгли-Гирей

Султан Менгли-Гирей, сын закубанского сераскира Арслан-Гирея, 13 октября 1801 г. был произведён «за храбрость, усердие и преданность России» в генерал-майоры, а получаемая им пенсия в 200 рублей в месяц увеличена вдвое [Бутков, 2001, с. 347]. Менгли-Гирей пользовался полным доверием российских властей, сам император предписал главнокомандующему на Кавказской

линии Кноррингу использовать его по делам Кавказского края, «чтоб привязанность его к России обращалась в добрый пример его соотечественников и утверждала бы их в приверженности к империи» [Бутков, 2001, с. 276].

За год до этого, в 1800 г., правительство учредило главное приставство магометанских народов между Кубанью и Каспийским морем под общим ведением коллежского советника Макарова для «кабардинцев, трухменцев, ногойцев и других азиатских народов», находящихся в российском подданстве [АКАК. 1866. Т. 1, с. 581]. В наставлении, данном Макарову, указывалось: «Как предмет высочайшего утверждения вас к оным народам состоит вообще в том, чтобы доставить всем им в лице вашем посредника и ходатая в нуждах и делах относительно к здешнему правительству, от коего они, яко подданные Е. И. В. (Его Императорского Величества. – *З. К.*), имеют право наравне с прочими Россиянами требовать нужной себе защиты и ограждения законами» [АКАК. 1866. Т. 1, с. 727].

Примечательна записка главного пристава губернатору в декабре 1802 г. с описанием бедствий, претерпеваемых ногойцами от русских помещиков-колонистов и их крестьян: «Захватывая Ногойцев, держали самовольно в колодках и отбирали скот, пока, наконец, принудили их заплатить им цену, какую потребовали за перекочёвку в их дачах. . . . Все прежние их зимовые кочевья под видом неудобных мест помещики имеют в своём владении» [АКАК. 1868. Т. 2, с. 925]. Макаров предлагал дать ногойцам земли у Каспийского моря, «где нет никаких посевов и сенных покосов, кроме одних камышей». Такое пренебрежение к жизненному пространству кочевников демонстрировал поставленный над ними начальник, их «ходатай».

В 1802 г. Кавказская губерния, отделившаяся от Астраханской, включала 5 уездов: Кизлярский, Моздокский, Георгиевский, Александровский и Ставропольский с центром в г. Георгиевске, поэтому российскоподданных ногойцев разных орд и родов стали называть по уездам, к которым их причислили. Всего кизлярских, моздокских и бештовских (пятигорских) ногойцев насчитывалось 8 813 кибиток и дворов [Кипкеева, 2007, с. 9]. В Пятигорье произошли самые значительные смешивания ногойских родов: «Бештовские ногойцы включали каспулатовцев, кипчаков, едисанцев, едишкульцев, джембойлукцев и наврузовцев общей численностью в 5 342 кибитки» [АКАК. 1873. Т. 5, с. 878]. Бештовские но-

гайцы поддерживали родственные и экономические связи с закубанскими ногойцами, которых к этому времени осталось до 5 тысяч дворов и кибиток [Волкова, 1994, с. 88].

Ногойцев и абазин в районе Пятигорья в 1802 г. объединили в Бештовское приставство и поручили приставу Корнилову. Из редута Покоривший в августе он направил главному приставу следующие сведения: «Каспулатовские в 3 191 кибитке, Кипчаковские в 966 кибитках, Мангитовские в 457 кибитках, Едисанские в 132 кибитках, Джембулуковские в 763 кибитках, Едишкульские в 30 кибитках и Наврузовские в 29 кибитках»; а также пять фамилий абазин: «Лоова во 150 домах, Дударукова в 170 домах, Клычева в 125 домах, Кичаева в 160-ти и Бибердова в 70-ти домах» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 1. Л. 1]. Всего же Бештовских жителей – 10 890 человек ногойцев и абазин, кочующих «около Бештовых гор, по реке Куме, Калаузе, Янкулям (до Кубани и на самой Кубани)» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 1. Л. 19].

Корнилов не справлялся со своими обязанностями, а оправдывался «дурным» характером своих подопечных: «Первое правило у них воровство, а второе непостоянство и обман». Дело же было в том, что в Пятигорье жили ногойцы и абазинцы с собственными владельцами, находившимися в тесных связях с высшим сословием закубанских народов и домом Гиреев, и они, очевидно, не спешили делить власть с русским приставом. Макаров указывал на это в донесении о кочующих народах, что «из них Бештовские Ногойцы и Абазинцы управляются природными своими мурзами и узденями, а прочие все избираемыми старшинами» [АКАК. 1868. Т. 2, с. 924].

Корнилов наблюдал за связями народов Пятигорья с кабардинцами и закубанцами, с которыми были связаны родственными узами, брали оттуда себе жён и отдавали туда дочерей. Он доносил начальству, что эти связи «теперь расстроились» из-за вражды, что устраивало местное начальство, так как абазинцы «прежде сего всегда производили с закубанцами воровство и убийство в границах наших». Однако торговля с турецким Закубаньем давала им средства жизнеобеспечения, сам же пристав писал: «Абазинцы имеют довольно число лошадей и весьма большое количество баранов и с них собирая шерсть делают сукна и бурки для себя и на продажу соседним народам» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 1. Л. 19].

Ногойцы выращивали «в знатном количестве» просо, пшеницу, ячмень, овёс и продавали «по городам». Главным же образом

они разводили в большом количестве рогатый скот и получали от него масла более двухсот тысяч пудов, который меняли у армян на необходимые им вещи, в первую очередь ткани. Кроме того, они и сами вывозили масло и другие съестные припасы для продажи в города [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 1. Л. 2 об]. Со временем благополучие пятигорских ногайцев и абазин всё более и более становилось зависимым от товарного обмена в российских пределах, так как связи с закубанцами и, соответственно, с турецкими рынками на Черноморском побережье жёстко пресекались. Надо сказать, что ногайский скот часто угонялся закубанскими соседями, поэтому помощь российских войск в охране аулов, несомненно, имела большое значение. Однако целенаправленная и торопливая деятельность властей по изъятию кочевий и заселению земель колонистами вела к принудительному и резкому переходу местного населения к оседлой жизни, что оборачивалось падежом скота и социальными бедствиями.

Приставы – должностные лица, представлявшие российскую власть на территории административного образования для покорённого народа, – были обязаны надзирать за исполнением распоряжений начальства, защищать права и собственность местных народов, привлекать их к оседлой жизни и контролировать выполнение повинностей. Так как новые поселенцы из России часто входили в конфликты из-за земли и, кроме того, положение ногайцев и абазин ухудшалось из-за их приграничного положения и отвода земель под размещение войск, то гражданское управление оказалось бессильным и неэффективным.

Корнилов не только не защищал права ногайцев, но и пользовался их бедственным положением в корыстных целях, что стало известно генерал-лейтенанту Цицианову, назначенному в 1802 г. главнокомандующим на Кавказе [АКАК. 1866. Т. 1, с. 3]. В рапорте императору Александру I от 8 января 1803 г. Цицианов доложил о жалобах «ногайских разных родов татар» на поборы и вымогательства Корнилова и на его место предложил генерал-майора Султана Менгли-Гирея, но не приставом, а военным начальником над «Бештовскими» народами в непосредственном подчинении у командующего войсками Кавказской линии.

От имени всего народа о назначении Менгли-Гирея «главным начальником» письменно просили также князя и мурзы. Цициа-

нов указывал на несомненные выгоды такого назначения, вытекающие от доверия и уважения ногайского народа к Султану Менгли-Гирею, и считал «полезнейшим определять вообще в приставы людей почетных и известных, ибо от их поведения часто зависит как благосостояние подвластных нам иноплеменных народов, так и спокойствие на Линии» [АКАК. 1868. Т. 2, с. 986]. Цицианов убедил императора, что такие преимущества для Менгли-Гирея и особое устройство Бештовского приставства принесут большую пользу как российским властям, так и самим ногайцам.

Главным образом Цицианов стремился быстрее привлечь ногайцев Пятигорья, обитавших до Кубанской границы, к военной службе, а такую миссию можно было доверить только очень надёжному начальнику над ними. Представляя свой выбор на рассмотрение императора, он писал: «По воспитанию и по преданности Султана Менгли-Гирея к пользам и службе В. И. В. (Вашему Императорскому Величеству. – 3. К.) в верности его ручаться можно, а из сего предвижу я ещё ту пользу, что Ногайские Татары, готовые всегда нести службу В. И. В., как они объяснили мне и теперь в поданной от себя просьбе, могут со временем составить полк по примеру уже существующего на Молочных водах и который употреблять можно для содержания кордонной стражи в замену Донских казаков, сюда командирующихся» [АКАК. 1868. Т. 2, с. 987].

Цицианов, получив согласие Александра I, 11 декабря 1803 г. поручил генерал-майору Менгли-Гирею принять в своё ведение всех ногайцев и абазин, «кочующих около Бештовых гор» и сообщил о назначении его начальником над ними в непосредственной зависимости от главнокомандующего Кавказской линией [АКАК. 1868. Т. 2, с. 994]. На Менгли-Гирея возложили как военное, так и гражданское управление Бештовским приставством, и местные народы получили действительного «посредника и ходатая в нуждах и делах» с правительством. С другой стороны, как российский чиновник и военачальник Менгли-Гирей имел вполне определённые обязанности:

1) строго надзирать над образом жизни и поведением подчинённых ему народов и в случае замеченной склонности к «хищническому» промыслу «стараться отводить их от одного добрыми советами, предупреждая наказание, которое за сим неминуемо воспоследует»;

2) привлекать их «ласкою и ободрениями» к оседлому образу жизни и заведению «неподвижных селений» по примеру абазин;

3) стараться привлекать их к военной службе и составить из них полк, «дабы пользуясь их преданностью и особенным к вам сего народа расположением, могли вы со временем склонить их к добровольному на то согласию» [АКАК. 1868. Т. 2, с. 994].

Так Менгли-Гирей объединил под своей властью всех пятигорских ногайцев и абазин. Отметим, что абазины отнюдь не были чужими для ногайцев, хотя это разные народы, но историческая судьба связала их ещё во времена татарского владычества. Султаны имели родственные и аталыческие связи с высшими сословиями обоих народов, и Менгли-Гирей не был исключением. Кавказовед Бентковский писал: «Назначение Султана Менгли-Гирея начальником ногайцев было для них великим и желанным событием, а с нашей стороны большим политическим тактом» [Бентковский, 1883, с. 45].

Менгли-Гирей сумел сохранить свои подвластные народы почти в безнадёжной ситуации. Колонизируя обширный край, Российская империя естественно шла по пути принуждения кочевых народов к оседлости. Ногайцы, весь быт которых основывался на кочевническом образе жизни, теряя пастбищные земли, оказывался в тяжелейшей ситуации. Поэтому Султан старался сохранить за ними прежде всего ближайшие места от «неподвижных», т. е. закреплённых на постоянных местах аулов.

Зима 1802–1803 гг. выдалась необычайно морозной, начался массовый падеж скота, так как не хватало мест для зимовок. Менгли-Гирей занялся обеспечением народа пастбищными и покосными землями, и правительство не осталось безучастным к его настойчивым обращениям. Признав, что голод и высокая смертность начались из-за недостатка земли, император подписал манифест о помощи ногайцам [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 1. Л. 25–30].

Так, 19 июня 1803 г. Менгли Гирей подал рапорт о разрешении кочующим ногайцам косить сено на земле саблинских крестьян и привлёк к этому вопросу александровского земского комиссара для подтверждения принадлежности земли ногайцам. Султан писал, что сенокосные места ногайцев по рекам Сабля и Калаус изъяты для саблинских крестьян Александровской округи, которые, видя изобилие на лугах травы, охраняют степь от ногайцев с помощью вооружённого отряда, чем привели их «в крайнее разорение» [ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 10. Л. 2]. Император удовлетворил

ходатайство Султана и лично приказал «сделать кочующим на Сабле ногайцам снисхождение по нынешнему неурожаю трав производить сенокосение в этих лугах на коих ногайцы всегда имели косение трав» [ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 10. Л. 14].

Надо отметить, что первые русские поселенцы в здешних местах тоже жестоко страдали в ту суровую зиму. Их положение усугублялось еще и тяжестью адаптации к новым для них природно-климатическим условиям. Жители Александровского уезда соглашались поменять своё новое отечество даже на Сибирь. Например, из жителей сел Петровского и Высоцкого, объявивших желание своё к переселению из этих мест в Иркутскую губернию, не смогли удержать 117 семейств. Причинами своего недовольства они называли «недород хлеба, дурноту воды и убыль народу», т. е. большую смертность [АКАК. 1868. Т. 2, с. 933]. Те же причины губили и ногайцев, но главной проблемой для них стало изъятие кочевий, так как правительство заботилось об увеличении оседлого населения, недостаток которого восполнялся христианскими мигрантами даже из-за границы.

Султаны и шотландская колония Каррас

Султан Менгли-Гирей столкнулся с непредвиденным препятствием в защите земельных интересов подведомственных ему народов от новых колонистов в лице иностранных миссионеров. Воспользовавшись острой нуждой российского правительства в увеличении любым способом христианского населения на завоеванных южных землях, в Великобритании основали в 1802 г. шотландское Эдинбургское миссионерское общество для обращения в христианскую религию народов между Каспийским и Черными морями.

Уже весной этого года миссионеры Александр Патерсон и Генрих Бронтон с разрешения императора Александра I отправились на Кавказ и основали колонию в 9 верстах от крепости Константиногорской, «около Бештовых гор в Султановском ауле» [АКАК. 1868. Т. 2, с. 927]. Александр I писал главнокомандующему на Кавказе Цицианову 28 ноября 1802 г., что дарует шотландцам свободу покупать невольников (кроме русских и грузин) на основании Манифеста, изданного в 1763 году при водворении первых в Саратовской губернии колоний, и поручил ему принять Бронтон и Патерсона «в особенное покровительство».

Александр I, видимо, и не ждал от миссионеров успехов в почти безнадежном деле христианизации мусульман, предупредив Бронтона и Патерсона, что «были Черкесы, воспитанные в Петербурге с большим тщанием, но достигнув до отчизны, все обычаи оставили и принесли в дома свои большую прежнего ненависть к христианам». Цицианов после откровенного разговора с миссионерами писал 20 декабря 1802 г. министру внутренних дел Кочубею, что они озабочены распространением не религии, а торговли, и нет у них другой цели, кроме того, «чтобы с Арабским языком выиграть всю доверенность горцев и обратить весь их торг к себе через Черное море» [АКАК. 1868. Т. 2, с. 927].

Историю шотландской колонии освещали многие исследователи, но всё-таки не разъяснённым остаётся вопрос о прежних населенниках этой местности в Пятигорье, немаловажный для нашей темы. Сразу же отклоним версию, что аул Султановский так назывался из-за Султана Менгли-Гирея, так как он обосновался в качестве начальника Бештовского приставства одновременно с шотландцами. Значит, до него здесь жили другие Султаны со своими подвластными аулами. По сведениям Б.-А. Б. Кочекаева, ногайцы этого селения происходили от ногайского князя Мусы [Курмансеитова, 2009, с. 99]. Очевидно, что речь идёт о Муса-мурзе, владельце солтанаульцев, расселенных в Пятигорье в 1769 г. Его потомки князя Тугановы продолжали владеть солтанаульскими ногайцами, которых позже стали называть тохтамышевцами, так как их вытеснили на речку Тохтамыш, правый приток Верхней Кубани. Причинами их перемещения могли быть и изъятие у них земель для шотландской колонии, и эпидемия холеры 1804 г., и назначение Султана Менгли-Гирея начальником Бештовского приставства с подчинением ему местных народов Пятигорья, в числе которых солтанаульцы или тохтамышевцы не упоминаются.

Последнее тем более вероятно, что у солтанаульцев-тохтамышевцев были свои Султаны, родственники Менгли-Гирея. Линия солтанаульских Султанов шла от воспитанника Мусы-мурзы Карач-Султана, сына Бахты-Гирея. Карач-Султан и его сыновья жили среди солтанаульцев, о чём упоминалось выше. Так, во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. генерал-майор Медем обнаружил в верховьях Кубани беглых солтанаульцев во главе с мурзами и «Садык-Гирей Караш Салтаном» [Народы Карачаево-

Черкесии... 1998, с. 349]. Садык-Гирей, сын Карач-Султана после перехода солтанаульцев в российское подданство поселился с ними в Пятигорье, как и его брат Батыр-Гирей Караш-султанов, отмеченный в 1781 г. на российской службе [Черкесы... 2000. Т. 3, с. 121]. Генерал Фабрициан называл отца Батыр-Гирея то «Караш-султаном», то «Кара-Султаном» (чередование звуков *ч / ш / с* обычно для тюркских диалектов) [Черкесы... 2000. Т. 3, с. 110].

Второе название Султановского аула *Каррас*, несомненно, дано по имени Карач-Султана, и именно его дети и внуки владели этими землями, изъятыми для расселения колонистов. Исследователь Е. Ю. Васильева приводит сведения, что они выбрали место «близ аулов Каррас султана, которые Ислан Гирей, Сади Гирей и Кубил по случаю бывшей в 1807 г. чумы оставили как свои места, кои приняли миссионеры под поселение» [Васильева, 2002. Эл. ресурс]. В Султановском ауле, кроме ногайцев, жили также абазинны и кабардинцы, водворённые в Пятигорье в период русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

Исследователь Е. А. Слатвинская приводит следующие сведения о шотландской колонии: «Селение населено татарами, кабардинцами и абазинами под властью трёх братьев султанов. Селение было названо по имени отца. Татары кочевали с места на место, и где семья оседала, то место получало название Каррас. Каждый из братьев имел своих рабов, воинов, наследников» [Слатвинская, 2013, с. 216]. Исследователь М. С.-Г. Албогачиева пишет, что название Султановского аула *Каррас* происходило от «имени татарского Султана, который с некоторыми из своих сыновей похоронен в нескольких верстах к северу от деревни» [Албогачиева, 2009. Эл. ресурс]. Отметим, что современные авторы ссылаются на сведения основателя колонии Патерсона, чей рукописный дневник хранится в Пятигорском краеведческом музее.

В 1802 г. в ауле Каррас жили более 500 человек, говорившие на шести или семи различных языках, все мусульмане. В окрестностях для шотландской колонии власти выделили 6 000 десятин самой лучшей земли, кроме того, их освободили от всех личных и земельных налогов и платежей на тридцать лет. Любому свободному горцу было разрешено принимать христианское (протестантское) вероисповедание и становиться членом колонии. Кроме того, миссии разрешалось выкупать у горцев невольников и обращать

их в христианство. Скорее всего, ногайское название шотландской колонии Каррас (совр. с. Иноземцево Ставропольского края) сохранилось так, как его произносили и писали шотландцы.

Цицианов писал покровительствовавшему колонистам министру Кочубею 20 декабря 1802 г.: «Избираемый ими участок земли входит в общее владение Абазинских Ногайских Татар, из которых до 1 000 кибиток за 40 лет тому назад уже завели неподвижные (оседлые. – З. К.) селения, прочие же более 5 000 кибиток с места на место перекочёвывают для удобнейшего продовольствия многочисленного своего скотоводства и опять на прежние места возвращаются, считая сей удел своею собственностью, как при выходе их из-за Кубани сие им было обещано» [АКАК. 1868. Т. 2, с. 927]. Шотландцы же хотели непременно жить «среди татар», остаться у них «на правах гостеприимства» и учить их язык, чтобы издавать на нём священные книги для местных народов.

Исследователь Л. И. Краснокутская пишет, что Цицианов предложил миссионерам помощь в отводе земли для колонии [Краснокутская, 2013, с. 33]. Однако так как эти земли входили во владения ногайцев и абазин, а глава колонии Бронтон «не был уверен в расположении к ним хозяев», то шотландцы решили остаться «на правах гостей» до прибытия других миссионеров. Цицианов же был уверен, что они специально просили «малое количество земли для хлебопашества», чтобы отвести подозрения и получить право свободного пропуска своих соотечественников из-за рубежа.

В начале августа 1803 г. в Каррас прибыла первая партия миссионеров, но их подкосила очень большая смертность. На момент наделения землёй в колонии жило всего 9 семей шотландцев и «их покупные невольники», на которых выделялась дополнительная земля [Краснокутская, 2013, с. 35]. Конечно, ситуация для шотландцев была опасная, горцы похищали у них не только скот, но и детей, купленных для обращения в христианство, поэтому Л. И. Краснокутская, например, полагает, что «с первых дней жили миссионеры по правилам приличия горских народов, они внимательно изучали отношение к себе, стремились завоевать доверие и лишь в 1805 г. решились получить земли, даваемые им правительством».

Позже, в 1828 г., министр внутренних дел будет уверять командующего на Кавказе Паскевича: «Заведение колонии ничего не стоило нашему правительству, кроме отвода участка пустопорожней земли, принадлежавшей однако же частью Татарам, которых сами же

основатели колонии, Бронтон и Патерсон, на уступку склонили» [АКАК. 1878. Т. 7, с. 938]. На самом деле 20 декабря 1805 г. для отмежевания шотландцам 6 000 десятин земли землемер прибыл под охраной военного конвоя. Он потребовал переводчика-толмача для общения с ногайцами и ознакомил братьев Султанов с «Инструкцией Георгиевской штатной команде» о водворении шотландцев по указу губернатора в урочище р. Джемуха при Бештовых горах «на праздно находящиеся земли владельцев карасовойна» (так в документе. – З. К.). Так пастбища ногайцев были объявлены «праздно находящимися», т. е. пустыми, а значит – казёнными. Султаны спорить с землемером в окружении вооруженного отряда не стали, и «правила по согласованию с владельцами аула Каррас были соблюдены» [АКАК. 1868. Т. 2, с. 927–928].

Вскоре Цицианов, узнав, что миссионеры сняли карту местности и послали в Англию, заподозрил их в шпионской деятельности и пытался изолировать от местного населения. Он писал в правительство: «По уверению татар, с ними живущих, ежедневно выигрывают доверенность жителей горских и не щадят на то денег». Видимо, информировал об истинных целях миссии «татарин» Султан Менгли-Гирей. За покровительство российской власти шотландцы также регулярно доносили на свою новую «паству». Беспроигрышной темой для подобного творчества являлись «злые умыслы» горцев. Так в доносах Бронтона появилась «кабардинская» тема, видимо, с подачи пристава Кабарды Дельпоццо, всячески чернившего своих подопечных, взбунтовавшихся в 1804 г. против российских властей.

Дельпоццо писал: «Сей народ привык не знать никакой правды и неприятель всему тому, кто против его воли идёт», предлагал на них «обратить гнев стократно милосердием кроткого, чадолюбивого, ангелоподобного всемилостивейшего государя нашего императора» [Дельпоццо, 2001, с. 23, с. 39]. Без меры лъстя Александру I, он откровенно «лоббировал» шотландцев, которые якобы одни и могут справиться с «воспитанием и просвещением дикого горского народа». Вместо просвещения шотландцы занялись доносами на них.

Влиятельный покровитель миссионеров князь Чарторыйский писал Цицианову 22 марта 1805 г., что учредитель колонии Бронтон в переписке со своими «приятелями» из Санкт-Петербурга «предлагает услуги свои Российскому начальству по делам Кабардинским, приобревши там большую доверенность». Получив недвусмысленное

предложение Чарторийского использовать его «опыт и влияние», так как он не может сам «видеть все собственными глазами», Цицианов велел Глазенапу и Дельпоццо «приласкать» Бронтона, чтобы получать от него сведения [АКАК. 1868. Т. 2, с. 961]. Однако уже в мае из правительства пришёл ответ, что доносы Бронтона «не могут быть полезны», так как правительство взяло теперь курс на примирение с кабардинцами [АКАК. 1868. Т. 2, с. 971].

В 1806 г. Цицианов погиб, на Кавказской линии свирепствовала чума и вопрос о шотландской колонии на время затих, а в конце года император прислал им «высочайшую грамоту» на владение землей, видимо, благоволя им как англичанам, союзникам против общего врага Наполеона [Васильева, 2002. Эл. ресурс]. На отведённых им плодородных землях около Бештовых гор шотландцы разбивали сады, возделывали пшеницу, рожь, овёс, ячмень, но вскоре почувствовался недостаток рабочих рук, так как осталось всего 22 мужчины, а земли у них уже было 7 000 десятин, и она требовала постоянной заботы о себе. «Драгоценное миссионерское время уходило на полевые и другие хозяйственные работы, а затем на реализацию плодов труда в Константиногорской слободке, на Горячих Водах, Георгиевске», – пишет Краснокутская [Краснокутская, 2013, с. 37]. В 1808 г. каррасские руководители начали приглашать в колонию немцев из Саратовской губернии и наделять их землёй. Новые поселенцы стали активно разводить и выгодно сбывать на рынках картофель, капусту, табак.

Нельзя сказать, что шотландцы вовсе не занимались миссионерской деятельностью. Они внесли определённый вклад в культурную историю коренного населения. Так, они выписали из Англии типографию и напечатали на ней книги на арабском и тюркских языках: несколько небольших молитвенников, четыре Евангелия и Новый Завет. На ногайском языке арабским шрифтом были изданы несколько тысяч экземпляров Ветхого Завета, псалмы Давида, несколько «поучительных книжечек». В 1806 г. в Султановском ауле (Каррасе) шотландские миссионеры напечатали книгу «Бир достлык калями мусилмани» – сочинение в форме диалога о преимуществе христианской религии перед мусульманской [Курмансеитова, 2009, с. 100]. Эти издания являются памятниками языка тюркских народов региона начала XIX века.

В связи с миссионерской деятельностью шотландцев остановимся здесь ещё на одной заметной личности из рода Гиреев. Во

время чумы, опустошившей в 1804 г. все окрестности, к миссионерам попал мальчик Султан Катти-Гирей Крым-Гирей, который «имел реальную возможность расстаться с жизнью, но счастливо поправился» [АБКНКА. 1974, с. 323]. Действительно, в 1804–1806 гг. население аула сильно пострадало от эпидемии, и в 1807 г. коренные жители окончательно оставили аул Каррас. Ребёнок из семьи Султанов, очевидно, был отдан на излечение шотландцам из-за смерти всей семьи, но никак не продан, как другие попавшие в колонию и крещёные дети. Старшина колонии Патерсон писал 27 мая 1813 г.: «В 1807 г. мы окрестили Султан-Ката-Гирея, человека молодого и с отличными качествами, происходящего от крымских ханов. Он служит теперь в Грузии офицером в драгунском полку и поныне ещё часто к нам пишет» [АКАК. 1873. Т. 5, с. 909–910]. Этого потомка солтанаульского Карач-Султана из аула Каррас ожидала весьма примечательная судьба, к которой мы вернёмся ниже.

Патерсон в своих записках 1811 года, описывая полную опасностей жизнь колонистов, приводит примеры, говорящие о том, что и местные народы в Пятигорье не были в безопасности от набегов закубанцев: «лошади Шумана были украдены, но возвращены назад казаками», «200 кабардинцев из Трамова аула увели закубанские горцы», «черкес, который пойман несколько дней назад за воровство Кази Исмаилом, будет расстрелян в Георгиевске», «Давлет Гирей вчера отвёл вора к русским» и т. д. [Краснокутская, 2013, с. 38].

В конце 1813 г. по приказу главнокомандующего на Кавказе Ртищева для защиты от горцев вблизи колонии была поставлена рота с пушкой и 50 казаков для разъездов. Каррас обнесли трёхметровой изгородью, вдоль него вырыли ров, с двух сторон у ворот и в центре колонии на вышке поставили круглосуточную охрану с чугунной пушкой, внутри расположились солдатские казармы, конюшни, караульное помещение, так что колония прекрасно охранялась и могла процветать, снабжая русские крепости сельскохозяйственной продукцией. За 10 лет колония превратилась в цветущее поселение с чистым ручьём в центре [АБКНКА. 1974, с. 323–325].

Англичанин Роберт Лайэлл, в 1822 г. посетивший колонию Каррас, писал, что религиозные диспуты миссионеров особых успехов не имели; так, во время спора один «кабардинский стар-

шина» выразил твёрдое мнение мусульман, что «для народа в их краю бог дал Коран, который призывает к высокой морали и осуждает любое проявление безнравственности». Бронтон (умер в 1813 г.), «прекрасно подготовленный для деятельности в качестве христианского миссионера», успел перевести на «татаро-турецкий язык» Новый Завет, получивший распространение среди местных народов по обе стороны Кавказской линии, но, как оказалось, твёрдая обложка книги ими использовалась для Корана, а текст уничтожался. В соседних аулах говорили: «Миссионеры очень добрые и услужливые люди, но это люди опасные, поскольку их главным занятием являются проповеди, направленные против Пророка» [АБКИЕА. 1974, с. 326].

Однако больше всего местное население раздражали постоянно увеличивающиеся наделы земли колонистов за счёт сокращения жизненного пространства мусульман. Лайэлл привёл речь одного из них, высказанную миссионерам: «У вас есть религия, которая, как вы утверждаете, лучше, чем любая другая, и вы проповедуете, что, просвещая по поводу этой религии, вы поступаете по отношению к другим так, как вы хотели бы, чтобы они поступали по отношению к вам. Именно так вы говорили вначале. Вы пришли сюда, вы занимали нас красивыми речами, пока вы не отобрали у нас наши земли и не присвоили их себе. Разве это означает поступать по отношению к другим так, как вы хотели бы, чтобы они поступали по отношению к вам? Кто, как вы думаете, поверит в ваши проповеди после того, как вы поступили подобным образом?». Миссионеры отвечали ему, что земли были переданы им правительством, которое имеет право распоряжаться ими. Такова была позиция миссионеров, вызывавшая стойкое неприятие мусульман.

Менгли-Гирей, пользовавшийся доверием правительства, являлся серьёзным противником в земельных спорах и, надо сказать, главнокомандующий Ртищев часто принимал его сторону. Так, в спорной ситуации с колонистами в марте 1812 г. он писал императору: «При Бештовых горах находится поселённая Шотландская колония, для которой, хотя Высочайше повелено отмежевать 6 000 десятин земли, но они сверх сей пропорции, будучи в весьма малом числе поселёнными, занимают большое пространство земли сверх положенного» [АКАК 1873. Т. 5, с. 903]. Поселенцы злоупотребляли тем, что кочевья не были чётко разграничены, поэтому Ртищев предложил прави-

тельству произвести в Кавказской губернии генеральное размежевание земель и учредить для этого межевую контору. Немногочисленные шотландцы, чтобы как-то оправдать излишки у себя земли, приглашали единоверных немцев с Поволжья, которые скоро стали преобладать численно и активно заниматься сельским хозяйством и коммерцией в ущерб миссионерской деятельности.

Патерсон обвинял Менгли-Гирея в своих весьма скромных результатах христианского прозелитизма, так, 27 мая 1813 г. он доносил: «Лютый и непримиримый нрав Кабардинцев заставил нас ограничиться в миссионерских действиях наших между татарами. Назначение Султана Менгли-Гирея – мухаммеданина в приставы сделалось великим препятствием в успехе наших миссионерских действиях» [АКАК. 1873. Т. 5, с. 909–910]. Предприимчивый и грамотный старшина смог добиться больших успехов в земельных притязаниях, поэтому он интриговал против Менгли-Гирея, твёрдо отстаивавшего права ногайцев на свои земли и, разумеется, противившегося христианизации своих людей. Однако Патерсон ошибался, считая свою католическую миссию для православной России настолько важной, что сможет легко выставить врагом правительства заслуженного генерала только потому, что он мусульманин

Вскоре миссионерскую деятельность колонии запретили как агентурную, и шотландцы уехали в другие места, остались только немцы [Краснокутская, 2013, с. 38]. В 1813 г. в колонии насчитывалось 166 жителей: 26 британцев, 17 горцев, обращенных в христианство, и 123 немца [Албогачиева, 2019. Эл. ресурс]. При этом миссионеры владели лучшей пахотной землёй, намного превышающей по количеству их нужды. Лайэлл писал, что в 1822 г. колония состояла только из трех семей шотландцев и двадцати-тридцати немецких семейств, а количество пахотной земли составляло 2 500 десятин: «Почвы на землях колонии и по соседству – это богатый чернозем, который при условии хорошей обработки дает очень высокие урожаи любого вида зерновых, хотя немцы находят более выгодным выращивать табак, картофель и тому подобное; в то же время остается достаточно много земель под пастбищами для выращивания крупного рогатого скота» [АБКИЕА. 1974, с. 324]

Хозяйственная деятельность полностью сменила миссионерскую, о которой у Лайэлла сложилось «удручающее» впечатление. Виноватыми, разумеется, представлялись сами горцы, которые не

спешат «цивилизоваться», а «стремятся продолжать тот образ жизни, который вели их предки» [АБКИЕА. 1974. с. 327]. Забегая вперёд, скажем, что генерал Ермолов накануне очередной русско-турецкой войны поставит точку в существовании шотландской колонии, не считая выезд миссионеров в Англию «весьма важным ущербом для тамошнего края, ибо они ни в отношении проповедования христианства, ни в отношении к хозяйству не оказали хороших успехов» [АКАК. 1875. Т. 6. Ч. 2, с. 938].

В 1828 г. земли шотландской колонии разделили: Патерсону «во уважение 25 летних трудов» отвели 500 десятин земли, а 9 семьям крещеных горцев и 10 семьям немцев – по 60 десятин. Саратовские немцы продолжали прибывать сюда и получали земли «из пустопорожних казенных земель вблизи Минеральных вод» [АКАК. 1878. Т. 7, с. 939]. Достойно упоминания, что старшина немецких колонистов в Каррасе Иоганн Рошке, между прочим устроил небольшую кофейню, очень популярную среди отдыхавшей в Пятигорье публики. Её посещали такие великие личности, как Пушкин, Глинка, Толстой, Белинский, там же провёл свои последние часы перед роковой дуэлью 15 июля 1841 г. Лермонтов [Дударев, Захаров, Королёва, 2016, с. 57].

Что касается Патерсона, то он не уехал и доживал свой век частным лицом. Примечательное письмо от 20 февраля 1830 г. получил министр внутренних дел России от директоров Шотландского миссионерского общества из Эдинбурга. Считая распоряжение правительства несправедливым, они пишут про Патерсона, «что он не пастор и никогда не был посвящен церковью или каким-либо духовным обществом в сие звание. До отъезда же его отсюда он был не что иное, как простой ремесленник. В качестве пастора отправился с Патерсоном Генрих Бронтон». И главное, сообщалось, что на покупку горцев им тратились деньги Шотландского общества, поэтому никто в России «не имеет права на сих горцев» [АКАК. 1878. Т. 7, с. 942].

О судьбах воспитанников из горских детей сведений крайне мало, но один из них – упоминавшийся выше Султан Каты-Гирей – часто привлекает внимание исследователей, и, к сожалению, скудные свидетельства об этом потомке солтанульского Карач-Султана нередко вплетаются в биографию другого выдающегося Султана – родного племянника генерал-майора Менгли-Гирея генерал-майора Казы-Гирея, о котором будет написано в отдельной главе.

Что же касается Султана Каты-Гирея (Катте-Гирея) Крымгирева, то он в крещении был наречён Александром Ивановичем Султан-Крым-Гиреем, служил в Грузии, участвовал в сражениях, в 1809 г. получил чин прапорщика, но военной карьере предпочел миссионерскую деятельность и в 1816 г. вышел в чине поручика в отставку. Александр I пожаловал ему 15 тысяч рублей из казны для приобретения земель, по 6 тысяч в год пенсiona и разрешил ехать учиться богословию в Англию. Шотландское миссионерское общество связывало с ним большие надежды на обращение в христианство татар и, очевидно, распространением английского влияния в Крыму.

Вернувшись в 1820 г. из Англии в Петербург с женой англичанкой Анною Яковлевной Нельсон, Султан Каты-Гирей через несколько лет переехал с большой семьёй в Крым. Лайэлл перед своей поездкой в Каррас встретился с ним в Симферополе в его доме, где преобладали английские обычаи и обращение. Образование, убеждения, поведение и даже образ мышления Султана были «истинно британскими». Будучи членом Британского Библейского общества он занимался распространением религиозного учения и собирался устроить в Крыму училище и школу для татарских юношей с целью обращения их в христианскую веру. Согласно документам за 1832 г., он имел обширные сады и земли в Демерджи, Гурзуфе, Алуште, Симферополе. Таврическое губернское дворянское собрание в 1833 г. внесло Александра Султан-Крым-Гирея (Каты-Гирея) в родословную книгу дворян губернии [Лайэлл, 2002. Эл. ресурс].

Таким образом, Каты-Гирей происходил не из семейства Султана Менгли-Гирея, хотя тоже являлся потомком его прадеда Бахты-Гирея. Миссионеры имели право выкупать детей-невольников у местных народов, крестить и обучать их, но Каты-Гирей не мог быть невольником по своему происхождению. Даже если он остался сиротой, Султаны позаботились бы о нём. Впрочем, возможно, и позаботились, специально отдав после гибели его семьи от чумы в руки шотландцев, которые смогли его спасти. Что касается Султана Менгли-Гирея и его братьев, то конфликт земельных интересов с шотландцами вряд ли оставлял место для дружеских отношений.

Миграции аулов через Кубанскую линию

В 1804 г. в Кабарде вспыхнул бунт, поставивший под угрозу коммуникации между Кавказской линией и Грузией [АКАК. 1868. Т. 2, с. 940]. 9 мая казаки напали на кабардинцев и вытеснили с плоскости в горы, а войска командующего на линии генерала Глазенапа пошли за ними, несмотря на начавшуюся эпидемию. 11 мая Глазенап, спешивший отличиться усмирением Кабарды, отписался Цицианову, что слухи о чуме распространяют сами кабардинцы, чтобы остановить войска от вторжения в их земли. 14 мая при Чегеме русских встретили объединённые силы «отчаянно сражавшихся» кабардинцев, балкарцев, карачаевцев и осетин, но к вечеру они были «выбиты из 12 окопанных аулов» [АКАК. 1868. Т. 2, с. 938].

В рапорте Глазенап указал явно преувеличенную численность горцев в 11 000 человек, побеждённых якобы его «малым отрядом» из 1 750 гренадёр, егерей, драгун и казаков, который «привёл в трепет все народы». Хотя в его войске одних только генералов было пятеро, а в ведомости об этом сражении перечисляются 6 драгунских полков и 4 казачьих, оснащённые полевой артиллерией, против которой горцы были бессильны [АКАК. 1868. Т. 2, с. 941–942]. Судя по тому, что «русские убиты и ранены большей частью холодным оружием», горцы почти не имели огнестрельного вооружения. В результате этой экспедиции началось бегство кабардинских князей с аулами в Карачай, остались только те, кто изъявил полную покорность властям и участвовал в сражении на стороне русских.

В этой экспедиции впервые пришлось принять участие Султану Менгли-Гирею, однако он счастливо избежал участи убийцы единоверцев и разорителя мирных аулов. Глазенап писал, что пригласил с собой «начальника пятигорских ногойцев и абазин-алтыкесеков» в качестве переводчика: «Не могу здесь умолчать о генерал-майоре Султане Менгли-Гирее, которого соглася идти со мной, по причине его познаний в горских языках, так как я не желал доверяться прочим обыкновенным переводчикам, и который с лёгкой конницей везде находился, открывая себе путь сквозь неприятеля в ободрение другим, впереди легким войском бывшим». Вместе с Менгли-Гиреем находился его младший брат Бахты-Гирей (в документе Бахши-Гирей), представленный Глазенапом к награде за «заслуги и приверженность» [АКАК. 1868. Т. 2, с. 943, 946].

Александр I выразил «совершенное удовольствие» Глазенапу за усмирение кабардинцев и обязал принять все меры для скорейшего

открытия связи Кавказской линии с Грузией [АКАКю 1868. Т. 2, с. 938–939]. Для полного контроля над кабардинцами 19 мая 1804 г. в Большой Кабарде ввели систему русского правосудия «Суды и Расправы». Это еще больше оттолкнуло кабардинцев от России, и часть их под руководством Адиль-Гирея Атажукина и Исхак-эфендия Абукова, которые требовали введения религиозного суда «мехкеме», бежала в Закубанье. Чтобы увеличить численность своего аула они увлекали в бегство российских подданных с Пятигорья.

Кабардинский князь Росланбек Мисостов со своим отрядом ушёл из Бештовского приставства значительную часть абазин и ногойцев, «предая огню и мечу непослушных». Менгли-Гирей пытался остановить это движение, но сам едва ушёл от закубанцев, гнавшихся за ним по следам и убивших 28 человек из его свиты. Он укрылся в Георгиевске, который три дня находился «в оборонительном положении» [АКАК. 1868. Т. 2, с. 1018]. Беглые кабардинцы и закубанцы вырезали казачью команду при абазинах, два раза атаковали Кумский редут и осадили все посты, начиная от Прочного Окопа до Константиногорска [Потто, 1994. Т. 1, с. 593].

1 августа Глазенап доложил Цицианову, ссылаясь на сведения Менгли-Гирея, что абазин ушло 900 семей, а ногойцев – 54 аула [АКАК. 1868. Т. 2, с. 943]. С их уходом в ведомстве Менгли-Гирея остались ногойцы в 2 801 кибитке: джембойлуковцы – 1 456, едиданцы – 319, едиданцы – 112, мангитовцы – 272 и каспулатовцы – 642 [АКАК. Т. 6. Часть 2, с. 529]. По общим сведениям, всего с российской стороны ушло около 20 тысяч «кочевых татар» [АКАК. 1875. Т. 2, с. 651]. Чтобы вернуть их, русские войска вторглись в Закубанье, где 45 ногойских аулов обещали вернуться в Пятигорье, а абазинцы, по словам Глазенапа, «за неимением на нашей стороне никакого жилья, т. к. все при побеге сожгли», просили срок до весны [АКАК. 1868. Т. 2, с. 946].

Переход войск через границу в мирное время являлся нарушением международных договоров, но на последовавший протест анапского паши российские власти ответили, что поход вызван необходимостью вернуть незаконно захваченных российских подданных. Тем не менее военные экспедиции прекратились, а за Кубань послали влиятельного Султана Менгли-Гирея, и он через два месяца, весной 1805 г., при содействии своих младших братьев Бахты-Гирея и Азамат-Гирея, а также ногойских мурз майора Рос-

лам-бека Мансурова и Рослам-бека Туганова мирно вывел оттуда беглых ногайцев и абазин. За Кубанью остались лишь 172 семьи из 710 семей абазин-тапанта, которые «метались из стороны в сторону» [Абазины, 1989, с. 22].

По составленной Менгли-Гиреем «Ведомости о числе вышедших из-за Кубани ногайских и абазинских аулов и семейств» в Бештовское приставство вернулись: каспулатовцы – 28 аулов (1 494 семьи), кипчаковцы – 14 аулов (486 семей), мангитовцы – 9 аулов (462 семьи), итого – 51 аул (2 442 чел.). На российскую сторону вместе с ними вышли и части «древних закубанских жителей»: владельцы Ахмед-Гирей и Бекмурза Мансуров с 6 аулами (402 семьи), кочевавшие по Лабе мангитская и кипчакская фамилии (498 семей). Глазенап в рапорте от 10 июня писал о Менгли-Гирее как «оказавшем отличное своё при сем случае усердие и деятельность» [АКАК. 1868. Т. 2, с. 946]. Так Менгли-Гирей вывел из Закубанья тысячи ногайцев и абазин без единого выстрела в отличие от военных экспедиций Глазенапа.

Менгли-Гирей умело воспользовался своим влиянием на родственников, живших среди закубанских народов в немалом числе и имевших на них большое влияние. Семён Броневский отмечал, что часть закубанцев «в виде дворовых людей составляют собственность крымских султанов рода Гиреев, происходящих от Чингисхана, кои по родственным связям своим с черкесами остались там на всегдашнее жительство» [Броневский, 1999, с. 220]. По сведениям Броневского, в это время среди ногайцев-наврузовцев по Лабе и Средней Кубани жили Султаны Мурат-Гирей со своим подвластным аулом в 40 домов, его брат Девлет-Гирей жил у абадзехов на речке Кучипс, Батыр-Гирей имел несколько аулов на речке Пшекупс. Родные братья Менгли-Гирея Азамат-Гирей и Максюд-Гирей жили среди ногайцев на Большом Зеленчуке «в бедном положении», однако «пользовались между Закубанскими народами отличным уважением, и нередко, по приглашению их, принимали начальство над войском в неприятельских действиях против России» [Броневский, 1999, с. 136, 140, 230]. Менгли-Гирей убедил многих из них пойти на контакт с русскими, а свою мать и братьев переселил на российскую сторону.

Беглые ногайцы и абазин вернулись в Бештовское приставство благодаря уговорам и обещаниям Менгли-Гирея, который действовал, как он писал, «обнадеживая абазинцев и ногайцев по

их нравственности ласкательными привилегиями, чем и удалось мне сколько посредством присяги по нашему магометанскому обряду, а более примером, переселяя мать с братьями моими в пределы линии, согласить сии народы к водворению на прежние места» [РГВИА Ф. ВУА. Д. 6200. Л. 2–5].

Успешная миссия Менгли-Гирея не была забыта властями. В 1807 г. главнокомандующий на Кавказе Гудович отмечал, что когда Рослаббек Мисостов собрал большую партию закубанцев и увёл до «20 тысяч кочевых татар, на нашей стороне кочующих», то вернуть их удалось только «стараниями генерал-майора С. Менгли-Гирея, имеющего начальство над ними» [АКАК. 1869. Т. 3, с. 651]. Дипломатический потенциал Султана, конечно же, был замечен российским командованием и использован ещё не раз.

Военные экспедиции на турецкую территорию преследовали цель вернуть беглых кабардинцев, ногайцев и абазин, так как правительство беспокоило расселение вблизи границы враждебных партий, способных не только усилить антирусские силы за Кубанью в случае войны с Турцией, но и предпринимавших дерзкие набеги на Кавказскую линию. Возвращение в Пятигорье кумских ногайцев и абазин-алтыкесеков не снимало остроты ситуации с кабардинцами, часть которых в 1805 г. вернулась Кабарду, остальные, скрывшиеся на Большом Зеленчуке от российских войск, после их ухода переселились к бесленеевцам за Лабу [АКАК. 1869. Т. 3, с. 623].

***

Для развития курортов в Пятигорье требовалось не только обеспечение продуктами, которое брали на себя шотландская колония и кумские ногайцы, но прежде всего безопасность от горцев. Ещё в 1803 г. император утвердил предложение Цицианова об устройстве в 35 верстах от Константиногорской крепости на р. Подкумок нового укрепления «для доставления пользующимся надлежащего и безопасности», и в октябре оно уже было построено. Пристав Кабарды Дельпоццо в 1805 г. писал Цицианову: «Кисловодское укрепление такое место занимает, где все арбяные дороги, лежащие из Кабарды к стороне Кубани, соединились у самых стен Кисловодского укрепления» [АКАК. 1868. Т. 2, с. 969]. Хотя учреждение Кисловодска отложили из-за эпидемии, но уже

строительство крепости пресекало удобные пути бегства кабардинцев в Закубанье через Карачай, что стало одной из причин «больших волнений» в Кабарде [Бутков, 2001, с. 350].

Примечательно, что 22 августа 1804 г. полковник Измаил Атажукин, второй сын Темрюка, подал министру внутренних дел Кочубею свои предложения «о беспорядках на Кавказской Линии и о способах прекратить оные». Он предлагал властям помириться с кабардинскими владельцами, так как они российские подданные, и акцентировал внимание на ту роль, которую они играли в продвижении России на территории горских соседей Кабарды [Косвен, 1961, с. 135, 139]. Однако, приехав осенью на Кавказ, Измаил ничем не мог помочь властям, совершенно не владея ситуацией. Тем не менее, ссылаясь на записку Атажукина, Кочубей писал Цицианову, что силой усмирить горские народы невозможно и нужно использовать для этого кабардинцев, подданных России, «но надобно ещё более их к ней привязать, сделав им приятным наше над ними начальство» [Косвен, 1961, с. 957–958].

Измаил Атажукин оказался фактически старшим владельцем в Большой Кабарде и пытался укрепить авторитет при помощи правительства, предлагая удалить русские селения на линии и отдать земли кабардинцам, что Цицианов прокомментировал категорически: «Превышает меру дерзости» [АКАК. 1868. Т. 2, с. 981]. Однако для усиления авторитета Измаила по его просьбе кабардинцам разрешили пасти скот при новой Кисловодской крепости, а отдельные уздени даже успели поселиться там. Но другие владельцы, наоборот, увели свои аулы с Малки на Баксан, боясь, что их подвластные сбегут под защиту русских, как писал Дельпоццо: «Всем известно, что черный народ кабардинский совершенно предан к Российскому правлению» [АКАК. 1868. Т. 2, с. 966, 969]. Фактически поселение кабардинцев на Верхнем Подкумке не состоялось, и хозяйственную деятельность здесь продолжали вести карачаевцы.

***

Из-за значительной удалённости казачьих поселений, а также благодаря мелководью Верхняя Кубань более всего подвергались прорыву партий беглых кабардинцев [Толстов, 1900, с. 126]. Летом 1805 г. приставу Кабарды Дельпоццо поручили обследовать переправы через Кубань выше Баталпашинского укрепления [Бут-

ков, 2001, с. 352]. Для оправдания своих действий на чужой территории он пытался представить карачаевцев подвластными кабардинских князей, хотя сам же позже признавал, что это не соответствовало действительности.

Так, Дельпоццо писал о притязаниях кабардинских князей: «Они ищут власти владеть всеми горскими народами, покорившимися предкам их, неправильно, потому что сия часть покорности оных им относится к силе и действию войска в тогдашнее время и покровительства им от Всероссийских государей; народы же сии суть: Осетинцы, Балкарцы, Карачаевцы, Абазинцы, Ингушевцы и Карабулаки есть люди вольные и хотя они с некоторых времён и платили им подати, но сие единственно последовало от вышеписанного предмета силы оружия Российского и покровительства им, Кабардинцам, данного, и тогда ещё Российское правительство не имело совершенного сведения о состоянии и вольности тех народов» [АКАК. 1870. Т. 4, с. 879].

Тем не менее Дельпоццо попытался хотя бы на словах «расширить» границы вверенного ему приставства, чтобы занять броды через Верхнюю Кубань. От Баталпашинского поста граница шла вниз по Кубани, а не вверх, поэтому Дельпоццо лукавил, будто в верховьях Кубани находится «вверенная ему кабардинская область». Он предложил построить крепости по Кубани до Каменного моста, а затем проникнуть вверх по Кубани, чтобы взять под контроль пути сообщения между Кабардой и Закубаньем.

Очевидно, на случай оправдания за вторжения на независимую территорию на некоторых русских картах-схемах этого периода Карачай вообще не указывался, а на Верхней Кубани размашисто рисовались названия беглых российских подданных абазин. Возможно, не только строгие карантинные меры из-за чумы останавливали войска от экспедиции за Кубань и возвращения остававшихся там 172 семей беглых абазин в Пятигорье, где находилась основная их часть, но и тактические интересы. Произвольно обозначая пространство от Кумы до Зеленчуков как «Малая Абаза», т. е. как места расселения беглых российских подданных, военные и пользовавшиеся от них информацией различные авторы подготавливали удобные предпосылки для присоединения этой территории.

Так, немецкий ученый Клапрот, принятый в Российскую Академию наук, посетил Кавказ в 1807–1808 гг. В своём очерке, ссылаясь на слова некоего армянского торговца, он ограничивал Кара-

чай Кубанским ущельем, где находились их крупные селения, и писал: «Паллас слишком расширяет их страну на запад, гранича их на Урупе с башилбаями» [Клапрот, 1974, с. 246]. Однако более информированный Паллас верно указывал западными соседями карачаевцев башильбаевцев, часть залабинских абазин-шкарауа. Беглые абазины-тапанта расселялись у них в устье Урупа, а в период опасности или сбора в набеги уходили вверх по реке в горы. Броневский указывал, что неприступное ущелье в верховьях Урупа «служит сборным местом для укрывательства воровских скопищ и беглых людей» [Броневский, 1999, с. 74].

Отметим, что к 1805 г. «сухая» часть Кубанской линии проходила по старинному равнинному пути сообщения закубанцев с Кабардой, но когда по Кубани самым верхним стало укрепление Баталпашинское, открылась скрытая дорога в горах по правому притоку Кубани Джегуте в Пятигорье, по которой пытался пробраться в Кабарду Батал-паша в 1790 г. Сведения о переправах и дороге от Джегуты и выше, к крупным карачаевским селениям, Дельпоццо получил от князя Росланбека Туганова, которого он характеризует «к России много преданным и от всех Закубанских народов по своей храбрости и остроте разума многуважаемым» [АКАК. 1868. Т. 2, с. 971–972].

Тохтамышевские ногайцы (солтанаульцы) между Кубанью и «сухой» линией до Кумы являлись «буферным» населением между границей и Карачаем. Хотя они не входили в Бештовское приставство, но их владельцы мурзы Тугановы являлись аталыками и родственниками семейства генерал-майора Менгли-Гирея и других Султанов, через посредство которых могли поддерживать связи с русскими кордонными властями. Дельпоццо узнал от Туганова, что на Верхней Кубани 6 бродов, а выше Каменного моста из-за «чрезвычайно высоких утёсистых берегов Кубани» удобных переправ нет, поэтому беглецы пользовались только переправами от р. Батмаклы (р. Овечка) до Каменного моста у слияния Кубани и Теберды.

Чтобы получить разрешение правительства на занятие Верхней Кубани, Дельпоццо выдвинул обвинение, что на этих переправах кабардинцы, абазины и ногайцы «имеют с закубанцами беспрепятственную коммерцию» похищенным скотом и русскими пленниками, а также хлебом из линейных городов и солью, которую покупают по 1 р. 50 к. за каждую арбу и «продают закубанцам дорогою ценою, а через сие казна терпит ущерб» [АКАК. 1868. Т. 2, с. 973]. Однако

никакие ухищрения не помогли Дельпоццо получить разрешение на строительство крепости в Карачае, и беглецы по-прежнему уходили в Закубанье через Верхнюю Кубань.

В 1805–1806 гг. незначительные переселения абазин за Кубань и обратно продолжались из-за неопределённости их положения, наконец, в 1806 г. кабардинским князьям решительно отказали во власти над абазинами, которые сразу же добровольно стали возвращаться на российскую сторону [АКАК. 1869. Т. 3, с. 644]. Но постоянные передвижения аулов, тесные связи с родственными народами в Кабарде и за Кубанью, зависимость от рынков сбыта лошадей и т. д. делали совершенно неприемлемым изолированное существование в границах кумских селений. Абазинские князья, видимо, не хотели мириться с подчинением Менгли-Гирею, поэтому некоторые из них уводили подвластные аулы за Кубань. Так, аулы Лоова и Дударукова временно расположились на Малом Зеленчуке, и у них скрывался беглый князь Адиль-Гирей Атажукин до своей смерти от чумы в 1807 г.

По сведениям Броневского, за Кубанью абазины жили в смежности с мансуровцами, бесленеевцами и башильбаевцами, с которыми находились «в тесной связи» [Броневский, 1999, с. 73–74]. Зимой они держали стада по хуторам вблизи Кубани, а осенью и весной – в устьях Зеленчуков напротив российских кордонов. Как писал П. И. Ковалевский, турецкие власти «не обращали внимания на набеги и разбои на Кавказской линии закубанцев, так как не могли повлиять никаким образом на образ жизни своих формальных подданных», в свою очередь, русские также ходили за Кубань и грабили аулы, «но земель не могли присоединить, – земля принадлежала Турции» [Ковалевский, 1915, с. 171].

И всё же большая часть беглых кабардинцев, абазин и ногайцев вернулась на российскую сторону ещё до начала очередной русско-турецкой войны. Абазины компактно расселились в двух значительных поселениях: Бабуковском в 4 верстах от Георгиевской крепости и Травовском вблизи Константиногорской крепости [АКАК. 1969. Т. 3, с. 55]. Вместе с кумскими ногайцами они входили в Бештовское приставство.

В 1805–1806 гг. Менгли-Гирей успешно занимался водворением и устройством своих подвластных кумских ногайцев и абазин-тапанта: «Во время поселения народов для приласкания неко-

торых позволялось выбирать им по удобности места, то многие расположились внутри кордона, даже и между российских поселян, так что пашни их и др. потребности были с русскими общими» [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6200. Л. 2–5]. Жители Бештовского приставства под его управлением стали вполне мирными подданными Российской империи: торговали продуктами скотоводства, помогали российским поселянам в уборке хлеба и сенокошении, по выгодным для казны ценам перевозили провиант для войск и приняли на себя содержание почты в Кизляр. Кроме того, они оказывали военную помощь передовым постам линейных казаков по охране «сухого» участка Кубанской линии от Баталпашинского поста до Пятигорья.

Чума в период русско-турецкой войны (1806–1812)

Как только распалась антифранцузская коалиция, в которую входили и Россия, и Турция, между ними началась очередная затяжная война (1806–1812). Заключив с Наполеоном Тильзитский мир в 1807 г., Александр I «под шумок» европейской войны, принялся вытеснять Османскую империю за Чёрное море. В эту войну у русских войск на Кавказской линии, возможно, были бы все шансы завоевать турецкое Закубанье, но экспедиции за кордон сдерживала опустошительная эпидемия чумы, вспыхнувшая ещё в 1804 г. во время военной экспедиции в Кабарду.

В рапорте от 20 сентября 1806 г. генерал Глазенап признавался, что «оттуда неосторожностью первая чума после экспедиции завезена и на Линию» [АКАК. 1869. Т. 3, с. 625]. В 1807 г. «пламень язвы» полыхал от Екатеринограда до Усть-Лабы на 450 верст, поражая множество людей почти в 20 русских селениях и особенно в аулах местных народов [АКАК. 1869. Т. 3, с. 57]. Войскам было приказано следить за пресечением всякого сообщения через границу, тем не менее казаки и закубанцы не удержались от взаимных набегов, пользуясь военным временем.

Клапрот писал: «Предводители бесленеевцев совершают набеги вместе с кабардинцами и живущими на русской стороне ногайцами, с которыми они делят добычу. Пленных русских они продают дальше в горы и только детей оставляют себе» [Клапрот, 1974, с. 236]. Он же отметил некоторую обособленность закубанских Султанов: «В областях за Кубанью укрылись некоторые потомки крымских султанов, но их последователи малочисленны. Татары и черкесы называют их общим именем Султания» [Клапрот, 1974, с. 244]. Однако ситуация сложилась не столь однозначно. Примечательное событие произошло в 1807 г. на Нижней Кубани. 12 октября казачьи полки атамана Бурсака с пушками перешли границу, чтобы напасть на абадзехов по просьбе закубанских князей и дворян «свести счёты с заклятыми врагами демократами-абадзехами», не имевшими княжеского сословия [Щербина, 1992, с. 166]. 10 000 черкесов под предводительством Арслан-

Гирея и 1 000 ногайцев владельца Батырши, подкрепленные русскими пушками, победили «самых храбрых из черкесов – абадзехов». Кстати, упоминаемый здесь Арслан-Гирей, конечно, не мог быть отцом Менгли-Гирея, очевидно, это один из его многочисленных двоюродных братьев, названный в честь уже умершего сераскира. Разрешение на эту экспедицию Бурсак получил от царя обманом: якобы его войска должны были помочь черкесам напасть на турецкую Анапу. Помощь закубанским Султанам он оказал не бескорыстно, и через заражённые военные трофеи казаки разнесли чуму по всему Прикубанью.

В Бештовском приставстве особенно пострадали абазинские аулы вблизи Георгиевска и Константиногорска [АКАК. 1869. Т. 3, с. 55]. Абази́нам не дали возможности переместиться на безлюдные места, как они обычно практиковали при эпидемиях. Также отказали в переселении вымиравшему от чумы «чёрному кабардинскому народу» под предлогами, что между Кумой и Подкумком «пустопорожних мест нет» и «переселение сие не может быть полезно» [АКАК. 1869. Т. 3, с. 650]. Для кабардинцев в Пятигорье свободных земель не оказалось, так как они предназначались для новых колонистов. Так, 24 сентября 1806 г. министр внутренних дел Кочубей приказал главнокомандующему на Кавказской линии Гудовичу утвердить 6 000 десятин «близ Бештовых гор» для шотландской колонии [АКАК. 1869. Т. 3, с. 623]. Между тем от Георгиевск до Кубани на 17 вёрст простирались кочевья «разных татар», т. е. Бештовского приставства [АКАК. 1869. Т. 3, с. 650].

Чтобы как-то успокоить Кабарду и предотвратить бунт, власти разрешили в 1807 г. ввести «мехкеме» – судопроизводство по шариату, мусульманскому праву, и большая часть беглых кабардинцев вернулась, но уже без Адиль-Гирея Атажукина и эфендия Абукова, умерших от чумы в Карачае. Султан Менгли-Гирей в это время тоже был занят введением среди абазин своего приставства шариатского суда из 30 человек, по примеру ногайцев и кабардинцев. В марте Султан добился от Гудовича разрешения для «спокойствия и тишины восстановить в Абазе на их Азиатских обрядах духовный суд», судьями в котором стали старшие ногайские мурзы, абазинские владельцы, эфенди и уздени [АКАК. 1869. Т. 3, с. 629]. Но этим сохранить мир в Бештовском приставстве не удалось.

Кавказские власти начали вытеснять абазин из Пятигорья к тохтамышевским ногайцам, обитавшим за чертой границы на правобережье Верхней Кубани, хотя Менгли-Гирей предпринимал активные меры по борьбе с эпидемией и выезд за карантинные кордоны разрешался только по личному согласованию с ним [АКАК. 1970. Т. 4, с. 911]. Дело в том, что район Пятигорья, отнесённый к гражданскому управлению, тем не менее оставался частью границы, и абазин, обвинённых в «хищнических» набегах, в 1807 г. военные власти просто «заперли» в аулах, лишив доступа к скоту на пастбищах. Менгли-Гирей «даже не успел позаботиться, чтобы в аулах было достаточно скота для прокорма» [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6200. Л. 2–5].

Начался голод, и отчаянное положение толкало абазин на стычки с казаками, охранявшими аул, а власти видели в этом непокорность и враждебность. Гражданские власти упорно стремились передать их на период войны в военное управление, переселив за Кавказскую линию, убеждая начальство, что невозможно «воздерживать их в границах порядка и повиновения гражданского» [ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 155. Л. 2]. Кавказский гражданский губернатор Картвелин в донесении Гудовичу от 1 июля 1807 г. называл причиной своего беспокойства родство и единоверие абазинского аула Бабукова у г. Георгиевска с черкесами, набегов которых опасался.

Менгли-Гирей же настаивал, что ногайцы и абазин сами «подвергались преследованию, хищничеству и убийству» со стороны новых поселян и казаков [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6200. Л. 2–5]. И всё же абазин удалили из Пятигорья под видом «бунтовщиков» [ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 155. Л. 8]. Гудович предписал перевести аул Бабукова в ведение военного начальства и оставить так на будущее, «как и другие народы в Кавказском крае обитающие» [ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 155. Л. 11]. Зимой чума немного утихла, и в апреле 1808 г. держалась только в ногайских и абазинских аулах Кавказской губернии [АКАК. 1869. Т. 3, с. 57]. Абазин опять окружили казачьей цепью, обвинив в том, что они разносят чуму и не прерывают связей с закубанцами.

В мае аул Бабукова поступил в ведение военного начальства в надзор Волжского казачьего полка, и кордонное начальство сразу же велело отобрать у абазин скот и отдать под присмотр казаков, а самих выселить на р. Тохтамыш, окружив «цепью, составленную из регулярных и казачьих войск» [Дебу, 2001, с. 69]. Так бабуков-

цев изгнали за пограничную линию, на правобережье Верхней Кубани, а их скот остался на российской стороне. После этого закубанцы стали нападать на Кавказскую линию с целью отобрать абазинский скот, содержащийся в русских селениях, очевидно, по просьбе и при помощи абазинских владельцев.

Александр I летом 1808 г. по предложению кавказских властей хотел переместить абазин на те места, которые они занимали в бывшем Крымском ханстве: от Воровсколесской станицы вниз до Кубани к урочищу Невинного мыса [Потто, 1994, Т. 1, с. 687]. В переписке по поводу абазин участвовали сам император, министры В. П. Кочубей и А. Б. Куракин, генералы Гудович и Булгаков. Вот несколько цитат. Куракин Гудовичу 16 августа 1808 г.: «Каким бы образом произвести в действо... переселение Абазинцев и Ногайцев... во внутрь Кавказской губернии за Российские селения»? [АКАК. 1869. Т. 3, с. 58]. Кочубей Булгакову 24 августа 1808 г.: «Известно, Абазинцы сии на сделанное им предложение о переселении не только не изъявили добровольного согласия, но, напротив того, решительно от того отказывались... Принять меры!» [АКАК. 1869. Т. 3, с. 58, 59]. Александр I 25 августа 1808 г.: «Чтоб от народа сего, при переселении на новые места не произошло какого-либо беспорядка!». Булгаков в рапорте от 25 октября 1808 г.: «Абазинцы оказывали более и более неповиновения и буйности» [Потто, 1994, Т. 1, с. 634].

Донесения Булгакова сыграли свою роль в том, что император лично занялся этим народом и приказал изолировать в тесных аулах. Перемещения абазин к Невинному мысу не состоялось, но по приказу императора учредили кордон между ними и русскими селениями, чтобы пресечь любое сообщение [АКАК. 1869. Т. 3, с. 59]. Абазинцы осели за чертой Кавказской линии на речках Эльтаркач и Джегута рядом с тохтамышевскими ногайцами, туда 25 октября 1808 г. пришёл к ним с войском генерал Булгаков и взял заложников от князей Лоова и Дударукова. Жёсткие меры против абазин и военная экспедиция Булгакова заставляют верить Дебу, писавшему, что в этот период правительство стало рассматривать абазин как врагов и «исключило народ сей в конце 1808 года от зависимости», в результате большая часть абазин была вынуждена «тайным образом рассеяться, что им и удалось» [Дебу, 2001, с. 70, 76]. Так, большая часть абазин бежала за Кубань из-за ограждения их так называемой «высочайше утвержденной цепью» из казачьих постов, которая лишала их сообщения с закубанцами.

В это время на абазин, оставшихся на российской стороне, вновь попытались предъявить свои права обедневшие до крайности из-за чумы и массовых переселений кабардинские князья. Они настраивали власти против ногойцев, якобы «угоняющих их скот», и просили «вернуть им алтыкесеков» [АКАК. 1870. Т. 4, с. 849]. Власти отвечали, что «сперва должны они доказать на самом деле верность и усердие своё к России» [АКАК 1870. Т. 4, с. 851–854]. Избранный главным князем Кабарды Атажуко Атажукин, не получив разрешения властей, в сентябре 1809 г. самовольно отправился к абазинам «с намерением взыскать с них некоторые подати», но заразился там чумой и умер в следующем месяце. Чтобы удержать кабардинских князей от бегства в горы со своими аулами, власти пошли им на уступки и отдали Бабуковский аул Измаилу Атажукину, хотя «по всем доводам право его на Бабуков аул оказалось недоказанным». Эти абазины были поселены в 1770-х годах узденем Бабуковым и с того времени находились под защитой российского начальства, но в начале 1810 г. на их место, «на кордонной черте», власти поселили казачьи станицы [АКАК. 1870. Т. 4, с. 857]. Бабуковцы, выведенные из ведомства Менгли-Гирея и переселённые в Кабарду, вскоре вступили в казачье сословие.

Султан Менгли-Гирей сожалел по поводу ухода из Бештовского приставства абазин, «от трудолюбия и изобилия которого пользовались не столько в здешнем крае, как-то: ремонтировались кавалерийские полки лошадьми, на промышленность вывозили и во внутренние провинции: хлеб, скот, масло, мёд, воск и кожи, также на воронежские суконные фабрики превосходную их шерсть, да и Таганрогский порт отсюда получал большую часть означенных товаров» [Социально-экономическое... 1985, с. 30–33].

По словам Менгли-Гирея, в 1808 г. на российской стороне не осталось даже десятой части абазин-тапанта. Большая их часть бежала за Кубань, оставив своё имущество и скот в руках казаков, скиталась между закубанцами, «возбуждая их к Линии ненависть» и принимая участие в набегах, чтобы отбить свой скот. По убеждению Менгли-Гирея, в этом была причина их совместного нападения на село Каменобродское в 1809 г. и сильного ожесточения, оказанного в 1810 г. во время экспедиции Булгакова за Кубань. Обессилевшие от чумы и обозлённые на русских горцы начали производить набеги по всей Кавказской линии. Приставы в Пятигорье и в Кабарде

Менгли-Гирей и Дельпоццо предупреждали власти о всеобщем возмущении закубанцев, кабардинцев, чеченцев и дагестанцев [Бутков, 2001, с. 353].

***

Российские войска в Пятигорье испытывали трудности в снабжении продовольствием из-за карантина. Город Георгиевск, до этого пораженный чумой, выгорел дотла в результате стихийного пожара, оставив жителей без крова. Под предлогом наказания за набеги командующий Кавказской линией Булгаков с войсками, оснащенными артиллерией, отправился в начале 1810 г. в экспедицию за Кубань. Результаты его, разумеется, не оказали никакого влияния на ход войны между Россией и Турцией, но обеспечили русских «военной добычей».

В. А. Потто, получивший прозвище «Нестора Кавказской войны», об этих событиях писал: «Чтобы сколько-нибудь унять беспокойных соседей и ободрить поселенцев, Булгаков в начале 1810 года сам ходил на Кубань, разорял аулы, брал штурмом завалы, проникал в места, которые сами горцы считали недоступными, но, несмотря на все это, несмотря даже на полное содействие ногайцев, живших по Кубани, результаты экспедиции были настолько ничтожны, что горцы, по удалении войск, опять принялись за мелкие хищничества» [Потто, 1994. Т. 1, с. 633].

Так как шла объявленная русско-турецкая война, генерал-майор Султан Менгли-Гирей, разумеется, обязан был принять в ней участие. Он присоединился к войскам Булгакова с 200 ногайскими владельцами, среди которых были его братья Азамат-Гирей и Максуд-Гирей, а также тохтамышевские мурзы братья Рослаббек и Едиге Тугановы [АКАК. 1879. Т. 4, с. 910]. Впрочем, современный исследователь А. В. Захаревич по архивным документам восстановил подробности этого похода, в том числе о «содействии ногайцев» под командованием Султанов, которое оказалось весьма незначительным [Захаревич, 2003, с. 174–218].

По описанию А. В. Захаревича, в январе войска Булгакова в составе 5 356 человек, пройдя по глубокому снегу весь путь, перешли реку Лабу и направились к реке Белой, по пути разграбив более 20 брошенных аулов темиргоевцев, успевших скрыться в лесах. Распределив хлеб, скот, корма для лошадей и другую добычу между войсками, Булгаков приказал сжечь аулы. 30 января за-

кубанцы вступили в сражение, но были отражены орудийным огнем, при этом особенно отличился полковник Курнатовский, довершивший разгром. Урон горцев был «весьма велик, множество побито из горцев знатных и в том числе пять человек, предводительствовавших ими». Затем русские разграбили также оставленные жителями аулы адыгов-егурикаевцев и «за избыточным производством войск» предали их огню.

7 февраля войска продолжили путь к р. Белой, и Булгаков отправил вперёд подполковника Нефедьева с сотней казаков и Султана Азамат-Гирея с сотней ногойцев. Эта партия в долине р. Курджупс встретила неприятельскую конницу из 500 человек. Булгаков, приближаясь к этому месту с авангардом, командировал Султана Менгли-Гирея с остальными ногойцами, двумястами казаков при двух орудиях конной артиллерии подкрепить передовую партию. Как пишет Захаревич, это как раз и было то самое «полное содействие ногойцев, живших по Кубани», о котором сообщал Потто. Менгли-Гирей, «сделав быстро и решительно удар, опрокинул горцев», а затем вступили в бой казаки, и горцы бежали под защиту густого леса. Сотня донских казаков и сотня ногойцев Азамат-Гирея общими усилиями разметали их большой отряд.

Пока шел бой, Булгаков с войском подошел к месту действия, но участия в нем не принял. Авангард же под командованием Менгли-Гирея и Нефедьева, двигаясь вперед по долине, обнаружил возле ущелья конницу закубанцев «в знатных силах» и гнал их до р. Белой на протяжении трех верст до укрепленного аула Султан-Аджи, где засевшая русская пехота встретила их залпами. В это время к сражающимся подошёл Менгли-Гирей с частью ногойцев, но в бой не вступил. Казаки с четырьмя орудиями конной артиллерии, рота grenадер и две роты егерей рассеяли неприятельские силы, а аул истребили с частью жителей. С российской стороны были убиты 2 казака и 15 ногойцев, в том числе мурзы Суюнчев и Мансуров. В отрядах Нефедьева и Менгли-Гирея потеря не было.

8 февраля Булгаков узнал от осведомителей, что темиргоевцы, абадзехи, бесленеевцы, баракаевцы, махоши, егурикаевцы, бжедухи, мангыты, кыпчаки, наурузовцы, убыхи, шапсуги, башильбаевцы и др. под предводительством Султанов Мурат-Гирея, Саир-Гирея, Баты-Гирея и знатнейших владельцев, в числе которых и Росламбек Мисостов с беглыми кабардинскими князьями и духо-

венством, собравшись, утвердили между собой клятву не допустить русских к переправе через Белую.

Захаревич отмечает: «Здесь удивляет удивительная жизнестойкость горцев и воля их к сопротивлению. После такого страшного разгрома, какой состоялся 7 февраля, после взятия Аджи-Султана, вместо того, чтобы сникнуть, они собираются с новыми силами, гораздо большими, чем у них были 7-го числа, и снова горят желанием остановить русских. Это заставляет уважать их как воинов, но это не значит, что таких удалых и храбрых противников нельзя было сокрушить, что было доказано на следующий день, 9 февраля». Защищали противоположный берег р. Белой, по мнению Булгакова, 15 тысяч горцев, но русские удачно атаковали всеми силами и штурмовали орудиями их укрепления, засеки и завалы, как в ближайшем ущелье Майкопа, так и на переправе реки.

За эту экспедицию Менгли-Гирей получил орден святого Георгия 4 класса. По ходатайству Булгакова «за проявленную храбрость и усердие» на р. Шавкуче (адыг.: Белая) и при укрепленном ауле Султан-Хаджи (Аджи-Султан) наградили и других ногайских владельцев: Азамат-Гирей, Максуд-Гирей и Рослан-бек Туганов произведены в майоры, Эдиге Туганов – в капитаны и награждён золотой медалью на Георгиевской ленте, Бекмурза Суюнчуков произведён в поручики [Толстов, 1900, с. 158; АКАК. 1870. Т. 4, с. 910]. Отметим, что в военное время генерал-майор Султан Менгли-Гирей не мог избежать участия в экспедиции российских войск на турецкую сторону Кубани. Власти даже удостоили его награды, хотя в сражениях он не отличился, но большое значение имело, очевидно, само присутствие мусульман в российских войсках и демонстрация их преданности правительству.

Сам же Менгли-Гирей в этом походе использовал возможность убедить закубанских ногайцев перейти на правобережье Кубани [АКАК. 1870. Т. 4, с. 873, 910]. Так, 23 марта 1810 г. касаевцы (мансуровцы) обратились с просьбой поселить их на Калаус и защитить от набегов закубанцев, 15 июля просили о принятии в российское подданство наврузовцы с верховий Лабы. Ногайское население Бештовского приставства под начальством Султана Менгли-Гирея увеличивалось, так как в военное время российские власти не препятствовали переселению турецкоподданных ногайцев на российскую сторону.

Труднее было вернуть в Пятигорье абазин. Дело в том, что к уходу из Бештовского пристава, кроме чумы, их вынудило ещё одно драматическое событие: в 1809 г. абазинский князь Лоов из-за личного конфликта убил «абадзехского» Султана Бахты-Гирея, родного брата Менгли-Гирея. Лоовы стали кровниками Султанов и скрылись, однако жизнь абазин чрезвычайно осложнилась из-за тотальности и беспощадности обычая кровной мести.

Власти встали перед необходимостью временно разделить управление ногайцами и абазинами, вытесненными на правобережье Верхней Кубани. Абазинским приставом назначили казачьего есаула Уманязева [РГВИА. Ф. 482. Д. 20. Л. 26]. Он нашёл абазин расселившимися от верховий Танлыка и Тохтамыша до устья Эльтаркача [АКАК. 1870. Т. 4, с. 853, 825]. Они бедствовали из-за недостатка средств к существованию, но на российскую сторону их не допускали. Булгаков писал в мае 1810 г., что «абазинцы, живущие за кордоном, начали оказывать возмущение потому, что им не дозволяется сеять хлеб в нашем кордоне», кроме того, они требовали вернуть их скот. В ответ Булгаков послал к абазинам войска «укротить их силою оружия» и отобрал ещё и конные табуны, отогнав их на р. Калаус под присмотр казаков.

В рапорте от 4 июня 1810 г. Уманязев перечислил абазинские и ногайские аулы, состоящие из 6–10 семейств, за чертой границы: аул Туганова от кордона в 20 верстах, аул Гасанова – в 19 верстах, аул Лоова – в 10 верстах, аул Клычева – в 10 верстах, два аула Сакаева – в 25 верстах, аул Бибердова – в 15 верстах. Общее число умерших – 215 человек, осталось – 299 человек, кроме того, один из аулов Сакаева «весь заражён» [РГВИА. Ф. 482. Д. 20. Л. 26 об]. Булгаков провёл ещё одну экспедицию против абазин и уточнил их местоположение в этот период по правым притокам Кубани рекам Джеганас, Джегута и Эльтаркач: «вне кордона Линии близ постов, граничат с одной стороны с р. Кубанью, по коей прилегают их аулы, частью к Карачаевцам» [АКАК. 1870. Т. 4, с. 825].

Абазины держали табуны в 40 верстах от кордона, «на землях ногайских» за ст. Воровсколесской, а овечьи отары – в 10 или 15 верстах от кордона, около р. Батмаклы (карач.: Грязная). Тогда, очевидно, этот небольшой правый приток Кубани русские пере-

именовали в Овечку, так как через неё переходили вброд отары. Булгаков удерживал их на российской стороне, полагая, что абазины, «видя свой скот в руках наших, не смеют явно оказать свою неблагонамеренность». Другая польза была в том, что, водворяя абазин впереди границы, российские власти фактически продвигали её вперёд, занимая новые территории. Так абазины под нажимом войск стали проникать на карачаевские пастбища по правобережью Верхней Кубани. Булгаков настойчиво предлагал выселить за Кавказскую линию под любым предлогом всех оставшихся в Пятигорье абазин, освободив земли для казаков [АКАК. 1870. Т. 4, с. 826].

Булгаков откровенно проводил вполне очевидную политику: «Нет удобнее и надёжнее, по мнению моему, способа к охранению здешнего края, как переселить казачьи станицы на черту кордона». Для этой цели он провоцировал местное население и лепил из него образ злейшего врага; так, он писал 6 ноября 1810 г.: «Пространство вверенного мне края более 700 верст протяжённого, облегается поясом гор Кавказских, в которых обитают народы воинственные, хищные, вероломные и не понимающие никакого повиновения, – следственно охранять его нужно силою военною» [АКАК. 1870. Т. 4, с. 830].

Менгли-Гирей выступал против изгнания абазин и писал военному командованию, что «скитаясь между закубанцами и пользуясь их помощью, они возбуждают их к Линии ненависть» [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6200. Л. 2–5]. Изоляция заражённых аулов являлась единственным способом остановить распространение чумы, но эти же меры вели к голоду и ожесточению против властей. Сочувствие к страдающим людям, которых окружили казаки и отделили от всякого сообщения, не позволяло Менгли-Гирею смириться с действиями командования. Он безуспешно взывал к начальству: «Беспечность, свойственная необразованному народу, быв стеснена в таком карантине без способов пропитания, которые по большей части у всех здесь народов состоят от скотоводства. А ныне весь скот находится в отдалении от аулов для лучшей пастбищи, следовательно, и оставался отрезанным от своих хозяев; сия крайность в необходимостях произвела смертность, особенно над беднейшими семействами, и от сего в некоторых аулах и действительно открывались повальные болезни с подозрительными признаками».

Вытесненные из Бештовского приставства абазины не остались на правобережье Верхней Кубани, а переселились в Закубанье к ногойцам, в том числе к мансуровцам. В связи с этим примечателен донос от 9 апреля 1809 г. на имя Булгакова из шотландской колонии, желавшей занять земли абазин, на Бек-мурзу Мансурова, получившего от турецкого правительства письмо, 1 000 рублей и различные вещи. В доносе сообщалось, что Мансуров согласился за это «возмущать и приглашать закубанские народы делать в наши границы впадения и всячески стараться грабить селения, уводить людей и причинять всевозможный вред, почему и имеют намерение Закубанцы взять всю Абазу» [АКАК. 1869. Т. 3, с. 663]. Турки действительно пытались поднять закубанцев против России. Так, официальный фирман Порты о назначении нового закубанского Султана «с повиновением ему всех народов магометанского исповедания» в 1810 г. получили абадзехи [АКАК. 1870. Т. 4, с. 889].

По сведениям осведомителей, 10 октября 1810 г. турецкие посланники проехали в Кабарду для агитации среди российскоподданных народов, чтобы «они объявили непременно своё желание назвать себя верноподданными Турецкому султану, и что они живут под Российской властью не по собственному желанию, а по неволе» [АКАК. 1870. Т. 4, с. 888]. Мусульманским народам с российской стороны предлагалось отправить по два «лучших узденя» к анапскому паше для присяги. Русское командование знало, что это делалось на тот случай, когда после войны при переговорах о мире стороны будут договариваться «о размене христиан, живущих в Турецкой земле, включительно и греков, на живущих в Российской земле всех мухаммедан, то чтобы Султан имел право тогда требовать всех назвавшихся теперь верноподданными ему из России мухаммедан». Впрочем, готовясь к решающей схватке с наполеоновской Францией, Россия предприняла шаги по прекращению войны с турками, в том числе и на Кавказе.

Менгли-Гирей и Тормасов: надежды на мир

Политика России на Северном Кавказе резко изменилась, так как военные силы необходимо было сосредоточить в Европе против Наполеона. Правительство начало искать пути мирного сосуществования через открытие торговых отношений, чтобы «приобрести доверие горцев» [ГАСК. Ф. 22. Оп. 1. Д. 14. Л. 11]. Такой, казалось бы,

очевидный и извечный способ примирения народов, как торговля, тем не менее с большим трудом претворялся в жизнь из-за недостатка должностных лиц, по-настоящему заинтересованных в налаживании мирных отношений с горцами. Однако они находились.

Главнокомандующий на Кавказе с осени 1808 г. до начала 1812 г. доблестный генерал А. П. Тормасов, награждённый всеми российскими орденами высших степеней и золотой шпагой с алмазами и надписью «За храбрость», никогда не ограничивал свою деятельность военными обязанностями. Так, при его губернаторстве Киев получил план системной застройки, первый театр и новые церкви, а при его губернаторстве в Риге был основан крупнейший зоологический сад в Балтии. На Кавказе Тормасов в ряду кавказских начальствующих лиц также выделялся стремлением улучшить жизнь местных народов, отказаться от насильственных мер по их «замирению», найти способы добровольного привлечения враждебных народов к России, и в этом он нашёл в лице начальника Бештовского приставства незаменимого и энергичного сподвижника.

С подачи Тормасова в 1810 г. царь даже отклонил представление к награждению командующего войсками на Кавказской линии Булгакова, указав, что тот «употреблением непомерных мер жестокости и бесчеловечия перешёл границы своей обязанности» [Косвен, 1961, с. 143]. Тормасов писал военному министру 12 октября 1810 г.: «Был я всегда противного мнения относительно системы, около полувека тщательно поддерживаемой местными на Линии начальниками, чтобы сопредельных ей народов держать не только что в повиновении, а в жестоком порабощении, употребляя против них оружие» [АКАК. 1870. Т. 4, с. 828]. И даже к бунтовавшим кабардинцам он не желал предпринимать репрессивных мер и полагал, что лучше предоставить им всевозможные выгоды, «чтобы для собственной своей пользы они сделались привязанными к России» [АКАК. 1870. Т. 4, с. 883].

Российские власти активизировали мирные инициативы в Закубанье, и через Султана Менгли-Гирея распространили прокламацию Тормасова к закубанским народам от 5 января 1811 г., в которой от имени императора объявлялось прощение за «набеги и хищения», выражалась надежда на раскаяние и возобновление присяги на верность беглых российских подданных. И главное, предлагались конкретные меры по улучшению их жизни через развитие меновой тор-

говли: «Отныне по Высочайшей воле Е. И. В. прежние ваши преступления будут забыты, правительство приложит все старания к улучшению вашего благосостояния, позволен вам будет въезд в пределы России для продажи ваших избытков в произведениях и рукоделии; дана будет свобода отпускать в ваши жилища хлеб для пропитания вашего, дозволен будет для вашего продовольствия вывоз соли с преимущественными выгодами» [АКАК. 1870. Т. 4, с. 889–890].

Предполагалось открыть меновые торги в разных местах Кавказской линии, ближайших и выгодных для закубанцев, устроить за счёт казны приличные дворы и даже соорудить мечети для свободного отправления богослужения. Тормасов писал: «Тогда промышленность ваша достигнет до цветущего благосостояния, богатства ваши знатно умножатся, жилища ваши, семейства и имущество и гробы предков ваших останутся неприкосновенными в мирном покое и благоденствие пребудет с вами неразлучно». Обратившись к горцам со словами: «Вы видите, сколь кротко и благотворительно для вас Российское правительство», он был полон решимости действительно показать это на деле.

Тормасов с энтузиазмом принялся воплощать «высочайшую Его Императорского Величества волю относительно учреждения меновых торгов» и 4 февраля 1811 г. предписал Кавказскому гражданскому губернатору Малинскому учредить с горскими народами «меновые торги»: для кабардинцев в селении Прохладном, для мирных чеченцев в Науре, для горных чеченцев в Лашурине, для закубанцев, абазин и карачаевцев в крепости Константиногорской [ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 233. Л. 7]. 15 марта Тормасов дал подробные указания по организации меновых дворов и выделил 5 000 рублей для быстрейшего их открытия [ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 233. Л. 30–41]. Крепость Константиногорская на Подкумке находилась вблизи ногайских, абазинских и карачаевских поселений и кошей. К меновой торговле планировалось допускать не только вольных карачаевцев, но закубанцев с турецкой стороны.

Из Петербурга для скорейшего налаживания мира на Кавказской линии был командирован с правами генерал-губернатора генерал-майор Н. В. Вердеровский. Он отстранил от командования войсками Булгакова и в начале 1811 г. назначил на его место генерал-лейтенанта Мусина-Пушкина. При обозрении Кавказской губернии Вердеровский поручил Султану Менгли-Гирею предста-

вить ему записку с изложением причин недовольства ногайцев и абазин, а также с предложениями способов привлечения закубанцев «к спокойному и выгодному для России соседству» [Социально-экономическое... 1985, с. 30–33]. 24 марта 1811 г. Менгли-Гирей подробно изложил своё видение ситуации, которое характеризует его самого как мудрого и честного человека, не боявшегося противопоставить себя местному кордонному начальству.

Султан писал, что ногайцы и абазин, расположенные как в тылу, так и на пограничной линии, находились «между двух властей»: приставов от министерства внутренних дел и кордонных военных начальников, в результате «противоречия между тех обеих властей» нарушали спокойствие этих народов, «ослабляя привязанность их к российскому начальству». Он напомнил, что в 1804 г. большая часть этих народов бежала из российских пределов за Кубань, но ему удалось убедить их вернуться в Бештовское приставство и принять на себя исполнение государственных повинностей, что, по его словам, «обнадёживало на дальнейшие полезности здешнему краю». Однако в 1807 г., не предупредив его, кордонные начальники по подозрению в чуме заперли целые аулы казачьей цепью, обрекая их на гибель.

Менгли-Гирей объяснял, что тогда народное негодование вызвало также пренебрежение российских властей к понятиям «горской нравственности». Так, специально назначенные чиновники и казаки выводили для освидетельствования из аулов здоровых людей обоёго пола обнажёнными и осматривали, «противу обычаичности (против обычая. – З. К.), особенно же к женскому полу, который у них поставляется неприкосновенным и для глаз единопотробных». Такие действия «отвращали от наблюдения» и соседние народы, а местное начальство воспринимало «сие от них отвращение» как оскорбление власти и представляло их бунтовщиками в глазах главного начальства, которое запретило местным жителям всякие сообщения и переезды через линию, позволив казачьим постам, кто не подчинится, «таковых стрелять».

Указал Менгли-Гирей и на то обстоятельство, что серьёзные конфликты происходили часто из-за того, что ногайцы не знали русского языка и не могли разъяснить своё право, данное им властями после возвращения из-за Кубани, выбирать удобные места и располагаться между новыми поселянами, от чего «подвергались

преследованию, хищничеству и убийству» с их стороны. Те же, которые захватывались казаками живыми, предавались как нарушители военному суду, и не имели другого посредника, кроме невежественного толмача (переводчика. — *З. К.*) из простых казаков. Они осуждались к мучительной смерти и прогонялись сквозь строй, специально в базарные дни, чтобы слух о строгости властей распространился во всех народах. Военные власти игнорировали специально учреждённый пограничный суд в Моздоке, в котором заседали из каждого народа выбранные судьи, поэтому казачий самосуд и противозаконные жестокие меры вызывали «единодушное остервенение» горцев на всём Северном Кавказе.

Менгли-Гирей обвинял кордонное начальство, захватившее скот у абазин, в провоцировании набегов закубанцев. Их озлоблением против России, по его словам, воспользовались турецкое и персидское правительства, «раздувая фирманами и подарками их ненависть». Менгли-Гирей видел в жестокости и беззаконии кордонного начальства «действительные причины нападения закубанцев и чеченцев», которые вели к огромным жертвам на Кавказской линии и по дороге в Грузию. Он даже полагал, что от закубанцев «могло б последовать и вящее (большее. — *З. К.*) зло, если б не случилось нечаянного для линии облегчения» от Черноморского флота, захватившего турецкие крепости по берегу Черного моря, что затруднило связь кавказских народов с Османской империей.

Однако Менгли-Гирей был уверен, что в причинах «отвращения» закубанских народов к России можно видеть «трудность преклонить оных к полезному линии соседству, но не невозможность», так как эти причины уничтожались прокламацией «о монаршей к ним милости, с деятельным устроением на границе меновых дворов». Султан выражал надежду, что бескорыстная забота об их нуждах со стороны русских властей, не требовавших от них ничего, кроме спокойного соседства и мирной торговли, «приблизит их к доверенности, от которой время произведёт неминуемо и их доброхотство».

В конце русско-турецкой войны закубанцы оказались в безвыходной ситуации из-за поражения турок и невозможности получать от них необходимые товары, прежде всего соль, в которой у них большая потребность, на российской же стороне Кавказской линии её было в изобилии. Кроме того, на западных адыгов в Закубанье произвели сильное впечатление «усердность» властям кабардинцев,

«большею частью им однородных и связанных по происхождению», а ещё более произведённая зимой из Крыма успешная военная экспедиция против «сильнейших народов, обитающих поблизости к берегам Чёрного моря» [Социально-экономическое... 1985, с. 30–33].

Менгли-Гирей указал на благоприятный момент для распространения российского влияния в Закубанье и принял самое деятельное участие в налаживании меновой торговли. В 1811 г. в Георгиевске был учреждён Комитет по меновым торгам под председательством главнокомандующего Кавказской линией. В его состав вошли губернатор Малинской, а также генерал-майор Султан Менгли-Гирей от закубанских и пятигорских народов и полковник Измаил Атажукин от кабардинцев. Тормасов писал, что они «могут в нуждах единоверцев своих быть ходатаями в их пользу» [АКАК. 1873. Т. 5, с. 849].

Привлечённые миролюбивой политикой российских властей, возобновили присягу ногайские и абазинские владельцы, ранее вытесненные с Кавказской линии на правые притоки Верхней Кубани. Ожидая открытия меновой торговли, в марте они «сожгли все вещи после чумы». Абазины просили пропустить их через Баталпашинский карантин за покупкой хлеба на Калаус и Янкули. Готовы были переместиться на российскую сторону и тохтамышевские ногайцы: «Рослам-бек Таганов ...приехавши из Карачаев, был последний, который приложил печать свою к присяге» [АКАК. 1870. Т. 4, с. 837]. С абазин и ногайцев брали письменные «на татарском языке присяги», чтобы они не претендовали на земли, кроме тех, где их поселят. Туганов «объявил, что он и другие ногайцы не имеют надобности в земле для посева хлеба внутри нашего кордона, равно и сенокосов, имея оной довольно там, где живут теперь». Его аулу разрешили осесть на правом притоке Кубани Джегуте, впереди «кордона», т. е. границы [ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 722. Л. 16].

Полковник Буцковский, собиравший в этот период сведения о местных народах, писал: «В 20 верстах выше Баталпашинского поста живут ногайцы рода нынешних Бештовских под управлением двух владельцев, князей Росламбека Таганова и Балты Ахлова, кои однако ж себя старожилами и настоящими хозяевами сих земель почитают. Сии ногайцы находятся также в особом ведении и под защитой российского начальства, живут достаточно, производя потребное для них хлебопашество, при немалом скотоводстве,

имеют также хорошей породы конский табун в 1 500 лошадей» [Социально-экономическое... 1985, с. 35].

Тохтамышевцы, хотя и находились в российском подданстве, так и не были включены в Бештовское приставство. Аулы Туганова и Ахлова кочевали на правобережье Верхней Кубани в соседстве с карачаевцами, у которых находили убежище в случае надобности. Между карачаевцами, ногайцами и абазинами, использовавшими в хозяйственных нуждах земли по правым притокам Кубани, видимо, происходили конфликты по поводу пастбищ и кошей, поэтому Буцковский и писал, что ногайцы «с абазинцами бывают иногда в несогласии, тоже с карачаевцами. ...Как ногайцы сии, так и абазинцы, не имеют подобных кабардинцам и вышеозначенным горцам убежищ, в коих бы их настигнуть нельзя было» [Социально-экономическое... 1985, с. 36].

Абазины и ногайцы с их многочисленными стадами были доступны войскам, поэтому спастись могли, только покоровшись. Однако абазины с правых притоков Кубани большей частью бежали за Кубань, и на этих землях, в 20 верстах выше Баталпашинского поста, в 1812 г. отмечены только тохтамышевские аулы Туганова и Ахлова. Карачаевцы, действительно, в любой момент могли оставить свои коши и увести скот в горы, где находились их недоступные крупные селения. Беглые кабардинцы, скрываясь от преследования русских, держали свои аулы за Лабой, постоянно меняя местоположение.

Что касается турецкоподданных закубанских народов, то как раз в это время султан Османской империи прислал их владельцам фирман и богатые подарки, обещая к маю прислать в помощь 70-тысячное войско, чтобы «закубанцы до того времени не делали склонения в доброе России повиновение» [АКАК. 1870. Т. 4, с. 890]. Поэтому Султан Менгли-Гирей, в конце марта прибывший в Закубанье с предложениями о меновой торговле, попал в очень затруднительное положение. Хотя Менгли-Гирей убеждал закубанцев, что обещание султана «весьма невероятно и несбыточно», но оно всё же сильно повлияло на них, по его словам, «в тамошнем легкомысленном народе делает большое влияние и колеблемость в их умах». Командующий войсками Мусин-Пушкин даже засомневался в успехе миссии начальника Бештовского приставства, тем не менее тому всё же удалось вернуть почти всех своих беглых подвластных в Пятигорье.

Привлечённые перспективой улучшения жизнеобеспечения, Менгли-Гирею доверились не только беглые ногайцы и абазины, но и часть турецкоподданного населения. 1 июля 1811 г. он написал Тормасову рапорт «о приведении им Закубанских разных народов в вечное подданство Всероссийской империи». Менгли-Гирей перечислил закубанские народы, принявшие присягу: «Ногайского племени татары, состоящие под властью моего родного брата Султана Саламат-Гирея (Азамат-Гирея. – З. К.), мангиты, кипчаки и каспулаты, обитающие по р. Зеленчукам и Уруп, лежащих в 50 верстах от границы; объемлющие по кордону дистанцию до 75 вёрст от поста Беломечетского вниз по Кубани до строящегося вновь укрепления Св. Николая, за ними Бесленеевцы и Бесельбаевцы (башильбаевцы. – З. К.), подвластные первые Пехлеван-Султану, а последние владельцам Канукову и Сулукову (Шолохову. – З. К.), жительствующие в вершинах р. Урупа и впадающих в сию Б. и М. Тегеня, жилища... лежат в 100 верстах расстоянием от кордона нашего против той же дистанции... Потом приступил к, по буйному и беспокойному их поведению против польз здешнего края, татарам наурузовского племени, подвластным 4 владельцам или князьям Батыр-мурзе, Батарше, Ниятце и Януке, имеющим и аулы свои в 40 верстах от границы частью по р. Лабе и Яман-су, против вниз по Кубани... 150 вёрст... за сими Мохошевским, подвластным Безруко по р. Фарс и Балан-су выше Наурузовских татар, Темиргоевский – Мисост Айтеков на р. Шавкуче и Лабе, в 10 верстах от Усть-Лабинской крепости» [АКАК. 1870. Т. 4, с. 838].

Так Менгли-Гирей смог привести на российскую сторону без единого выстрела множество заграничных жителей в военное время. Однако статус закубанских народов, разумеется, мог быть утверждён только по мирному договору между воюющими империями. Поэтому не случайно Тормасов 27 июля 1811 г. предупредил заступившего на его место Ртищева, что приведённые в российское подданство закубанцы «приложили только на присяжном листе свои печати, но аманатов от них взято не было» [АКАК. 1870. Т. 4, с. 890]. Это было предусмотрительно и важно для предотвращения дипломатических осложнений, и действительно, после войны по Бухарестскому мирному договору 1812 г. на Северо-Западном Кавказе граница не изменилась, закубанские народы

остались подданными Османской империи, а перешедшие на российскую сторону должны были вернуться в Закубанье.

Беглые абазины и ногойцы, которых Менгли-Гирей вернул в Пятигорье, остались в российском подданстве. По «Ведомости ногойцам, состоящим в ведении генерал-майора Султана Менгли-Гирея от 14 ноября 1811 г.», в Бештовском пристастве находились: каспулатовцы – 6 640 чел., наурузовцы – 1 800 чел., кипчаковцы – 1 508 чел., мангитовцы – 860 чел., джембулукцы – 3 624 чел., едисанцы – 908 чел., едишкульцы – 456 чел., абазины – 3 000 чел., ещё одна группа каспулатовцев – 1 680 чел. [АКАК. 1873. Т. 5, с. 877]. Они добровольно вернулись на российскую сторону, привлечённые намерением правительства открыть меновую торговлю, и заняли земли по рекам Кума, Сабля, а кочевали по рекам Танлык, Джегута, Барсуклы, Ка-лаус и Карамык [Волкова, 1974, с. 88]. К сожалению, доброе и плодотворное сотрудничество Менгли-Гирея с Тормасовым, отозванным с Кавказа для участия в войне с Наполеоном, прервалось.

Благосостояние Бештовского пристаства

В начале 1812 г. Александр I назначил главнокомандующим Грузии и всей Кавказской линии генерал-лейтенанта Н. Ф. Ртищева, а командовать войсками на Кавказской линии поручил генерал-майору С. А. Портнягину, любителю военных репрессалий против горцев, которому непосредственно починался Султан Менгли-Гирей. Ртищев, как и Тормасов, был сторонником «политики ласканий» и широко практиковал раздачу горцам подарков и денежных премий. Он не спешил наказывать горцев за набеги, хотя известно, что однажды чеченцы разграбили его собственный обоз, но на переговорах командующий на Кавказской линии заверял чеченских представителей в создании условий для развития взаимной торговли и старался привлечь их на сторону России мирными способами [Виноградов, 2009, с. 126–127].

Тем более Ртищев не допускал неоправданного силового воздействия и несправедливых поступков в отношении к уже вполне мирным народам. К ним относились в Кавказской губернии караногойцы при Кизляре, части джембойлукцев и эдисанцев при Моздоке и «бештовские» ногойцы в ведении Менгли-Гирея в Пятигорье. Исследователь первой четверти XIX в. Семён Броневский писал о каспулатовцах, кипчаковцах, эдисанцах, джембойлукцах и

наврузовцах Бештовского пристаства, кочевавших возле Бештовых гор и по рекам Джеганас, Барсуклы, Янкули, Калаус и Карамык: «Они живут смиренно и в довольстве, не платя никаких податей. По родственным связям их с закубанцами, иногда не без основания, подозревают их в соучастии с ними по воровству в российских границах, но со всем тем бештовские ногайцы трудолюбивы и признаваемы за полезных для Кавказской губернии поселян» [Броневский, 1999, с. 213].

Абазины, состоявшие в Бештовском пристастве, располагались в смежности с ногайскими: 500 дворов джантемировцев по Куме и Подкумку до Кисловодской крепости, 675 дворов владельческих аулов князей Лоова, Дударукова, Клычева, Кечева, Бибертова около Константиногорской крепости по речкам Подкумок, Джеганас и Тохтамыш. Броневский писал о них: «Зимой живут в деревнях, а летом кочуют в подвижных аулах, перевоза оные с места на место на двухколесных арбах по примеру татар» [Броневский, 1999, с. 71]. Крупные селения абазин: Трамов аул у северо-восточной подошвы Бештовых гор в 20 верстах от Георгиевска и Бабуков аул на левой стороне Малки в 40 верстах к югу от Георгиевска – отказывались признавать власть своих князей, бежавших с российских пределов в Закубанье. Абазины держали в большом количестве лошадей и овец, доставляли в Георгиевск съестные припасы, из овечьей шерсти изготовляли бурки и толстые сукна для себя и продажи. Броневский писал: «Они трудолюбивы и промышленны». Однако часть абазин с беглыми князьями укрывалась от российского управления в Закубанье.

Султан Менгли-Гирей не оставлял своих попыток вернуть всех беглых российских подданных в Бештовское пристаство, остановить набеги и грабежи, наладить взаимовыгодный товарообмен с закубанскими народами, надеясь обеспечить таким образом мир на Кавказской линии. Ртищев высоко ценил деятельность Менгли-Гирея по развитию меновой торговли ногайцев и абазин как с новыми поселенцами, так и с закубанцами. Однако при обмене товарами местные народы терпели убытки, их обманывали и обсчитывали, и Менгли-Гирей упорно защищал их интересы.

Так, особое значение имела для обширного скотоводства соль, «стратегический» товар, которым российский власти умело манипулировали, чтобы поощрять или, наоборот, наказывать те или

иные народы и их владельцев, особенно в периоды русско-турецких войн, когда особенно важна была их лояльность. Например, когда турецкие власти рассылали народам Центра Кавказской линии золото, чтобы привлечь на свою сторону во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг., русские власти более успешно привлекали их солью. Об этом свидетельствует примечательный документ от 10 сентября 1789 г.: «Во уважение оказываемых знаков в верности к нам Кабардинского народа, а особливо по нынешним военным обстоятельствам отпущено им с Можарских соляных озёр безденежно соли на каждого владельца по 10 ароб, коей и вышло на Большую Кабарду 910, а на Малую 70, да на аул Ногайского владельца Ислама Мусина, Осетинцам, Дигорцам, Кубанским и Карачаевским старшинам по 10 же ароб» [АКАК. 1868. Т. 2, с. 1119]. В 1811 г. Менгли-Гирей, выводя из Закубанья массы народа на российскую сторону, очевидно, обещал им достаток соли и сразу же обратился с этим вопросом к Ртищеву, но после войны актуальность меновых дворов, обещанных для привлечения закубанцев на российскую сторону, отпала.

Тем не менее в 1812 г. на Кубанской линии уже существовали два меновых двора – в Усть-Лабе и на Овечьем броде. Торговый пункт Овечьebroдский открыли исключительно для населения Кубанской линии и Кавказской губернии, и мена велась на соль, для чего в начале января Ртищев приказал доставить с Маджарских озёр на Овечий Брод 20 000 пудов соли и указал, что соль должна цениться в 2 рубля за пуд и что, за неимением денег у горцев, соль следует менять на мёд, воск, масло и пр., по расчёту за 1 пуд мёда 4 пуда соли, а за 1 пуд воска 100 пудов соли, оценивая мёд на деньги не менее 9 руб. за пуд и воск не ниже 25 руб. за пуд. Оценка соли в 2 рубля оказалась для горцев слишком высокой, и от имени закубанских черкесов, абазинцев и ногайцев Султан Селим-Гирей просил о снижении цены на соль за пуд до 1,5 рубля, а перед властями ходатайствовал об этом Султан Менгли-Гирей.

По ходатайству начальника Бештовского приставства 9 января 1812 г. Ртищев обратился в Государственный Совет с просьбой с бештовских абазин, ногайцев и других закубанцев, «вошедших вновь в подданство Всероссийской империи» за 4 куба соли брать 1 пуд мёда или др. продукты» [АКАК. 1873. Т. 5, с. 870]. Государственный Совет уже 27 января вынес постановление о продаже

соли местным народам «не только не свыше рубля, но и ниже сей цены, смотря по тому, во что она самой казне обходится» и «чтобы продажа производилась по равным ценам» [АКАК. 1873. Т. 5, с. 851]. Так, возбуждённый по этому поводу вопрос в Петербурге решили еще в более благоприятном направлении. Официально меновая торговля была разрешена только для мирных горцев, принявших подданство России, и только им одним делались такие уступки и понижение цены [Щербина, 1992, с. 434].

Однако такие привилегии распространялись и на владельцев мирных закубанских народов, доверившихся Менгли-Гирею. Они значились в списке Ртищева от 24 января 1812 г.:

1. Ногайского племени владелец Султан-Саламат-Гирей (Азамат-Гирей, брат Менгли-Гирея. – З. К.), у него подвластные народы: Мангыты, Кипчаки и Каспулаты.

2. Бесленейцы и Беслебайцы, у них владельцы Канцов и Сулуков (Кануков и Шолохов. – З. К.).

3. Племя Наурузовского, у коего 4 владельцы: Батыр-мурза, Батырша, Неятце и Янук.

4. Татары Махошевские, у них владелец Бейзеруко.

5. Темиргоевцы... владелец Мисост Айтеков.

6. Абазинские владельцы Рослам-бек и Гирей Клычевы и Нарых-Шереметов, с подвластными, живущими в вершине Больших Зеленчуков.

7. Закубанские владельцы Баракаевской фамилии Сат-Гирей Когончуков... по смежности Абазинцев на речке Угубее [АКАК. 1873. Т. 5, с. 871].

Все они остро нуждались в соли и в других товарах, которые могли получать на российских меновых дворах благодаря Султану Менгли-Гирею.

Чтобы оценить деятельность Менгли-Гирея, достаточно сравнить положение в этот период ногайцев в двух различных приставствах на российской стороне. Едисанцы и джембойлукцы кочевали в Моздокском уезде при урочище Ачикулак, а караногайцы – в Кизлярском уезде и частью в Моздокском по степям около Кумы и Терек-ка и речки Кизлярки, но границы их кочевий не были точно определены. Пристав Ахвердов так обрисовал положение своих подопечных в рапорте Ртищеву от 29 января 1812 г. из Кизляра: «Впрочем, степь, на которой Караногайцы кочевье имеют, обширна, но безводна и хотя в некоторых местах посредством копания, вода отыскивается, од-

нако же, и та в летнее время бывает горькою и солёною, отчего по большей части скот, заболевая,дохнет, да и люди подвержены бывают болезням» [АКАК. 1873. Т. 5, с. 879]. Кроме того, караногайцы платили новым хозяевам земель – помещикам, у которых арендовали зимовья, от 2 до 6 рублей с каждой семьи. И положение их только год от года только ухудшалось.

В это время Бештовские ногайцы под управлением Султана Менгли-Гирея с успехом занимались земледелием, сеяли пшеницу, ячмень и овёс и в большом количестве продавали зерно в городах. Главный же их промысел – разведение овец и рогатого скота – давал им до 200 тысяч пудов масла, которое они меняли у армян «на разные нужные для них изделия» [Броневский, 1999, с. 214]. Вот только их традиционный способ хозяйствования – кочевое скотоводство, нуждавшееся в обширных кочевьях, раздражал местное начальство, стремившееся отнимать у них земли для новых христианских поселен. Активная деятельность Менгли-Гирея по сохранению мира, развитию меновой торговли и защите земельных интересов подвластных ему народов в Бештовском приставстве не вызывала сочувствия у командующего войсками Кавказской линии Портнягина.

***

Кавказские власти, видимо, считая, что благосостояние кочевых народов неимоверно выросло, а повинности они несли недостаточные, решили обложить их дополнительными податями и налогами, для чего провели подробное исследование их материального состояния. Можно предположить, что Менгли-Гирею грозило обвинение в сокрытии истинного количества скота у его подопечного населения. По «Ведомости ногайцам, состоящим в ведении генерал-майора Султана Менгли-Гирея от 14 ноября 1811 г.», действительно подозрительно малые числа: лошадей – 9 000, рогатого скота – 48 870, овец – 50 530 [АКАК. 1873. Т. 5, с. 877]. Что это: обстоятельства того момента или желание Султана сберечь скот от всевозможных «реквизиций», нам неизвестно.

Полковник Буцковский два года собирал сведения о кочевых народах, узнавал их состояния и заподозрил, что на самом деле скота у них больше, чем показывают ведомости, поэтому в рапорте от 1 августа 1812 г. предложил десятую часть официального по ведомости скота забирать как дань, так как эти народы, «будучи под защи-

тою нашею, получая многие пособия и столь торжественные знаки милосердия всемилостивейшего Государя нашего, в свою очередь никаких даней не приносят» [АКАК 1873. Т. 5, с. 855].

По раскладке Буцковского выходило, что «дань» надо взять: от калмыков и туркмен – 34 238 лошадей, 20 079 рогатого скота; с караногайцев, едисанцев и джемболукцев под ведением караногайского пристава – 2 420 лошадей, 6 388 рогатого скота, а с «ногайских татар» ведомства Султана Менгли-Гирея – 37 061 лошадь, 29 316 рогатого скота. «Столь знатное количество послужило бы немалым подкреплением военным силам нашим, не включая народы Кабардинский, Кумыкский и вне губернии живущих, подданных же России, Ногайцев и Абазинцев, имеющих многочисленные и отличные конские табуны, изобилуя при том и скотоводством», – писал Буцковский.

Возмущенный «весьма слабыми» повинностями калмыков, тухменцев (туркмен) и ногайцев, полковник полагал, что они могли бы «без малейшего отягощения наделить правительство весьма значащим числом скота и лошадей», которых у них в изобилии. Кстати, Буцковский приводит любопытное этнографическое наблюдение для доказательства как их «благосостояния», так и специфики феодальной ренты кочевников, выплачиваемой в зависимости от количества скота: «Судя по пожертвованиям, каковые они добровольно приносят владельцам своим при торжествах, как-то: женитьбах или рождениях оных и нередко при таких случаях отдают пятую часть всего достояния своего, чему недавно здесь пример был, кроме всегдашней готовности удовлетворять нуждам сих владельцев» [АКАК. 1873. Т. 5, с. 854].

Буцковский собрал также сведения об абазинах: «Переходят они часто с одной стороны на другую Кубани, искав по обстоятельствам защиты. Положенной дани кабардинцам они не платят, но подкреплять оружием сих обязуются. Часть абазинцев сих живёт в пределах губернии тремя селениями: Трамовым, Верхне- и Нижне-Бабуковыми. Все они состоят под ведением пристава бештовых ногайцев генерал-майора Султана Менгли-Гирея, к коему относятся в нуждах своих, до российского начальства, он же обязан наблюдать за поведением их, но личными ли свойствами, или по другим каким-либо причинам, малым пользуется между ним доверием и уважением, которое последнее ему воздаётся только, яко происшедшему от султанского рода» [Социально-экономическое... 1985, с. 35].

Этот пассаж свидетельствует, что информаторами у Буцковского были враги Менгли-Гирея, пытавшиеся умалить его авторитет у абазин, и при этом вспомнившие об их якобы «положенной дани» кабардинцам. Причина была в растущем благосостоянии абазин, так, Трамов аул на левом берегу Подкумка, в 4 верстах выше Константиногорска, успешно торговал в летнее время «съестными избытками» с посетителями Минеральных Вод, а владелец аула князь Лоов имел табун в 1000 лошадей. Буцковский, отмечая, что абазины «продают выгодно», никого не грабят, тем не менее почему-то писал, что для русских это «соседство опасно». На самом деле, ногайцы и абазины, обеспечивая приезжих на Минеральные Воды продуктами, представляли опасность только своим конкурентам из шотландской колонии, которым генерал-майор Менгли-Гирей мешал, твёрдо защищая интересы подведомственного Бештовского пристава.

В это время в турецком Закубанье Султаны уже не могли оказывать былого влияния на жизнь народов, среди которых жили, почитаемые исключительно за их личные лидерские качества и ханское происхождение. Броневский писал: «Правда, татары оставили на Кавказе неизгладимую память своего господствования в языке, который и доныне в общем употреблении у всех почти кавказских жителей, за исключением коренных диалектов, на коих они говорят между собой... Но с покорением Тавриды не только пресеклось последнее владычество татар на Кубани, но и сами они повсюду подпали порабощению» [Броневский, 1999, с. 222]. Последним утверждением Броневский, несколько сгущая краски, говорит о бедственном положении кубанских ногайцев, через земли которых проходили в грабительские набеги то партии западных адыгов на российскую сторону Кубани, то казачьи отряды в Закубанье.

Авантюра Медокса

В конце 1812 года Султан Менгли-Гирей был втянут в курьёзную историю российской «хлестаковщины», случившуюся на Кавказской линии на исходе Отечественной войны с Наполеоном и ярко иллюстрирующую нравы местного начальства. Главнокомандующий на Кавказе Ртищев имел резиденцию в Грузии и активно занимался военными действиями в Закавказье, так как там продолжалась русско-персидская война. На Кавказской линии началь-

ствовали гражданский губернатор Кавказской области Брискорн и командующий войсками Портнягин, которые не только никак не помогали Султану Менгли-Гирею в сохранении спокойствия на границе, но и вовлекли его в глупейшую авантюру из-за своего корыстолюбия и пренебрежения прямыми обязанностями.

Произошло следующее: в губернский центр Георгиевск явился из Москвы двадцатилетний юноша Роман Медокс с подложными документами на имя «адъютанта военного министра Соковнина», чтобы собрать из кавказских всадников сотню в лейб-гвардию императора для участия в войне против Наполеона, и с первого дня попал под необычайно радушное покровительство местного начальства. Впоследствии он написал высокопарный очерк о своём благородном желании послужить таким образом России, опубликованный через 20 лет после его смерти [Медокс, 1879. Эл. ресурс]. По архивным документам Грузии и Санкт-Петербурга, опубликованным в 1965 г. М. Г. Нерсисян, попробуем восстановить картину этого происшествия [Нерсисян, 1965. Эл. ресурс].

Итак, Медокс отправился на далёкий Кавказ, чтобы, судя по написанной им самим инструкции от имени министра, действовать «по совету командующего на Кавказской линии, не испрашивая разрешения по дальности расстояния». Сначала он думал составить ополчение из линейных казаков, но так как их отъезд мог «ободрить хищных горцев» к набегам, решил набрать лейб-кавказско-горскую сотню из заграничных владетельных князей, которые служили бы «заложниками к обузданию их родственников». Вообще своему поступку авантюрист находил весьма логичные и правдоподобные объяснения, что говорит о его образованности и понимании политической ситуации.

Мечтая стать вторым Кузьмой Мининым, собравшим народное ополчение и спасшим Россию в Смутное время, Медокс ухватился за идею создания лейб-гвардии из горцев, которая давно носилась в правительственных кругах. Даже время для своего проекта он предусмотрительно выбрал, когда французы уже покинули страну, так как «весьма разумел негодность одного в бытность неприятеля внутри России; ибо в подобных случаях чужие вспомогательные войска не помогают, а грабят и по возможности завоевывают». Медокс вспоминал шведов, которых царь Шуйский в Смутное время призвал на помощь против поляков в Москву, а они разорили Новгородскую область и потребовали уступки им земель.

Надеясь, что за успех предприятия император простит ему подделку документов, «поручик Соковнин» приехал в Георгиевск 13 декабря 1812 г. и с фальшивым предписанием министра явился к находившемуся при смерти Брискорну, который, нисколько не сомневаясь в полномочиях молодого человека, поручил вице-губернатору Врангелю содействовать ему. Тот сразу же представил его Портнягину, коменданту Константиногорска Курнатовскому и, «дав при том наставление Соковнину, какую он должен наблюдать осторожность в разговорах с горскими народами», вызвал к себе генерал-майора Султана Менгли-Гирея для выполнения «высочайшей воли», так как по уверению Портнягина, только тот мог связаться с закубанскими Султанами.

Сомнения в документах «Соковнина» возникли только в Кавказской казенной палате, куда он подал рапорт об отпуске ему 10 тысяч рублей ассигнациями и 2 тысяч рублей серебром. В местном казначействе всего имелось в наличии 34 590 рубля, поэтому там не решились тотчас удовлетворить его требования. Однако 28 декабря исполнявший после смерти Брискорна должность губернатора Врангель, не имея на это права, вынудил казенную палату выдать «адъютанту министра» в срочном порядке 10 тысяч рублей. 29 декабря он же дал секретные повеления комендантам в Моздоке и в Кизляре не чинить препятствий для приезда владетельных князей с их подвластными из Кабарды и других мест для составления ополчения против «общего врага».

Врангель потом будет уверять следственную комиссию, что донёс о своих распоряжениях министру полиции и написал жалобу министру финансов на местную казенную палату, отказывающуюся давать деньги, но у «Соковнина», якобы были на почтовых станциях сообщники, перехватывавшие его письма. Так или иначе, без подтверждения из Санкт-Петербурга, Врангель активно опекал «Соковнина», а Портнягин взял его с собой на Правый фланг Кавказской линии, т. е. на Кубанскую линию и там с 9 по 23 января знакомил его с некоторыми закубанскими владельцами, раздавая им полученные казенные деньги, и посылал в горы лазутчиков для соблазнения горцев «богатством добычи в войне с французами». Однако успеха они не имели «по причине рассеянности аулов».

Узнав, что закубанцы очень нуждаются в соли, «Соковнин» послал им 200 пудов соли для раздачи неимущим, и народ, бед-

ствовавший из-за суровой зимы, «вдруг взволновался идти служить России». Конечно, это была заслуга Султана Менгли-Гирея, через которого российский офицер «спешно склонил в службу его величества многих весьма знатных особ»: Султана Арслан-Гирея, князя Расламбека, князя Албуриаджио, князя Бекича (Бековича-Черкасского. – З. К.) и других, с их узденями [Медокс, 1879. Эл. ресурс]. Султан Арслан-Гирей, который для важности назван «родным племянником последнего крымского хана Шагин-Гирея, потомка Чингисхана», по протекции генерал-майора Менгли-Гирея привёл с собой сто ногайских князей и узденей. «Соковнин» пришёл от них в восторг: «Всем известно, сколь чудесно храбры обитатели подошв хребта Кавказского, и сколь в войне полезны их легкие стаи всадников; но не бывший в том краю не может вообразить того зрелища, какое представляли мною собранные витязи в их блестящих кольчугах и полном азиатском вооружении».

«Адъютант лейб-гвардии конного полка поручик Соковнин» в рапорте министру полиции Балашову писал, что Портнягин и Менгли-Гирей познакомили его со многими владельцами и князьями горских народов, которые письменно подтвердили «свое желание умножить собой и подвластными им узденями, то есть дворянами и панцирниками, число имеющих счастье сражаться под знаменами его императорского величества». Успехом в сборе закубанцев он был обязан полностью Менгли-Гирею: «Первый пример столь достохвальному делу подал вышеупомянутый закубанский владелец генерал-майор султан Менгли-Гирей, сын (двоюродного. – З. К.) племянника последнего крымского хана Шагин-Гирея, жертвуя своим родным сыном, братом, племянником и пятидесятью из подвластных ему узденей сему последовали» [Медокс, 1879. Эл. ресурс].

Одними из первых вызвались послужить России также «владелец в Большой Кабарде и наследник в Малой» князь Бекович-Черкасский из Кизляра и кабардинский князь Магомет Атажукин, давшие расписки о получении части денег из 10 000 рублей, взятых из казённой палаты. К концу января «Соковнин» рассчитывал составить сотню и послать нарочного к министру за предписанием «куда их отправить». Гордясь успехом своего предприятия, он обвинял в бездейственности кавказское начальство, которое до него не смогло собрать кавказскую гвардию, так как «по самому естеству дела имели свои выгоды в неисполнении того, что сказать, оду-

шевясь любовью к отечеству, положило бы предел их писанию в свою похвалу реляций и конец их доходам, если бы сих народов владельцы и их родственники имели счастье быть в числе гвардии при нашем монархе».

Между тем, как оказалось, достаточно было привлечь Султана Менгли-Гирея к приглашению местных народов, так как он, «имея множество родства, дружбы и происходя от царского поколения, в большем у них почтении именем самого великого монарха России, произведет без малейшего сомнения не ожидаемые и чрезвычайные действия в сем народе». «Соковнин» остался в уверенности, что если горцы будут причислены к лейб-гвардии, а император объявит себя их шефом, то «в короткое время составит несколько тысяч едва ли не лучшей в свете легкой кавалерии в панцирях».

Однако это громкое предприятие провалилось. Следственная комиссия в Георгиевске выяснила следующие обстоятельства. Вернувшись с Кубани, «Соковнин» подал коменданту Георгиевска Булгакову рапорт, в котором от имени Портнягина просил перехватить на почте ожидаемый конверт из Санкт-Петербурга к губернатору. Об этом письме его якобы известили из Ставрополя по поручению министра полиции, и «что может быть в том конверте скрывается какое-либо государственное зло». Булгаков согласился на должностное преступление и доставил конверт Портнягину, а тот вручил его «Соковнину». Впрочем, «конверт» также оказался подложным, организованным самим столичным авантюристом для убедительности в покровительстве ему министра.

«Соковнин» был разоблачён благодаря казенной палате, по своим каналам оповестившей столичные власти о выдаче ему денег. Из Санкт-Петербурга тотчас командировали на Кавказ чиновника с предписанием об его аресте, что и было исполнено 6 февраля Врангелем и Булгаковым, а Ртищев начал расследование. Булгаков, подробно описав создавшуюся ситуацию, обвинял вице-губернатора и выражал удивление, что тот включён в созданную для расследования комиссию: «Со времени прибытия Соковнина в Георгиевск я видел и слышал: что господин вице-губернатор Врангель оказывает ему гораздо более уважения, нежели чин и звание Соковнина того требовали». Вслед за Врангелем особое благорасположение к нему стали проявлять все «знатнейшие здесь особы», оповещенные о его важном государственном поручении и родстве с министром полиции.

Булгаков ревниво возмущался, что в знатных домах аферисту стали оказывать предпочтение «даже и в торжественных столах перед многими и штаб-офицерами». Оправдывая свою доверчивость, Булгаков писал: «Человек, приобретший беспредельное доверие начальника губернии, а потому и военного, допущенный ездить по кордону линии, по крепостям и другим местам, с приглашательными письмами и прокламациями! расточающий в виду здешнего главного начальства произвольно государственную казну! могли быть предметом моего подозрения при наблюдениях за его поведением, а тем более, когда он по адресу подлежит ведению гражданскому?» [Нерсисян, 1965. Эл. ресурс].

В порыве обличения Врангеля Булгаков припомнил его неподобающее поведение при аресте «Соковнина» в доме полковника Дебу, где они за столом играли в карты. Оставив Булгакова в передней комнате, Врангель сам зашёл к ним, но скоро вышел и сказал: «Подождите – пусть убьют двойку!». Это при том, что «Соковнин» проигрывал казенные деньги, полученные при его же помощи. Булгаков посадил арестованного самозванца под караул на гауптвахту и снял с него знаки конногвардейского мундира, однако через два дня Врангель вернул их «Соковнину» и поселил его в городском доме полиции и содержал со всеми удобствами. 15 февраля арестанта отправили в столицу, даже не известив Булгакова, собиравшегося вывести из крепости важного государственного преступника закованным в кандалы. 22 апреля 1813 г. авантюрист был заключён в Петропавловскую крепость.

Булгаков просил Ртищева лично расследовать это дело, резонно сомневаясь, что Врангель будет «обследовать самого себя или других надлежащим порядком». Возникли проблемы с возвращением в казенную палату 10 тысяч рублей, так как Врангель пытался переложить вину на военное начальство, себя же называл «только зрителем содействий Соковнину, от Портнягина оказываемых». Портнягин же утверждал, что он не участвовал в выдаче денег, поэтому не обязан вносить какую-либо часть. Действительно, следы были замечены тщательно, а закубанские, т. е. заграничные, народы представляли для этого отличное поле, ведь востребовать с них ни денег, ни показаний российские власти не имели права. Очевидно, это было предусмотрено заранее, и под прикрытием «государственного интереса» кавказское начальство спокойно разворовывало казенные деньги.

В Санкт-Петербурге арестованный Медокс-Соковнин уверял следствие, что 10 000 рублей он раздал большей частью в присутствии Портнягина под расписки князю Бековичу – 4 000 р., Султану Менгли-Гирею – 1 000 р., князю Албуриаджио – 1 000 р., курьеру – 500 р., за соль – 300 р. Были расходы и другого рода, о которых нет расписок, например: восьмилетней дочери Менгли-Гирея подарена турецкая шаль в 600 р., свидание с князем Айтек-Мисоустом стоило более 1 000 руб. [Медокс, 1870. Эл. ресурс]. Кроме выдуманных расходов, ложь расхитителей казённых денег видна в том, например, что кавказскому следствию Врангель говорил о 5 тысячах рублей, выданных Бековичу, хотя тот дал расписку о получении 4 тысяч.

Врангель отказывался внести даже часть денег, ссылаясь на то, что не имеет никакой собственности и может выплачивать только из жалования, и предлагал следствию востребовать деньги с Менгли-Гирея, хотя тот как раз расходовал средства по назначению и добросовестно привлёк на российскую службу закубанских владельцев. Тем не менее Врангель считал, что Менгли-Гирей и Бекович-Черкасский как «чиновники, состоящие в императорской службе», могли бы возратить полученные деньги «беспрекословно». Однако кавказское следствие признало виновным самого Врангеля, который от имени императора приглашал горские народы «к составлению военного ополчения» и приказал казённой палате выдать на это деньги [Нерсисян, 1965. Эл. ресурс].

Врангель собрал оставшееся от «Соковнина» имущество, чтобы оплатить хотя бы часть суммы, и составил опись его вещей на 1 946 руб. 60 коп. Дальше изложены такие характерные детали, что не хочется их опускать. Из этих вещей Портягин потребовал вернуть ему шашку, которую подарил столичному гостю «в то время, когда разумел его справедливым, но как он оказался ложным, то и шашки он не допускает попустить в продажу». Майор Вознесенский просил вернуть золотые часы с цепочкой и пару пистолетов, которые продал «Соковнину» за 1 200 руб., но успел получить только 200 руб. Советник губернского правления Вронский отказался отдавать волчью шубу «Соковнина», завышено оценённую Врангелем в 400 рублей, требуя вернуть его собственную дорогую енотовую шубу с воротником из черно-бурой лисицы, одолженную им «Соковнину» для поездки в Усть-Лабу. Кроме шубы, тот брал у него пеньковую трубку, оправленную в серебро, стоимостью более ста рублей, шаль кашемировую,

книги и др. Вронский просил вернуть эти вещи, после чего обещал вернуть волчью шубу, однако в описи Врангеля его вещей не оказалось, кроме шали, оцененной в 25 рублей.

Врангеля обвинили в том, что он без разрешения военного начальства активно помогал «Соковнину» сам, привлёк генерал-майора Менгли-Гирея и других, «гражданскому ведомству не подведомственных». Свою ошибку Врангель называл «невинной» и перекладывал вину на Булгакова. Ртищев снял его с должности губернатора и поручил исследовать подробности происшествия назначенному на его место Малинскому. Ему Булгаков рассказал любопытные подробности, например: во время поездки с Врангелем в Ставрополь «Соковнин» проиграл на балах и маскарадах много казённых денег, затем картёжные банковские игры были заведены им и «в некоторых и здешних знатнейших домах», даже у Портнягина и самого Врангеля. Передал он и слухи о том, что Врангель посылал в Санкт-Петербург курьера для покупок, и «Соковнин» дал ему для этого более 800 руб.

4 июля 1813 г. по распоряжению императора все чиновники, участвовавшие в растрате казённых денег, попали под суд. Виновными признали Врангеля и Портнягина, обязав вернуть 10 тысяч рублей. Примечательно, что во всей этой истории слово «корыстолюбие» прозвучало только один раз, но не в отношении начальства, разворовавшего казённые деньги, а местных народов, «как из заграничных, так и в границах живущих корыстолюбивых горцев». Это написал комендант Георгиевской крепости Булгаков, избежавший ответственности. Генерал Портнягин тоже сохранил должность, правда, до очередного скандала с Менгли-Гиреем.

Военный историк Потто, обратив внимание на эту историю, вполне сочувственно описывал Медокса-Соковнина, растратившего якобы даже свои последние личные три тысячи рублей. Видимо, Потто понравилась сама идея – сблизить горскую знать с Россией на военном поприще: «Черкесы, видя европейские города, европейский быт и знакомясь с европейскими понятиями, не могли бы избежать их влияния и, возвращаясь на родину, естественно смягчали бы ненависть к нам азиатских племён и даже распространяли бы к ним уважение» [Потто, 1994, Т. 1, с. 655, с. 657]. Добавим, что кавказско-горский полуэскадрон в конвое императора, действительно, будет создан, но в начале следующей русско-турецкой войны в 1828 г., и возглавит его младший брат Менгли-Гирея Султан Азамат-Гирей.

Бегство ногайцев в Закубанье в 1813 г.

По Бухарестскому договору 1812 г. русско-турецкая граница на Северо-Западном Кавказе не изменилась. Кубанская линия (особенно её «сухой» участок между Баталпашинским редутом и Константиногорской крепостью) по-прежнему охранялась небрежно, фактически оставалась открытой для взаимных вторжений казаков и закубанцев для грабежа. Вместо усиления охраны командующий войсками на линии генерал-майор Портнягин самовольно предпринимал «превентивные» экспедиции, разрушая усилия Султана Менгли-Гирея по мирному привлечению закубанских народов к России.

Кроме того, личные отношения между ними давно были испорчены из-за покровительства Портнягина князьям Лоовым, один из которых убил в 1809 г. на российской стороне Бахты-Гирея, родного брата Менгли-Гирея [Потто, 1994, Т. 1, с. 648]. В марте 1811 г. Калы-Гирей, Темрюк и Мурад-Гирей Лоовы обратились к властям с просьбой разрешить им поселиться на р. Подкумок у Эссентукского поста, так как это место «доставит им удобность к хлебопашеству, но охранит их от мщения родственников убитого султана Бахты-Гирея». В апреле им разрешили поселиться на «пустопорожней земле», и, видимо, хорошо охраняли [АКАК. 1870. Т. 4, с. 837]. Сами абазины просили избавить их от Лоова и предать суду, так как его пребывание у них «угрожает опасностью всему Абазинскому народу и самим ногайцам» [Бентковский, 1883, с. 61]. Однако кордонный начальник Курнатовский, «который есть друг Лоову», и Портнягин взяли его под свою защиту и требовали от абазин подчинения ему.

Пока Менгли-Гирей добивался наказания убийцы брата по российским законам, их дядя, «весьма сильный Закубанский владелец, неподвластный Российскому правительству», решил сам мстить за кровь племянника. Главнокомандующий на Кавказе Ртищев, узнав об этом, послал за Кубань капитана Азамат-Гирея, младшего брата Менгли-Гирея, передать своё личное обещание всем Султанам: «Доставлю полное удовлетворение и предам Лоова Российскому суду» [АКАК. 1873. Т. 5, с. 855, 860]. В 1812 г. капитан Росламбек Туганов поймал и доставил к властям убийцу, и Ртищев заставил Портнягина и Курнатовского арестовать его и отправить в Астрахань, но он – без их помощи – бежал и был объявлен в розыск. С тех пор эти кордонные начальники стали мстить Менгли-Гирею и Туганову.

Менгли-Гирей пользовался огромным авторитетом не только у народов Бештовского приставства, но и у закубанских народов, что

показал его успех в привлечении их знати к участию в войне России против Наполеона. Его вины в том, что это предприятие оказалось авантюрой, не было, и он не привлекался к ответственности в отличие от Портнягина, обязанного вместе с отстранённым губернатором Врангелем вернуть растроченные казённые деньги. Оставленный на своей должности Портнягин решил мстить генерал-майору Менгли-Гирею, самовольно отстранив от управления Бештовским приставством. Это событие немедленно привело к волнениям среди ногайцев и их общему решению бежать за Кубань. По жалобе Менгли-Гирея главнокомандующий на Кавказе Ртищев сразу же назначил служебное расследование, так как не сомневался, что Портнягин удалил Султана, чтобы «в глазах начальства очернить верную и усердную службу сего достойного чиновника» [АКАК. 1873. Т. 5, с. 858].

Генерал-майор Дельпоццо, разбиравшийся в этом происшествии по поручению Ртищева, сразу же выяснил, что причиной бегства ногайцев послужило «удаление от должности главного ногайского пристава генерал-майора Менгли-Гирея, к которому ногайцы питали большое доверие» [Потто, 1866. Т. 1, с. 647]. Видя «странную политику» Портнягина, они поверили пропаганде турецкого чиновника «назыря» Сеид Ахмет-эфенди, уверявшего, что если они останутся на российской стороне, то с них «начнут брать рекрут и всякие поборы» [АКАК. 1873. Т. 5, с. 857].

Отставка Менгли-Гирея стала сигналом к бегству, а Сеид Ахмет-эфенди, собрав войско из закубанских народов в помощь для переселения ногайцев и их многочисленного скота, в 4 часа утра 6 сентября спокойно перешёл границу выше Невинномысского укрепления и прошёл в верховьях Калауса и Янкулей. Здесь они собрали до 2 000 ногайских семей и двинулись с ними, их скотом и имуществом за Кубань. «Это было грандиозное шествие соединённых сил горцев и ногайцев, против которых были двинуты все наличные силы, расположенные по линии», – писал кубанский историк Щербина [Щербина, 1992, с. 207].

Портнягин пытался оправдать лёгкий прорыв через кордоны тем, что турецкий назырь вёл якобы 20-тысячное войско, на самом деле, как выяснилось, в войске было менее 1 500 человек «из народов, большею частью отдалённых от Кубани, живущих почти близ самых берегов Чёрного моря». Этот отряд спокойно оставался на российской стороне 5 дней, собрал кочевые аулы и переправил за Кубань

[АКАК. 1873. Т. 5, с. 855]. Сеид Ахмед-эфенди имел местопребывание у абадзехов, у которых до своей гибели жил Бахты-Гирей, они и составляли отряд закубанцев. Платон Зубов также отмечал, что этот набег на Кавказскую линию предприняли абадзехи [Зубов, 2001, с. 86]. 9 сентября Портнягин догнал черкесов (абадзехов), прикрывавших переселяющихся ногайцев и вступил с ними в шестичасовое сражение. Черкесы понесли большие потери «под разрушительным действием орудий», погиб и родной брат Менгли-Гирея, «потомок крымских ханов» Максуд-Гирей.

Ногайцы бежали, бросив скот и имущество на российской стороне. Щербина писал: «До миллиона голов разного рода скота, толпившегося на пространстве между рр. Янкуль и Кубанью, достался в добычу русским» [Щербина, 1992, с. 207]. Численность скота в миллион голов кажется всё-таки чрезмерно завышенной, впрочем, Иосиф Дебу, служивший на Кавказской линии с 1810 г. и с 1816 г. командовавший Правым флангом Кавказской линии, в своём примечательном очерке о местных народах, подтверждал, что ногайцы Бештовского приставства в этот период «благоденствовали» [Дебу, 2001, с. 72].

Щербина мог опираться на сведения главнокомандующего Ртищева, писавшего, что беглецы раскаялись бы и вернулись с благодарностью, если бы часть войск использовали для сохранения оставленного скота «простиравшегося почти до миллиона штук», и обещали им возратить его, вместо того чтобы преследовать их на противоположном берегу Кубани. Он писал: «Ногайцы, увидев, что имение их сохранено у нас в целости и не имея у себя ничего за Кубанью, кроме жён и детей, голодом и наготою наказывающихся за глупость их отцов и мужей, весьма бы скоро почувствовали своё безрассудство» [АКАК. 1873. Т. 5, с. 860].

Однако Портнягин гораздо больше внимания уделил «на удержание скота, признанного как будто за неприятельскую добычу, нежели на потерю целого народа, состоявшего в подданстве Е. И. В. и приносившего великую пользу для Кавказской Линии» [АКАК. 1873. Т. 5, с. 856–857]. С 2-тысячным войском Портнягин переправился за Кубань и истребил близлежащие аулы, а 24 октября разорил темиргоевцев и абадзехов между Лабой и Белой, но вернуть ногайцев ему не удалось. Тогда он арестовал на правом берегу Верхней Кубани владельцев Мансуровых и Клычевых, обвинив в пособничестве ногай-

цам при переправе через Кубань, а также в разбоях на линии, и предложил Ртищеву «примерно» наказать их [АКАК. 1873. Т. 5, с. 880].

Дельпоццо начал расследование с опроса некоторых знатных владельцев, отличавшихся преданностью русским властям: ногайских мурз Хасая Калмамбетова и Росламбека Туганова, абазинского князя Девлет-Гирея Лоова, темиргоевского князя Мисоста Айтекова и др. Они заявили, что их подвластные народы недовольны российским правительством «за необращение к ним ни малейшего внимания», что начальство оставляет без внимания их самые справедливые просьбы, пренебрегает их просьбами, что они терпят притеснения от казаков, которые безнаказанно угоняют у них скот, а когда горцы открывают следы похищения, то вместо «розыска» скота, сами часто задерживаются властями и содержатся долгое время под караулом.

Дельпоццо выявил, что причина ногайских волнений заключалась, во-первых, в притеснениях по земельным вопросам, во-вторых, в удалении от должности Менгли-Гирея, «который один держал в повиновении буйных ногайцев», в-третьих, в небрежной охране границы. Итак, Дельпоццо не скрыл, что в основе конфликта линейных начальников и пристава Бештовских народов лежал серьезный мотив: военные власти неуклонно сокращали кочевья, а интересы ногайцев защищал только Менгли-Гирей. Напуганные его отставкой, они бежали за Кубань, уверенные, что без его защиты у них отберут скот.

Обстоятельства этого дела Ртищев подробно изложил в донесении военному министру Горчакову в Санкт-Петербург, обеспокоенному прорывом закубанцев на российскую сторону и бегством значительной части российских подданных ногайцев за границу. Ртищев писал: «Нимало неудивительно, что Ногайский народ при таковом несправедливости командовавшего на Кавказской линии ген.-м. Портнягина, а также допущенных беспорядках и слабости по кордонам был расположен на переселение своё за Кубань, дабы избавиться от несправедливых с ним поступков и имея согласие с предприятием турецкого на-зыря» [АКАК. 1873. Т. 5, с. 857]. Ртищев настоял на удалении Портнягина от командования войсками, убедив правительство, что «до тех пор не может быть водворено тишины и спокойствия», после чего абадзехи написали Дельпоццо, что хотят быть в мире с Россией, а воевали с отрядом Портнягина из-за его вражды с Менгли-Гиреем.

Александр I предал Портнягина суду, а начальником Кавказской линии назначил генерал-майора Дельпоццо. Для правитель-

ства стало очевидно, что авторитет Менгли-Гирея был лучшей гарантией спокойствия по обе стороны Кавказской линии. Позднее известный ставропольский исследователь Бентковский писал: «Султан Менгли-Гирей как русский генерал пользовался полным доверием правительства, как ногаец имел огромное влияние не только на подвластных ему соплеменников, но и на за-кубанских нам не подданных» [Бентковский, 1883, с. 52].

В Бештовском пристастве осталось всего 1 026 кибиток (семейств) ногайцев [АКАК. Т. 6, с. 630]. По сведениям Бентковского, за Кубань ушли 4 093 семейства, что составляло 16 370 человек [Бентковский, 1883, с. 67]. В письме же военного министра к Ртищеву от 9 декабря 1813 г. речь шла о 27 тысячах ушедших за Кубань. Разрешая экспедицию, министр предупреждал, чтобы «при преследовании и поимке их обратить меры единственно на Закубанцев, виновных в уводе Ногайцев, не делая притеснения аулам, вовсе в том не участвовавшим, и избегая всевозможно баранты (угона скота в добычу. — З. К.) как весьма вредной» [АКАК. 1873. Т. 5, с. 879]. Однако вернуть беглых ногайцев Бештовского пристаства тогда не удалось ни Менгли-Гирею, ни войскам, так как началась очередная вспышка чумы, и переходить границу император запретил.

***

«Заразительная болезнь» в июле 1814 г. парализовала также организацию и функционирование меновых дворов. Росламбек Туганов отправил своего брата Хан-мырзу предупредить командиров карантинных застав о распространении болезни в мансуровских аулах за Кубанью и просил «принять меры к осторожности» [ГАСК. Ф. 87. Оп. 1 Д. 497. Л. 2]. Ртищев запретил всякое передвижение через Кубань и 9 июля приказал постам Усть-Лабинскому, Овечьebroдскому, Баталпашинскому и Константиногорскому «соблюдать бдительность, осторожность, не принимать на меновые дворы продукцию горцев, никого не пропускать» [ГАСК. Ф. 87. Оп. 1 Д. 497. Л. 5].

Тем не менее чума проникла на Кубанскую линию, так как казаки брали в закубанских аулах заражённые вещи как трофеи, поэтому командование запретило не только торговлю, но и переход границы для преследования «хищнических» партий. Менгли-Гирей не имел никакой возможности вернуть из-за Кубани беглых ногайцев и ждал открытия карантина. Об этом хлопотал командующий войсками Дельпоццо, находившийся тогда в Моздоке. 9 января 1816 г. он пи-

сал: «При первом же наступлении весны, составив надёжный отряд, введу их внутрь губернии по предварительному о том соглашению с здешним гражданским губернатором» [АКАК. 1873. Т. 5, с. 880].

Особенно свирепствовала чума в абазинских аулах Пятигорья. Введённые карантинные ограничения отразились и на войсках, обеспечение которых шло через крепость Константиногорскую, вблизи аула Трамова, поэтому Дельпоццо с марта по июль упорно добивался от губернатора разрешения на снятие карантина. Однако эпидемия продолжалась ещё два года, карантин только усилили, а так как он касался важнейшей точки коммуникации войск, то Дельпоццо не мог ждать. Самым лёгким решением проблемы опять оказалось удаление заражённого аула. Желание властей совпало с желанием самих абазин, страдающих не только от чумы, но и от голода из-за изоляции. В апреле они сами просили переселить их за черту кордона на речку Кумлуху, в 4 верстах от Трамова аула. Переселение за черту линии являлось компетенцией военных властей, и 13 мая Ртищев разрешил переселить аул Трамова и поступать уже с ними «с наблюдением всех тех предосторожностей, какие соблюдаются с прочими заграничными народами» [ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 722. Л. 18].

Так как пространство от Кумы до Верхней Кубани находилось за «чертой кордона» и вытесняемые сюда из Пятигорья аулы становились «заграничными», формально это касалось и тохтамышевских ногайцев, пасших скот вдоль правого притока Кубани Джегуты. Дельпоццо докладывал 6 мая 1816 г., что «в заграничных, что за Кубанью, ногайских аулах, расположенных на р. Джегуте, принадлежащих владельцам: Джембулату и Раслаббеку Тагановым, открылась на людях также заразительная болезнь» [ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 722. Л. 16]. Дельпоццо не случайно ошибся, отнеся правый приток Кубани Джегуту к Закубанью (левобережью). Очевидно, что ногайские аулы Тугановых названы «заграничными», так как на правобережье Верхней Кубани граница, т. е. Кубанская линия, проходила не по самой реке, а по «сухой» линии от Баталпашинского редута до Константиногорской крепости, оставляя междуречье Кумы и Верхней Кубани «за кордоном». В 1804–1816 гг. власти строго следили за изоляцией этой территории как заграничной, чтобы «не было никакого с той стороны сообщения».

Между тем места обитания и хозяйственной деятельности «кумских аулов» Бештовского приставства со смешанным ногай-

ским и абазинским населением продолжали сужаться, так как шло активное освоение Пятигорья русскими поселенцами и развитие курортных зон. Однако Султан Менгли-Гирей деятельно собирал своё подвластное население, и «прибывающие из гор» абазины просились жить в Кумских аулах Менгли-Гирея, способного оказывать им покровительство. Абазинские уздени приводили с собой своих крепостных крестьян и оставались полновластными их хозяевами, сами при этом находясь в ведении Султана до самой его смерти. Так, до 1837 г. внутри ногайского Калмыкаевского аула существовал аул Кокова [ГАСК. Ф. 79. Оп.1. Д. 1787. Л. 55].

В Закубанье беглые ногайцы осели на равнине и попали в эпицентр эпидемии. Иосиф Дебу писал, что «от учинённых им в 1813 году притязаний как от правителей при командующих бывших, так и от худого выбора чиновников, коим препоручалось произведение над ними следствий, большая часть оных перешла за Кубань, где ныне от притеснений тамошних владельцев ведут несчастнейшую жизнь» [Дебу, 2001, с. 76]. Ушли за Кубань даже некоторые Султаны, бывшие на российской службе. Так, в это время Султан Азамат-Гирей жил среди тохтамышевцев, переселившихся с правого на левый берег Кубани между Хумарой и Джегутой, Султан Девлет-Гирей – у кипчаковцев, Султаны Магомет и Селим-Гирей – у наурузовцев.

«Милиция их очень хороша, князя – отличные наездники. Наврузовские ногайцы дают нам лучших вожаков и лазутчиков, потому что имеют большие связи с черкесами», – писал Дебу [Дебу, 2001, с. 201, 85]. Он был уверен, что беглые ногайцы, укрывавшиеся у абадзехов, «нетерпеливо ожидают» прихода в Закубанье русского отряда, чтобы присоединиться к нему, и даже считал, что «абазины и ногайцы пригласят с собою и другие, подобно им утесняемые племена». Однако они ждали с российской стороны не войска, а Султана Менгли-Гирея с добрыми вестями и окончания карантина.

Начало Кавказской войны (1817–1864)

После победы над Наполеоном Россия достигла зенита своего могущества, и Кавказ ожидало окончательное покорение и подчинение законам империи, в основном «силой оружия». С этой миссией в конце 1816 г. явился новый главнокомандующий в Грузии и на Кавказской линии генерал А. П. Ермолов, сразу же начавший жёсткую административную и военно-политическую деятельность по укреплению пограничных линий. Насильственное перемещение части аулов и колонизация их земель вызвали бунт горцев, а вторжения русских войск в Чечне и Дагестане встретило такое организованное сопротивление местных народов, что начало долголетней Кавказской войны (1817–1864) по принятой в историографии традиции приурочивается именно к появлению на Кавказе Ермолова.

Однако остановимся на военно-переселенческих событиях в Пятигорье, Большой Кабарде и Закубанье, имевших значение для судеб ногайцев и абазин Бештовского приставства генерал-майора Султана Менгли-Гирея. Император запретил нарушать Кубанскую границу в период мира с Турцией, тем более во время эпидемий, и 9 мая 1817 г. велел Ермолову «прекратить пагубные следствия, происходившие для жителей вверенного вам края от самовольного сообщения кордонной стражи с горскими народами, у коих существует чума» [АКАК. 1875. Т. 6. Ч. 2, с. 447].

На какое-то время прославленному генералу пришлось направить свою энергию на административное управление Кавказской губернией. В 1818 г. он предложил из-за малочисленности населения переименовать её в область, а центр перенести «по неудобности и нездоровому климату в Георгиевске» в г. Ставрополь [АКАК. 1875. Т. 6. Ч. 2, с. 610]. Кстати, его предшественник Ртищев в 1815 г. тоже ходатайствовал о перенесении губернских учреждений из Георгиевска, правда, «на минеральные пятигорские воды», к пограничной Константиногорской крепости, но в Петербурге решили, что губернскому центру лучше находиться подальше от беспокойной границы с горами.

Рескриптом от 2 октября 1824 г. император разрешил Ермолову перевести областной центр в Ставрополь. Георгиевск снова стал

уездным городком, но не потерял значения для местных народов. Их привлекали городские ярмарки в Георгиевске, где ещё в 1805 г. пристав Кабарды Дельпоццо приказал построить караван-сарай. На них даже в период Кавказской войны съезжались торговцы и покупатели не только со всего Кавказа, но и с юга России: «Сюда гнались косяки лошадей знаменитых в свое время кабардинской и ногайской пород; сюда сгонялся красный калмыцкий и киргизский и местный скот; сюда свозили хлеб, соль, рыбу с Каспийского моря и Астрахани, мануфактурные и галантерейные товары юга России, кустарные производства горцев и местных жителей: сукна, полотна, седла, сбрую, бурки, холодное и огнестрельное оружие, шелк, ковры из Закавказья и Персии» [Шабловский, 1914. Эл. ресурс].

По сведениям Н. Н. Шабловского из документов Георгиевского архива, в 1812 г. в Кавказскую губернию прибыл чиновник Монасеин для открытия школ и училищ, в основном на пожертвования местного дворянства, но у них денег не хватило, и только благодаря Ермолу 15 сентября 1818 г. было открыто приходское училище. Здесь же обучались аманаты из горских народов, в том числе родной племянник Султана Менгли-Гирея юный Казы-Гирей, сын убитого в 1809 г. Бахты-Гирея. Для мусульман в городе была выстроена мечеть.

В Пятигорье Ермолу уделял большое внимание освоению природных богатств и развитию курортов. Переместив казаков и поселенцев Константиногорской крепости ближе к минеральным источникам, он положил основание г. Пятигорску и активно занимался земельным обеспечением поселенцев. По его предложению Александр I велел отмежевать казакам в Александровском, Ставропольском и Георгиевском уездах, «где земля удобная к хлебопашеству», по 30 десятин земли. При этом император указывал ему «иметь в виду всевозможное сохранение выгод казённых поселян и Азиатских народов, чтобы те и другие не почувствовали притом никакого стеснения» [АКАК. 1875. Т. 6. Ч. 2, с. 446]. Однако последнее соблюсти никак не удавалось, особенно по отношению к народам Бештовского приставства, защищать их интересы Менгли-Гирею при Ермолу стало невозможно.

В целях якобы безопасности Пятигорска в 1818 г. Ермолу разрушил абазинский аул Трамова, а жителей, обвинив в укрывательстве закубанских партий, переселил в Кабарду. В 1820 г. в Пятигорье из местных народов остались: кабардинцы на р. Куре и около Констан-

тиногорска, «выселившиеся из Кабарды в разные времена, до 600 душ, в домашней прислуге, на казачьих дачах»; абазины в ауле Бабукова на Подкумке, «земли отведённой не имеют и податей и служб не отправляют»; основная часть абазин, которые «по временам то входят житьствовать внутрь кордонной линии, располагаясь по вершинам рек Кумы, Танлыка и Подкумка, то переходят за кордоны, где и ныне находятся, до 740 дворов» [АКАК. 1875. Т. 6. Ч. 2, с. 603]. В 1821 г. аул Бабукова тоже переместили за Малку на земли, отведённые для казаков, поэтому в 1823 г. этот аул из 647 человек был преобразован в станицу Волжского казачьего полка, а жители зачислены в казаки [Потто, 1994. Т. 2, с. 73].

Ермолов предпочитал наводить «порядок» неоправданной жестокостью и исключительно военной силой. Так, в 1821 г. он вывел из подчинения Султану Менгли-Гирею и изгнал абазинские аулы с Кумы, считая их удобными прибежищами и «перевалочными» пунктами для закубанцев и кабардинцев, промышлявших набегами. Подозревались кабардинцы из аула Конова, переселённого в 1783 г. командующим Кавказским корпусом П. С. Потёмкиным с Баксана «кошем вверх по реке Подкумок», в 15 верстах от крепости Георгиевской [Черкесы... 2000. Т. 3, с. 197, 202]. В 1822 г. по жалобе гражданских властей военному командованию о нападениях «хищников из аула Али Конова вблизи Кисловодского укрепления» этот аул был удалён обратно в Кабарду [ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 7. Л. 117 об.]. Однако эти меры не могли остановить обозлённых жестокими мерами Ермолова горцев от набегов.

В январе 1822 г. пятисотенная партия закубанцев прорвалась через границу и увела 250 семейств Джантемирова и Трамova аула со всем имуществом, 4 февраля беглые кабардинцы истребили Кумский пост, и ушли за Кубань, а через несколько дней опять вошли в русские пределы и угнали пасшихся в 10 верстах от Кубани табуны ногойского владельца Султана Азамат-Гирея, брата Менгли-Гирея. По описанию Потто, «храбрый Азамат» со своими ногойцами немедленно бросился в погоню за Кубань, быстро настиг партию и вступил в переговоры. Его лошадей кабардинцы возвратили, остальных же, принадлежавших бабуковцам и другим мирным кабардинцам, увели с собой, сказав, что «если хозяева желают получить их обратно, то пусть сами приедут за ними» [Потто, 1994, Т. 2, с. 364–365].

Ногойское население Бештовского приставаства после побега в 1813 г. значительной части за Кубань состояло из 1 026 домов

едишкульцев, мангитовцев и каспулатовцев, живших в аулах по Куме, около Бештовых гор и по Сабле, не считая кочевых джембойлукцев и едисанцев. Все земли от Бештовых гор к Кубани по длине, а в ширину от селений Александровского уезда до Абазы, или «кордонной линии», опустели, но, как отмечал Ермолов, они были «к водворению Русских мало удобны» [АКАК. 1875. Т. 6. Ч. 2, с. 604]. Вероятно, поэтому Ермолов не препятствовал возвращению ногайцев из-за Кубани. Ногайцы преимущественно занимались кочевым скотоводством, а хлебопашеством «только для собственного обихода», но частью уже перешли на оседлый образ жизни. В Пятигорье среди постоянных аулов в 1819 г. крупнейшим считался Найман-аул, «значительный по числу жителей», в 5 верстах от шотландской колонии Каррас [Волкова, 1974, с. 89].

В 1818 г. Ермолов предложил министру внутренних Кочубею объединить мусульман Кавказской области, состоящих под управлением Султана Менгли-Гирея, с караногайцами, так как из-за разделения народ «не имеет в руководство свое никаких постоянных правил, чрез что как в отправлении повинности терпит одна часть против другой чрезмерное отягощение, так и в отношении управления ими происходят большие несообразности и беспорядки, а нередко и самые злоупотребления» [АКАК. 1875. Т. 6. Ч. 2, с. 611]. Это предложение Александр I признал разумным, и 24 июля 1822 г. повелел управление над ногайцами соединить в лице одного главного пристава по выбору Ермолова, определить к ногайцам и туркменам необходимое число частных приставов, а надзор за повинностями ногайцев передать областному начальнику при содействии главного пристава [АКАК. 1875. Т. 6. Ч. 2, с. 523–524]. Эти административные преобразования проводились с явной целью отстранить от управления Менгли-Гирея, лишить его должности военного начальника, чтобы он остался «как бы за штатом и не имел никакого на Ногайцев влияния», при этом «во уважении же преданности его к России и в вознаграждение долговременного служения» Ермолов предложил предоставить ему «на волю жить, где пожелает» и дать в вечное и потомственное владение 5 000 десятин земли [АКАК. 1875. Т. 6. Ч. 2, с. 612].

В 1822 г. император подписал указ: «Султану Менгли-Гирею в вознаграждение оказанных Российскому Правительству заслуг сверх получаемого им ныне пансиона по 4 800 рублей в год, отве-

сти в вечное и потомственное владение пять тысяч десятин земли». Однако только 25 июня 1824 г. Ермолов предписал начальнику Кавказской области представить ему сведения от Менгли-Гирея, где он выбирает себе участок из свободных и «никаким казённым селениям не принадлежащих» земель, чтобы снять их на план с указанием количества удобных и неудобных угодий, истребовав предварительно мнение казённой палаты, «для отсылки к министру финансов» [ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 93. Л. 1].

Менгли-Гирей сначала выбрал землю от устья Барсуклы до Кумы, по левую сторону до села Александрии и по правую до реки Гумухи (Кумы. – 3. К.), где жил со своими подвластными ногайцами, по его словам, более двадцати лет. Видимо, Султан рассчитывал, что с его частных земель ногайцев никто не посмеет согнать. Затем, скорее всего по принуждению начальства, он изменил своё решение, сославшись на то, что «в тогдашнее время по скудости времени не обдумал», и в окончательном решении обозначил земли по обе стороны Кумы, вблизи своего аула Покоривший, одноимённого с расположенным там казачьим редутом [ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 93. Л. 4]. В сведениях казённой палаты также указано, что Менгли-Гирей избрал 5 000 десятин земли вблизи Покорившего поста на Куме, «где он имеет дом и другие заведения» [ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 93. Л. 12].

Участок находился на земле, на тот момент ещё не отобранной в казну, но подробно описанной в сведениях Кавказской казённой палаты от 16 октября 1824 г. «по каталогу генеральной карты, составленной в 1819 году» [ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 93. Л. 12 об]. На ней показана под № 35 степь по левой стороне Кумы, начиная от селения Александрии и по черте Александровского уезда вверх к Кубани, где земли удобной – 344 093 десятины 2 200 сажен, неудобной – 12 350 десятин 600 сажен, всего 356 444 десятины 400 сажен. Там же на карте значится Султанский аул, примыкающий к границам селения Александрия. По правой стороне Кумы под № 34 показана степь при Бештовых горах, заключающая в себе земли удобной 147 392 десятин 1 200 сажен, неудобной 49 109 десятин, всего 196 438 десятин 1 200 сажен.

На всём этом пространстве ни землям, ни аулам не было сделано межевания, ведь под поселения русским «казённым обывателям» эти места не назначались, потому что «степи сии безводны, солонцеваты и гористы». 34 сентября 1825 г. правительству доложили о выполне-

нии указа императора и наделении Султана Менгли-Гирея землёй на правах частной собственности [ГАСК. Ф. 79 Оп. 1. Д. 93. Л. 20]. Так, в собственность Менгли-Гирею оформили часть земли, которой ногайцы, как российские подданные, пользовались более 50 лет.

Ермолов считал, что сохранение владельческих привилегий княжеского сословия местных народов препятствует активной колонизации и укреплению российской власти. Его вмешательством во внутреннюю организацию подвластного Менгли-Гирею общества стало узаконенное выделение в его частную собственность общинных земель, что давало ногайцам право выбора: остаться и жить на его земле в качестве крепостных или же, оставшись на «свободной» (переходящей в разряд «казённых») земле, отдаться на волю государственных чиновников, так как район Пятигорья вошёл в Александровский уезд Кавказской области. Ногайцев стали ограничивать не только в кочевьях, но и в землях, используемых для земледелия, т. е. вблизи аулов.

Рассматривались даже проекты об обращении ногайцев в христианство, в которых выражалась уверенность, что «в скором времени из них могли бы быть храбрые казаки» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 1078. Л. 1–3]. Только из-за ощутимой выгоды от их «аробной» повинности решили не торопиться с переводом в казачье сословие, повлекшим бы за собой отмену обязанности перевозить на своих арбах казённый провиант. Главный пристав магометанских народов Мензелинцев в 1824 г. писал: «Повинность, магометанами отправляемая, ни в каком случае по превосходству своему не может равняться с таковыми же отставных казаков, и я не смею мыслить, чтобы при обращении их в казаки, можно было допустить казие перевозку провианта для войск по правочным ценам» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 1078. Л. 7].

Приведение ногайцев в российское подданство, содержание их в мире и повиновении, обложение повинностями и налогами, привлечение на военную службу и постепенный частичный переход к оседлости стали делом свершившимся и отнюдь не формальным благодаря Султану Менгли-Гирею, поэтому Ермолову не удалось совершенно сместить его, и Султан оставался в должности местного пристава до самой смерти. В 1822 г. ногайцев Кавказской губернии разделили в четыре приставства, оставив Менгли-Гирею Бештау-Кумских ногайцев, кочевавших и живших оседло по Куме, Сабле, Калаусу и Ян-

кулям. Отдельное Калаусо-Джембойлукское приставство составили ногайцы, кочевавшие в низовьях Калауса, Кугулты, Барханчи и др. В Караногайское приставство вошли караногайцы, едишкульцы, джембойлукцы и едисанцы в Кизлярском и Моздокском уездах. Наконец, четвёртое приставство создали для тохтамышевских ногайцев на правом берегу Верхней Кубани от р. Тохтамыш до устья Урупа [Волкова, 1974, с. 91–92]. Таким образом Ермолов «закрепил» за Россией места кочевания российских подданных ногайцев-тохтамышевцев по правобережью Верхней Кубани в Карачае.

***

Настойчивые попытки властей Кавказской области изъять земли у ногайцев, принуждая их к оседлости, и у абазин, переселяя за кордонную линию, спровоцировали стремление мусульман уйти в Турцию. Для перехода границы они часто использовали разрешение на «хадж», т. е. паломничество в Мекку. Аравийский полуостров, где расположена Мекка, находился в составе Османской империи, которая имела огромную притягательную силу для кавказских народов, в том числе и российских подданных. Скрывая желание ограничить их связи с Турцией, под предлогом заботы о паломниках, чтобы они не заразились там чумой, 20 мая 1822 г. Ермолов приказал местным властям Ставропольского, Александровского, Георгиевского, Моздокского и Кизлярского уездов, Черноморского войска и лично Султану Менгли-Гирею запретить выпуск мусульман «на богомолье в г. Мекку» [ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–2]. Так первая попытка массового переселения в Турцию с Кавказской области была пресечена.

Отметим, что Ермолов отстал от себя подозрения в гонениях на мусульман по религиозному признаку. Например, в приказе от 30 октября 1823 г. кабардинским владельцам и узденям, просившим его о введении по-прежнему шариатского суда, он писал: «Всегда старанием моим было, и самим собою лучший ещё подаю пример, уважать закон мусульманский, и потому не сделал я нигде постановлений, оному противных» [АКАК. 1875. Т. 6. Ч. 2, с. 473]. Высшим сословиям, выступавшим против российского судопроизводства не из-за религиозного рвения, а ради сохранения собственных привилегий, Ермолов напоминал, что как раз по шариату все сословия должны быть свободными и иметь «равное право на справедливость и силу законов», так что князья и уздени должны были с ним согласиться, что «уравнение состояния не может обещать Кабарде спокойствия и порядка».

Султаны, ногайские мурзы и абазинские князья также оставались для России главной опорой своей власти над местными народами Пятигорья. Ногайцы одними из первых были привлечены к довольно тяжёлой государственной повинности, но всё-таки они оставались подвластными своих владетельных князей, проводивших российскую политику. На начальном этапе вовлечения покорённых народов в подданство России помощь местного высшего сословия играла важную роль, поэтому оно пользовалось покровительством и льготами правительства. Ермолов же считал, что российская власть на Северном Кавказе уже достаточно сильна, и нет необходимости делиться ею с местной элитой.

Деятельность в Пятигорье Султана Менгли-Гирея во многом определила относительное благополучие и организованность ногайцев в период непрерывной экспансии на их кочевья, которая при других обстоятельствах могла бы обернуться их полным уничтожением или массовыми переселениями в Турцию, как это случилось с крымскими ногайцами. Несмотря на то что российские власти считали ногайцев «дикарями», не поддающимися христианизации, под которой подразумевали «цивилизацию», заслугой Менгли-Гирея можно считать установление дружественных отношений ногайцев с новыми поселенцами. Так, главный пристав магометанских народов Мензелинцев в 1824 г. признавал: «Не отвергая невежества магометан, в коем они ныне находятся, и сильного влияния на них духовенства в разборах по вере и в частных между ними делах, не могу, однако же, согласиться с тем, чтобы они питали к христианам явную ненависть, тогда как на опыте замечено, что живут с ними дружелюбно и стараются ее поддерживать различными доказательствами своей приверженности» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 1078. Л. 7].

Калаусо-Саблинские и Бештово-Кумские ногайцы перевозили казённый провиант из Прочного Окопа в Вознесенское на 78 арбах, доставляли дрова из-под горы Железной на Кислые Воды на 1 330 арбах, вывозили строевой лес для строительства Минеральных Вод с ущелья Кала-Утенос на 470 арбах, высылали на 8 месячную кордонную службу ежегодно 230 конновооружённых ногайцев. Все эти поставки людей и скота производились бесплатно. Из 1 367 семей, живших в приставстве Менгли-Гирея, отбывали повинности 1 006 семей. Кроме того, они были обложены повинностями на следующие суммы: в 1823 г. – 15 540 руб., в 1824 г. – 41 605 руб., в 1825 – 47 025 руб. [Кочекаев, 1969, с. 50]

Другие ногайцы Кавказской области перевозили хлеб, содержали почтовые станции, добывали соль на Маджарских озёрах, содержали в исправности дороги, конвоировали проезжающих и транспорт, давали арбы для доставления военных орудий и снаряжения и т. д. [Кочекаев, 1969, с. 53–56]. Добавим сюда, что с 1810 г. ногайцы регулярно доставляли к Горячим и Кислым водам десятки войлочных кибиток для размещения в них курортников [АКАК 1870. Т. 4, с. 919]. Все эти повинности и налоги лежали на ногайцах тяжёлым бременем, потому что обилие скота ещё не означало общего благосостояния.

В 1822 г. для ограничения власти владельческого сословия и духовенства над местными народами Ермолов ввёл российское судопроизводство и отменил шариатские суды – мехкеме. В пристастве Менгли-Гирея мусульмане спокойно приняли новые «суды и расправу», избрав к ним одинаковое число мурз и простого народа с равными голосами, а в случае несогласия с их решениями обращались к духовному суду. Кроме того мусульманам позволялось в спорных вопросах просить окончательного решения в Моздокском Верхнем пограничном суде, в котором заседал избранный ногайским народом депутат.

При Ермолове контроль над населением, подведомственным Менгли-Гирею, ужесточился, как писал Дебу, «сделанная им именная перепись, по которой оказалось 14 000 душ народа, отняла у них способы удаляться от избранных ими жилищ без соизволения и ведома начальства» [Дебу, 2001, с.75]. Связано это было с развязыванием военных действий на Кавказской линии, несмотря на мирный период в российско-османских отношениях.

Преобразования на Кавказской линии

В центре Кавказской линии Ермолов перенёс кордонные укрепления на границу между Кабардой и вольными горскими обществами. Кабардинцам приказали переселиться в тыл новой линии, но владельцы отказались, в ответ Ермолов предложил народу переселиться на Малку, запретив называть князьями тех владельцев, которые не служат в российских войсках [АКАК. 1875. Т. 6. Ч. 2, с. 469]. Экспедиции в Кабарду снаряжались с 1821 г. «почти ежедневно»: убивали людей, жгли аулы, угоняли скот [Зубов, 2001, с. 87]. Ермолов убедил Александра I, что нет другого способа контролировать кабардинцев, кроме перемещения войск на их земли [АКАК. 1874. Т. 6. Ч. 1, с. 509]. Окру-

жив Кабарду со всех сторон, российские власти подорвали власть князей, запретили даже аталычество, связывавшее их с другими народами, а шариатский суд заменили на российские «суды и расправу».

Кабардинцы взбунтовались и «скрылись частью за Кубань, частью у карачаевцев» [Клычников, 2002, с. 37]. Здесь имеются ввиду горские соседи Кабарды, современные балкарцы, составляющие с карачаевцами единый этнос. Войска вступили в Баксанское ущелье под предлогом поиска беглого аула Таусултана Атажукина и прошли вверх по тропинкам «шириной не больше аршина». Ермолов писал: «Я сам некоторое расстояние переправлялся не иначе как ползком, ибо кружилась голова от вида волн Баксана, кипящих под ногами... Далее уже нет пути» [Потто, 1994. Т. 2, с. 373]. Кабардинцы ушли через перевал в верховья Кубани, а оттуда на Лабу. Так, восстание в Кабарде в 1822 г. закончилось второй волной переселения значительной части народа в турецкое Закубанье.

Беглые кабардинцы уходили с российских пределов в турецкое Закубанье через Карачай. Так, Ермолов писал императору 28 июля 1822 г., что они «не имеют удобнейших путей, кроме от стороны карачаевцев» [АКАК. 1874. Т. 6. Ч. 1, с. 513]. Поэтому в 1822 г. он укрепил границу с Карачаем: восстановил Кисловодское укрепление, построил новые укрепления и посты на Подкумке, в урочище Боргустан, в верховьях Кумы у бывшего Хахандукова аула и в верховьях Тохтамыша. Обустройством линии между Пятигорьем и Карачаем занимался генерал-майор Сталь. Ермолов предписал ему переселить абазинские аулы и кабардинские коши вблизи Георгиевска на Малку, а оставшиеся после них «плетни и дрова», годные для временного строения, перевести на арбах на пост при Боргустане. Полковнику Победнову он поручил использовать отряд усиленного поста в верховьях Кумы «в одних чрезвычайных случаях»: «Таковыми разумеются: движение к землям, принадлежавшим Карачаевскому народу для обозрения идущих к оным дорог» [АКАК. 1875. Т. 6. Ч. 2. с. 458–459]. Хахандуковский пост на Куме был учреждён на границе с Карачаем, поэтому кочующих впереди линии тохтамышевцев переместили как российских подданных на левобережье Кумы. Ермолов приказал «Мусе Таганову с той стороны помочь переселиться» с ногайскими аулами. Муса Туганов, сын капитана Росланбека, также поступил на российскую службу.

Ермолов обратил внимание также на закубанских ногайцев и по просьбе мурзы Эдиге Мансурова приказал учредить «меновый двор

на соль» при Баталпашинском карантине. Зная большую потребность ногайцев в соли для обширного скотоводства, этот товар использовался как действенная приманка для привлечения населения «заграничной» территории [АКАК. 1875. Т. 6. Ч. 2. с. 523]. Однако заигрывание с закубанцами могло привести к политическим осложнениям с Турцией, лишним на тот момент для правительства, и Ермолов ограничил свою активность правобережьем Верхней Кубани, где создал отдельное Тохтамышевское приставство между Бештау-Кумским приставством Султана Менгли-Гирея и Карачаем.

Для военного управления центр Кавказской линии Ермолов разделил на Кабардинскую и Кисловодскую линии. Кисловодская линия от укрепления Каменного моста на Малке до Кумы состояла из передовых постов в верховьях Кумы, Подкумка и Малки «для охранения пространства, лежащего между верховьями Малки и Кубани, от набегов Закубанцев и горцев, живущих по обеим сторонам Эльбруса» [АКАК. 1881. Т. 8. с. 654], т. е. карачаево-балкарцев. Учредив пост из роты пехоты с артиллерией и 40 казаков вблизи урочища Боргустан, он поручил сделать обозрение р. Эшакон и разведать удобную дорогу для вывозки леса, необходимого для строительства поселений Кавказских Минеральных Вод.

30 июля 1822 г. Ермолов усилил казаками роту Тенгинского полка на Хахандуковском посту и приказал им наблюдать за пространством от Малки до ногайских аулов по Кубани и истреблять всех проезжавших «без билета» кабардинцев как неприятелей. Этот приказ касался и всех «без исключения» карачаевцев. Ермолов приказал собрать сведения о том, где они осенью и зимой содержат свои стада и где находятся лучшие идущие к ним дороги. Он писал: «К стороне земель их и по направлению к р. Маре (правый приток Верхней Кубани. — З. К.) нужно делать движения, но с большой осторожностью и отнюдь далеко не вдаваясь... Я не требую перестрелок и нападений и строго взыщу за бесполезные; но должно беспокоить их движениями и чем менее будут они угадывать оные, тем лучше» [АКАК. 1875. Т. 6. Ч. 2, с. 459]. Так Верхняя Кубань вошла в зону военно-политических и экономических интересов российских властей, однако её полному занятию препятствовал независимый статус Карачая.

К осени за Кубанью образовалась значительная группа беглых кабардинцев, абазин и ногайцев. Османская империя не могла от-

крыто им покровительствовать и не имела сил удерживать их от набегов, поэтому не дала им постоянных мест жительства в Закубанье, где они находили только временный приют. Так как для их «поисков» войскам разрешили переходить Кубанскую линию, 30 сентября генерал А. А. Вельяминов выступил из Невинного мыса к верховьям Лабы «для наказания ногайцев, возбуждавших против нас закубанцев» и вернулся только 7 октября, «нанеся неприятелю значительное поражение, взявши много пленных и скота» [Бутков, 2001, с. 354].

Ермолов вытеснил правобережных ногайцев от Кубани, пресекая их связь с закубанцами, которых он не старался привлекать на российскую сторону, как его предшественники, а готовился к покорению силой оружия. Посланник доброй воли от Российской империи Султан Менгли-Гирей ему был не нужен. Как писал Потто, при Ермолове «исчезло политическое влияние знаменитого некогда султана, управляющего ногайцами ещё со времён первого командования на линии Гудовича» [Потто, 1994. Т. 2, с. 376]. Впрочем, Ермолов однажды попытался использовать дипломатический талант Султана Менгли-Гирея, но, видимо, контакт между ними так и не установился, потому что он сделал это через командующего на Кубанской линии Сталя. В октябре 1822 г. генерал-майор Сталь поручил Менгли-Гирею отправиться за Кубань, собрать левобережных ногайских владельцев, убедить воздерживаться от набегов и избегать связей с беглыми кабардинцами, «за Кубанью скитающимися».

13 октября Менгли-Гирей вернулся из своей последней миссии в турецкое Закубанье впервые без благоприятных результатов и передал ответ закубанских владельцев, что в «пропуске и поселении за Кубанью кабардинцев не имеют запрещения от Анапского паши, а земля принадлежит двору Турецкому и что сами они состоят под распоряжением паши» [АКАК. 1875. Т. 6. Ч. 2, с. 486–487]. Поэтому они отказывались выполнять распоряжение российских властей и отвечать за набеги «хищников через их земли», а за себя ногайцы обещали, что «шалостей», т. е. набегов, производить не будут и связей с кабардинцами никаких не имеют. Однако закубанские ногайцы покупали много хлеба у российских ногайцев, хотя у самих был хороший урожай проса, поэтому Сталь догадался, что хлеб они покупали для кабардинцев, которые «не имели за

Кубанью хлебопашества». Аулы, давшие прокорм и пристанище беглым кабардинцам, стали первыми жертвами русских экспедиций за Кубань.

Военные походы в 1822–1824 гг.

Главкомандующий на Кавказе генерал Ермолов укреплял Кубанскую границу не столько для защиты от набегов, сколько в ожидании войны с Османской империей. Пренебрежение охраной собственных рубежей при усилении военных сил для нападения не оставляет сомнения, что он жаждал покорения всего Закубанья. Ермолов, по словам Потто, пренебрегал «европейски щепетильным отношением к неприкосновенности турецких границ и постоянной дипломатической боязнью недоразумений с Турцией» [Потто, 1994. Т. 2, с. 568]. Он вёл политику провокационную, и ожесточённые закубанцы играли ему «на руку», так как их набеги служили удобным поводом для ответных походов за Кубань.

На Нижней Кубани в 1822–1825 гг. войска командующего Черноморской линии генерал-майора Власова открыто переходили границу и грабили жилища западноадыгских народов, так как Ермолов «щедро награждал исполнителей его карательных планов» [Щербина, 1992, с. 245]. Щербина писал, что казаки не щадили соседей, если у них было чем поживиться, так как бедствовали и несли громадные потери из-за непрерывных походов, скудного продовольствия и зимовки на открытом воздухе. Неурожай и саранча лишили казаков хлеба, они голодали и даже просили подаяния. При этом, будучи в строю, «обязаны были продовольствоваться на собственные средства» [Щербина, 1992, с. 138].

В 1824 г. жалобы черкесов на казаков, разоривших мирные аулы, в том числе бжедухского владельца Ногай-Гирея, дошли до императора [Короленко, 2001, с. 220]. Из-за злобствования Власова, как писал русский резидент Кодинец, закубанцы, «хотя не оказывают нам никаких неприязненных поступков, но видимо от нас отдаляются, прилепляясь к турецкому правительству» [АКАК. 1878. Т. 7. с. 873]. Власова удалили от командования и заставили заплатить черкесам за понесённые ими убытки. Император с возмущением писал Ермолову 29 июля 1826 г.: «Ясно видно, что не только одно лишь презрительное желание приобрести для себя и подчинённых знаки военных отличий легкими трудами при разорении жилищ несчастных жертв, но

непростительное тщеславие и постыднейшие виды корысти служили им основанием» [Короленко, 2004, с. 308–309].

В это время в Закубанье лютовали генерал Вельяминов, князь Бекович-Черкасский, полковник Коцырев с войсками, оснащёнными артиллерией. Беглым кабардинцам пришлось переместиться за Лабу к родственным бесленеевцам, беглым абазинам – к абазинам-башильбаевцам между Лабой и Урупом, беглым бештовским ногайцам – к кубанским ногайцам между устьями Урупа и Зеленчуками. Закубанские народы обвинялись в содействии или прямом участии в набегах так называемых «хаджиретов» (араб.: «переселенцев»). Воодушевлённые разрешением переходить границу, русские оставляли свои поселения без охраны, закубанцы пользовались этим и в 1823 г. предприняли несколько удачных набегов [Потто, 1994. Т. 2, с. 398, 403–405].

Так, 13 мая 1823 г. темиргоевский князь Джамбулат Айтеков (Болотоков) собрал отряд закубанцев и перешёл Кубань на виду у казаков. Одна его партия увела ногайский табун с Калауса, затем ограбила деревню Круглолесскую, и только при обратном переходе через Кубань её настиг казачий полк с двумя орудиями конной артиллерии, но после боя черкесам удалось уйти. Другая партия, захватив большой ногайский табун Балты Туганова близ Солёных озёр, «скрылась в Карачаевские владения».

Набег Джамбулата так напугал русское население, что, как писал Потто, «по Ставропольской дороге из всех деревень крестьяне разбежались». Однако, похоже, панику раздували специально, чтобы воспользоваться этим набегом как предлогом для открытия военных действий за Кубанью, поэтому генерал Сталь, преследовавший черкесов со своим отрядом, вернулся 31 мая в Георгиевск «доволен и весел». Ближайший сподвижник Ермолова Вельяминов, сменив Сталя, стал тайно собираться в закубанский поход, приказав «задерживать всех татар без исключения, дабы не мог кто-нибудь преждевременно известить закубанцев о движении отряда» [Из архива... 1910, с. 17].

26 июня войско из 2 000 человек при 25 орудиях направилось из Невинномыска к Баталпашинску, таясь от аула Султана Саламат-Гирея (Азамат-Гирея), находившегося на левом берегу Кубани [Потто, 1994. Т. 2. с. 410–411]. По пути они брали в плен всех встречных, например, захватили арбу с жителями Бештау-Кумского приставства, сопровождаемую тремя всадниками. Один из них был убит, а двое

других успели бежать и поднять в аулах тревогу. Потто писал: «В арбе был взят менгли-гиреевский уздень с несколькими мужчинами и женщинами, ездившими за Кубань по собственным делам. Они подтвердили, что в момент их выезда ногойцы и не подозревали близости русских» [Потто, 1994. Т. 2, с. 411].

Отряд двинулся по заброшенным аулам, но жители далеко убежать не смогли. На Малом Зеленчуке русские истребили аулы Науруза Уракова и Мусы Туганова, бежавшие с правобережья Кубани, затем razорили пять аулов на Большом Зеленчуке. Тревога быстро распространилась по горам, и на помощь ногойцам скакали кабардинцы, абазины, бесленеевцы и башильбаевцы, поэтому Вельяминов приказал отступить. 2 июля «отягощенные добычей» русские пригнали захваченный скот и 1 467 пленных к Усть-Тохтамышевскому посту. Меньшую часть пленных отправили в Георгиевск на казённые работы, а большую – стариков, женщин и детей – раздали по станицам и селам [Потто, 1994. Т. 2, с. 415–416, 419]. Казакам это не понравилось из-за лишних расходов на их содержание, поэтому в следующей экспедиции они перестали брать пленных и убивали даже женщин и детей.

30 сентября Вельяминов с ещё более многочисленным войском отправился во второй поход и истребил мансуровских ногойцев. В ауле Эдиге Мансурова вырезали спящими 300 человек, 566 душ взяли в плен, захватили 2 000 голов скота. В числе пленных оказался малолетний князь, сын Султана Менгли-Гирея, отданный им по обычаю на воспитание. Его вместе с аталыком отправили к Менгли-Гирею, который, конечно, не знал о тайной подготовке экспедиции в Закубанье.

Обширная равнина от Зеленчуков до Лабы превратилась в пустое пространство. Истребление беглых кабардинцев, ногойцев и абазин, осевших среди родственных народов, не вызвало никакой реакции турецких властей, только когда нападению подверглись мансуровцы, к Вельяминову прибыл турецкий чиновник с требованием остановить опустошение земель и вернуть награбленное. Вельяминов, обвинив закубанцев в набегах, лицемерно заявил, что хочет «принудить горцев повиноваться распоряжениям султана, заботящегося о поддержании добрых отношений между Россией и Портой» [Потто, 1994. Т. 2, с. 420, 409].

Однако русские войска вышли из Закубанья и сосредоточились на охране путей сообщения закубанцев с Кабардой через земли карачаевцев до Хасаута и Куркужина на Малке. 12 августа 1823

г. Ермолов приказал усилить укрепление Кисловодское на Подкумке для охраны дороги «от стороны Карачаевцев», впрочем, осенью границы Карачая оставили «без наблюдения войск», так как на некоторое время воцарилось спокойствие на Кубанской линии [АКАК 1875. Т. 6. Ч. 2, с. 513].

Вельяминов даже перебрасывал казачьи посты и секреты на левый берег Кубани, провоцируя горцев и ожидая повода для новой экспедиции, но закубанцы его не подавали. Тогда казаки, почувствовавшие вкус военной добычи, предприняли набег с Кисловодска на карачаевские жилища в верховьях Подкумка. 1 ноября полковник Победнов с 500 казаками при 3 орудиях двинулась в сторону Эльбруса, и высланная им вперёд команда напала на карачаевский кош, открыла перестрелку и угнала до тысячи баранов [Потто, 1994. Т. 2, с. 424]. Вторжения русских на Верхнюю Кубань не вызывали даже формальных протестов со стороны анапского паши, так как Карачай не являлся османской территорией.

Не дождавшись набега закубанцев, Вельяминов уехал в Георгиевск, но сменивший его полковник Коцырев в 1824 г. перешёл границу с многотысячным войском, оснащённым артиллерией, и повёл настоящую войну с истреблением аулов и огромными жертвами. Платон Зубов так описывал «подвиги русских воинов»: «Войска, жаждущие битвы, делают во мраке ночи усиленный переход по горам и пропастям. К утру они нападают на горцев внезапно, бьют, колют, берут жён, детей в плен и, наводя ужас, с богатой добычей возвращаются в свои границы, провожаемые отчаянными и расстроенными джигитами» [Зубов, 2001, с. 105]. В сражениях погибли лучшие наездники из местной знати, в том числе многие Султаны, так, 13 января вместе с 5 старшинами бжедухов погиб Сагат-Гирей, а 8 марта на р. Белой – Шах-Гирей.

Коцырев вынуждал владельцев покоряться и селиться по левому берегу Кубани исключительно с обязательством служить осведомителями. «Удручённые необходимостью», они соглашались на эти условия и получали билеты для переселения [Зубов, 2001, с. 112–113]. Весной вернулись на свои места аулы Султанов Саламат-Гирея (Азамат-Гирея) и Кыз-Гирея (Казы-Гирея), затем Эдигея Мансурова и Измаила Алиева. Ногайцы приняли условия Коцарева, так как их аулы были совершенно разорены войсками, а переселение к адыгам на Лабу закончилось тем, что те отняли у них остав-

шиеся имущество и скот. Голод, угрожавший народу, заставил владельцев покориться, чтобы «жить безопасно в своих местах».

29 августа Коцырев напал на западноадыгских бесленеевцев, уничтожил у них все средства к существованию, разбил лагерь на их земле и потребовал аманатов. Здесь к нему явился посланник анапского паша с требованием остановить истребление полей [Потто, 1994, Т. 2, с. 440–441]. Примечательный диалог состоялся между ними:

– Выдачу аманатов остановил сам паша: он полагает, что русскому правительству нет необходимости брать аманатов от турецких подданных.

– Аманаты необходимы мне, и бесленеевцы дадут их или лишатся всего имущества.

– Зачем вы пришли сюда? Топтать ли просо или драться?

– Кабанов, какие были тут, мы всех перебили, ага, а теперь драться не с кем.

– По какому праву вы пришли разорять бесленеевцев?

– По такому же, по какому они приходили разорять станицу Круглолесскую.

– Это были разбойники, и если вы такие же разбойники, как те, то паша прикажет вас истребить.

Коцырев ответил, что анапский паша ему не указ, тем не менее 31 августа вывел войска на российскую сторону.

Месть закубанцев не заставила долго ждать. 3 ноября в пяти верстах от Тохтамышевского аула, охраняемого полковником Победновым с двумя ротами и 400 казаками с 4 орудиями, партия Джамбулата Болотокова и Исмаила Касаева перешла Кубань и прошла до Кумы [Потто, 1994, Т. 2, с. 448–450]. Победнов вышел из аула только тогда, когда к казакам присоединились ногайцы Мусы Туганова и Салимбея Мансурова, но закубанцы успели угнать большой табун Тохтамышевского аула и ограбить Шошинский хутор. Табунщики тут же известили о нападении Султана Менгли-Гирея, и он с 200 ногайцами бросился за похитителями, ожидая помощи от русских.

Победнов же в это время «спокойно отдыхал недалеко от Солёных озёр», и только около полудня 4 ноября с казаками и сотней ногайцев двинулся за ними. Туганов и Мансуров заметили, что хищники гонят табун, в котором не менее трёх тысяч лошадей, и бросились на них со своими людьми и 30 калаусскими ногайцами. Увидев их смелое нападение, Менгли-Гирей сразу же приказал своему сыну

Аслан-Гирею с 50 всадниками скакать к ним на помощь. «И вот вся эта смелая ватага, не превышавшая общей численностью ста человек, сделав на скаку залп, врзалась в середину неприятеля», — писал Потто [Потто, 1994. Т. 2, с. 451, 453–455].

Ногайцы развернули табун на казачью команду Попова и втянули её в бой, а Победнов со своим отрядом неподвижно стоял на соседних высотах. Уничтожив более 50 казаков и ногайцев, не считая крестьян, Джамбулат на глазах Победнова спокойно переправился через Куму, «тогда храбрый Аслан-Гирей и другие ногайские мурзы не выдержали и вновь ударили на хищников», но закубанцы быстро ушли через Карачай. Обвинив Победного в трусости, Вельяминов удалил его от командования Кубанским казачьим полком, а Коцырев получил повод для ответных экспедиций за Кубань.

Османская империя не объявляла войну России, понимая слабость своих позиций и предвидя своё поражение, между тем на турецкой стороне Кубани уже шла необъявленная война. Мобильные партии горцев легко вторгались на российскую сторону и быстро скрывались с угнанным скотом и пленниками, а российские войска предпринимали военные экспедиции с артиллерией, истребляя закубанские аулы и перегоняя на свою сторону многочисленные стада и людей как военную добычу. Масштабы потерь и жертвы одних ещё больше озлобляли и толкали к отмщению и новым набегам, другим давали повод для очередного «наказания» закубанцев. Это при том, что российское правительство не желало нарушать из-за «враждебных действий к нам своевольных горских народов» мирных отношений с Турцией [Короленко, 2004, с. 310]. Закубанцы были подвластными Турции, и принимать решительные меры к усмирению этого народа, как писал Короленко, «живущего на земле, подведомой Турции, за границей нашей, для русских не было законного основания».

Любопытно, что генерал Ермолов в 1824 г. официально приказал служилым казакам Кубанского полка носить «форменное и партикулярное обмундирование черкесского покроя» [Виноградов, 1995, с. 86]. Возможно, учитывалось, что горская одежда удобная и красивая, но, скорее всего, казаков решили переодеть в неё, чтобы легче маскироваться при вторжениях в Закубанье.

Бекович-Черкасский

Российские власти повсеместно старались привлекать в свои карательные экспедиции представителей самих местных народов. Ермолов не скрывал цели подобной практики, так, во время военных действий в Дагестане он принуждал один народ идти против другого исключительно для того, чтобы «посеять раздор, полезный на предбудущее время» [Записки Ермолова, 1991. Эл. ресурс]. Собирать партии из покорённых народов в походы против непокорных являлось обязанностью российских офицеров из местной знати.

Не избежал этой участи в своё время и генерал-майор Султан Менгли-Гирей, водивший своих ногайцев в 1810 г. за Кубань в составе войска Булгакова, но этот эпизод периода русско-турецкой войны всё же меркнет на фоне его многолетней миротворческой деятельности. В верные соратники Ермолова попал не он, а другой князь, действия которого на российской службе разительно отличались, но тоже были вполне типичными и показательными для своего времени. Мы уже упоминали, что активное участие в формировании горского войска для участия в войне с Наполеоном в 1812 г., не подозревая, что помогают столичному авантюристу, приняли Султан Менгли-Гирей и кабардинский князь Бекович-Черкасский. Представляется, что есть смысл обратить более пристальное внимание на биографию Темирбулата (Фёдора Александровича) Бековича-Черкасского (1791–1832).

Этот род был известен в России с Бекмурзы Джамбулатова, сын которого Девлет-Гирей (Александр Бекович-Черкасский) служил у Петра I и в 1717 г. отправленный царём во главе военной экспедиции по разведованию пути из Средней Азии в Индию трагически погиб в Хиве. Его брат Эльмурза командовал Казачьим войском в Кизляре, один из его сыновей крещённый Казбулат и был отцом Темирбулата (Тембота). В 1805 г. главнокомандующий на Кавказе Цицианов забрал его в аманаты, обещав отцу дать образование и отправить служить в коллегию иностранных дел, где он «может составить себе счастье, вам – удовольствие, а Отечеству – пользу» [Из архива... 1910, с. 15]. Однако вскоре Цицианов был убит, а юного княжича больше привлекла «война партизанская, лихие набеги на горские аулы», и с 1806 г. он под опекой своих узденей уже участвовал в русских экспедициях в Закавказье [Из архива... 1910, с. 8].

Военной карьере Темирбулата (в крещении Фёдора Александровича) Бековича-Черкасского способствовал Ермолов. Осенью 1824 г. он оправил на Кавказскую линию Вельяминова с поручением принять решительные меры «к обузданию хищников», а Бековичу-Черкасскому поручил «летучие отряды» для вторжения за Кубань. В том же году Ермолов предложил царю передать своему любимцу в частную собственность все земли Малой Кабарды на левобережье Терека, и 13 июня 1825 г. Александр I утвердил «акт выдачи Бековичу-Черкасскому на владение землями малой Кабарды; куда он и переселил своих крестьян из Кизляра» [АКАК. 1875. Т. 6. Ч. 2, с. 477].

В 1825 г. в Закубанье кабардинский князь прославился вероломным истреблением своих сородичей. Вступивший в командование войсками на Кавказской линии Вельяминов призвал Бековича-Черкасского заменить заболевшего Коцырева [Из архива... 1910, с. 3]. Ермолов лично разрешил им поиски за Кубанью беглых кабардинцев, приказав «употребить все средства к наказанию вредных изменников и разорить их пристанище» [Зубов, 2001, с. 127]. Целью русских войск были аулы самого богатого и влиятельного из кабардинских владельцев Али Карамурзина, при котором находились лучшие его уздени – «цвет беглой Кабарды» [Потто, 1994. Т. 2, с. 459].

Как только отряд из 3 батальонов пехоты и 2 линейных казачьих полков при 18 артиллерийских орудиях перешёл границу, Карамурзин тотчас увёл свои аулы в верховья Лабы, а Вельяминов встал лагерем на место его брошенных жилищ. Ночью 4 апреля Бекович-Черкасский с 600 казаками пошёл в разведку, нашёл аул из 200 жилищ «в глубоком сне и совершенной беспечности» и приказал атаковать. Аул был сожжён, убито множество людей, в том числе и князь Карамурзин. Казаки увлеклись грабежом и искали золото.

Потто описывал эту вакханалию так: «Княгиня видела в окно гибель своего мужа. Она выскочила из сакли, держа в руках мешок с семьянами червонцами. Казаки мгновенно выхватили золото, но её оставили в живых и отправили Бековичу. Другая женщина, жена убитого узденя, высыпала четыреста червонцев в яму, сама подожгла строения, окружавшие её, и сгорела вместе с червонцами и со всем имуществом. После боя во многих местах аула находили слитки золота и серебра. Добыча была вообще огромная. Казаки захватили до четырёх тысяч голов скота и лошадей. В плен было взято только сто тридцать девять душ, все остальное население погибло или в бою,

или в пламени. Линейцы собрали и похоронили пятьсот семьдесят трупов, но по свидетельству самих кабардинцев одних убитых между ними было более тысячи человек» [Потто, 1994. Т. 2, с. 460].

Ермолов остался доволен «истреблением гнезда разбойников» и представил Бековича-Черкасского к Георгиевскому кресту. Однако Александр I отказал в награде, мотивируя следующим образом: «Он теряет право на награду тем, что благоразумно начатое дело окончено совершенным истреблением более трёхсот семейств, из коих, конечно, большая часть была женщин и детей, невинных и не участвовавших в защите... Умение держать часть в повиновении при победе, равно как и в несчастьи, есть из первых достоинств военачальника, и Я не намерен награждать тех, кои не действуют в столь важном случае во всей точности моих повелений» [Из архива... с. 9, 11].

Впрочем, в том же году Вельяминов добился для своего друга Георгиевского креста, но уже «за истребление неприятельских хлебов близ урочища Майкопа». Уничтожив аулы по р. Белой, Вельяминов приказал построить укрепление на удобной позиции. Так было заложено основание будущему г. Майкопу (столица современной Адыгеи). Место действительно было удобное, а название Майкоп (ногай.: «масла много») говорит о том, что здесь издавна окрестные народы торговали продукцией животноводства. С июля по октябрь 1825 г. войска находились на Белой для «наказания абадзехов», те в ответ нападали на линию. Вельяминов с отрядом возвращался в своё укрепление, оставляя позади себя сожжённые аулы и вытоптанные поля. Он ушёл с турецкой стороны, уничтожив половину беглых кабардинцев и уверенный, что без них закубанцы не соберут для набегов партию более 1 500 человек [Из архива... 1910, с. 41].

В мае Вельяминов поставил Бековича-Черкасского охранять «сухой участок» Кубанской линии от укрепления Баталпашинского до поста Карантинного у впадения в Куму Танлыка. В его распоряжении поступили резервы донских казачьих полков станиц Темнолесской и Воровсколесской, оснащённые конной артиллерией, а также две сотни едисанских и сотня бештовских ногайцев, находящиеся в укреплении Тохтамышевском, с которого Вельяминов велел потребовать три сотни конницы, не сомневаясь, что «аул может выставить без затруднения и пятьсот человек» [Из архива... 1910, с. 24].

Бекович должен был защищать все поселения на «сухом участке» до Георгиевска: аул Тохтамышевский, станицу Воровско-

лесскую, селения Круглолесское, Александровское, Саблю и Александрию. Однако на его позиции никто не нападал, и тогда он послал отряд из бештовских и едисанских ногойцев во главе с Султаном Крым-Гиреем на Эшкакон, чтобы разведать обстановку в Карачае, но они убедились, что там никакого набега не планировалось. Вельяминов писал Бековичу-Черкасскому: «Теперь можно бы тебе испытать счастье: не удастся ли поймать кого-нибудь из блудящих партий; только нужно делать скорее, ибо я собираюсь уже в поход за Кубань, и ногойские арбы стягиваются уже в Усть-Лабу. Ногойцами, Тохтамышевскими и казаками, которые у тебя находятся, можешь располагать, как хочешь. Для ловли мелочных партий у тебя слишком довольно воинства. Схвати поскорее что-нибудь и возвращайся в Прочный Окоп! Пора в поход!» [Из архива... 1910, с. 23].

Вельяминов ждал только сбора закубанцев в набег, о котором в конце мая оповещали его некоторые Султаны, но эти слухи оказались «вздорными», так как Казы-Гирей, племянник Менгли-Гирея, уверенно опроверг их. Казы-Гирей, имевшего близкие родственные связи с закубанскими Султанами, Вельяминов использовал «для разведования» и просил его отправить лазутчика к темиргоевцам, чтобы узнать, готовится ли набег, чтобы не переходить границу без повода. Бекович-Черкасский, не дождавшись его приказа выступить за Кубань, послал «султанских ногойцев» против карачаевцев на Эшкакон, но неудачно, судя по отзыву Вельяминова: «Это могло бы быть полезно, если бы с ними был кто-нибудь побойчее Крым-Гирея» [Из архива... 1910, с. 27–30].

Открыто вторгаться в Карачай с войсками Ермолов, видимо, не разрешал, поэтому туда послали ногойцев, под видом обычного набега беспокойных соседей, хотя они никогда не промышляли воровством у карачаевцев. Независимый статус Карачая раздражал Вельяминова: «С мошенниками карачаевцами рассуждать ещё не время. Ударит час, в который растолкую им, что они должны покориться безусловно. Никаких порук не приму от них, не удовольствуюсь даже и одними аманатами» [Из архива... 1910, с. 32–33]. 1 сентября Вельяминова отозвали с Кубани и назначили начальником Кавказской области, а Бекович-Черкасский остался в Баталпашинском укреплении охранять пути сообщения через Карачай, однако с этим не справился и «прозевал» большую партию закубанцев, направлявшуюся в Кабарду.

Вельяминов послал войска из Кисловодска, чтобы встретить закубанцев в землях карачаевцев на Подкумке и Эшкаконе, но им удалось отдалёнными и скрытными путями через верховья Кубани выйти к селу Солдатскому на Малке [Зубов, 2001, с. 139]. Здесь находилась добыча казаков в тысячу голов лошадей и рогатого скота, а также пленники, взятые ими в Кабарде в 1821–1822 гг. [Потто, 1994. Т. 2, с. 362]. Чтобы отбить свой скот, кабардинцы и призвали на помощь закубанскую партию из абадзехов, убыхов и беглых кабардинцев. 29 сентября 1825 г. они напали на с. Солдатское, сожгли его и беспрепятственно скрылись с большой добычей и пленниками в Чегемском и Баксанском ущельях. Как писал Вельяминов: «Все вместе объедают теперь осетин, которые, несмотря на это, благоприятствуют им» [Из архива... 1910, с. 34]. Осетинами он здесь называет карачаево-балкарцев, видимо, чтобы отличить от кубанских карачаевцев.

Вельяминов, понимая, что закубанцы с кабардинцами пойдут назад через Карачай, 8 октября велел Бековичу-Черкасскому «заткнуть все лазей со стороны Кубани» [Из архива... 1910, с. 35–37]. Из Баксанского ущелья через перевал закубанцы могли выйти к Кубани выше её правого притока Мары и Каменного моста. Не рискнув самовольно устраивать казачий пост внутри Карачая, Бекович-Черкасский послал туда лазутчика. Вельяминов писал: «Если посланный от тебя в Карачаев бедняк исполнит поручение без обмана, то, конечно, узнаешь ты заблаговременно о прибытии к карачаевцам наших пленных. Тогда не трудно будет тебе отбить их».

Так как постоянных караулов на территории Карачая не было, Вельяминов предложил составить «подвижный отряд» из 600 казаков, чтобы они от Каменного моста на Кубани до верховий Зеленчуков «посредством разъездов и скрытых движений небольшими партиями следили за выходами к стороне карачаевцев» [Потто, 1994. Т. 2, с. 478]. Однако беглецы сумели уйти в Закубанье высокогорными тропинками, так что и с этой миссией Бекович-Черкасский не справился. Видимо, действительно, его стихией были только «лихие набеги на горские аулы».

Бекович-Черкасский перевёлся в Дагестан, а после отставки Ермолова служил в Закавказье, получил чин генерал-майора и очень пригодился новому главнокомандующему на Кавказе Паскевичу в русско-турецкой войне (1828–1829) «знанием турецкого языка и зна-

комством с изворотами азиатской политики» [Из архива... 1910, с. 11]. В сентябре 1831 г. Вельяминов во второй раз занял должность командующего войсками на Кавказской линии и сразу же взял к себе опытного в горской войне друга, вместе они преследовали дагестанцев и чеченцев, объединивших свои силы для борьбы против России.

Справедливости ради отметим, что Бековича-Черкасского ценили не только Ермолов и Вельяминов. В 1828 г., когда его назначили начальником Карского пашалыка, население его очень любило за «знание языка, нравов, обычаев и духа турок», а в памяти некоторых сослуживцев он остался как «отличный предводитель, храбрый, умный, бескорыстный и благороднейший человек» [Из архива... 1910, с. 12–14]. Был ли он, как и другие крещёные горцы, искренним христианином? Во всяком случае, свинину он точно не употреблял, судя по шутке Вельяминова в личном письме от 4 апреля 1832 г.: «Тебе за расторопные действия против Кази-Муллы посылаю шефагат: бисерную коробочку и конфетов. А если бы допустил его сделать какую-нибудь мерзость, то привёз бы тебе колбасу» [Из архива... 1910, с. 57].

Однако вернёмся к событиям 1825 года на Кубанской линии. Взаимные набеги русских и закубанцев стали предметом дипломатического разбирательства, в результате султан Османской империи своим закубанским подданным «дал совет жить мирно с русскими, тогда и русские не будут их разорять», а Ермолов «запретил казакам переходить за Кубань для военных действий» [Короленко, 2004, с. 310]. План Ермолова по переносу кордонной линии за Кубань и строительству укреплений на турецкой территории в мирное время не мог исполниться, так как «малейшее посягательство на неё могло бы вызвать разные осложнения» [Потто, 1994. Т. 2, с. 386].

Верхняя Кубань между двумя империями

Вторжения российских войск на Верхнюю Кубань не вызывали у анапского паши никакого протеста, так как Карачай не относился к владениям Османской империи, а преследовались здесь в основном только беглые российские подданные из Пятигорья и Кабарды. Чтобы усилить охрану границу от набегов и иметь прочный плацдарм к будущим наступлениям, Ермолов приказал переселить на «места пограничные» Верхнекубанского отрезка Кавказской линии казачьи станицы Хопёрского полка с бывшей Азово-Моздокской линии.

К переселению на правобережье Верхней Кубани Ермолов назначил: со станицы Северной 188 дворов к Бекешевскому посту вблизи Бибердова аула на Куме; со станицы Ставропольской 300 дворов – к Карантинному посту у впадения в Куму Танлыка и 141 двор – в укрепление Баталпашинское; со станицы Воровсколеской 87 дворов – также к Баталпашинскому; со станицы Донской 179 дворов – к Беломечетскому посту, напротив устья Малого Зеленчука, и 112 дворов – в укрепление Невинномыское, напротив Большого Зеленчука; со станицы Московской 150 дворов – ближе к крепости Преградный Стан у Усть-Барсуклы и 88 дворов – к Невинному мысу [Толстов, 1900, с. 198–199]. Так в 1825–1826 гг. на «сухом отрезке» Кубанской линии были основаны станицы Хопёрского казачьего полка: Баталпашинская (ныне г. Черкесск, столица Карачаево-Черкесии), Беломечетская, Барсуковская, Бекешевская и Карантинная (ныне Суворовская в Ставропольском крае).

Хопёрцы размещались в новых станицах, получали «юртовые» земли для хозяйственных нужд из кочевий ногайцев, постепенно переходивших на оседлый образ жизни [Вельяминов. Способ... 1883, с. 67]. Переселением казаков занимался начальник Кавказской области и командующий войсками на линии генерал Горчаков. Ермолов писал ему 4 марта 1826 г., что станица Баталпашинская «по необходимости» займёт земли, обрабатываемые ногайцами Тохтамышевского аула. Он предложил переместить их на р. Джаганас до границы земель, назначенных для новой станицы Бекешевской, где в то время

находился абазинский аул Лафишева, тоже подлежащий перемещению. Так, тохтамышевцы оставили свои места у станицы Баталпашинской и поднялись выше по правобережью Кубани на р. Джеганас. Ермолов велел устроить там не просто становище кочевников, а постоянное селение, поэтому писал кордонному начальству: «Владельцам Тохтамышевского аула полезно внушить, чтобы в новом оного расположении у Джеганаса поселение произведено было несколько в лучшем порядке ... чтобы хотя одна главная улица была прямая и одна такая же поперечная» [АКАК. 1875. Т. 6. Ч. 2, с. 464].

Новые российские станицы, укрепления и посты, расположившись под защитой войск от Баталпашинска до Кисловодска, опоясали карачаевские земли с севера и востока, взяв под контроль их пастбищные места. Генерал Вельяминов, составляя план покорения горцев и укрепляя казаками район Пятигорья, писал: «Окрестность минеральных вод обеспечится, и все благосостояние карачаевцев будет в руках наших» [Вельяминов. Способ... 1883, с. 77]. «Сухой отрезок» Кубанской линии вплотную подходил к Карачаю, сужая его границы, но центральные крупные селения Большого Карачая численностью по несколько тысяч дворов в верховьях Кубани, где находились резиденции владетельных князей, оставались недоступными.

Официально независимый статус Карачая российские власти признавали, и 25 июня 1826 г. заключили с депутацией во главе с главным князем (улла бий) Исламом Крымшамхаловым соглашение, «чтобы ни с русской стороны Карачаю, ни со стороны Карачая не было делано никогда ничего неприязненного» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 8. Л. 2–2об]. Карачаевцы обещали не предпринимать враждебных действий против русских войск и народов, присягнувших российскому императору, а также не принимать у себя беглых кабардинцев и не оказывать им какой-либо помощи. Кроме того, «следствием доверия к русской власти карачаевцы должны были пасти стада скота своего на низменных местах», а за это им позволялось производить «покупку в границах России всех необходимых для них припасов и свободную продажу своих изделий». Первый историк Карачая У. Д. Алиев писал: «Экономическая блокада военного командования, доводившая до отчаяния карачаевцев, принуждала последних подписать мирный договор о нейтралитете» [Алиев, 1991, с. 86–87].

Однако одновременно правитель Карачая Ислам Крымшамхалов искал способ обезопасить свою территорию от вторжения рус-

ских в мирное время, так как под предлогом поисков беглых кабардинцев и абазин, они в любой момент могли ввести войска. В это время западноадыгские народы отправили депутатов в Османскую империю с жалобами на притеснения от российских войск, и через их посредничество карачаевские владельцы обратились к турецкому султану с просьбой о подданстве. В Анапу был назначен новый наместник Хасан-паша (Чечен-оглу) с самыми широкими полномочиями, начавший в 1826–1827 гг. активно приводить все закубанские общества к присяге на верность султану [АКАК. 1878. Т. 7, с. 874].

В Карачае влияние Турции тоже усилилось, и часть карачаевской знати, возможно, рассчитывала получить от неё помощь в случае вторжения российских войск. Потто писал: «Анапский паша Чечен-оглы употребил все усилия, чтобы склонить карачаевский народ к принятию турецкого подданства. Он наводнил их землю эмиссарами, которые деятельно принялись за пропаганду, доказывая карачаевцам, что рано или поздно русские сделают их своими данниками, отберут от них оружие» [Потто, 1994. Т. 2, с. 330].

Анапский паша прислал в Карачай турецкого эфенди Хаджи-Ахмета, который в качестве главного духовного лица – кадия – должен был возглавить шариатский суд. Его взял под своё покровительство главный князь Ислам Крымшамхалов. Примечательно, что эфенди Хаджи-Ахмет как кадий Карачая фигурирует даже в числе подписавших соглашение с российской стороной [Бегеулов, 2002, с. 105]. Тем не менее прежний кадий – дагестанец Агаев (Агоев) Исмаил-эфенди, прибывший из Кабарды, – тоже оставался у карачаевцев, покровительствуемый князьями Дудовыми, и усиленно склонял их к российскому подданству. После покушения одного из Дудовых на жизнь Хаджи-Ахмета между ними и Крымшамхаловыми возник конфликт с кровавым столкновением. Со стороны Дудовых было 2 убитых и 2 раненых [Щербина, 1992, с. 386]. Так, среди княжеских фамилий Карачая, неразрывно связанных между собой тесными родственными узами, сложились условно «протурецкая» и «пророссийская» партии.

Понимая, что предотвратить вторжение российских войск не удастся, правитель Карачая Ислам Крымшамхалов в том же году выдал аманатов анапскому паше и принял титул «вали», т. е. губернатор. Хотя на военную помощь турок рассчитывать не приходилось, но оставался политический мотив: со статусом османских

подданных карачаевцы могли не опасаться нападения на свою территорию в мирное время. Россия явно не спешила нарушать мир с Турцией до завершения войны с Персией (1826–1828).

Официального документа с турецкой стороны о принятии карачаевцев в османское подданство не обнаружено, но выявлено их прошение к султану от 26 ноября 1826 г., в котором карачаевцы впервые обратились за покровительством чужеземцев. При переводе на русский язык мы сохранили особенности стиля, но отметим, что под словами о древнем «подчинении» Карачая Османской империи, с которых начинается письмо, подразумевалось не подданство, иначе это прошение не имело бы смысла, а религиозное подчинение всех мусульман султану как халифу. Приведём полностью этот любопытный документ из турецкого архива, так как письменных источников, отражающих видение исторической ситуации дороссийского периода самими карачаевцами, крайне мало в научном обороте:

«С древних пор наш народ подчиняется Османской империи и верен до настоящего времени. Однако среди нас живут некоторые воры, злоумышленники и предатели, из-за того что мы с ними боремся, эти негодные люди беспрерывно переходят на ту сторону границы в Русское государство, там спокойно, мирно живут, затем оттуда переходят на нашу сторону, совершают набеги на наши земли, грабят и наносят нам большие убытки. Из-за того что в нашем народе ещё не утвердились окончательно законы шариата, они пока не действуют должным образом. Поэтому мы хотим, чтобы закон у нас укоренился и во всём был порядок. Бывший паша не понимал хорошо, в каком положении мы живём, не решал наши проблемы и не вникал в них. В прошлом году избранные депутаты от всей Абазы и Черкесских народов как посредники от нашего имени известили о нашем положении Трабзонского вали и Анапского наместника хаджи Хасан-пашу, а от него и великого падишаха Османской империи. Вскоре от него нам пришёл ответ, исполнились наши чаяния. Когда Хасан-паша с войском прибыл в Анапу для наведения порядка, он прислал нам приглашение на церемонию присяги и верности. Как и другие народы, мы поехали на эту встречу. В Анапе нас расположили в шатрах, подавали превосходную еду и питьё, оказали великую честь и почёт. Каждому из нас согласно статусу вручили платья и другие разные подарки. В это время мы досконально объяснили наше положение. Мы по-

клялись никогда не отказываться от законов шариата и соблюдать их, подчиняться приказам и законам Османской империи, быть в ведении нашего защитника анапского пашы, избегать противного исламской религии и всего вредного, жить согласно законам шариата, служить и подчиняться османскому султану, оставаться в стороне от всего, что против законов шариата и Османской империи, со всеми проблемами обращаться к нашему защитнику анапскому паше, исполнять его распоряжения, подчиняться мирным договорам между Османской и Российской империями, жить по этим договорённостям, не переходить русскую границу, бороться с ворами и злоумышленниками, не пропускать их туда-сюда, ловить и мстить тем, кто этим занимается и нарушает порядок, если наших сил не хватит мстить им самим, то извещать о них нашего защитника анапского пашу и поступать согласно его распоряжениям, во всём быть с ним едиными, если с российской стороны перейдут на нашу сторону злоумышленники, даже если мы могли бы отомстить им, сначала оповестить пашу и действовать согласно его повелению, среди своего народа на своей родине сохранять и укреплять порядок и безопасность, для усиления веры организовать подобающее образование, также быть верными всему сказанному выше, мы со слов наших учёных и почётных людей дали клятву падишаху, и всегда помня приглашение падишаха, выразили ему большую благодарность. Мы клянёмся в дальнейшем быть на стороне Османской империи и во всём защищать её, быть врагами тех, кто выступает против Османской империи и замышляет зло против неё, не выходить из законов шариата, быть верными, не переходить русскую границу, по всем сказанным делам не выступать против приказов валия, днём и ночью быть бдительными в вопросах безопасности и не допускать ошибок, на святой книге Коране поочередно устно и письменно даём клятву. Чтобы показать и подтвердить верность нашей клятвы, как и другие народы, мы из своей среды, как принято по адату, согласны дать двух аманатов. Наше письменное прошение мы подали анапскому паше для передачи великому падишаху, чтобы он утвердил его» [BOA. Hattı-ı Hümayûn. Dosya No: 1104. Gömlek No: 44590-E. Tarih: 25 Rebîü'l-âhîr 1242].

Подписали это прошение 12 представителей знатных фамилий во главе с Исламом Крымшамхаловым, в том числе и Аслан-Мырза Дудов. Владельцы приняли присягу, формально превратив Карачай

из независимого княжества в турецкую губернию, а «сухой» участок Кубанской линии от Баталпашинска до Пятигорья – в часть российско-османской границы. Это означало, что теперь бассейн Верхней Кубани также становился зоной экспансионистских целей Российской и Османской империй в предстоящей войне между ними.

Емануэль накануне русско-турецкой войны (1828–1829)

Статус Карачая на Верхней Кубани оказался досадным препятствием в военно-политических планах нового начальника Кавказской области и командующего войсками на Кавказской линии генерала Емануэля (Эмануеля). Он настойчиво, но безуспешно пытался получить разрешение правительства на вторжение в Карачай, чтобы не оставлять в тылу непокорённую территорию в случае продвижения войск к Чёрному морю. В 1827 г. Емануэль вёл дипломатическую переписку с анапским пашой, упрекая в нарушении международного права, в «посягательстве на возмущение народов соседнего государства». Вначале он даже пытался убедить османского наместника в российском подданстве карачаевцев Верхней Кубани, при этом смешивая сведения о двух различных обществах карачаево-балкарского народа, локализованных по разные стороны Эльбруса.

Вольные горцы с верховий левых притоков Терека: Малки, Баксана и Чегема, т. е. к югу от Кабарды, попали в зону действия российских войск раньше кубанского Карачая и частью были перемещены на Малку в ведение командующего Кабардинской линии. Это дало повод Емануэлю написать, что карачаевцы 15 лет назад «признавали зависимость свою от нашего правительства», поэтому «позволено им занимать под пастбища смежные земли, бывшие прежде во владении кабардинцев» [АКАК. 1878. Т. 7, с. 867]. Не различал этнолокальные группы карачаевцев и князь Бекович-Черкасский, когда писал главнокомандующему на Кавказе Паскевичу: «Карачаевцы живут у вершин Кубани и Малки» [АКАК. 1878. Т. 7, с. 905]. Тем не менее статус немногочисленных карачаевцев на Малке не имел отношения к статусу независимого Карачая в бассейне Верхней Кубани.

Полагая, что вхождению Карачая в состав империи мог бы способствовать пример близкородственных соседей, Емануэль срочно привёл в российское подданство все приграничные к Ка-

бардинской линии горские народы. Акт этот был добровольным с их стороны, так как зависимость от равнинных пастбищ и рынков сбыта скотоводческой продукции, занятых российскими войсками и отрезанных от них линейными крепостями и укреплениями, а также постоянная угроза военного вторжения делали невозможным изолированное существование в горных ущельях. В феврале 1827 г. присягнули России владетельные горские князья (тау бии) балкарского, урусбиевского, чегемского, хуламского, безенгиевского и дигорского обществ [ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 906. Л. 3]. Под обращением к Николаю I подписались Мырзакул Урусбиев, Магомет Шакманов, Арслан Аджи Джанхотов, Магомет Макшанов, Касай Кубатиев [Документальная история... 1998, с. 451].

Однако кубанский Карачай имел свободный выход на западе, где смыкался с турецкими владениями, поэтому там владетельные князья отказались от мирного вхождения в состав России и сослались на присягу Османской империи. Емануэль возмущённо писал главнокомандующему на Кавказе Паскевичу: «При всём усилии моём я не мог ни из чего и ни от кого узнать, по каким причинам карачаевцы, соседственный нам народ, допущены в прошлом 1826 году к выдаче паше анапскому аманатов» [АКАК. 1878. Т. 7, с. 867]. Емануэль спорил с анапским пашой по поводу статуса Карачая и даже пытался ввести его в заблуждение, написав, что туда назначаются приставы.

Очевидно, в Анапе обнадёжили карачаевцев турецкой помощью, поэтому они решительно отвергли настойчивые предложения Емануэля признать «российское подданство». Понятно, что если бы генералу удалось это доказать, то он вторгся бы в Карачай без оглядки на Османскую империю. Безосновательно обвиняя карачаевцев в набегах и «хищничествах» вместе с беглыми кабардинцами в российские пределы, он писал Паскевичу: «Я, объяснивши им их проступки, независимость от паши анапского, выгоды, которыми теперь пользуются от нас и которые мог бы представить им введением их в торговлю с жителями Кавказской области, требовал от них присяги в верно-подданстве Государю Императору и аманатов; но они и в том и в другом отказали, объясняя, что, будучи единоверцы с турками и по случаю выдачи им аманатов с присягою быть им верными, не могут исполнить моего требования» [АКАК. 1878. Т. 7, с. 875].

Емануэль написал анапскому паше, что тот не имел права требовать аманатов от карачаевцев, так как по международным конвенциям они никогда не были подданными Османской империи. В свою

очередь турецкие власти потребовали объяснений по поводу его угроз карачаевцам, так как российскими подданными они также не являлись. Емануэль заявил Хасан-паше в письме от 4 ноября 1827 г., что карачаевцы отказались от российского подданства, вовлечённые беглыми кабардинцами «в проступки против России», поэтому он вынужден требовать от них новую присягу и аманатов, а в случае упорства «употребить против них оружие» [BOA Hattı-ı Hümayûn, Dosya No: 1042, Gömlek No: 43115-Y, Tarih: 06 Muharrem 1243].

Емануэль даже попробовал использовать ложную версию о подвластности карачаевцев кабардинским князьям, чтобы таким образом обосновать принадлежность Карачая, как и Кабарды, России. Однако ему не удалось разыграть «кабардинскую карту», так как турецкие власти уже были осведомлены о статусах горских народов. Сам Емануэль в дальнейшем больше не поднимал этой темы, а записки информаторов, вводивших его в заблуждение по поводу «подвластности» карачаевцев, прокомментировал так: «Наполнена ложными изворотами Кабардинских князей и узденей и доказывает, сколько они коварны и с каким искусством заменяют коварство видом простоты» [АКАК. 1878. Т. 7, с. 867].

Емануэль не смог доказать подвластность Карачая России и стал настаивать на его полной независимости, что давало бы ему возможность вторгнуться на Верхнюю Кубань с войсками, не опасаясь политических осложнений с Османской империей – как раз то, что предвидел Ислам Крымшамхалов, обращаясь за турецким покровительством.

Для оправдания экспедиции против карачаевцев им даже был приписан ничем не подтверждаемый эпизод «образования партии в 300 человек, которая и угнала казачий скот с реки Баксана и других мест» в июле 1827 г. [Щербина, 1992, с. 385]. Щербина писал: «Следующий 1827 г. прошёл спокойно на Старой Линии, но конец его ознаменован был походом русских войск в горы, когда карачаевцы нарушили мирное течение жизни у казаков». На самом деле это был тот момент, когда Емануэль пытался угрозами заставить их признать российское подданство. В то же время, извещая пашу, что карачаевцы на правой стороне Кубани считаются согласно договору России и Турции русскими подданными, просил его «удержать беглых кабардинцев, живших в Карачае, от возбуждения карачаевцев против русских и от набегов их на русские владения».

Не добившись разрешения на экспедицию от главнокомандующего на Кавказе, Емануель обратился в Петербург к начальнику Главного штаба и просил, чтобы ему дали разрешение хотя бы на устройство в верховьях Кубани укрепления и нескольких постов, «если не изменятся в скором времени местные обстоятельства здешнего края», имея в виду ожидаемую войну с Турцией. В конце 1827 г. Емануель обосновывал необходимость покорения Карачая только тем, что через карачаевские владения лежала единственная дорога, удобная для скрытого проезда закубанцев на российскую границу для «хищничества», а связь беглых кабардинцев и закубанцев с карачаевцами позволяет анапскому паше влиять на них и посылать к ним своих доверенных лиц.

В правительстве смотрели на ситуацию иначе и военное вторжение в Карачай в мирное время не разрешили. Также не разрешили Емануелю заселять на левобережье Кубани и удерживать там силой «мирные» аулы ногайцев и западных адыгов, потому что это встретило резкий отпор со стороны анапского пашы. Занятый войной с персами в Закавказье главнокомандующий на Кавказе Паскевич требовал «обеспечить прочность наших мирных отношений с Турцией», преждевременная война с которой заставила бы разделить русские войска на два фронта, и предупреждал Емануеля, чтобы он не портил отношения с анапским пашой, также получившим из Стамбула «в пользу наших дел самые строгие повеления» [АКАК. 1878. Т. 7, с. 875].

Действительно, 1827 год на Кавказской линии прошёл на удивление спокойно, никаких организованных набегов в русские границы не было, кроме незначительного воровства, угона скота и лошадей, о чём Паскевич писал, что «паша не был в силах предупредить сии беспорядки, и его нельзя укорять в неблагонамеренности». Соглашаясь с Емануелем, что необходимо привлекать закубанцев к поселению на плоскости ближе к Кубани в пределы досягаемости русских войск, он велел добиваться этого не насильственными мерами, а приманивать торговлей и «ласковостью приёма», но не обещать им покровительства против Турции и не призывать к неповиновению паше. Паскевич предупреждал Емануеля: «Иное дело грозить мелким владельцам нескольких аулов, иное – начальнику, поставленному от дружественной нам державы. Как ни сильно Российское оружие, безвременный разрыв с Турцией при нынешней войне был бы гибелен для здешнего края» [АКАК. 1878. Т. 7, с. 876].

Поэтому Емануэль искал повод для покорения Карачая, обвиняя карачаевцев в предоставлении убежища «хищническим партиям». Серьёзных претензий к карачаевцам у российских властей не было, они не промышляли набегами и воровством для поддержания своего жизнеобеспечения, а необоснованные намеки на враждебность нужны были только для оправдания вторжения на их территорию. Так, казачий историк Щербина признавал: «Высоко в горах у Эльбруса, обитало племя карачаевцев, исконных скотоводов, отличавшихся мирными наклонностями» [Щербина, 1992, с. 384].

Так как беглые кабардинцы укрывались в основном у бесленеевцев и карачаевцев, то русские считали, что «они подняли воинственный дух в этих племенах и часто увлекали их в набеги на казачьи земли». Хотя это казаки предпринимали набеги на карачаевские коши, тем не менее тот же Щербина передаёт ложные обвинения: «Мирные до того карачаевцы, с которыми русские почти не воевали, стали настолько беспокойным элементом, что у военных властей сам собой возник вопрос о примерном наказании их или даже о совершенном покорении Карачая» [Щербина, 1992, с. 385].

Исследователь Сысоев в начале XX в., доверившись сведениям из дипломатический переписки Емануеля, сделал вывод, что «благодаря снисходительному отношению русских начальников, удобному географическому положению и поддержке турок карачаевцы стали проявлять более активную деятельность, чем это было раньше, когда они вообще держали себя чрезвычайно умеренно» [Сысоев, 1913, с. 143]. Однако дело было не в «снисходительном» отношении, а в соблюдении международных договоров и воздержании в мирное время от нарушения границы. Карачаевцы не питали иллюзий по поводу сохранения независимости от могущественной России, но и поводов для истребления своих кошей в зоне досягаемости её войск на левых и правых притоках Верхней Кубани не давали. При этом «турецкой поддержки» не было ни в каком виде, но формальное принятие владетельным князем статуса османского губернатора (вали) поставило Карачай в ряд враждебных России народов.

Горские народы к востоку от Эльбруса уже находились в ведении командующего Кабардинской линии, и часть исконных земель карачаевцев на Водораздельном хребте между водными системами Терека и Кубани уже взяты под контроль российских войск. Но только в покорении Большого Карачая Емануэль видел

способ надёжного прерывания связи Кабарды и Закубанья. Он признавался в письме к анапскому паше: «Кавказские народы, чем более имеют между собой связей, тем они непреклоннее к повиновению» [АКАК. 1878. Т. 7, с. 867].

Покорение Карачая в 1828 г.

Русско-турецкая война (1828–1829) началась сразу же после завершения русско-персидской войны, и главнокомандующий на Кавказе Паскевич перебросил войска в Грузию. На западном фронте основные силы русских перешли Дунай. Эта война стала для Российской империи кульминацией «Восточного вопроса». Всем ходом своей внешней политики Россия успешно шла к вытеснению Османской империи с Северо-Западного Кавказа, а с выходом к морским коммуникациям открывала себе путь в Стамбул, сокровенную мечту российских самодержцев. На восточном побережье Чёрного моря стратегическую важность имел захват Анапы, остальное Закубанье предполагалось захватить силами в основном казачьих войск Кавказской линии.

Война предоставила благоприятный момент для покорения закубанских народов, а так как Османская империя вела боевые действия на три фронта, то военных сил на их защиту не направила, но усиленно подстрекала на неравную борьбу. Как только Россия объявила Турции войну, командующий войсками Емануэль обратился к закубанцам с прокламацией, убеждая, что их она не касается, и предлагал отказаться от военных действий: «Российское правительство вас с Турками не смешивает и только против них и Закубанских возмутителей будет употреблять оружие» [АКАК. 1878. Т. 7, с. 877].

Также в начале войны Емануэль ещё раз попытался угрозами и уговорами заставить карачаевцев признать российское подданство, используя разногласия в среде княжеской верхушки. Так, в письме от 15 мая 1828 г., переправленном владельческим князем Карачая в Анапу и сохранившемся в турецком архиве, он уговаривал их признать себя российскими подданными, принять присягу и выдать аманатов, а затем открыто угрожал: «В противном же случае не избежите строгого наказания и тогда раскаяние будет уже поздно» [BOA Hattı-ı Hümayûn, Dosya No: 1089, Gömlek No: 44279-Ç, Tarih: 29 Zilhicce 1243]. Примечательно, что это письмо попало на стол главного визиря со следующей припиской от 30 июля 1828 г.: «Господин блиста-

тельного государства. Не поймите меня превратно. Всеми этому народу было прислано такое вот письмо. Между тем в этих землях Карачай почитается за страну, подобную крепости. В этой стране есть семь разных руд, кроме того, по её земле проходят пути 7–8 народов, то есть дороги к 7–8 народам лежат в этой земле, можно сказать, эта страна является ключом к замку этих мест, так и знайте. Карачаевцы смотрят на вас, ждут от вас помощи. Без этого мы выпустим из рук эту страну, так и знайте. Сейид Эджем Паша» [BOA Hattı-ı Hümayûn, Dosya No: 1089, Gömlek № 44279-Ç, Tarih: 29 Zilhicce 1243].

Однако судьба зажатого в центре Кавказа Карачая уже была предрешена, так как русские открыто вступили в османские владения Северо-Западного Кавказа. Емануэль собрал значительные силы на Кубанской линии, и казаки-хопёрцы первыми нарушили границу, дойдя до горы Ахмат-кбая (карач.: «скала Ахмата») в верховьях Лабы и завязав перестрелку с горами [Толстов, 1900, с. 220–221]. 1 мая Емануэль предпринял неудачную экспедицию за Лабу против темиргоевского князя Джамбулата Болотокова, успевшего увести аулы в горы [Потто, 1873. Т. 5, с. 286]. Русские разграбили оставленное ими имущество, и ушли, а Джамбулат стал в отместку собирать войско для набега на российскую сторону.

В июне Емануэль прибыл в станицу Баталпашинскую, чтобы лично командовать войсками и поймать партию Джамбулата, но она уже перешла Кубань и направилась в Кабарду. Там 2 000 западных адыгов под красным турецким знаменем разорили село Незлобное около Георгиевска и бежали через Баксанское ущелье в Карачай [АКАК. 1878. Т. 7, с. 879]. Отряд из 1 100 казаков с 5 орудиями, преследовавший закубанцев, упустил их [Толстов, 1900, с. 224–226]. Оправдывая казаков, историк Хопёрского полка Толстов сильно преувеличил неприятельские силы и роль турок: «Закубанцы произвели набег в числе 3 000 отборных всадников, закованных в кольчуги, под предводительством турецкого чиновника Магомет-Али; имели одно большое и пять малых знамён, первое, вероятно, турецкое, а последние – закубанских народов». В это время русские штурмом со стороны моря взяли Анапу, турки окончательно потеряли позиции на Северо-Западном Кавказе, и закубанцам пришлось самим расплачиваться за набег под османским флагом.

Емануэль тут же стал собирать войска в поход под предлогом, что в Карачае укрылась партия более 1 000 закубанцев после раз-

грома с. Незлобного, и «к ней пристаёт ещё много народа из горской молодёжи» с намерением идти в набег на линию. 16 июля Емануэль ввёл войска в Закубанье как воюющую сторону и истребил адыгские аулы между Лабой и Белой, приказав жителям переселиться на Кубань, но основная их часть бежала на запад. Войска не стали подниматься по труднодоступному пути в верховья Кубани, а вернувшись на свои позиции, вошли в Карачай со стороны Малки «в поисках абазин, участвовавших в набеге Джамбулата» [Потто, 1873, Т. 5, с. 316].

Ещё три года назад русские не знали пути в Карачай с востока, генерал Вельяминов писал тогда Бековичу: «Постарайся отыскать двух или трёх проводников, которые знали бы хорошо дороги от Хассаута к Кубани около вершин Эшакона, Подкумка и Кумы. Если найдёшь, то пришли к начальнику отряда, находящегося на Хассауте» [Из архива... 1910, с. 36–37]. И вот 10 сентября 1828 г. казаки с большим трудом, но перешли через перевал Гум-башы, и вышли к долине Теберды, где обнаружили коши беглых абазин Бибердова и Лоова. Услышав топот коней и грохот орудий, они ушли в другое укрытие, оставив в добычу казакам небольшое стадо овец и скудные пожитки. В ходе этой экспедиции казаки открыли путь в верховья Кубани со стороны Малки, и осенью Емануэль им воспользовался, чтобы покорить «неприступный Карачай» [Потто, 1992. Т. 5, с. 328].

Военный историк Потто писал: «Пока существовал этот оплот закубанских народов, имевший значение стратегической цитадели, до тех пор от наших военных операций за Кубанью нельзя было требовать сколько-нибудь удовлетворительного результата. Емануэль сознавал это ясно, и мысль о наступлении в Карачай поглотила всё его внимание. К ней присоединилась и другая, которую, быть может, не один генерал лелеял до него в своём воображении, мысль об овладении Эльбрусом, этим центральным узлом и кульминационной точкой Кавказа. Эльбрус в наших руках мог служить буфером между покорными нам кабардинцами и непокорными закубанскими народами. Тогда абреки лишены были бы возможности укрываться от наших преследований и хищнические партии сделались бы гораздо осторожнее, зная, что Карачай не может уже оказывать им прежнего гостеприимства» [Потто, 1992. Т. 5, с. 331].

Экспедиция в Карачай принципиально отличалась от истребительных походов в Закубанье и проводилась как завоеватель-

ная военно-политическая акция. В центр карачаевских земель, в труднодоступное ущелье в верховьях Кубани – Большой Карачай, ещё никогда не вступали захватчики. Владельцы соседних народов, бежавшие в Карачай со своими аулами, укрывались в ущельях левых притоков Кубани, где сами карачаевцы имели только пастушеские хутора (коши или стауаты) для отгонного скотоводства и другой хозяйственной деятельности. В ведомственной переписке и журналах боевых действий почти не упоминалось о стычках с карачаевцами, так как войска преследовали здесь только беглых российских подданных. Это положение изменилось, когда началась русско-турецкая война за обладание всем пространством от Кубани до Чёрного моря.

Как отмечал Потто, в «сердце карачаевских владений» вели два пути: по верхнему течению Кубани и со стороны Пятигорья по верховьям Малки. Войска разделились на две части: отряд Антропова занял Каменный мост на Кубани, откуда начинался опасный подъём через ущелье Аман-ныхыт (карач.: «Гибельный путь»), непроходимый для артиллерии, а основное войско из 1 653 человек во главе с Емануелем, оснащённые артиллерией, 19 октября выступили с Кисловодской линии. Карачаевцам пришлось разделиться на два фронта, причём они ожидали вторжения с Кубани, так как из Усть-Джегуты вышел отряд хопёрских казаков. Между тем войско Емануеля 20 октября (по новому стилю 2 ноября) вышло к подошве Эльбруса. Утром следующего дня горцы мужественно встали на защиту своих древних селений, встретив захватчиков в местности Хасаука. Хасаукинское сражение продолжалось 12 часов, но в 7 часов вечера ополченцы были «сбиты с занимаемых ими высот» при помощи артиллерийских орудий [АКАК. 1878. Т. 7, с. 880]. Карачай завоевали «при самом упорном сопротивлении гордых карачаевцев, дотоле никем ещё не побеждённых», – писал Н. Б. Голицын, биограф Емануеля [Голицын, 2001, с. 112].

Отметим, что по чрезвычайно сложному и скрытому пути в Большой Карачай войска Емануеля провёл лазутчик и проводник российских властей ещё с ермоловских походов Атажука Абуков из Кабарды [Бейтуганов, 2007, с. 249]. Много позже, в начале XX века, исследователь Сысоев напишет, что «старшины карачаевцев, сознавая бесполезность борьбы, намеревались уйти в горы, но явившийся от генерала для переговоров кабардинец Атажуко Ата-

жукин убедил их изъявить покорность» [Сысоев, 1913, с. 144]. Эта ошибка закрепилась в литературе по истории Карачая. Очевидно, что здесь произошла подмена фамилий, так как абадзех Атажука Абуков был узденем кабардинского князя Мисоста Атажукина.

На следующий день отряд Емануеля приблизился к главному селению Карт-Джурт, и навстречу ему вышли депутаты во главе с вали Исламом Крымшамхаловым, взявшим всю ответственность за сражение на себя. Зная о тактике русских войск, не оставлявших следа от занятых и разграбленных аулов, князь ожидал такого же в Карачае, поэтому показал на свою усадьбу и предложил, чтобы русские грабили её, но не трогали дома его подвластного народа. Несмотря на тяжёлые потери, Емануэль отдал должное героизму карачаевцев и не позволил грабить их селения.

Потто писал: «Открытое, честное лицо валия, вся его представительная наружность, и в особенности его смелая, краткая речь произвели на всех приятное впечатление. Карачаевцы не были крамольниками; они были открытыми нашими врагами и как враги имели право укрывать у себя наших преступников. Экспедиция против них принята была не для усмирения, а для покорения их – как требовали того наши военные и политические соображения». Продемонстрировал благородство и российский генерал: «Меч отражён мечом; теперь вы встречаете меня с пальмовой ветвью мира, и мир даст вашему народу счастье и благоденствие, которых карачаевцы не знали до настоящего времени» [Потто, 1992. Т. 5, с. 336–337].

Емануэль провёл с депутацией переговоры об условиях, «на которых владычество России могло распространяться на карачаевское общество». Условия эти не были тяжёлыми, тем более что рано или поздно карачаевцы должны были покориться, так как их зимние пастбища у верховий Кумы и по р. Мара «легко доставало русское оружие». Карачаевцы не облагались податями, а что касается повинностей, то они брали обязательство выставлять определённое число хорошо вооружённых всадников на время экспедиций и давать подводы за условленную плату. В залог верности князя выдали аманатов, а также обещали не давать у себя убежища абрекам и беглецам, не пропускать через свои земли «неприятельские партии» и извещать об их сборах русское начальство [АКАК. 1878. Т. 7, с. 881]. Однако от роли осведомителей карачаевские князья отказались, и «в качестве наблюдателя» временно остался Атажука Абуков. Российские власти

взяли на себя обязательство учредить меновый двор на Куме у крепости Хахандуковской, где карачаевцы могли получать хлеб, соль, железо и другие товары.

Несмотря на кровопролитное сражение, унёсшее сотни жизней, обе стороны постарались торжественно отметить мир: «После роскошного завтрака, устроенного Емануэлем (Так у Потто. – З. К.) в азиатском вкусе, депутация выехала из лагеря с самыми светлыми надеждами на будущее своей страны и с самыми восторженными отзывами о великодушии и приветливости генерала, прибывшего к ним с войсками. Рассказы их до того подействовали на жителей Карт-юрта, что они все высыпали из аула и буквально наводнили наш лагерь произведениями своего скромного хозяйства: сыром, яйцами, домашней птицей и в особенности барашками. Карачаевские барашки известны целому Кавказу своим особенно нежным и вкусным мясом. В этом случае Карачай может соперничать даже с известным островом Уайта, славящимся также барашками, мясо которых составляет гордость королевского стола в Англии. Между жителями Карт-юрта и нашими солдатами скоро установились самые дружеские отношения», – писал Потто [Потто 1992. Т. 5, с. 338].

После присяги Крымшамхалов сказал Емануэлю: «А знаете что, генерал... если бы вы не нашли дороги к северным предгорьям Эльбруса, а избрали бы путь по Кубани, вы бы и до сих пор стояли ещё у Каменного моста». На что генерал ответил: «Почтенный валий! Русские и от Каменного моста дошли бы до Карачая. Они достигают цели, не обращая внимания на те препятствия, которые ставят им природа и люди». Тем не менее генерал, отправив войска назад, с частью пехоты и двумя сотнями казаков спустился по Кубани к Каменному мосту, чтобы увидеть прославленный своей неприступностью вход в Большой Карачай. Как писал Потто, он действительно убедился, что слова валия не были преувеличенными. Емануэль обозрел местность у слияния Кубани и Теберды и решил строить там укрепление.

30 октября 1828 г. Емануэль послал рапорт военному министру: «Термопилы (ущелье Фермопилы в Греции, где в 480 г. до нашей эры немногочисленные спартанцы задержали огромное персидское войско. – З. К.) Северного Кавказа взяты нашими войсками, и оплот Карачаева у подошвы Эльбруса для всех горских народов, враждебных для России, разрушен, победа покрыла но-

вою славою российское воинство, в сем деле участвовавшее... Пример покорения сего народа, почитавшегося у всех горских жителей самым непобедимым, даёт прочим подумать о возможности повторить с ними таковое же происшествие, и для того сие дело есть во всех отношениях самый большой шаг к покорению всех племён Кавказа» [Бегеулов, 2002, с. 114].

В Большом Карачае военного присутствия не требовалось, поэтому его временно соотнесли с мирной Кабардой, а не с Закубаньем, считавшимся до конца войны ещё территорией Османской империи. Из-за причисления карачаевцев к ведению начальника войск в Кабарде подполковника Ушакова их, так же как осетин-дигорцев и балкарцев, в этот период русские иногда ошибочно называли кабардинцами. В ведении командующего Кабардинской линии состояли все мирные народы Центрального Кавказа от Осетии до Большого Карачая. Так, Большой Карачай, войдя в состав России, переходил в разряд «мирных» и в военно-административном отношении разрывался с Западным Карачаем и Закубаньем [Кипкеева, 2006, с. 206].

Щербина писал: «Покорение Карачая развязало руки русским войскам, которые свободнее можно было теперь двинуть против бесленеевцев, баракаевцев, абадзехов и др. враждебных России народностей» [Щербина, 1992, с. 389]. Войска, почти не встречая сопротивления, занимались грабежами, угоняя скот и грабя имущество в аулах. Левобережье Кубани в начале войны опустело, закубанцы бросали свои жилища и скрывались в недоступных местах. Емануэль готовил экспедиции осенью, когда они, не имея в горах средств к существованию, гибли от холода и голода или покорялись. Так, в ноябре он предпринял крупный поход на Лабу и Уруп, покорив бесленеевцев, абазин-башильбаевцев и беглых кабардинцев.

Войска насильно возвращали ногайские и адыгские аулы на левобережье Кубани от Усть-Лабинской до Баталпашинской станицы и запрещали покидать указанные им места. В 1828–1829 гг. покорились со своими подвластными: темиргоевский владделец Пишигуев (50 чел.), ногайские владельцы (2 502 чел.), мурза Канмурза Алчагыр (90 чел.), княгиня Айше Камныкоева (50 чел.), мурза Асламбеков (15 чел.), Султан Салим Гирей (40 чел.), башильбаевский владделец Аслан Гирей Смаилов (229 чел.), кабардинский уздень Хахандуков (193 чел.), бесленеевские владельцы и старшины (1 899 чел.), башильбаевский владделец Агебоков (489 чел.) и «прочие мурза и узденья» (36 чел.), но-

гайские мурзы (324 чел.), ногайские Султаны Мурат-Гирей и Батыр-Гирей (201 чел.), мурза Каплан Карамурзин (103 чел.), абазинские князь Нагай Лоов (200 чел.), Атажук Бебердов (250 чел.), Аслан Гирей Кечев (50 чел.), Саламат и Аслан Дударуковы (9 чел.), кабардинский князь Хамурзин (40 чел.) и др. Они поступили в ведение Командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории, который посылал к ним временных чиновников исключительно «для скорейшего взыскания налагаемых на них штрафов» [ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 906. Л. 3]. Осенью 1828 г. на правобережье Кубани перешли 50 ногайских мурз, 120 князей и дворян натухайских, темиргойских и хамышевских [АКАК. 1878. Т. 7, с. 880].

Военные власти не могли заниматься вопросами жизнеобеспечения «мирных» закубанцев, нужда толкала их при первой возможности на бегство за Лабу, пользуясь открытым пространством, поэтому Емануель предложил устроить укрепления между Кубанью и Белой, чтобы удерживать их и оградить от «наиболее непокорных горцев» [Томкпев, 1898, с. 121–122]. Для этого не оказалось ни сил, ни времени, войска нужны были в Грузии, кроме того, командование планировало до окончания войны закрепиться на Черноморском берегу, а не оставаться на Кубани. В 1829 г. война закончилась решительной победой России, и по Адрианопольскому мирному договору Османская империя уступила России свои владения на Северном Кавказе [Кавказский вектор... 2014, с. 71]. Закубанские народы, особенно на Черноморском берегу, отказывались признавать себя российскими подданными и продолжали сопротивление. Сталь писал: «Россия получила на Кавказе все, что было под покровительством турок. На основании этого права мы потребовали от черкесов покорности, но они решились защищаться» [Сталь, 2001, с. 271].

Укрепившись на левобережье Кубани, Емануель приказал насильно селить аулы от устья Лабы до Баталпашинской станицы, штрафуя за нарушение присяги и обязательства по охране границы. В 1829 г. войска заняли места по течению Большого Зеленчука и укрывавшиеся там группы беглых кабардинцев ушли за Лабу, но 15 марта князя Бесленеев и Хамурзин явились к Емануелю в Ставрополь с просьбой о прощении. Они обещали собрать всех беглых кабардинцев и возвратиться с ними в Кабарду [Томкпев, 1898, с. 134–135]. Емануель предложил главнокомандующему на Кавказе расселить их вблизи новых укреплений, полагая, что «всё равно, за Кубанью или в Кабарде, иметь в них подданных Государю Императору».

Паскевич же полагал, что «подобное снисхождение до некоторой степени ослабит наше влияние над горскими племенами, породит несогласие между кабардинцами и преданными нам закубанцами». Кроме того, он считал «несогласным с достоинством русского имени входить в соглашения с какими-то беглыми кабардинцами, а чтобы не давать горцам даже повода думать, что они могут заключать с нами какие-либо условия, кроме совершенной покорности», требовал, чтобы они возвратились в Кабарду. Его требование не было исполнено, так как земли беглых кабардинцев на родине были уже заняты под казачьи поселения или присвоены подполковником Мисостом Атажукиным, сыном Измаила. Прочное закрепление кабардинцев на постоянных местах в Закубанье отложили до возведения Новой линии по Лабе, иначе удерживать их на плоскости было невозможно. В 30-х годах они обитали по рекам Белой и Курджипсу среди абадзехов [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18254. Л. 7].

Емануэль, видя непокорность закубанских народов, представил план устройства укреплений между Кубанью и Белой, но сначала предложил укрепить участок Кубанской линии от Усть-Джегуты до Каменного моста. Он указывал, что здесь броды остаются открытыми для прорыва закубанцев, а карачаевцами вполне обеспечивалась охрана только линии от Эльбруса до Каменного моста на Верхней Кубани. Паскевич же не собирался вести оборонительную войну и требовал наступательных действий. Русские отправились в военную экспедицию к истокам Лабы – на горные реки Большая и Малая Лаба. В поисках бесленеевцев войска прошли до верховий Большой Лабы, но не нашли их, так как они обитали за Лабой, а в случае опасности укрывались на Малой Лабе. Не обнаружив от Верхней Кубани до Большой Лабы враждебных народов, Емануэль признал, что войска должны сконцентрироваться на Лабе [Кипкеева, 2008, с. 255–256]. Таким образом, бассейн Верхней Кубани после покорения Карачая не представлял собой зоны военных действий и должен был стать тылом русских войск, закрытым казачьими поселениями.

От местных народов требовали не просто покорности новой власти, а забирали их земли для русских поселенцев, видя в этом залог прочного вхождения региона в состав России. Так, ещё в 1828 г. генерал Вельяминов составил план заселения казаков, в котором писал, что покорить горцев можно только «заняв казачьими поселениями все места, изобилующие пастбищами», а самое

значительное в этом отношении пространство между Верхней Кубанью и Лабою «мало заселено» [Вельяминов. Способ... 1883, с. 328]. От Урупа до устья Лабы для устройства казачьих укреплений препятствий не было, только в верховьях этих рек продолжали укрываться отдельные беглые князья с подвластными аулами. Летом они прятались в ущельях Западного Карачая, производя оттуда набеги, но жить в горах круглый год без средств к существованию не могли, поэтому переселились за Лабу.

Военная стратегия России в Закубанье стала более жёсткой и целенаправленной, так как теперь непримиримые народы были не подданными другой империи, а собственными «бунтовщиками». Войска ходили в экспедиции за Лабу, разоряли аулы, но закрепиться на новых рубежах не могли. Вопрос о переносе кордонной линии на Лабу решался десять лет. Российское правительство было заинтересовано в скорейшем укреплении Черноморской береговой линии, а тратить огромные финансовые и людские резервы на создание промежуточной оборонительной линии между Кубанью и Чёрным морем не торопилось.

***

Примечательно ликование министра иностранных дел графа Нессельроде в связи с Адрианопольским мирным договором 1829 г.: «В числе важных приобретений, умножающих величие России с того времени, как она стала твёрдою ногою на развалинах грозной некогда орды Чингиз-хана, можно полагать присоединение к Русским владениям Кавказа» [АКАК. 1878. Т. 7, с. 888]. Потомок упоминаемого Чингизхана Султан Менгли-Гирей избежал участия в этой войне и даже, кажется, не вступал с Емануелем ни в какие контакты, но однажды они точно встретились на торжественном обеде по весьма знаменательному событию.

Пользуясь мирной обстановкой у отрогов Эльбруса, 29 июня 1829 г. Емануель с группой учёных под охраной вооружённого отряда выступил из Пятигорска в научную экспедицию и с главной целью покорения высочайшей вершины Европы. К ним присоединился венгерский исследователь Жан-Шарль де Бесс, оставивший примечательный очерк, в котором писал: «При приближении экспедиции жители соседних гор, встревоженные видом войск, направили депутацию, чтобы узнать о цели этих военных приготовлений. Первыми

представились карачаевцы, сопровождаемые их муллою; их вскоре успокоила ласковая, дружественная и располагающая манера поведения генерал-аншефа. Эти депутаты более не покидали нас до границ своей территории» [Бесс, 1974, с. 336].

Карачаевские князья предоставили ему опытных проводников из своего народа, один из которых единственный поднялся на вершину Эльбруса. Его имя генерал приказал увековечить на каменной плите, но со слов переводчика Шарданова «Килар из Кабарды» стал «кабардинцем Киларом». Подчинение Карачая, как и других мирных народов, командованию Кабардинской линии вовсе не означало слияние его с Кабардой, но порождало немало путаницы в этнонимах. Что касается внутреннего управления местных народов, то все они оставались в подчинение собственных князей, присутствовавших на банкете, устроенном Емануелем 3 августа 1829 г. по случаю благополучного окончания научной экспедиции.

Вместе с генералами и учёными за столом сидели: генерал-майор Султан Менгли-Гирей, князья Ислам Крымшамхалов, Мырзакул Урусбиев, Кучук Джамботов, Мисост Атажукин, Алакай Мансуров, Крым-Гирей Лоов и др. Жан-Шарль де Бесс писал: «Это было редкостное зрелище – видеть столько разнообразных костюмов вперемешку с богатыми мундирами русских генералов и французскими костюмами. Выше упомянутые местные князья вовсе не казались не у места в этом многочисленном собрании» [Бесс, 1974, с. 337]. Кавказская аристократия старательно встраивалась в состав российской военной структуры.

Султан Менгли-Гирей и его современники

В начале 1830 годов уездные учреждения перевели в город Пятигорск, а Георгиевск превратился в заштатный городок. Усилия властей направлялись на укрепление безопасности района Кавказских Минеральных Вод. Ногайцы в Кавказской области уже были прочно причислены к гражданскому управлению, являлись мирными жителями и несли соответствующие государственные повинности. Российские власти взяли на себя обязанность охранять ногайские аулы и кочевья, так как к ним поступали жалобы от жителей, пострадавших от набегов и угонов скота закубанцами.

Надо отметить, что в отличие от кубанских ногайцев, находившихся в военном управлении и, соответственно, ещё не облага-

емых государственными повинностями, кумские ногойцы находились в гражданском управлении и несли бремя повинностей и налогов. Тем не менее и те и другие равно находились в зависимости от собственных владельцев. Султаны и мурзы, составлявшие высшее сословие в обеих частях и находясь между собой в родственных отношениях, часто наследовали имущество и аулы друг друга, переселяли подвластных с одного места на другое по собственному усмотрению, не понимая разницы в своих правах по разные стороны Кавказской линии.

Пятигорские («Бештаво-кумские») ногойцы всё чаще стали отказываться от податей собственным мурзам под предлогом отбывания государственных повинностей. Осознавая, что только военная служба может сохранить им «дворянские» привилегии, мурзы предлагали свои услуги командующему войсками Кавказской линии генералу Емануелю. Ещё готовясь к войне с турками, он с успехом привлекал на службу знать покорных народов. Так, в июне 1827 г. Емануэль потребовал от пристава магометанских народов Кавказской области Мензелинцова список высшего сословия «азиатцев», так как «Кавказское Дворянское депутатское Собрание встречает затруднения в удовлетворении просьб кабардинских узденей и татарских мурз, из которых некоторые домогаются дворянских свидетельств для поступления на службу» [ГАСК. Ф. 407. Оп. 1. Д. 119. Л. 15].

Ногойцы из приставаства Султана Менгли-Гирея, несшие «воинскую повинность», конечно, не могли избежать участия в экспедициях русских войск в Закубанье, но имя самого Менгли-Гирея уже не фигурировало в сводках Емануеля. Правда, появляется имя его сына Арслан (Аслан)-Гирея. Похоже, так же как и отец, воевать с соотечественниками он не любил, хотя и был привлечён к войне с закубанцами, не желавшими подчиняться России. Кубанские ногойцы, родственные пятигорским ногойцам, раньше других закубанских народов стали признавать российское подданство. Когда в 1830 г. они не оказали помощи русским войскам в борьбе с другими горцами, Паскевич приказал Емануелю наказать их в административном порядке, «посадивши на 6 месяцев под арест ногойских старшин и предводителей, в число которых попал и «глава ногойцев» Аслан-Гирей» [Щербина, 1992, с. 561].

6 апреля 1831 г. Емануэль потребовал от Мензелинцова собрать в Кавказской области резерв из саблинских и калаусских

ногайцев для охраны «скрытных мест» по Янкулям, Калаусу и Сабле, не охраняемых казаками и весьма удобных для проезда грабительских партий из Закубанья [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 1485. Л. 30]. Владелец Наймановского аула, кочующего по Сабле и Калаусу, мурза Туганов обещал составить военный резерв для охраны и преследования неприятеля, но за это просил Емануеля принудить его подвластных платить ему по-прежнему обычные подати. Емануель незамедлительно потребовал сведения как «о причине неплатежа податей Мурзе Арслан Туган Аджиеву подвластными его, так и о том, можно ли дозволить ему составить из них помянутый резерв» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 1567. Л. 1–1 об.]. Калаусо-Саблинский пристав ответил на это, что наймановцы не платят податей, так как «отбывают казённые повинности, и платить ему, Туганову, не намерены». Пристав указал так же, что Туганов требует податей, ссылаясь на подвластных крестьян за Кубанью, которые ещё это делают [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 1567. Л. 3].

6 июня Емануель в рапорте главнокомандующему Паскевичу о восстании горцев Северо-Западного Кавказа писал, что «остаются верными данной ими присяге» только ногойцы, в том числе и закубанские, которые большую часть своих семейств и имущество переправили на правобережье Кубани, а сами приготовились к бою с враждебными абадзехами [Документальная история... 1998, с. 287]. В Пятигорске Емануель ждал осени, чтобы отправиться в экспедицию против непокорных закубанцев, так как летом они легко находили убежище в неприступных лесах и горах. Одним из первых собрал 216 ногойцев, «способных к действию против неприятеля», корнет Касаев из Калаусо-Саблинского приставства, 7 июня пристав командировал их к Невинному мысу на Кубань [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 1485. Л. 57]. В конце августа Емануель распорядился, чтобы Калаусские, Саблинские и Джембойлуковские ногойцы в числе 300 человек с офицерами были «в готовности» и собрались около ближайшего к Кубани аула [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 1485. Л. 87, 89].

Привлечение в военные походы одних местных народов против других мотивировалось, разумеется, не только недостатком собственно русских сил, а желанием иметь в их лице практически «заложников», гарантирующих верность их сородичей, и, главным образом, заданной самим правительством целью рассорить наро-

ды, чтобы предотвратить объединение их сил. Так, Николай I считал преследование одного народа другим очень полезным, «ибо оно укоренит между ними вражду и помешает общему соединению против нас» [Документальная история... 1998, с. 293]. Подобная политика проводилась по всему Кавказу, впрочем, как всегда и во всех многонациональных уголках мира, подвергающихся экспансии со стороны могущественных держав.

Мы не знаем, как бы поступил всегда верный своему долгу генерал-майор Султан Менгли-Гирей в новой ситуации, когда Россия повела планомерную жестокую Кавказскую войну против его соотечественников. В 1831 г. Менгли-Гирей умер. О причине его смерти у нас нет сведений, можно только предположить, что его коснулась безжалостная рука эпидемии, о которой упоминал ставропольский исследователь А. Твалчрелидзе в 1897 г., описывая ногайский аул Канглы, основанный на земле Менгли-Гирея: «В 1830 г. здесь была страшная холера, от которой вымерло чуть не всё население аула» [Твалчрелидзе, 1991, с. 48].

В 1830-е годы в Кавказской области мусульманские народы были разделены на пять приставств: 1) Калаусо-Саблинский и Бештово-Кумский оседлые народы; 2) Калаусо-Джембулуковский, Ачикулак-Джембулуковский и Едисанский; 3) Едишульский; 4) Караногайский; 5) Трухменский (туркмены) [Бентковский, 1883, с. 77–78, 67]. В 1831 г., по сведениям Бентковского, бештовские ногайцы жили оседло по Куме, Сабле и около Бештовых гор в числе 1 026 семейств, или 16 370 человек. После смерти Менгли-Гирея над ногайцами Кавказской области опять нависла угроза рассеяния. Генерал Вельяминов сразу же обратился к императору за разрешением «о наказании оружием ногайцев за связи с закубанцами» и предложил виновных переселить в Саратовскую губернию, а оставшихся перевести «на оседлость» и «зачислить в казаки». Николай I написал на этом донесении только одно слово «Зачем?» и отменил проект Вельяминова [Бентковский, 1883, с. 75].

Действительно, разрозненные и малосильные потомки некогда могущественных предков уже не представляли никакой угрозы империи, но своим упорным и тяжёлым трудом оживляли бесплодные степи, неустанно перегоняя свои стада в поисках редких пастбищ, безропотно несли повинности и служили в российских войсках. И всё же ногайский этнос, живое звено в исторической

цепи многочисленных народов, в разные времена попадавших в этот «Бермудский треугольник» между тремя морями и исчезающих без следа, оставляя только надмогильные курганы да каменные изваяния «бабы», провидением Всевышнего сохранился. Султан Менгли-Гирей берёт их, как мог, честно исполняя долг «ходатая» за них перед российским правительством.

***

За 40 лет на российской службе потомок Чингизхана и крымских ханов, генерал-майор российской службы и начальник Бештовского пристава Султан Менгли-Гирей сохранил безупречную репутацию и несомненный авторитет среди народов Северного Кавказа в самый тяжёлый период вхождения в состав Российской империи. Сделав свой осознанный выбор, он до конца жизни остался верен присяге и искренне верил в возможность мирной и благополучной жизни местных народов под российской властью. Чувствовал ли он себя чужаком, врагом или «туземцем» среди военного командования Кавказской линии? Вспомним, кто олицетворял российскую власть на Кавказе в годы жизни Менгли-Гирея.

Русские войска возглавляли с русско-турецкой войны 1768–1774 гг. немцы Медем, Тотлебен, Якоби. Кубанским корпусом недолго командовал знаменитый русский полководец Суворов, а Кавказским корпусом в 1789–1790 гг. поочередно командовали генерал Бибииков, предок которого мурза Жидомир выехал в Тверь из Синей Орды; граф Бальмен, сын шотландца, служившего турецкому султану, а затем вступившего на русскую службу; немцы Герман и Розен. Русского генерала П. С. Потёмкина, командующего Кавказским корпусом в 1782–1791 гг., сменил в 1787–1788 гг. генерал Текелли, сербского происхождения. Главнокомандующими на Кавказе были: в 1790–1800 гг. – Гудович, потомок польского шляхтича, в 1801–1802 гг. – Кнорринг, шведского происхождения, в 1803–1805 гг. – Цицианов, грузин, в 1806–1809 гг. – снова Гудович, в 1809–1811 гг. – Тормасов, русский дворянин, в 1811–1812 гг. – Паулуччи, итальянец, в 1812–1816 гг. – Ртищев, потомок Аслан-мурзы, вышедшего из Золотой Орды, в 1817–1827 гг. – Ермолов, потомок Арслан-мурзы, принявшего христианство в 1506 г., в 1827–1831 гг. – Паскевич из украинской Полтавы.

Можно также вспомнить итальянца Дельпоццо, немца Врангеля, француза Дебу, серба Емануеля и других иностранцев, командовав-

ших войсками на Северном Кавказе. Список можно продолжать и дополнять людьми различных национальностей и вероисповеданий, и не было в этом ничего особенного или несвойственного для Российской империи, требующей от своих подданных прежде всего безусловной верности престолу и воинской доблести.

Среди причин долгого и упорного сопротивления разрозненных и малочисленных народов Северного Кавказа российской власти можно скорее назвать недостаток высоких нравственных качеств и гуманистических принципов у большинства представителей имперской власти, независимо от их национальности. Особенно отталкивали горцев от России местные командиры и приставы, которых они видели в своих землях и по действиям которых складывалось у них представление о российской власти в целом. Некоторые царские генералы сами признавали причиной сопротивления горцев порочность назначаемых к ним начальников и чиновников.

Так, генерал Розен писал: «Не война раздражает ненависть горцев к нам; война, можно сказать, стихия их.... Но ненависть их к нам, как я полагаю, закалили наиболее чиновники, которые, смею сказать, иногда без разбора назначались для управления ими. Не имея строгих правил честности, они, часто из корыстолюбивых видов, вовлекали горцев в тяжбы, запутывали их дела непонятным для них судопроизводством, правых делали виновными, грабили как одних, так и других, и этими злодействами вынудили многих обречься на вечную вражду с нами, и напители их ненавистью, для искоренения которой не столько нужно действия оружия, сколько действия постоянной справедливости» [АКАК. 1882. Т. 8, с. 651].

Менгли-Гирей стоял в ряду выдающихся личностей, способствовавших личным примером и искренней заботой о людях неизбежной интеграции местных народов в общее пространство империи, формированию причастности и «включённости» в российский мир. Неразрывно связанный со своим народом, он заботился не о собственной карьере, а старался деятельно улучшать благосостояние подведомственных ногайцев и абазин, на их примере привлекая закубанских жителей на российскую сторону. Его мудрость и авторитет являлись лучшей гарантией мира по обе стороны Кавказской линии. Правительство награждало Менгли-Гирея чинами, наградами, землями и не отстраняло от должности пристава до конца жизни, признавая его заслуги, но в

должном масштабе потенциал миротворца и организатора остался невостребованным имперской системой управления. При другом отношении правительства к управленческим институтам на Северном Кавказе, такие офицеры, как Султан Менгли-Гирей, могли бы быть использованы намного веселее и помочь России избежать трагедий долголетней Кавказской войны.

Генерал-лейтенант Султан Азамат-Гирей

В Закубанье события Кавказской войны в полной мере отразились в судьбах младших родственников бывшего начальника Бештовского приставства генерал-майора Султана Менгли-Гирея – закубанских Султанов Азамат-Гирея и Казы-Гирея, также удостоившихся генеральских эполет на российской службе. Азамат-Гирей (1789–1859), младший брат Менгли-Гирея получил чин генерал-майора (9.11.1837), затем генерал-лейтенанта (6.12.1850) и состоял по кавалерии при Отдельном Кавказском корпусе.

Султан Азамат-Гирей начал службу в 1810 г. в войсках Отдельного Кавказского корпуса волонтёром и уже в 1811 г. был произведён в капитаны [АКАК. 1881. Т. 8, с. IX]. Тогда же на российскую сторону Кавказской линии перешли закубанские аулы Азамат-Гирея. 1 июля 1811 г. Менгли-Гирей подал главнокомандующему на Кавказе Тормасову рапорт «о приведении им Закубанских разных народов в вечное подданство Всероссийской империи», в числе которых назывались ногайцы, состоящие под властью его родного брата Азамат-Гирея: мангиты, кипчаки и каспульты, обитавшие по Зеленчукам и Урупу в 50 верстах от границы и «объемлющие по кордону дистанцию до 75 вёрст от поста Беломечетского вниз по Кубани до строящегося вновь укрепления Св. Николая» [АКАК. 1870. Т. 4, с. 838].

Султан Азамат-Гирей участвовал в военных экспедициях при генералах Портнягине, Дельпоццо, Стале, Вельяминове и Ермолове [АКАК. 1881. Т. 8, с. IX]. В 1824 г. во время экспедиций российских войск в Закубанье он спас от истребления кубанских ногайцев, убедив владельцев «изъявить покорность» генералу Коцыреву, за что им разрешили спокойно жить с подвластными аулами на своих землях от устья Малого Зеленчука до Урупа [Керейтов, Кидирниязов, 2002, с. 24].

В мае 1828 г., в начале русско-турецкой войны (1828–1829), Николай I учредил лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон в собственном конвое, набранный из горской аристократии. Ротмистр Султан Азамат-Гирей был назначен первым командиром полу-

эскадрона, и в 1829 г. произведён в полковники [АКАК. 1881. Т. 8, с. X]. В первом составе собрались представители народов, считавшихся российскими подданными на тот момент: 14 ногайцев, 12 кабардинцев, 9 чеченцев, 7 кумыков, 2 туркмена. Азамат-Гирей командовал полуэскадроном до 23 января 1833 г. Шеф жандармов генерал-адъютант Бенкендорф, в ведении которого находился конвой, писал: «Цель, с которою его величеству угодно было назначить в собственный конвой горцев, есть та, чтобы прослужившие здесь 4 года могли по возвращении на Кавказ рассказами в кругу их семейств более и более привлечь своих соотечественников к дружным с нами сношениям» [Турчанинов, 1970, с. 37].

Знатные горцы из конвоя получали образование в Дворянском полку, правила для обучения составил лично Бенкендорф. Например, учитывая их мусульманскую религию, предписывалось «не давать свинины», «строго запретить насмешки дворян и стараться подружить горцев с ними», «не запрещать умываться, по обычаю, несколько раз в день», «наблюдать, чтобы во время молитвы горцев дворяне им не мешали», «не препятствовать свиданию с единоплеменниками» и т. д. Горцев запрещалось подвергать телесным наказаниям: «Вообще же наказывать только при посредстве прапорщика Туганова (ногайского мурзы Муссы Росланбековича Туганова. — З. К.), которому лучше известно, с каким народом как обращаться» [Плотников, 1991. Эл. ресурс].

30 апреля 1830 г. император утвердил штат полуэскадрона: 1 полковник, 1 ротмистр, 1 штабс-ротмистр, 1 корнет, 9 юнкеров, 40 оруженосцев, 3 трубача, 1 эффенди, 1 казначей, 1 переводчик, 1 писарь, 1 фельдшер и 27 человек нестроевых для присмотра за лошадьми и казармами, всего 90 человек, не считая слуг. Горцам установили солидные оклады: полковник — 3 108 руб., ротмистр — 2 718 руб., корнет — 2 208 руб., юнкер — 353 руб., оруженосец — 316 руб. в год. Офицеры имели своих лошадей, одежду, оружие и конскую сбрую, остальное снаряжение получали от казны. Все офицеры, юнкера и оруженосцы получали полное казенное обмундирование. У офицеров оно состояло из шапки черного барашка с синим верхом, обшитым серебряным галуном, с серебряной шишкой сверху, башлыка из желтого черкесского сукна, синей черкески, расшитой серебром с черным бешметом, красной куртки с белым бешметом, синих шаровар с широкими серебряными лампасами, бурки и шинели.

Кроме национальных чувяк с ноговицами, полагались и сапоги. Обмундирование одного офицера стоило 900 руб., а вооружение и снаряжение – более 1 500 руб. Горцы обязаны были иметь две строевые собственные лошади и азиатское седло с полным национальным прибором [Сень, 2002. Эл. ресурс].

Экзотического вида всадники в национальных костюмах, в кольчугах и шлемах, вооруженные кинжалами, шашками и луком со стрелами, мужественные и отчаянно храбрые, очевидно, производили неизгладимое впечатление в столице и в заграничных походах, поэтому средств на их содержание не жалели. В начале 1831 г. полускадрон в составе императорского конвоя направили в Польшу для борьбы с повстанцами, где они отличились при взятии приступом Варшавы. Полковник Орлов так характеризовал горцев в письме к Бенкендорфу: «С неукротимой смелостью бросаясь в жарчайший огонь и поселяя своим появлением ужас в войсках мятежников, черкесы украшают себя примерным поведением и похвальным соблюдением военного порядка» [АКАК. 1881. Т. 8, с. IX].

Хотя по Адрианопольскому мирному договору 1829 г. Османская империя уступила России всё пространство от Кубани до Чёрного моря, местные народы продолжили сопротивление российской власти, которая искала себе опору среди их высшего сословия. Императорский конвой, каждые 4 года обновлявший свой состав, стал «кузницей кадров» не только для пророссийской военной и чиновничьей прослойки, но и творческой интеллигенции, стремившейся познакомить Россию с культурой и психологией своих народов, примирить два враждебных мира через осознание неизбежности единого пути в будущее. За годы, проведённые в столице, офицеры познавали Россию, усваивали русский язык, обзаводились образованными друзьями, посещали театры и балы, много читали, а некоторые, получив образование в Дворянском полку, увлекались литературной деятельностью. Так, первыми писателями на Северном Кавказе стали служившие в конвое Султан Хан-Гирей (1808–1842) и Султан Казы-Гирей (1807–1863).

Султан Азамат-Гирей в 1833 г. вернулся на родину и поселился в Тохтамышевском ауле в 7 верстах от Кубани между укреплениями Хумаринским и Джегутинским. От станицы Баталпашинской вниз до устья Лабы в 1830-е годы правительство распорядилось расселить 12 000 мансуровцев и наврузовцев [Торнау, 1994, с. 106]. Они первы-

ми в Закубанье подверглись военно-административному устройству и вошли в состав Баталпашинского участка Кубанской линии. У ногайцев с их обширным скотоводством не было другого выхода, как покориться, чтобы получить право пользоваться собственными кочевьями, поэтому начальник Кавказской области Вельяминов отмечал, что «их можно считать более всех нам покорными» [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6259. Л. 244–244 об.].

Взаимоотношения с закубанскими ногайцами российские власти старались регулировать через посредничество Султанов, признавая, что они ведают «всеми делами народными, и каждое решение их принимается вроде законного» [ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 2961. Л. 8. Цит. по: Керейтов, 2009, с. 247]. Очевидно, что Султан Азамат-Гирей стал ключевой фигурой в привлечении непокорных закубанцев на российскую сторону путём переговоров и урегулировании конфликтных ситуаций между разными народами.

Кубанская и Кабардинская линии

Выше Баталпашинского участка горные территории Верхней Кубани в первой трети XIX века российские войска ещё не контролировали. После присоединения Карачая к Российской империи в 1828 г. власти не сразу определились с его управлением, так как на севере и западе карачаевские земли относились к Баталпашинскому участку, а на востоке прилегали к Кисловодской и Кабардинской линиям. В начале 1830-х годов главнокомандующий на Кавказе Г. В. Розен писал, что Кисловодская линия потеряла своё военное значение, «не имея против себя ни одно из враждебных горских племён, ибо Большая Кабарда и Карачай совершенно успокоены» [АКАК. 1881. Т. 8, с. 654]. Поэтому горцы по обеим сторонам Эльбруса, как вполне мирные, состояли в ведении командования Кабардинской линии.

Однако в октябре 1834 г. командующим войсками Кубанской линии (с 1840 г. – Правого фланга Кавказской линии) стал полковник Засс, сразу же начавший «интриговать» против начальника Кабардинской линии полковника Пирятинского с целью вывести Большой Карачай из его ведения и объединить с остальной территорией бассейна Верхней Кубани. В географическом и административном отношении это объединение являлось логичным и необходимым, но в данный период начальники руководствовались исключительно корыстными интересами. Так, не найдя повода для военной экспедиции

в Карачай за добычей, командующий Кавказской областью Вельяминов решил вопрос с экспроприацией скота просто: на всех карачаевцев наложили штраф в размере 10 тысяч овец, избрав формальным поводом бегство части карачаевцев со своими стадами на южные склоны Кавказского хребта в 1833 г. [Бегеулов, 2002, с. 119].

Вельяминов игнорировал российское подданство карачаевцев, так как договор, заключённый Емануелем в 1828 г., не предполагал никаких податей и налогов, а внутреннее управление оставлял владетельным князьям Крымшамхаловым. Разумеется, это было временным «послаблением», пока российские власти в ответ на подати или налоги не могли предоставить своим новым подданным никакой государственной помощи и реального покровительства в социально-экономической, культурной и военной сфере. Даже обещанная после покорения Карачая Емануелем меновая торговля в Хахандуковском укреплении не была налажена кордонным командованием, занятым исключительно военными действиями.

В это время Засс занялся грабежом и истреблением наиболее богатых аулов в Закубанье. Разведчик из Генерального штаба князь И. Шаховской писал, что он «быстрыми набегами на непокорных народов, заставил их заботиться о собственной защите и отложить набеги на наши земли; но вообще всё начальство Кавказской линии, не думая о преобразовании народа, старается одним страхом удержать его в повиновении» [АКАК. 1881. Т. 8, с. 863]. Беглые кабардинские князья Исмаил Касаев и Джамбулат Атажукин покорились Зассу и, «как покорные и преданные» правительству, получили разрешение поселиться на Баталпашинском участке [АКАК. 1884. Т. 9, с. 448]. За это они должны были прекратить набеги на Кубанскую линию и перенаправить свою активность в Карачай. Исследователь Сысоев писал, что Касаев на территории Засса не делает никакого вреда, «зато все хищнические партии, следующие из-за Кубани, им передерживаются и направляются на границы другого начальства», т. е. в Карачай, а Атажукин даже не известил власти о разбойном нападении закубанцев на карачаевцев вблизи его аула и не помог им при завязавшейся перестрелке [Сысоев, 1913, с. 149–151].

Пирятинский просил главнокомандующего на Кавказе повлиять на Засса, чтобы тот приказал Касаеву вернуть «угнанный

плен» и переселиться в Кабарду. Однако беглые кабардинцы не вернулись на родину, а остались в Закубанье, более того, поселившись на Верхней Кубани, Касаев выкрал племянника главного князя Крымшамхалова [АКАК. 1881. Т. 8, с. 747]. Кабардинский князь требовал «дать по-прежнему дорогу через карачаевские земли закубанцам, и тогда он им возвратит весь плен, захваченный со времени присяги карачаевцев, иначе же грозит им разбоями и ненавистью Засса» [Сысоев, 1913, с.150].

Так закубанские кабардинские князья пытались предотвратить появление в Большом Карачае, связывающем Кабарду и Закубанье, русского пристава, того же добивался в Большой Кабарде подполковник Мисост Атажукин. Исмаил Касаев и Джамбулат Атажукин приходились ему близкими родственниками: Исмаил – родной брат жены, Джамбулат – двоюродный брат. Они надеялись использовать в своих интересах Засса, поступив к нему на службу, однако перехитрить его было сложно. У командующего Кубанской линией была противоположная цель: поселив Атажукина и Касаева в Карачае, с их помощью дестабилизировать там обстановку и по военной необходимости перевести в своё ведение.

Неожиданно Засс встретил препятствие со стороны разведчика Шаховского. В апреле 1834 г. последний получил задание «проникнуть в Карачай или земли Урусбиевцев», т. е. в Баксанское ущелье владетельных князей Урусбиевых, и 24 ноября доложил о результатах разведки главнокомандующему на Кавказе Розену. Оказалось, что он собрал сведения о карачаевцах и балкарцах от Мисоста Атажукина, встретившего его в Баксанском ущелье «с почётными старшинами из прилегающих ущелий» [АКАК. 1881. Т. 8, с. 635]. Шаховской писал: «Сопровождаемый Кабардинцами и Осетинскими старшинами (все народы, живущие в Чёрных горах, называют себя Осетинами) до речки Ксанти, я простился с последними, обещая за внимание ко мне отблагодарить их в собственных домах и в особенности был ласков с Карачаевцами». Разумеется, «все народы» не могли называть себя осетинами, скорее всего разведчика ввёл в заблуждение кабардинский князь, претендовавший на власть над осетинами. На самом деле Шаховской успел коротко пообщаться с горцами Балкарии, но в Карачае не был, так как Атажукин быстро увёз его в свой аул на Чегеме. Оттуда разведчик спешно отправился к Пирятинскому, который

рекомендовал ему довериться Мисосту, в доме которого Шаховской остался «гостить».

Со слов кабардинского князя разведчик «собрал сведения» о закубанцах, карачаевцах, чегемцах, хуламцах, безенгиевцах и балкарцах, хотя упомянул, что «через посредство» Атажукина и его узденя Атажуки Абукова он побывал лично у этих народов. Но, судя по рапорту, он добросовестно передал начальству только мнение Атажукина, что все «осетинские племена» когда-то были завоеваны сильнейшими кабардинцами и платили им дань, но из-за чумы и похода в 1822 г. Ермолова, разорившего и рассеявшего почти всю Кабарду, в ней осталось не более 10 тысяч человек, и «влияние Кабардинцев на Осетинские племена весьма ослабло». Видимо, поэтому он убедил Шаховского, что карачаевцы и балкарцы тоже «осетины».

Шаховской писал то о необходимости внешнего управления карачаевцами, которые якобы «весьма ещё далёки от мирной жизни», то указывал, что они «не только прежде, но и теперь, народ зажиточный» и, «испытав также силу нашего оружия, сделались, подобно Кабардинцам, не так уже предприимчивы в хищничествах». Он пытался убедить начальство оставить карачаевцев в ведении Кабардинской линии, а не передавать Кубанской линии, где власти имели дело с непокорными закубанскими народами, отличающимися от карачаевцев «происхождением, образом жизни и понятиями».

Карачаевцам, по словам Шаховского, «однообразно строгое правление вместо пользы приносит вред, ибо ненависть заступает место любви и преданность поддерживается штыком, а не благодарностью. Если же взять во внимание, что народ зажиточный и обеспеченный в необходимых потребностях жизни (посему не имея нужды прибегать к разбоям) сроден более к мирной жизни, то руководим быть должен мерами кроткими при неусыпном наблюдении со стороны начальства, а страх полезен только для бедных племён, коих хищничество есть одно достояние и кои по справедливости должны подвергаться строгости правосудия» [АКАК. 1881. Т. 8, с. 637].

Шаховской предложил командованию оставить карачаевцев в ведении Кабардинской линии, главным князем Кабарды назначить Мисоста Атажукина как самого преданного правительству и не обращать внимания на «хищничества», т. е. воровство кабардинцев у горских народов. Хотя горцы также пострадали от чумы, но остались «зажиточными», поэтому Атажукин очень хотел получить над

ними «надзор». Не случайно более опытный генерал Вельяминов на предположение одного подполковника об искренней преданности кабардинских князей заметил: «Нет сомнения, что они были бы весьма довольны, если бы мы, дав им способы покорить соседственные с ними народы, не требовали от них, в свою очередь, той же покорности» [Вельяминов. Замечания... 1833, с. 63].

Однако варварские методы войны и интриги Засса и Вельяминова отталкивали от них местные народы ещё больше, порождая недоверие к российской власти вообще. Ислам Крымшамхалов, прибыв в Нальчик к Шаховскому, чтобы опротестовать взысканный Вельяминовым штраф, говорил: «Генерал обвинял карачаевцев в том... будто мы пропускаем через свою землю абреков, и называл нас изменниками: мы указывали ему на то, что даже русские войска, которые заняты единственно охранением линии, даже они не всегда могут укараулить хищников, так есть ли возможность удержать их небольшому карачаевскому обществу; но как мы не оправдывались, нам не внимали, но смотрели на нас как на бунтовщиков. Вот и теперь полковник Засс прислал сказать, что он нас истребит, если мы к нему не явимся; а как нам к нему явиться, когда нами заведует полковник Пирятинский? Мы просто не знаем, что и делать» [Бегеулов, 2002, с. 121].

Шаховской убедил Крымшамхалова заключить новый договор с российскими властями, и 24 сентября 1834 г. главнокомандующий на Кавказе Розен доложил военному министру о возобновлении присяги карачаевцев, обещавших содержать караулы от вершин Кавказских гор до Каменного моста на Кубани и удерживать «хищнические партии», не превышающие тысячи человек, если же их будет больше, то оповещать ближайшие воинские посты. Однако карачаевцы, как и в 1828 г., отказались быть осведомителями и выдавать гостей из Закубанья, что являлось самым позорным на Кавказе нарушением законов гостеприимства – «куначества» (тюрк.: «кунак» – гость). Кроме того, партиями закубанцев предводительствовали князья, и по общему горскому адату (обычному праву), поднять на князя руку мог только князь, но не выставленные в караул простые горцы. Поэтому Крымшамхалов согласился принять приставом в Карачай молодого офицера Атажуку Касаевича Атажукина из Кабарды, на котором лежала бы ответственность перед российскими властями за набеги его закубанских родственников [АКАК. 1881. Т. 8, с. 637].

Крымшамхалов согласился также на требование Вельяминова по возможности оказывать помощь, «если правительство признает нужным ввести в карачаевские земли войска». Так он спас карачаевских аманатов, в том числе своего сына, отправленных в Архангельск. 19 ноября 1834 г. Розен выхлопотал разрешение императора на их возвращение и велел отправить «прямо к Командующему Кабардинскою Линиею полковнику Пирятинскому, чтобы он сих Аманатов передал карачаевцам» [ГАСК. Ф. 79 Оп. 1. Д. 1518. Л. 1.]. Это подтверждает, что Большой Карачай в 1834 г. остался в ведении командующего Кабардинской линией Пирятинского. Но ненадолго.

***

Засс не прекращал попыток перевести карачаевцев в ведение Кубанской линии, так как Западный Карачай от Теберды до Большой Лабы находился в зоне действия его войск. В основном плане «успокоения Кавказа», принятом Николаем I в начале 1834 г., покорению Закубанья отводилось первое место. Военные действия активизировались, и покорявшиеся народы заселялись между Кубанью и Лабой [Ковалевский, 1915, с. 216]. Так, по приказу Засса впервые появился постоянный абазинский аул на левобережье Верхней Кубани. Он поселил в 1834 г. аул верного князя Дударукова (ныне с. Псыж в Карачаево-Черкесии) напротив правобережной станицы Баталпашинской, с условием охраны её от набегов враждебных партий [Народы Карачаево-Черкесии... 1998, с. 46].

Закубанские кабардинцы бежали с Кубани и в 1835 г. скрывались у абадзехов и шапсугов. Записки разведчика Торнау, попавшего в этот период к ним в плен, рисуют картину ужасающей нищеты даже в среде их знати. Заняться хозяйством не было возможности, они постоянно перемещались с речных долин в горные леса, укрываясь от войск, поэтому некоторые владельцы снова покорились Зассу. Так, с его разрешения Исмаил Касаев расположил в 1835 г. свой аул на берегу Большого Тегеня, левого притока Урупа [Торнау, 1994, с. 96].

По сведениям Волковой, в 30-х годах беглых кабардинцев насчитывалось около 2 тысяч человек в верховьях Зеленчуков, по речкам Большой и Малый Тегень и частично среди абадзехов на р. Белой [Волкова, 1974, с. 61]. По свидетельству же Торнау, на Лабе и Тегенях жили бесленеевцы, а кабардинцы находились в низовьях Урупа и частично на Тегенях. Торнау не видел кабардинцев на Зе-

ленчуках, а сведения разведчика, лично прошедшего по этим местам, всё же вызывают большее доверие, тем более, что сопровождал его сам Касаев, с которым он прибыл в станицу Баталпашинскую, а затем «гостил в Тохтамыше у генерала Султан Азамат-Гирея, потомка крымских ханов» [Торнау, 1994, с. 100–101].

При посредничестве Торнау и Султана Азамат-Гирея покорились российским властям и вернулись на Куму беглые абазинские князья Лоовы. В 1839 г. с помощью русских войск они насильно переселили часть кумских абазин на левобережье Верхней Кубани напротив Усть-Джегутинского укрепления и образовали аул Лоово-Кубанский (ныне с. Кубина в Карачаево-Черкесии). Он также должен был служить казакам заслоном от набегов враждебных народов.

Николай I на Кавказе в 1837 г.

В 1836 г. Засс предложил перенести часть Кавказской кордонной линии с Верхней Кубани на Лабу [Короленко, 2004, с. 333]. Новая система постов и укреплений должна была поставить заслон бегству закубанцев на запад и позволила бы взять их под контроль. Для этого всё пространство, начиная с верховий Кубани до Лабы, необходимо было объединить в ведении единого командования и вывести, наконец, Большой Карачай из ведения Кабардинской линии.

Примечательно, что для главного кавказского начальства в Тифлисе все народы, относящиеся к Кабардинской линии, уже представлялись «кабардинцами». Так, в «Обзоре политического положения Черкесии со сведениями о деятельности англоторецких эмиссаров» за 1837 г. утверждалось: «Кабардинцы, живущие между рекою Подкумком и Владикавказом, и от горы Эльбруса до Каменного моста и границы Карачая, продолжают быть спокойны и преданы русским» [Шамиль... 1953, с. 127.].

Небрежность в назначении приставов в Карачай говорила о том, насколько символично здесь была представлена российская власть. А. Атажукин оказался фигурой совершенно бесполезной и находился в укреплении Нальчик [Мусукаев, Мальбахов, 1999, с. 16]. Он наезжал в Карачай только за подарками, как гость, а его двоюродный дядя, в доме которого он вырос, полковник Мисост Атажукин вводил в заблуждение наезжающих на Кабардинскую линию чиновников и путешественников, будто все горцы – его данники. Так, жалуясь на бедственное материальное положение, он просил командование раз-

решить ему пользоваться «податями» с чегемцев, а секретарь Кабардинского Временного суда Шора Ногмов подобострастно подтверждал «древние» притязания своего князя в известных «записках». Однако начальство скептически восприняло эту информацию и проверило её на месте. Оказалось, что чегемцы платили обычную плату за использование плоскостных пастбищ в год по одному барану, а подробно расписанная «дань» являлась измышлениями Мисоста Атажукина [Бегеулов, 2005, с. 9].

В начале 1836 г. Мисост отправился в хадж, и его племянника сразу же заменили хорунжим Семёном Атаршиковым, состоявшим под начальством командующего на Кубанской линии Засса [Бегеулов, 2002, с. 123]. Так Большой Карачай вывели из ведения Кабардинской линии, что позволило объединить в едином ведомстве всю Кубань и перенести кордонную линию на её левый приток Лабу. В феврале 1837 г. Николай I утвердил проект Лабинской линии и перенос системы кордонов и станиц [АКАК. 1884. Т. 9, с. 446–447].

Баталпашинский участок превращался в прочный тыл, поскольку никакой опасности со стороны карачаевцев не предвиделось: их огромные стада паслись впереди Кисловодской линии и находились в пределах досягаемости российских войск [Очерки истории Кубани... 1996, с. 185]. Вельяминов предложил «закрыть» ущелья Западного Карачая казачьими резервами, что вынудило бы беглых горцев к покорности и «отдало в наши руки упомянутое пространство и обеспечило бы совершенно Карачай и Кисловодскую линию» [Проблемы Кавказской войны... 2000, с. 74].

Для карачаевцев командование Вельяминова и Засса обернулось постоянным угоном скота с предгорных пастбищ со стороны солдат и казаков, а начальство не только этому не препятствовало, но само практиковало периодические конфискации. Подобные действия, сопровождаемые перестрелкой, приняли угрожающие размеры, и пристав Атаршиков известил командование, что начальники постов «посылают казаков и солдат воровать у карачаевцев скот и даже явно отгоняют оной», и вообще «воровство день ото дня увеличивается» [Бегеулов, 2002, с. 77]. Атаршиков писал, что «этот народ, едва вошедший в покровительство России с полной надеждою обрести правосудие, легко может потерять доверие и считать действия постовых команд волею начальства потому только, что не видит защиты в нарушении их спокойствия и в ограждении собственности». Он пре-

дупреждал, что при таком отношении начальства к карачаевцам ему невозможно исполнять свои обязанности пристава.

У карачаевцев не было сословной группы Султанов, а их собственные князья не искали тесных контактов с российскими властями, не нуждаясь в их помощи в управлении народом. Они не стремились участвовать в российских экспедициях против других народов, хотя только чины и награды давали княжескому сословию на Кавказе покровительство начальства и официальное признание их сословного статуса. Не случайно чиновниками сословной комиссии позже будет отмечено: «Карачаевские бии мало бывали на глазах начальства, а в народе был постоянный порядок, то они в глазах администрации не имели первенствующего сословного значения [Сборник документов... 2003. Т. 1, с. 63].

Кроме Карачая, в тылу Лабинской линии оставались также покорные аулы абазин, бесленеевцев, ногойцев и закубанских кабардинцев в низовьях Зеленчуков, Урупа и Лабы. Так как кабардинцы не имели постоянного местожительства и средств жизнеобеспечения, то военные власти занялись их расселением на правобережье Лабы. Правительство попыталось привлечь кабардинцев к военной службе и даже намеревалось причислить их к казакам. 5 февраля 1837 г. Вельяминову передали желание императора приписать население между Кубанью и Лабой к поселяемым здесь казачьим станицам «целыми племенами или отдельными аулами» [АКАК. 1881. Т. 8, с. 657]. Однако Вельяминов убедил начальство, что как только закубанцы почувствуют желание императора приписать их к казачьему сословию, то «самые усердные теперь к правительству сделаются врагами и будут препятствовать и явно, и тайно как перенесению линии на левую сторону Кубани, так и переселению казаков».

***

Летом 1837 г. Николай I в сопровождении Бенкендорфа был на военном корабле из Крыма к побережью Черного моря. Перед этим из столицы на родину был отправлен флигель-адъютант Султан Хан-Гирей, родом из западноадыгской ветви потомков крымских ханов, для подготовки закубанских народов к встрече императора.

К выдающейся личности и творчеству Хан-Гирея не раз обращались исследователи. Известно, что его карьере способствовал

генерал Ермолов, определивший способного мальчика в кадетский корпус. Его отец Султан Магомет-Гирей, перешедший на российскую сторону в 1790 г., в голодный год спас бжедугов, доставив им от русской администрации хлеб. В 1830 г. Хан-Гирей, пользуясь близостью к властям, подал царю прошение поставить его начальником бжедугов, якобы от их имени: «... так как деды султанов всегда ведали делами дедов наших» [Хаджимуков, 1910, с. 33, 49]. Однако бжедугские князья при встрече заявили генералу Емануелю, что Султаны «считались только почётными гостями народа». Возможно, неприятие адыгами именно этого семейства Гиреев в качестве «начальников» было связано с довольно смутными обстоятельствами появления на Северном Кавказе их предка.

В 1833 г. Хан-Гирея назначили командиром второго состава Кавказско-горского полуэскадрона в императорском конвое, где он получил лестную характеристику от командования. Так, полковник Орлов писал: «Черкесы украшают себя примерным поведением и похвальным соблюдением военного порядка, что приписываю врождённому мужеству и неиспорченной чистоте нравов, так и в особенности распоряжениям храброго и благоразумного их начальника поручика Хан-Гирея» [Вершигора, 1999, с. 152].

Хан-Гирей проявил себя как талантливый писатель [Хан-Гирей, 1989] и автор политических проектов по преобразованию своей родины под российским управлением. В 1836 г. он подал в Генеральный штаб «Предложения о средствах приведения черкесов в гражданское состояние кроткими мерами, с возможным избежанием кровопролития» [Клычников, 2002, с. 337]. Видимо, Хан-Гирей произвёл впечатление на императора, поэтому его назначили флигель-адъютантом и послали «подготовить закубанский черкесский народ, чтобы они встретили своего монарха изъявлением лично своей покорности русской власти» [Короленко, 2004, с. 338].

Прибывшему на Кавказ в чине полковника Хан-Гирею генерал Вельяминов настоятельно рекомендовал поехать в Тохтамышевский аул и обратиться за помощью к однополчанам по первому составу Кавказско-горского полуэскадрона полковнику Азамат-Гирею и майору Мусе Туганову, пользовавшимся «большим между закубанскими народами уважением». Вельяминов писал: «Султан Азамат-Гирей по происхождению его от Крымских ханов известен между всеми племенами от верхней части Кубани до Ана-

пы, имеет обширное родство и много приятельских связей. Он укажет вам людей, которые между закубанскими народами могут наиболее быть полезными для успеха возложенного на вас дела» [Цит. по: Гордин, 2011. Эл. ресурс].

Вельяминов советовал также связаться с Казы-Гиреем и другими владельцами, пользовавшимися большим уважением у народов между Верхней Кубанью и Белой: «Чрез них делаете вы дальнейшее знакомство и легко найдёте людей, которые будут вам полезны для рассылок и разведований» [Гордин, 2011. Эл. ресурс]. Однако по каким-то причинам Хан-Гирей не стал обращаться к известным Султанам и задание своё провалил. Местное население не изъявило «чувств преданности русскому государю», несмотря на старания Хан-Гирея, поэтому он оказался в немилости у императора.

Впрочем, сомнительно, что кому-либо в тот момент удалось бы исполнить царское повеление и склонить западноадыгские народы к выдаче английских эмиссаров, действовавших на Черноморском побережье, подстрекая их к набегам на русские укрепления, щедро снабжая оружием, деньгами и товарами. Английский агент Белл даже привёз адыгам знамя – «санджак независимости» якобы от короля, а на самом деле от английского посланника в Стамбуле Уркарта. Оно вселяло в них иллюзию поддержки могущественных держав в борьбе с Россией [Шамиль... 1954, с. 126].

25 июня 1837 г. военный министр Чернышев писал главнокомандующему на Кавказе Розену в секретном письме о требовании Николая I выдать агентов, назначив за каждого вознаграждение от 1 000 до 3 000 руб. серебром. Именно Хан-Гирею поручили «приложить старание к поимке сих иностранцев, в том предположении, что по связям своим в горах он найдёт возможным склонить на это предприятие самих горцев посредством значительных денежных наград» [Шамиль... 1954, с. 125]. Однако миссия Хан-Гирея оказалась невыполнимой: от Лабы до Чёрного моря скорого мира не предвиделось.

Николай I остался крайне недоволен враждебным настроением западноадыгских народов и, осмотрев русские укрепления, отбыл в Закавказье, а обратно из Тифлиса в Россию ехал по Военно-Грузинской дороге, по пути посетив Владикавказ, Георгиевск, Пятигорск и Ставрополь. В Георгиевске ногайцы Кавказской области встретили царя вполне радушно. 237 депутатов от бештовокумцев, калаусо-саблинцев, тохтамышевцев и эдисанцев сопровождали его до Ставрополя [Орак-эли... 2015, с. 71].

В сочинении Шильдера «Царствование императора Николая I» есть примечательные записки в форме дневника от лица императора. Так, выступая перед ногайцами, он сказал, «чтобы они жили спокойно, наслаждаясь благами своей прекрасной родины, и не покушались бороться против неодолимой для них силы русского оружия» [цит. по: Шабловский, 1914]. Николай I высказался даже с критикой кавказских начальников, дискредитирующих российскую власть: «Надо сказать, что до сих пор местное начальство принималось за свое дело не так, как следует, вместо того чтобы покровительствовать, они только утесняли и раздражали; словом, мы сами создали горцев, каковы они есть, и довольно часто разбойничали не хуже их».

Очевидно, торжественную встречу с царём в Георгиевске готовили наследники бывшего Бештово-Кумского пристава Султана Менгли-Гирей: его сын Аслан-Гирей, брат Азамат-Гирей, племянник Казы-Гирей. Благоприятное впечатление Николая I выразилось в награждении князей, узденей и почётнейших старшин, находившихся в центре Кавказской линии и участвовавших «в Почётном Карауле и Конвое Государя Императора при Высочайшем Его путешествии» серебряными медалями с надписью на реверсе «Кавказ 1837 год» [Орак-эли... 2015, с. 71]. Кроме того, Султан Азамат-Гирей был произведён 9 ноября 1837 г. в чин генерал-майора.

Лабинская линия в 1840-х годах

Непримиримые владельцы закубанских народов отчаянно противились распространению российской власти и досаждали своими набегами. Как отмечает исследователь С. Л. Дударев: «Повинности, налагаемые на местное население при постройке крепостей и прокладке дорог, были непривычны для него, и также рассматривались как покушение на прежние свободы» [Дударев, 2013, с. 16]. Командующий на Кубанской линии Засс буквально охотился на предводителей местных народов, истребляя аулы, не чураясь самых жестоких методов, ещё более отдаляя горцев от России, поэтому неудивительно, что Хан-Гирей не смог организовать торжественную встречу императора в 1837 г. За год до этого за Кубанью был вероломно убит знаменитый князь Джамбулат Болотоков, и невольным участником этого происшествия оказался Султан Азамат-Гирей.

Джамбулат Болотоков перешел на сторону русских ещё в 1830 г., заявив, что «он был враг России, пока находился под покровительством Турции; но когда последняя от них отказывается, то он передаётся России» [АКАК. 1878. Т. 7, с. 896]. Главнокомандующий тогда на Кавказе Паскевич от имени императора простил его, признал владельческие права над темиргоевцами и оставил жить на своих местах между Кубанью и Белой. Среди темиргоевцев жил некий Султан Крым-Гирей, имевший собственный аул из 15 семей, видимо, его связывали с Болотоковыми аталыческие или родственные связи, и он был близким родственником Султана Азамат-Гирея.

Теперь обратимся к любопытным документам из РГВИА, выявленным историком С. Хотко [РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 62. Л. 1–10. Цит. по: Хотко, 2012. Эл. ресурс]. Они раскрывают обстоятельства тайного убийства Джамбулата Айтекова (сына Айтека Болотокова) в начале октября 1836 г. по приказу Засса. Генерал-майор Султан Азамат-Гирей настаивал на расследовании этого преступления, называя Джамбулата своим родственником. В секретном рапорте от 5 июня 1838 г. главнокомандующий на Кавказе генерал-лейтенант Головин сообщил военному министру Чернышеву, что Азамат-Гирей 3 мая написал в Ставрополе прошение на имя императора о расследовании убийства Джамбулата, так как горцы подозревают в этом его, якобы действовавшего по приказу Засса. Настойчивое прошение Азамат-Гирея «о производстве следствия к оправданию себя» Головин тайно переправил военному министру.

По словам Азамат-Гирея, Засс попросил его уговорить Джамбулата переселиться со своих укромных мест на Кубань и дал слово, что письменные обещания Паскевича не нарушит. Джамбулат не доверял коварному Зассу, но доверился Султану и переселился на линию, оставив до своего прочного водворения семью и имущество у своего аталыка Берзека. Засс воспользовался этим моментом и с отрядом напал на аул Берзека, забрав в добычу всё имущество князя. Затем якобы для примирения он пригласил Джамбулата и Султана Азамат-Гирея в качестве посредника в крепость Прочный Окоп, напротив устья Урупа. Однако сам в этот день оказался «на охоте», поэтому попросил Султана встретить князя, а на ночлег отправить в ближайший аул за Кубанью, чтобы он утром явился на переговоры с ним. Джамбулат немедленно прибыл к Султану, посидел с ним до вечера, переночевал в ауле, но утром по пути в крепость был убит выстрелом

из леса. Такое вероломство Засса возмутило горцев, но под их подозрение попал и Азамат-Гирей, ставший, по их мнению, «подлым орудием исполнения» этого убийства.

Азамат-Гирей писал императору: «До сего происшествия я пользовался между горскими народами уважением, и в продолжении 26-ти лет в звании русского офицера не одним поступком доселе я не запятнал честное имя и с усердием старался по мере моих сил исполнять по службе Вашего Императорского Величества поручения, которыми удостоивало меня начальство, и врагов России, хотя бы они были со мной в родстве, почитал и моими врагами». Он уверял, что Джамбулат Айтеков был предан России, иначе даже их родственная связь не могла бы заставить его быть с ним в близких отношениях.

Султан считал личным оскорблением распространение слухов о его причастности к убийству, но понимал, что невольно позволил Зассу использовать себя «гнусным, но слепым орудием», и это «угнетало его старость». Поэтому он просил императора произвести строжайшее следствие и, как он писал, «открыв истину возвратить мне спокойствие, которое потерял вместе с лишением уважения моих соотечественников и честное имя русского офицера, ибо будучи выставлен подлым орудием столь гнусного убийства могли я остаток моей жизни считать иначе как тягостным бременем».

Султан думал не только о своей чести, но и о потере доверия закубанцев к русскому начальству, не предпринявшему никаких мер для выяснения обстоятельств этого убийства, несмотря на то, что закубанские князья приезжали в Прочный Окоп, требуя объяснений. Головин же изложил военному министру суть дела так, что Султан требует следствия «для оправдания себя» перед соотечественниками, а в штабе есть только донесение Засса об убийстве Джамбулата «неизвестно кем».

Головин описал Джамбулата как тайного врага, обличая в связях с враждебными горцами, «имея на них большое влияние по знатности происхождения, уму, храбрости и фанатической ненависти к нам». Конкретно же князю вменялись в вину переписка с находящимся в Турции родственником Сафар-беем и дружба с беглым урядником Брагуновым, которого он не хотел выдавать русским. Засс, «видя столь неблагонамеренные действия», потребовал, чтобы князь переселил свой аул на равнину, но тот якобы намерился бежать в горы и отправил в аул Берзека свое имущество, «все богатство, награбленное

в наших границах, и ценные вещи, полученные им из Турции и в том числе богатый мундир турецких регулярных войск, присланный ему, как утверждают горцы, от султана». Засс оправдался стремлением лишить Джамбулата возможности бежать в горы.

Головин обещал расследовать убийство Джамбулата и «открыть истину», чтобы успокоить Азамат-Гирея, однако военный министр в секретном письме передал волю императора сохранить в тайне сведения об этом происшествии, «ибо подобными разглашениями могут воспользоваться иностранцы и употребят их во зло». Что же касается Султана Азамат-Гирея, император приказал «сего благонамеренного человека успокоить вполне».

Сохранить это дело в тайне от иностранцев не удалось, но, видимо, для английских агентов, живших среди причерноморских народов и оповещавших о событиях на Кавказе Европу, обвиняя русских в истреблении черкесов, была распространена ложная версия о некоем убийце-дагестанце. Она изложена в «Обзоре политического положения Черкесии со сведениями о деятельности англо-турецких эмиссаров в июле 1837 г.»: «Известный своей храбростью в Черкесии Айтек улу Джамбулат (Джамбулат, сын Айтека. – З. К.) – родственник кн. Сафер-бея (князя Сафар-бея Занова. – З. К.), убит из ружья одним из дагестанских узденей за то, что не соглашался идти на шериат (судебную сходку) по требованию Азимет Гирей Султана (Султана Азамат-Гирея. – З. К.) и зятя его Келимиш оглу Бея. Эта потеря для черкесов весьма чувствительна» [Шамиль... 1954, с. 127].

Интересно, что об убийстве Джамбулата Болотокова писал в своих мемуарах и осетинский князь Муса Кундухов, находившийся на российской службе до своего переселения в Турцию [Кундухов, 2013, гл. 11]. По его словам, Засс, «черно-дьявольская душа», убедил начальника Кавказской области Вельяминова заключить с Джамбулатом следующее условие: его аулы возвращаются на открытые места между Лабою и Кубанью, а русское начальство, «предоставляет им право жить и управляться по своим обычаям и не позволит казакам стеснять их или пользоваться принадлежащей темиргоевцам землею».

При этом Вельяминов обещал нарушителей порядка наказывать только «по всей справедливости законов», а самому князю обещал «блестящую будущность». Джамбулат сказал ему на прощание: «Генерал, я принес покорность единственно для того, чтобы избавить моих темиргоевцев от разорительной войны, лишившей их всех средств к существованию. Но откровенно вам скажу,

что, несмотря на то что я от всего сердца моего поверил тому, что вы поможете мне устроить их расстроенное хозяйство, не знаю почему, но пугает меня непонятное предчувствие». Вельяминов повторил ему свои обещания, и темиргоевцы начали спокойно заниматься мирным хозяйством под управлением любимого князя.

Однако через год Засс организовал убийство гордого Джамбулата, по словам Кундухова, за отказ стать лазутчиком и доносить на других князей. Засс пригласил его в крепость на чай и задержал до 11 часов вечера, в это время ударили тревогу: будто бы партия непокорных черкесов переправилась через Кубань. Засс приказал свите князя отправиться с казаками на их поиски, а самому князю любезно предложил под охраной казачьего конвоя отправиться в армянский аул в трех верстах от крепости (ныне г. Армавир Краснодарского края), где он обычно останавливался. Джамбулат попал в засаду и был убит ружейным залпом. Как писал Кундухов, это убийство оставило «правительству клеймо стыда и позора за то, что оно поощряло подобных Зассу людей и вместо того, чтобы сослать его в каторжные работы, куда иногда отправляют невинных, честных людей». Надо сказать, действительно, многие русские офицеры уходили с Кубанской линии, вверенной Зассу, «гнушаясь служить под его начальством».

Кундухов узнал подробности убийства Джамбулата Болотокова от закубанского кабардинского князя Джамбулата Атажукина и Султана Азамат-Гирея, но по какой-то причине не упоминает об участии Султана в этом деле, хотя имел с ним откровенную беседу во время посещения Кубанской линии в 1842 г. Здесь он гостил трое суток в Теберде у Джамбулата Атажукина, поселённого там ранее Вельяминовым и даже получившего от него чин поручика [Казаков, 2006, с. 55].

Примечательно, что до этого Джамбулат Атажукин приобрел широкую известность грабительскими набегами до самого Ставрополя. Засс, получавший за это замечания от Вельяминова, нанял трёх ногайцев для тайного убийства Атажукина, но они выдали его планы и предложили князю помощь против Засса, чтобы «заманить его в засаду» и отомстить за Болотокова. Атажукин отказался мстить, сказав: «Князь от этого не воскреснет, а на место Засса пришлют другого Засса, а мне же никто не сможет возратить потерянную мою честь». Вельяминов узнал об этом разговоре, решил привлечь его к себе и пригласил в свою ставку на р. Белой. Там

Атажукин дал слово покориться русским властям и водвориться на Верхней Кубани, а генерал обещал за это утвердить за ним «планом и актом» 10 тыс. десятин земли в низовьях Теберды, левого притока Кубани. В знак дружбы Вельяминов попросил у Атажукина его кинжал, а тот, приняв его слова за шутку, сказал: «Я теперь весь вам принадлежу». Вельяминов не шутил, и, получив кинжал, подарил в ответ бриллиантовый перстень и сто червонцев. Джамбулат Атажукин «буквально исполнил свое слово» и поселился в Теберде [Кундухов, 2013, прим. 45].

Атажукин проводил Кундухова до Тохтамышевского аула к Султану Азамат-Гирею, «пользовавшемуся у всех горцев большой популярностью». Два видных кавказских мусульманина, дослужившиеся на российской службе до генеральских чинов, делились мыслями о своей жизни, о роли России в судьбе своих народов и о местных военных начальниках. Кундухов передал горькое признание генерал-майора Азамат-Гирея, видимо, несколько авторизованное: «Когда я бываю, говорил Султан, у высшего начальства, то чувствую, что я хан и генерал-лейтенант, когда же я здесь в своем доме, то теряюсь в догадках: кто я? Эти подлые пристава и станичные начальники кричат на меня, как и на всякого ногойца. На справедливую же жалобу мою начальство молчит. Право, я завидую последнему горцу, живущему не под гнетом этих негодяев...».

Видимо, оба генерала сошлись на том, что, как писал Кундухов после разговора с Султаном Азамат-Гиреем, «было бы гораздо человечнее и полезнее, если бы правительство, сознавая свое могущество и долг великой державы, с приходом своим на Кавказ, не прибегая к разным неуместным и недостойным ухищрениям, прямо, согласно своим прокламациям и словесным обещаниям, занялось бы на плодородной почве его посевом семян цивилизации на общее благо» [Кундухов, 2013, гл. 12].

***

Деятельность Засса вселяла ненависть закубанских народов к российской власти, а Лабинская линия, укрепленная в 1840 г., не смогла удержать их от массового бегства с прикубанской плоскости на р. Белую. Местное население перешло в разряд «враждебных», военные докладывали, что, кроме русских и карачаевцев, «все прочие народы были явно враждебны нам» [Трагические последствия... 2000, с. 86.]. Вышедшие в 1837 г. на плоскость между устьями Зеленчуков

и Урупа закубанские кабардинцы, оставив указанные им места, по словам анонимного автора, «через лес, в страшном беспорядке бежали к дальним высотам» [К., 1898, с. 16]. Из своих укрытий бесленеевцы, кабардинцы и абазины предпринимали набеги на казачьи станицы и мирные аулы не только между Кубанью и Лабой, но и на правобережье Кубани, переправляясь через броды между Хумарой и Усть-Джегутой [Толстов, 1900, с. 261].

Пристав Карачая Атарщиков, не сумевший оградить подведомственный ему народ от самоуправства военных властей и, видимо, в отчаянии после гибели своей семьи в станице Бекешевской, 17 октября 1841 г. бежал за Лабу с двумя абазинскими узденями, сманив с собой князя Саралыпа Лоова и двух казаков [Толстов, 1900, с. 286]. Там он увлёкся романтикой закубанской вольницы, женился на дочери ногайского узденя да еще и участвовал в набегах закубанцев на Кавказскую линию [Виноградов, 1993, с. 84]. Большой Карачай, казалось, больше не волновал российские власти, упразднили даже Хумаринское укрепление у слияния Кубани и Теберды.

Надо сказать, что водворяя на Верхней Кубани покорные аулы, власти сталкивались с проблемой их земельного обеспечения и конфликтов с карачаевцами. Так, абазинский князь Лоов получил разрешение властей на выпас скота на правобережье Верхней Кубани: «Пастбища на Кумских высотах, реках Подкумке, Эшкаконе и других местах, где часть карачаевского скота находилась большую часть года, были официально не в собственности казаков, а в ведении казны» [Бегеулов, 2002, с. 250, 26]. И хотя в 1840-х годах спор между абазинами и карачаевцами за пользование урочищем Танлык (карач.: Таллык – «вербное») власти решили в пользу последних, им было предоставлено только право «безвозмездного пользования» собственными пастбищами.

Несмотря на то что часть владельцев абазин, кабардинцев и бесленеевцев переходила на российскую службу и расселялась вблизи укреплений Лабинской линии, официально их аулы не имели прочной «оседлости» и закреплённой за ними земли. В условиях активных военно-переселенческих действий власти не могли предпринять должных мер по обустройству их быта и жизнеобеспечения. В 1841–1842 гг. почти все эти аулы переменили свои места, скрываясь во временных убежищах в горах Западного Карачая [ЦГА РСО-А. Ф. 262. Оп. 1. Д. 71. Л. 31–32]. Укрывшись в горах, беглецы обрекались на «хищнический» образ жизни и уси-

лили набеги на правобережье Кубани, оставленное без защиты из-за переноса кордонной линии на Лабу. Так бесславно закончилось командование Засса на Правом фланге Кавказской линии.

В 1842 г. Засса сменил генерал-майор Безобразов, представивший начальству записку с рассуждениями о методах покорения Кавказа, где между прочим отмечал, что «злоупотребления с нашей стороны прежних и давних иных воевод начальников как мздоимством, неумеренным и несправедливыми хищничествами и своеправием, так и бестолковыми распоряжениями, внушили в разбойников горцев отчаянную ненависть к русским и что горские народы, не доверяя нам, поддерживают свой воинственный дух» [РГВИА. Ф. 232. Оп. 1. Д. 20. Л. 12. Цит. по: Безобразов, 2005, с. 135]. Злодеяния Засса дали свои плоды. Вскоре всегда разрозненные закубанцы начали объединяться против России под знаменем мюридизма.

По сведениям за 1841 г., предполагаемая численность населения между Кубанью и Чёрным морем была такова: русские – 6 000; «татары» (ногайцы и карачаевцы) – 34 000; абазины – 22 000; адыги – 253 000; убыхи – 25 000 [Трагические последствия... 2000, с. 86.]. Отметим, что из-за постоянных перемещений аулов, власти ещё не имели более достоверных сведений ни о численности, ни о локализации местных народов. Это касалось и пространства Верхней Кубани в тылу Лабинской линии, куда переселяли покорившиеся аулы, не имевших других названий, кроме как по фамилиям владельцев. Из-за их подвижности и частой смены места в короткий промежуток времени один и тот же аул мог фиксироваться несколько раз, так появлялись на бумаге «одноимённые» аулы, что не способствовало точному подсчёту населения. Помимо этого, в горах укрывались от российских властей аулы беглых владельцев, промышлявших набегами. С другой стороны, традиционное отгонное скотоводство позволяло, например, карачаевцам долгое время жить изолированно в отдалённых от постоянных селений кошах и вообще не попадать в эти подсчёты.

В 1840-х годах русские власти сделали первую, хотя и неудачную попытку вывести из укрытий аулы беглых кабардинцев и бесленеевцев, указать им места на Верхней Кубани для постоянного места жительства и, объединив с ногайцами и абазинами, включить в ведение Тохтамышевского приставства во главе с генерал-майором Султаном Азамат-Гиреем.

Адаты против шариата

Для укрепления российской власти среди покорённых народов одной из актуальных задач для правительства являлось внедрение управляемого и одновременно приспособленного к традиционному укладу судебного механизма. В 1840-е годы кавказское командование решило собрать и записать адаты (обычные правовые нормы) и перевести на русский язык правила шариата (мусульманского права). «В стране, где семейство князя считалось блюстителем обычаев и законов», по словам писателя и офицера Султана Казы-Гирея [Избранные произведения, 1980, с. 113], лучшие Султанов никто с этим делом справиться бы не смог. 1 февраля 1841 г. заведующий канцелярией по управлению мирными горцами подполковник Бибииков предложил главнокомандующему на Кавказе Головину поручить запись адатов Султанам Азамат-Гирею и Аслан-Гирею, Мамат-Гирею Педисову, Шоре Ногмову, Девлет-Гирею Шихалееву, махошеvcу Омару и другим, а также русским местным начальникам.

18 декабря 1842 г. Бибииков расширил список, предложив на Правом фланге и в Центре Кавказской линии привлечь также Султанов Хан-Гирея (но он уже умер) и Казы-Гирея, Мамат-Гирея Лоова и Шарданова [Леонтович, 2002, с. 78]. Как видим, планировалось привлечь к сбору адатов брата, сына и племянника бывшего начальника Бештовского приставства генерал-майора Султана Менгли-Гирея, однако никто из них участия в этом деле не принял. Хотя Азамат-Гирей на запрос Бибиикова ответил: «На подобное дело надо знать волю начальства и иметь поручение, от исполнения коего, конечно, никто бы из нас не отказался» [Леонтович, 2002, с. 74].

Впрочем, младший брат Хан-Гирея Султан Адиль-Гирей написал в 1843 г., видимо, «имея поручение», небольшую заметку «Об отношениях крестьян к владельцам у черкесов» и опубликовал её в газете «Кавказ» в 1846 г. Он рассказал, как перед отъездом в Петербург на службу в императорском конвое принял у себя владельца и крестьянина, просивших привести в «ясность и прочность, по их словам, существующих между ними условий» и записать в «дефтер» (араб.: тетрадь) права и обязанности каждого из

них, хранить у себя и выступать посредником в случае споров между ними.

По записям Адиль-Гирея, к слову, крестьяне отдавали владельцу половину собранного урожая, за исключением зерна на семена; сено косили для себя и для владельца, который снабжал их на это время скотиной для пищи; возили дрова и следили за скотом владельца; их жёны по очереди готовили еду владельцам. Когда дочери крестьян выходили замуж, владелец имел долю в калыме, если кто-то из них женился, наоборот, владелец помогал собрать калым. Когда приезжали гости к владельцам, то из их подарков одаривались и крестьяне. Если при конфликтах князей угонялся скот, то потери крестьян владелец возмещал, так как «собственность крестьян не считалась собственностью владельца». В случае продажи крестьян владелец не разделял семьи и продавал тому, кого они сами выберут, ни в коем случае не употреблял против крестьян «ни лома, ни палки, ни веревки» (т. е. насилия).

Адиль-Гирей, идеализируя адаты, делал вывод, что «положение крестьян у черкесов едва ли не лучше и вернее описаний ученых-путешественников и убеждает нас, что такие условия могут обеспечивать крепостных от произвола жестокости владельцев. С упадком самобытности черкесских племен и древние их узаконения заметно ослабели, и в настоящее время у крестьянина и владельца непрочное положение корабля без якоря среди моря, тем не менее важна опора, находящая подвластным сословиям в сохранившихся еще и поныне подобных условиях» [Султан Адиль-Гирей, 2001, с. 178].

Однако, по сути, адаты регулировали и защищали прежде всего статусные права и привилегии высшего сословия горских народов: от определения форм собственности на земли, скот и подвластных людей до соблюдения этикета и ритуала в обращении к «белой кости» (тюрк.: «ак суюк»), т. е. аристократии. По адату устанавливались формы наказания, суммы выплат и возмещений за различные правонарушения и преступления, строго зависящие от сословного статуса сторон. Адат пронизывал всё внутреннее устройство до такой степени, что препятствовал установлению шариата даже у народов, искренне считавших себя мусульманами и почитавшими заповеди Корана. Этим объяснялся пристальный интерес к адатам российских властей, надеявшихся найти в них противодействие распространению исламского «мюридизма», ко-

торый объединял горцев в борьбе против России и устанавливал внесословное мусульманское судопроизводство.

В 1843 г. началась кампания по сбору адатов. Начальник центра Кавказской линии генерал-майор Голицын писал, что к февралю 1844 г. поступили «воспоминания и записанные им показания стариков» от Шарданова [Леонтович, 2002, с. 84]. В тетради о кабардинских древних обрядах Голицын заметил разницу, существующую между показаниями стариков и тем, «что внесено в книгу для руководства в приговорах судебных», и под его руководством Шарданов составил «полное собрание древних обрядов кабардинцев и прилегающих к ним племён (малкарцев и дигорцев)» исключительно в интересах кабардинских князей, владельческую знать других народов самопроизвольно и неправомерно называя просто «старшинами» [Леонтович, 2002, с. 253].

Леонтович, опубликовавший эти адаты, писал про адыгские народы: «Родоначальники высшего дворянства получили сие достоинство в древнейшие ещё времена, полагать должно, от арабских халифов, татарских князей, турецких султанов и других повелителей азиатских народов, имевших более или менее влияние на оные племена [Леонтович, 2002, с. 100]. Русские власти настойчиво возвеличивали статус знати и скрупулёзно записывали адаты, охранявшие их права и регламентировавшие взаимоотношения между сословиями. Надо сказать, что многие адатные нормы из-за древности и строгости их применения давно уже стали традицией, обычаем, элементами этикета и даже характерной особенностью национального менталитета, как, например, известное кавказское гостеприимство, за нарушение которого адат предписывал строгое наказание. Понятно, что изначально широко и постоянно пользовались этим обычаем крымские ханы и их посланники, прибывающие за сбором дани.

В основном адатные нормы были общими у всех народов на Северном Кавказе, например: «Князь как от своего узденя, так и от прочих, которые в его владениях находятся, в каждый год с баранкоша получает для пищи по барану»; «самому же князю даётся свобода одному выходить из Кабарды, куда пожелает»; «за водворение на его земле он также берёт по барану с дома. Это, впрочем, не относится до князей, а только до их узденей, вольных и чагар»; «княжеский сын отдаётся до совершеннолетнего возраста лучшему

из узден, который по окончании воспитания возвращает его в дом одетого в богатое платье, на хорошей лошади с седлом и оружием. Возвратившись к себе в дом, молодой князь делает воспитателю своему соразмерное вознаграждение и уезжает, потому что никакой князь в Кабарде с отцом жить не может» [Леонтович, 2002, с. 201, 205, 214, 222].

Конечно, у каждого народа были и свои особенности в адатах, но их сбор проводился формально, «собиратели» использовали чаще всего записи Шарданова, голословно отписываясь тем, что другие народы «приняли обычаи кабардинцев» или тем, что «стариками относились к расспросам недоверчиво» [Леонтович, 2002, с. 87]. Для составления книги «Адаты кавказских горцев» Леонтович использовал редкие материалы и публикации, доступные к тому времени. Между тем Султаны, не принявшие участия в сборе адатов, хранителями которых, собственно, и являлись, могли бы рассказать много любопытного.

Так, исследователь А.-Х. Джанибеков оставил в рукописи ценные материалы, собранные в советский период у кубанских ногайцев, и «установил, что ногайские феодалы имели свою конституцию». Отдельные пункты из этого памятника приводятся в монографии А. Курмансеитовой. Например, нового переселенца освобождали от оброка на 1 год; на следующий год переселенец платил оброк в виде одного раба или быка; перебежка рабов от одного князя к другому строго воспрещалась; касаевцы обязаны были защищать друг друга и т. д. Был и такой закон: «В случае ограбления касаевца посторонними другие касаевцы должны пойти в погоню, кто отказывается от этого, тот штрафуются на две лошади. Если ограбленный в погоне будет убит грабителями, то отказавшиеся от защиты потерпевшего наказываются смертной казнью» [Курмансеитова, 2009, с. 17].

Султаны и другие представители высшего сословия народов не приняли участия в сборе адатов, но русские власти напрасно надеялись, что, как писал Леонтович: «Князья и дворяне, не подписав сами уничтожения своей власти, не могут охотно согласиться на уничтожение адата и полное введение шариата» [Леонтович, 2002, с. 140]. Понятно, что русские власти обращались к адату для дискриминации шариата, что значительно облегчало и введение российской системы правосудия. Однако использование древних

адатов как регуляторов общественных отношений горских народов с позиций укрепления сословного права являлось очевидным шагом назад по сравнению как с шариатом, так и с российским законодательством. Предпочтение, оказываемое адату перед шариатом, объяснялось только стремлением противопоставить местные народы знаменитому имаму Шамилю, создавшему на Северо-Восточном Кавказе теократическое государственное образование.

***

Шамиль направлял из Чечни в Закубанье своих посланников – наибов для организации общего войска и установления суда по шариату. В 1842 г. первый из них Хаджи-Магомет своими проповедями мюридизма, как писал Короленко, «стеснил личную свободу горцев» [Короленко, 2004, с. 393]. Так как доктрины мюридизма о равенстве всех мусульман представляли угрозу владельческим привилегиям высших сословий, то часть предпочла подчиниться российским властям, гарантировавшим их права. При этом они не отказывали в гостеприимстве турецким и чеченским посланцам, проходившим через их аулы, но, видимо, добросовестно докладывали о них российским властям. Так, стало известно, что в январе 1843 г. турецкий чиновник с письмом султана к Шамилю тайно проследовал через Закубанье в Малую Кабарду, имея ночлег в домах Исмаила Касаева и князей Атажукиных [Шамиль... 1953, с. 215.]. В феврале 1843 г. пристав Тохтамышевских аулов штабс-капитан Зергель писал в рапорте о нахождении среди горцев турецкого чиновника.

Поскольку связующим звеном между враждебными России Чечней и Причерноморьем оказались закубанские кабардинцы, российское командование решило изолировать их, заручившись лояльностью князей и указав им места для поселения. В этой ситуации тохтамышевским приставом был назначен влиятельный генерал-майор Султан Азамат-Гирей. Очевидно, предполагалось расширить пределы Тохтамышевского пристава на Баталпашинском участке Верхней Кубани и расселить там на постоянное местожительство те закубанские аулы, чьи владельцы покорятся российским властям.

Так, по словам Сталя, «прямым последствием» строительства в 1843 г. укрепления Надеждинского на Кяфаре, левом притоке

Большого Зеленчука, и размещения там казачьего полка стало покорение башильбаевцев, беглых кабардинцев и бесленеевцев [Сталь, 2001, с. 242]. Их вывели из временных укрытий и поселили на указанных местах Баталпашинского участка: Джамбот Тазартуков и Адиль-Гирей Коноков перешли из-за Лабы на Уруп, Абатовский аул на Малый Зеленчук, Магомет Наурузов, Исмаил Касаев, Докшука Карамурзин и Атажука Атажукин ушли со средних частей Большого Зеленчука в верховья Хасаута, Кардоника и Теберды, Джамбулат Атажукин остался в низовьях Теберды, Кубатов с Малого Зеленчука присоединился к аулу Касаева, часть бесленеевцев со средних частей Малого Зеленчука переселилась в аул А. Атажукина, Абатов переселился с Кяфара на правобережье Малого Зеленчука, башильбаевские аулы присоединились к аулам Наурузова, Атажукина и Карамурзина, Трамв и Якуб Лоов с Малого Зеленчука переселились в аул Касаева и в Теберду, аул Маршания перешёл с Кяфара на Большой Зеленчук [ЦГА РСО-А. Ф. 262. Оп. 1. Д. 71. Л. 31–32].

Указав этим аулам места для постоянного расселения на левобережье Верхней Кубани, власти причислили их в ведение Тохтамышевского приставства и взяли от них аманатов. Кстати, примечательная информация из «Воспоминаний о путешествиях профессора Ф. Коленати» иллюстрирует заботу Султана Азамат-Гирея как «черкесского» пристава о культурном развитии и просвещении своих подопечных: «В 1843 году в Ставрополе я посетил театр, находившийся ниже домов служащих и выше базара. Была премьера водевиля «Два купца и два отца». Во втором акте давали украинскую оперу «Наталья Полтавка». Ложа первого класса стоит 3 рубля, ложа в партере 2.50, место в трех первых рядах 1 рубль, в других рядах 75 копеек, на входе и в партере 40 копеек и 20 копеек на галерее. В губернской ложе я застал Азамат Гирея, султана из Черкесии, в ранге генерала и с ним трех прекрасных черкесских юношей 12 лет: Эльмурза Тозартуков (Тазартуков. – 3. К.), Даудустан Курхоков (Кургоков. – 3. К.) и Кизилбек Шоколов (Шолохов. – 3. К.), которые были аманатами [Коленати 1859, с. 3].

Таким образом, военное командование Правого фланга Кавказской линии значительно увеличило Тохтамышевское приставство за счёт новых закубанских аулов в Западном Карачае, а Карачаевское приставство, ограничив верховьями Кубани, переподчинило начальнику Центра линии генералу Голицину. Измученная побора-

ми, штрафами, угоном скота, вытеснением с пастбищных мест и полным игнорированием их нужд со стороны русского начальства, часть карачаевцев склонилась к проповедям мюридизма.

Новый пристав войсковой старшина Мистулов ещё в сентябре 1842 г. с тревогой доносил Голицыну, что карачаевцы собирались «при первом появлении Хаджи-Магомета со скопищем непокорных народов, исполнять беспрекословно все приказания его, не отказывая ни в каких требованиях» [Бегеулов, 2002, с. 178]. Возможно, это был очередной повод для «наказания» карачаевцев. Получив их в своё ведение, Голицын тут же увлёкся объявлением всевозможных штрафов по всякому поводу, а то и без повода, просто потому, «что не имеют должного повиновения начальству» [Бегеулов, 2002, с. 162]. Мистулов хорошо справлялся со сбором «штрафов» для начальства, в 1843 г. был награжден за это орденом Святого Станислава 3-й степени и 15 рублями серебром, а в 1851 г. был убит при очередном сборе штрафов одним из карачаевских крестьян.

Между тем об охране русских поселений со стороны Верхней Кубани местные власти беспокоились плохо. На Маре, правом притоке Кубани, «для охраны пятигорских минеральных вод» стоял пост из 150 хопёрцев с оружием, и 50 хопёрцев строили башню у Каменного моста [Толстов, 1900, с. 25]. Поэтому командир Хопёрского полка Круковский с двумя сотнями казаков не смог остановить в 1843 г. набег закубанского отряда в 4 тысячи человек на станицу Бекешевскую [Сталь, 2001, с. 248]. Даже учитывая явное преувеличение численности отряда, понятно, что расселенные российскими властями на Верхней Кубани «мирные» закубанские аулы давали приют партиям из-за Лабы. Её истоки Малая и Большая Лаба оставались «открытыми воротами» для прорывов западных адыгов через это пространство на поселения Кубанской линии.

Голицын же обвинил карачаевцев в том, что они дали грабителям скрыться в своих землях, и угрожал арестовать их скот. Карачаевцы успели отогнать 8 тысяч голов мелкого рогатого скота с пастбищ Эшакона и Бермамыта в горы. Командующий войсками на Кавказской линии генерал-лейтенант Гурко успокаивал Голицына, что осенью все равно «принадлежащие карачаевцам стада будут все выгнаны на плоскость, тем более что в то время арестование в большом количестве стад может послужить им еще большим наказанием» [Бегеулов, 2002, с. 163–165].

Однако нетерпеливый Голицын отправил Мистулова в станицу Боргустанскую, чтобы он организовал возвращение всех отар на плоскость и взял дополнительных аманатов с карачаевцев. Они выполнили эти требования, и Голицыну пришлось на время оставить мысли о конфискации скота, но, например, в 1844 г., обвинив карачаевцев в укрывательстве одного абрека, он наложил штраф в размере «25 пар хороших быков, 95 отличных овец и пять баранов». Возражение или «непослушание» со стороны карачаевцев вело только к увеличению штрафов, полностью заменивших в силу явной выгоды для начальства обложение их государственной податью. Голицын даже просил начальство «повременить назначение податей с народов, вверенных моему управлению, до тех пор, пока раздел земель между ними посредством правильного размежевания не представит удобного средства оценить приблизительно имущество всех и каждого» (Цит. по: Бегеулов, 2002, с. 19).

В Карачае зрело широкое недовольство русской властью, особенно в среде узденства, свободного трудового сословия. Особенно пострадали уздени в Западном Карачае, потерявшие пастбища на левых притоках Кубани. Закубанские князья, перемещённые туда российскими властями и уверенные в их покровительстве, начали нападать на карачаевские коши. Так же как ранее Вельяминов и Засс, новое военное начальство Правого фланга Кавказской линии, видимо, решило обезопасить казачьи станицы, перенаправив «хищнические» набеги на карачаевцев как находящихся в ведении другого начальства – Центра Кавказской линии. Кровопролитные конфликты, возникшие между карачаевцами и закубанскими кабардинцами, власти оставили на суд «по адатам» и поручили его Тохтамышевскому приставу Султану Азамат-Гирею.

Разбор по адату конфликта в Карачае

В ноябре 1843 г. «карачаевские старшины и пристав этого народа» доложили начальству, что закубанский князь Адиль-Гирей Атажукин, только что поселившийся на реке Хасаут, с тремя вооружёнными людьми напал на кош карачаевца Биджиева на левобережье Теберды и был застрелен им, как обычный грабитель. Атажукины же объясняли этот набег тем, что карачаевцы, «не имея никаких прав, выгнали стада своих овец на землю, принадлежащую кабардинцам», поэтому они отправили Адиль-Гирея с провожатыми «для указания

Карачаевцам настоящей границы их земли; но Карачаевские пастухи не захотели послушаться Князя и один из них, несмотря на то, что узнал Атажукина, дерзнул убить его, и потом с помощью своих товарищей завладел оружием убитого» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 535 Л. 1–1 об.]. Кабардинцы, не дождавшись «никакого распоряжения со стороны начальства», начали самовольно мстить за смерть князя и грабить их отдалённые коши, угнав до 1 000 голов рогатого скота.

Почему кабардинские князья взяли на себя смелость указывать карачаевцам «настоящие границы» их земель и надеялись на благорасположение к ним властей? Вспомним, что в 1836 г. беглый князь Джамбулат Атажукин покорился генералу Вельяминову, который за это обещал ему «утвердить планом и актом» 10 тысяч десятин из карачаевских земель в низовьях Теберды, однако не сделал этого [Кундухов, гл. 11]. Тем не менее в 1843 г. Джамбулат, видимо, представился своим родственникам, поселившимся со своими аулами на левых притоках Кубани по распоряжению русских властей, «хозяином» земель в Теберде. При этом он являлся поручиком на российской службе и обязан был со своими людьми защищать линию и мирных жителей от набегов, но сам прославился как неутомимый грабитель.

Карачаевцы выставили на Каменном мосту через Верхнюю Кубань охранный караул, и при очередном набеге в перестрелке был убит ещё один князь – подпоручик Атажука Атажукин. Кровавый конфликт грозил обернуться войной между двумя народами. Только тогда, получив тревожные донесения начальников Центра и Правого фланга Кавказской линии, командующий войсками генерал-майор Гурко запретил кабардинцам и карачаевцам набег и разбой, а посредником для их примирения назначил генерал-майора Султана Азамат-Гирея. Султан вызвал доверенных лиц с обеих сторон и приступил к разбору дела по «добровольному народному обычаю», т. е. по адату [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 535. Л. 2]. Карачаевцы выдали Биджиева российским властям для содержания под арестом до решения суда, таким образом оберегая от кровной мести. В убийстве же Атажуки виновник не был найден, но Гурко, считая это дело «общим» между Атажукиными и карачаевским народом, велел разобрать его также по адату.

Султан в присутствии почётных судей из обоих народов заставил кабардинцев присягнуть, что они «останутся довольны приговором этих судей, которые сделают решение своё по правилам народ-

ных обычаев». Судьи приговорили передать Биджиева со всем его семейством родственникам убитого Адиль-Гирея, видимо, в рабство. Наказание же за убийство Атажуки суд не смог назначить по адату, так как Атажукины не представили примеров (прецедентов), по которым можно было бы определить цену за кровь князя в случае, если убийца не известен [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 535. Л. 2 об.]. Поэтому они должны были указать достоверные случаи, хотя бы из других народов, чтобы суд мог определить сумму по адату. Карачаевцы выразили готовность заплатить её, причислив «в счёт уплаты» захваченный у них кабардинцами скот и взятого в плен пастуха.

Согласившись на этот приговор, карачаевцы обратились к Султану Азамат-Гирею с просьбой не предавать Биджиева суду по русским законам, но и не выдавать его с семейством Атажукиным, а оставить на месте его жительства, за что обязались выплатить такое же вознаграждение, какое будет присуждено адатом за Атажуку Атажукина [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 535. Л. 3]. Султан получил согласие на это Атажукиных и обратился к главнокомандующему на Кавказе, и тот 9 июня 1844 г. предоставил участь Биджиева командующему войсками Гурко. На его запрос начальник Центра линии Голицын написал, что «человек этот совершил убийство над покушавшимся завладеть стадом его, следовательно, он стрелял не в Князя, а в разбойника, а потому, не находя вполне его виновным, признал он вполне достаточным вменить ему в наказание долговременное содержание под караулом».

Тем временем Атажукины выставили примером бесленеевского князя Шолохова, получившего за кровь убитого баракаевцами брата «100 штук лошадами, оружием и людьми». Здесь под штуками имеется в виду «баш» (тюрк.: «голова»), старинная мера любой вещи, скота или людей, идущих в оплату. По этому поводу Азамат-Гирей снова собрал представителей кабардинцев и карачаевцев у Каменного моста, где Шолохов должен был при свидетелях и судьях принять присягу, что действительно получил «сто штук». Однако карачаевцы сочли эту плату «весьма великой» и разъехались, не допустив присяги. Вскоре Магомет Атажукин похитил двух карачаевцев и одного убил, а карачаевцы убили в лесу одного из кабардинцев, подвластных Атажукиным, а другого ранили [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 535. Л. 3 об.]. «Суд по адату» зашёл в тупик.

В 1845 г. наместник на Кавказе граф Воронцов потребовал от нового командующего войсками Кавказской линии генерал-лейтенанта Завадовского срочно примирить два народа. В это время также сменились командующие в Центре и на Правом фланге линии. Новое начальство было обеспокоено деятельностью в Закубанье второго посланца Шамиля наиба Сулейман-эфенди, собравшего войско для прорыва через Лабинскую линию, «чтобы силою увлечь живущие там племена через карачаевские земли и Кабарду соединиться с Шамилем» [Сысоев, 1913, с. 151–152]. Начальник Баталпашинского участка Круковский с отрядом охранял Верхнюю Кубань до укрепления Хумаринского, а сами карачаевцы заняли броды выше Каменного моста.

С расчётом на спокойствие в Кабарде и Карачае пути между ними были оставлены без присмотра войск, но теперь из-за их конфликта срочно понадобилось усилить Кисловодскую линию, чтобы «на всякий случай оградить край от вероломства горцев» и в случае измены захватить стада карачаевцев, которые они пасли в зимнее время в Кавказской области, арендуя земли у соседних казаков. Сталь отмечал: «Это обстоятельство делает карачаевцев ещё более покорными» [Сталь, 2001, с. 214].

Сулейман-эфенди не нашёл поддержки в Карачае, как отмечал Сысоев: «Верность карачаевцев, хотя бы обусловленная боязнью за свои стада, имела важное значение и избавила русских от многих неприятностей» [Сысоев, 1913, с. 152]. Сулейман-эфенди уверял закубанцев, что в Карачае их будет ждать сам Шамиль, если же его там не будет, то он освободит их от присяги и распустит по своим аулам [Короленко, 2004, с. 393]. Действительно, наиб распустил войско и сдался русским, так как Шамиль не дошёл до Карачая. Вступив в Кабарду в апреле 1846 г., он не встретил обещанной там поддержки и ушёл назад в Чечню.

Из-за этих военных обстоятельств русским властям очень важна была лояльность закубанских владельцев. Так, в 1846 г., чтобы «приобрести доверие горцев» и предоставить им средства к жизнеобеспечению, в станице Баталпашинской срочно открыли меновой двор [ГАКК. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1. Л. 85]. В тыл Лабинской линии на Уруп вернулись с р. Белой части беглых кабардинцев и бесленеевцев, покоровившись властям. Однако в том же году во время набегов были убиты Магомет и Джамбулат Атажукины, что в определённой степе-

ни повлияло на местную обстановку. Закубанские кабардинцы, потеряв своих лидеров, стали уходить с Западного Карачая. Так, после смерти Магомета Атажукина весной 1846 г. его подвластные собрались на речке Марухе, учредили мехкеме (мусульманский суд) во главе с узденем хаджи Трамом и бежали за Лабу [Сталь, 2001, с. 206].

Набеги на этом не прекратились. Начальник Правого фланга генерал-майор Ковалевский доносил, что в ноябре один из Атажукиных с партией из 26 человек ограбил карачаевский кош, стоящий между Кубанью и Тебердой, вблизи бывшего аула Джамбулата Атажукина, угнав до 60 голов рогатого скота, 200 овец и взяв 4 карачаевцев в плен. В перестрелке с обеих сторон были убиты два человека. Ковалевский не имел рычагов воздействия на Атажукиных и отписывался тем, что удержать кабардинцев от кровной мести можно было при жизни Джамбулата, договорившись только с ним как старшим «из фамилии обиженных», но после его смерти это дело «некоторым образом сделалось общим – всякий по произволу принимает в нём участие», поэтому вражда между кабардинцами и карачаевцами только усилилась [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 535. Л. 5]. О Джамбулате особенно сожалел Мусса Кундухов, писавший, что после его смерти «правительство прогнало его детей и всех жителей аула его и поселило их на Зеленчуке, назначив детям всего на всего 500 десятин!!! Не умирай, мол, с голоду» [Кундухов, прим. 45].

За верность карачаевцев отвечало командование Центра линии, к которому они относились. Сталь писал: «Учитывая настоящие обстоятельства края и стремление Шамиля подчинить своей власти всю закубанскую Черкессию, Карачай как единственный пункт сообщения между Левым и Правым флангами играет важную роль в военном отношении» [Сталь, 2001, с. 214]. В 1846 г. карачаевская депутация была отправлена в столицу, видимо, с целью награждения и привлечения к российской службе.

Возвратившиеся из Санкт-Петербурга депутаты обратились к начальнику Центра полковнику Хлюпину с просьбой отдать им на поруки Биджиева. Хлюпин убедил высшее начальство удовлетворить их просьбу, чтобы «усилить доверие к нам Карачаевцев и показать им наше уважение к их преданности». Он писал, что из-за медленного производства этого дела Биджиев напрасно томится под караулом, так как убил Атажукина при защите себя и своего стада от грабежа, и содержание более двух лет под арестом «уже достаточно может служить

наказанием за его преступление, которое произошло не от намерения, а от личной опасности» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 535. Л. 4 об.].

Начальник Правого фланга линии на запросы начальства отвечал, что окончить дело «по народным обычаям», чтобы избежать «дальнейших неблагоприятных последствий», сможет только Султан Азамат-Гирей. Завадовский поручил Султану принять в этом деле «новое участие» и вызвать в укрепление Усть-Джегутинское или в Тохтамышевский аул обе стороны, а начальникам Правого фланга и Центра линии приказал оказать ему всевозможное содействие в случае надобности. Завадовский полагал даже, если Атажукины не снизят цену за кровь, то «в уважении особой непоколебимой верности нашему Правительству Карачаевцев, оказанной ими при последнем вторжении в Кабарду Шамиля и чтобы скорее положить конец этому делу, от коего с каждым днём можно ожидать новых с обеих сторон грабежей и убийств, жертвою коих могут быть вовсе невинные, пособить им в уплате за кровь Атажукина, выдачею для того что-нибудь из экстраординарных вещей» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 535. Л. 5 об. – 6]. Имеются в виду ценные вещи и деньги, выделяемые из казны кавказскому начальству для привлечения местной знати. Что касается Биджиева, в конце года Завадовский предписал начальнику Центра отпустить его в Карачай.

В 1847 г. на Правом фланге, между Кубанью и Лабой, было создано пять приставств для военно-административного управления: 1) кубанскими ногойцами и абазинским аулом Дударукова; 2) бесленеевцами, закубанскими армянами, наврузовскими ногойцами и «частью султановского племени»; 3) тохтамышевскими ногойцами и абазинским аулом Лоова на Верхней Кубани; 4) частью темиргоевцев и хатукаевцев в низовьях Лабы; 5) кабардинцами и башильбаевцами на Урупе [Сталь, 2001, с. 214].

Компактное расселение этих народов не всегда происходило добровольно, часть владельцев не желала возвращаться на указанные места из-за близости надзора и назначения к ним приставов, функции которых состояли только в наблюдении за выполнением распоряжений начальства и сбором различных штрафов. Для насильственного расселения аулов использовались войска, поэтому Закубанье стало зоной активной военно-переселенческой деятельности командования, а приставами назначались только русские офицеры. Султан Азамат-Гирей, не удержавший закубанских кабардинцев и бесленеевцев Ба-

талпашином участке, от приставства был отстранён и даже откочевал со своим аулом в Кавказскую область, где жили его племянники.

В 1848 г. в Закубанье прибыл наиб Магомет-Амин, третий посланец Шамиля, и начал собирать на контролируемую им территорию по р. Белой как можно больше населения. Из-за массового бегства к нему народов с Лабинской линии введение у них приставского правления приостановилось. Сталь писал, что с 1849 по 1850 год до 25 тысяч черкесов бежало в горы к абадзехам, «которые и сами не имеют с избытком земли и стесняются этими многочисленными пришельцами» [Сталь, 2001, с. 189]. Наиб собирал большое войско с целью вторжения в Карачай [Толстов, 1900, с. 25].

В этих обстоятельствах значение Карачаевского приставства в Центре линии усилилось для разъединения враждебных сил в Чечне и Закубанье. В военно-стратегическом отношении Кабарда и Карачай оказались в особом положении, и начальству было чрезвычайно важно «сохранить спокойствие края и оградить жителей, с одной стороны, от возмутительных вызовов Шамиля, а с другой – от вызовов непокорных черкесов, живущих в районе Правого фланга Кавказской линии» [Сталь. 2001, с. 196]. Главнокомандующий на Кавказе приказал новому начальнику Центра линии Эристову срочно примирить карачаевцев и кабардинцев, закончив дело о кровной мести [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 535. Л. 10 об.]. Поручили его снова Султану Азамат-Гирею.

В сентябре 1848 г. Эристов писал начальнику штаба Кавказской линии Филиппсону, что Султан Азамат-Гирей по просьбе карачаевских старшин «назначил срок после окончания полевых работ, но как хлеба ещё и теперь не убраны, то дело это остаётся неоконченным» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 535. Л. 10]. В ноябре Эристов вызвал в укрепление Хумаринское на Кубани обе стороны, но кабардинцы не явились. Тогда он назначил «медиаторский суд» на 16 ноября в Нальчике, но и туда кабардинцы не явились. Как следует из его рапорта, кабардинцев устраивало решение дела Султаном Менгли-Гиреем по адату, а от медиаторского суда они отказывались, и «дело осталось незавершённым до весны» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 535. Л. 11].

Медиаторский, или посреднический, суд по адату использовался для разбора конфликтов между целыми народами или обществами, но в данном случае, кроме депутатов с обеих сторон, участниками или наблюдателями являлись уже представители от русского коман-

дования. Завадовский вызвал в Ставрополь князя Атажукина из Кабарды и объявил ему, что согласно решению Султана «нельзя кончить это дело», поэтому разбирать его будет начальник Центра Кавказской линии [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 535. Л.11 об.]. Почему суд перенесли в Нальчик и для решения конфликта привлекли родственников Атажукиных из Кабарды?

Дело в том, что закубанские кабардинцы не явились на суд в Хумаринское укрепление, так как их уже не было на Верхней Кубани. Первая попытка российских властей расселить их аулы на постоянное местожительство в пределах современной Карачаево-Черкесии провалилась. Не оправдалась уверенность русских властей, что «аристократические», т. е. имевшие у себя высшие сословия общества не попадут под влияние набов из-за того, что «основанием этого влияния было единство прав всех классов народонаселения и истребление привилегированных сословий» [ГАКК. Ф. 347. Оп. 2. Д. 31. Л. 1]. Кабардинцы и бесленеевцы, поселённые в Западном Карачае в 1843 г. и потерявшие в набегах своих лучших предводителей из числа Атажукиных, бежали за Лабинскую линию, «увлечённые проповедями Магомет-Амина» [Сталь, 2001, с. 205]. Поэтому в апреле 1849 г. новый тохтамышевский пристав подполковник Соколов не смог исполнить предписание начальства и собрать беглых кабардинцев на суд в Хумаре.

Однако и в Кабарде дело сразу не решилось, так как ближайший родственник убитых князей Атажука Касаевич Атажукин отправился на службу в Варшаву [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 535. Л. 14, 16]. После его возвращения дело возобновилось в Кабардинском Временном суде в Нальчике, но 25 июня 1850 г. кабардинцы не явились. Несмотря на приказ Эрстова «озаботиться окончанием означенного дела», 31 августа 1851 г. суд опять не состоялся, так как Атажукины не явились «для объявления своего согласия касательно порядка в разбирательстве этого дела» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 535. Л. 18 об., 21–22]. Князья хотели решения дела по адату, а Эрстов, уже находя это невозможным, настаивал на медиаторском суде «для верного соблюдения справедливости» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 535. Л. 27–28].

В докладной записке главнокомандующему на Кавказе (наместнику) Воронцову ротмистр Атажука Атажукин 31 марта 1852 г. косвенно возлагает ответственность за «кровавую вражду» между его родственниками за Кубанью и карачаевцами на российские власти, разрешившие беглым кабардинцам расселиться в Карачае, так как его

брат Адиль-Гирей был убит якобы только за то, что указал карачаевским пастухам «границу земли» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 535. Л. 29]. Однако после убийства ряда князей и бегства кабардинцев за Лабу Атажукин не поднимал вопроса о границах, а только просил российское командование решить вопрос об его «удовлетворении» за кровь погибших родственников: «Хотя я и горько обижен, но не позволил себе никогда ни малейшего самоуправства и своеволия, ожидая терпеливо решения его от всегда справедливого Начальства» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 535. Л. 31 об.].

При этом Атажука Атажукин пытался склонить наместника на свою сторону, ссылаясь якобы на невозможность мирного сосуществования двух соседних народов без удовлетворения его за кровь закубанских князей: «Решением этого дела снимется наконец позорное клеймо, по понятиям соотечественников моих, лежащее на мне как на ближайшем родственнике убитых; и если я прошу разбирательства, то это не есть корыстолюбивое желание к стяжению богатства, так как обыкновенно в таких несчастных случаях присуждается денежное удовлетворение. Единственное желание моё – кончить вражду между двумя соседственными племенами, прежде бывших между собой связанными родственными узами, но после этого убийства сделавшихся злейшими врагами» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 535. Л. 30].

Очевидно, что в данном случае российские власти, водворив кабардинцев в Карачае, сами спровоцировали конфликт между народами и сами же инициировали суд по адату, решение которого карачаевцы отвергли, а у Атажукиных не оказалось ни правовых, ни силовых ресурсов на отстаивание своих интересов, поэтому они всецело зависели от благорасположения к ним властей. Воронцов потребовал закончить дело «медиаторским из своего сословия судом», т. е. без привлечения русских властей, и пригрозил, что если Атажукины не решат этого дела, то последующие убийства судить будут не по обычаям горцев, а предавать русскому суду.

В 1852 г. Атажука Атажукин в присутствии главнокомандующего войсками и начальника Центра «полюбовно примирился с карачаевцами, с условием, что последние заплатят за кровь убитых Атажукиных 6 тысяч рублей серебром» [Бегеулов, 2002, с. 194]. Скорее всего, половину этой суммы выплатили сами российские власти. По сведениям исследователя Бейтуганова, карачаевцы за двух князей

уплатили всего 3 тысячи рублей серебром в течение 1851–1858 гг. [Бейтуганов, 1993, с. 393]. При этом князь Хасанбий Атажукин с Баксана заявил, что «постоянно находится в дружбе с карачаевцами и потому отстраняет себя от права на получение доли» [Бегеулов, 2003, с. 66]. Видимо, в этом и была причина нежелания Атажукиных из Кабарды, кроме, конечно, Атажуки Касаевича, участвовать в конфликте своих закубанских родственников с карачаевцами.

Дело о кровной мести Атажукиных, которое вёл генерал-майор Султан Азамат-Гирей, показало, что в новой исторической реальности обычный суд по адату в серьёзных конфликтах уже невозможен без российского участия, но власти упорно сохраняли его для высших сословий, не допуская их к шариату. Об этом свидетельствовало, например, следующее дело, также порученное Султану Азамат-Гирею. Бесленевские дворяне Тазартуковы убили ногайского мурзу Карамурзина и скрылись в верховьях Лабы. Начальник Правого фланга дважды собирал враждующие партии, чтобы примирить их. Ногайцев представляли Азамат-Гирей и мурзы, бесленевцев – князь Коноковы, сами же убийцы, боясь русского начальства, на суд не являлись. Дело решилось не по русским законом, хотя убитый находился при исполнении обязанностей как помощник пристава, и не по шариату, уравнивавшему цену за кровь всех сословий, как хотели бесленевцы, а по адату. При посредничестве Азамат-Гирея они выплатили определённую плату за кровь князя отцу убитого, которую ногайцы не принимали, пока бесленевцы не отправили к ним депутацию во главе с князем, а не с дворянином. Это дело было окончено в 1848 г. [Леонтович, 2002, с. 175]. Интересно, что в это же самое время сам Султан проявлял больше заинтересованности в шариате, что подтвердили события 1847 г. в Кавказской области.

Шейх в кумских аулах в 1847 г.

После отстранения от приставства Султан Азамат-Гирей откочевал со своим аулом с Верхней Кубани на р. Калаус в Кавказской области, где мы находим его вместе с племянниками, сыновьями бывшего начальника Бештовского приставства генерал-майора Менгли-Гирея в деле о так называемом «шейхе» (святом), мусульманском проповеднике. Архивные документы о «распространении мюридизма среди магометан Северного Кавказа турецкоподданными проповедниками и о вербовке сторонников Шами-

ля» содержат переписку ставропольских властей от 7 мая 1847 по 24 февраля 1851 года по поводу присутствия в ногайских аулах шейха из Турции [ГАСК. Ф. 101. Оп. 2. Д. 196. 640 л.].

Речь идёт о проникновении в мусульманскую среду суфийских проповедников и борьбе с ними российских властей, особо деклариовавших, что выступают не против ислама, а против «воинствующего мюридизма». Например, Николай I предписывал 14 ноября 1843 г. генерал-адъютанту Головину: «Ты должен проникнуть в горы, разгромить Шамиля везде, где тебе противостанет, всё истреблять, что тебе будет противиться, но щадить всё, что покоряться будет без боя; в особенности оказывая уважение к муллам, мечетям и к вере, чтобы разрушить и уничтожить и тень мысли, что мы точно ведём духовную войну» [Документальная история... 1998, с. 577].

В условиях упорного противостояния российским войскам, организованного имамом Шамилем и его мюридами в Чечне, Дагестане и Закубанье, любое проявление мюридизма на территориях, уже прочно вошедших уже в состав Российской империи, находилось под бдительным контролем властей и пресекалось ещё до того, как обозначится его антиправительственная направленность. Так случилось и с миссионерской деятельностью проповедников в среде ногайского и других мусульманских народов Кавказской области. Разумеется, нам интересно участие в этом деле Султанов.

Началось с того, что 6 мая 1847 г. пристав Караногайского и Едишульского народа донёс начальству о шейхе Искендыр Калян-нар-Сафа, «родом из кавказских узбеков», прославившегося необыкновенным искусством лечения всех болезней, своей «святостью» и религиозными поучениями. У него появилось много учеников-мюридов среди караногайцев. Слава шейха дошла и до закубанских ногайцев, и посетившие его так много рассказывали о его чудесах, что многие из получивших билеты на паломничество в Мекку, отказались ехать туда, будучи уверены, «что у этого Шейха могут набраться столько же святости, как и в Мекке» [ГАСК. Ф. 101. Оп. 2. Д. 196. Л. 1–2 об.]. Искендыр Калян-нар-Сафа обосновался в урочище Ачикулак и там принимал калаусских ногайцев, которые «в большом числе к нему ездят», как писал пристав. Начальство сразу же велело ему найти благовидный повод доставить шейха в Ставрополь и выслать из Кавказской области.

Тогда же другой шейх, Мегмет Мустафа из Турции, появился у Калаусо-Саблинских и Бештаво-Кумских ногайцев. Пристав

Устинов узнал о нём от владельца кумских аулов прапорщика Султана Тохтамыш-Гирея и 22 мая доложил начальнику Кавказской области [ГАСК. Ф. 101. Оп. 2. Д. 196. Л. 4–6]. На вопрос пристава, почему он сбрил на голове волосы, Султан рассказал, что в Кумском народе появился шейх, который учит их следовать законам Корана, и он поспешил уехать из дому, чтобы «избавиться от присяги, предпринятой многими султанами, мурзами и ногайцами в ознаменовании того, что каждый присягнувший мусульманин обязан исполнять вполне всё предписанное Кураном Магомета». Султан сообщил приставу о новом религиозном движении среди ногайцев, но в самом ауле он вовсе не дистанцировался от народа и не пресекал религиозные проповеди шейха, пока тот не стал требовать «присяги».

Видимо, некоторые Султаны попали под влияние шейха, не видя в нём никакой угрозы властям. В мусульманские аулы Ставрополя проповедник не мог бы попасть без гостеприимства владельцев Гиреев. Так, в 1846 г. он сначала прибыл в аул генерал-майора Султана Азамат-Гирея на р. Калаус, по его протекции был принят штабс-ротмистром Султаном Арслан (Аслан)-Гиреем в ауле Кирк, где даже перешли на судопроизводство по мусульманскому праву – шариату, затем прожил 15 дней в ауле Джанахматовский у Султана Крым-Гирея, «имел ночлег в его кунацкой, лечил больных», и наконец отправился в аул Султана Тохтамыш-Гирея и стал «обучать Курану и грамоте» [ГАСК. Ф. 101. Оп. 2. Д. 196. Л. 28].

Местом постоянного пребывания шейх выбрал аул Тохтамыш-Гирея (аул Покоривший, или Султановский), в котором была построена джума-мечеть (соборная) и на пятничные молитвы съезжалось более 1 600 человек: из Кумского народа, Касаевского и Эдисанского родов, из Кабарды, из Бабуковского, Лоовских и Тохтамышевских аулов. По словам Тохтамыш-Гирея, они «совершают при нём, Шейхе, часа 4 или 5 моление и по окончании такового Шейх, раскрывая Куран, начинает делать по таковому поучение, и красноречием своим многих приводит в благоговейное чувство, и те, раскаиваясь в прежних своих проступках, принимают из них некоторые присягу перед Кураном, за что и получают от него, Шейха, чалму (повязку из белого полотна на голову)».

Судя по докладу пристава, некоторые отказывались от светской жизни, посвящая себя молитве и подвергая себя испытанию, отправлялись на 40 дней в специально устроенные ямы в рост че-

ловека, где можно было только стоять на коленях для молитвы, имея право выходить из этой ямы пять раз в сутки в мечеть во время только намаза или же по естественной надобности, «и то закрытыми во избежание взгляда ими и на них встречавшегося каждого мирского человека». Когда пристав Устинов лично прибыл в аул Тохтамыш-Гирея, у шейха было уже сорок учеников, а большая часть населения «приняла присягу исполнять всё предписанное Кураном Магомета».

Принимая во внимание, что ногойцы имели давние и довольно прочные мусульманские традиции, можно поверить, что они приняли в свою среду проповедника исключительно с целью укрепления веры и нравственности. Не случайно пристав отметил, что в учении проповедника «вредного чего-либо против правительства нашего не нашёл» и указал на очевидную пользу проповедей, отмечая, что «с некоторого времени мною замечено в народе, и преимущественно в Кубанском роде, уничтожаются разные воровства». Тем не менее пристав не обольщался на счёт возможных последствий влияния на народ религиозных фанатиков, зная, что в своё время и «Шамиль путём благочестия взошёл в настоящую доверенность магометан и распространял свой мюридизм». Поэтому Устинов поспешил предупредить начальство о резком увеличении числа молящихся в мечети в джуму (пятницу). Так, он подсчитал, что 2 мая собралось в ауле более 1 400 человек разного сословия, хотя прежде в джуму собиралось едва ли 50 человек, и то из «духовенства и черни, но из сословия высшего круга султанов и мурз никогда, исключая байрамов (годовых праздников)».

Пристав провёл расследование в ауле, скрывая истинную цель своего приезда, проверил документы шейха и доложил в Ставрополь, что 22 февраля 1845 г. таврический губернатор выдал билет Мегмету Мустафе на свободный проезд в г. Казань, а оттуда 7 июня 1846 г. билет выписан на пребывание в Кавказской области сроком на один год [ГАСК. Ф. 101. Оп. 2. Д. 196. Л. 9–10]. Так что официальных причин для задержания иностранца не было. Тогда повод к выдворению проповедника власти откровенно инициировали, озвучив грозное имя Шамиля для привлечения военных сил. Арест шейха произвели по донесению начальника центра Кавказской линии Хлюпина из Нальчика, якобы получившего донос от кабардинского эфенди о проследовании абреков с письмами от Шамиля к шейху, который «в умах легковерных азиатцев приобретает сильное

влияние» [ГАСК. Ф. 101. Оп. 2. Д. 196. Л. 80–81]. Хлюпин сам организовал приезд шести «абреков» 27 мая 1847 г. в аул Тохтамыш-Гирея, а через день в аул вошли военные в полной уверенности, что найдут там этих «абреков» с подмётными письмами.

Военный рейд в мирный аул описан в рапорте ставропольского земского исправника по поводу якобы отправленных к шейху от Шамиля мюридов с письмом. Этот вымысел дал повод полковнику Беклемишеву с 4 казачьими сотнями Волжского полка в ночь с 28 на 29 мая окружить аул со всех сторон, а на рассвете произвести обыск во всех местах и «в особенности у Мегмета Мустафы». Однако, не обнаружив ни мюридов, ни писем, шейха Мегмета не тронули и оставили у Тохтамыш-Гирея, который лично вызвался обыскать аул, ругаясь, что у его подвластных никаких подозрительных людей нет.

Беклемишев писал в рапорте: «Мне кажется, что сам Султан Тохтамыш-Гирей, равно как старший брат его Аслан-Гирей, люди, на хорошее расположение которых можно твёрдо полагаться, народ их аулов также совершенно неподозрителен, но эфендий Магомет (шейх Мегмет. – З. К.) весьма мне кажется опасен, он сумел до такой степени вкрась в доверенность народа и убедить его в святости своей, что сам султан, сколько мог заметить, чрезвычайно боится его». Эфенди же, когда ему объявили причину обыска, пришёл «в совершенное неистовство» и заявил: «Дайте мне лошадь, я сей час оставляю вас, не могу жить в народе, где меня подозревают в дурном расположении к правительству» [ГАСК. Ф. 101. Оп. 2. Д. 196. Л. 84–86].

Судя по уверенному тону Султана, он лично предпринял меры по своевременному изгнанию непрошенных гостей и предотвращению их «поимки». И, конечно, у него не было причин «бояться» проповедника, просто как мусульманин он относился к нему с должным почтением. Так как нужен был повод к аресту шейха, а «ничего другого подозрительного в ауле не нашли», то Беклемишев предложил арестовать эфенди за «неуважительное отношение, за непочтение к властям» в его лице. Достаточным основанием для задержания проповедника оказалось присутствие в ауле более 2 000 мусульман из разных мест, которые «слепо верят и повинуются всем наставлениям и распоряжениям Мегмета Мустафы и, называя его эфендием, почитают за Шейха». Для убедительности его зловредности совершенно беспочвенно было добавлено, что «в народе явное отчуждение от всех русских и светских властей» [ГАСК. Ф. 101. Оп. 2. Д. 196. Л. 13–14 об.].

Шейха вывезли в Пятигорск, где на допросе записали сведения из биографии 41-летнего Мегмета Мустафы: жительство – Турция, аул Испирт Казасы, учился в Стамбуле, в Трапезунде получил «джол кагат» (паспорт) на турецком диалекте для поездки в Крым [ГАСК. Ф. 101. Оп. 2. Д. 196. Л. 27]. Там же выяснилось, что шейхом его признал бухарец Искендыр Калянар-Сафа и пригласил на своё место, когда в марте отправился в г. Астрахань, но кумские ногайцы упростили Мегмета Мустафу остаться на некоторое время у них для преподавания и истолкования Корана. Примечательно, что он интересовался у гостеприимных Султанов, не будет ли ему препятствий от начальства, но Аслан-Гирей, духовенство и другие ногайцы уверили его, что «правительство заботится о сохранении их религии» [ГАСК. Ф. 101. Оп. 2. Д. 196. Л. 29].

На допросе Шейх категорически отрицал связи с горцами и заявил: «Закубанцам и затеречным жителям, непокорным России, я никаких сношений лично и ни через письменно не имел, а хотя из карачаевцев один по имени и призванию неизвестный и просил меня отправиться в их народ собственно для проверки, так ли они молятся богу и для истолкования им учения Курана, но как я намеревался отправиться на свою родину, от предложения такого отказался» [ГАСК. Ф. 101. Оп. 2. Д. 196. Л. 31 об.]. «Письма», обнаруженные у проповедника, оказались записями из религиозных книг на арабском языке и свидетельством, выписанным ему бухарским шейхом, и всё же его выслали за пределы Кавказской области якобы «за агитацию против правительства» [ГАСК. Ф. 101. Оп. 2. Д. 196. Л. 48, 93]. 23 июня 1847 г. Мегмета Мустафу и бывшего с ним также турецкоподданного Мустафу Османова отправили к одесскому военному губернатору.

Действия властей по уничтожению всякой памяти о пребывании у ногайцев проповедника на этом не закончились. Была проведена определённая работа среди населения и организованы письма от ногайцев, якобы довольных изгнанием шейха. Пристав писал: «Народ Бештаво-Кумский, вполне сознавая неосмотрительность свою в водворении в ауле Покорившем Шииха Мегмета Мустафы и в допущении там неуместных многочисленных сборищ магометан из разных отдалённых и вовсе не принадлежащих к народу аулов, чего на будущее время более не будет» [ГАСК. Ф. 101. Оп. 2. Д. 196. Л. 65]. На самых активных приверженцев шейха были устроены гонения, а начальник Центра Кавказской линии предлагал арестовать всех его учеников. Несмотря на кратковременное пребывание у кумских но-

гайцев, проповедник успел оставить множество учеников-мюридов, кроме того под его влиянием были сооружены мечети почти во всех аулах [ГАСК. Ф. 101. Оп. 2. Д. 196. Л. 94–99, 114–118, 227–231].

Отметим, что гонения ни в коем случае не объявлялись против собственно ислама, а преследовалось «тарикатское учение». Отношение к постройке мечетей и школ при них (мектебов) было отрицательным, так как именно «шейхами тарикатского учения были выстроены новые мектебы почти во всех ногойских аулах» [ГАСК. Ф. 101. Оп. 2. Д. 196. Л. 310]. Меньше всего было в этом виновато население, видевшее в новых религиозных заведениях только очаги духовности, образования и благочестия. Но репрессивная машина была уже запущена властями и набирала обороты. Начальник области Завадовский 13 ноября 1847 г. послал специальное распоряжение главному приставу магометанских народов о запрете ученикам шейха «публичных поучений и молитв» [ГАСК. Ф. 101. Оп. 2. Д. 196. Л. 147]. Обвинялись даже приставы, непосредственно наблюдавшие за развитием событий, про них было сказано, что местное начальство допускало распространение мюридизма и моленья «из видов корысти, что отчасти подтверждается и народною молвою» [ГАСК. Ф. 101. Оп. 2. Д. 196. Л. 178].

Все письма, прошения, молитвы и любые арабописьменные тексты на татарском языке переводились на русский язык, для этого был привлечён учитель татарского языка Ставропольской губернской гимназии Тактаров. И хотя ничего антирусского в этих записях обнаружено не было, всех ногойских эфенди обязали писать «признательные» письма, что они «во время джумы никогда не молились Богу за Шамиля и турецкого султана и за успех оружия их против русских». Приставы систематически докладывали в Ставрополь о благонадёжности или неблагонадёжности своих подопечных [ГАСК. Ф. 101. Оп. 2. Д. 196. Л. 187–207].

Под пристальное наблюдение попали и сами Султаны – самая верная опора российских властей в ногойских обществах. Так, пристав Устинов докладывал 2 ноября 1847 г.: «О поведении же Султана Арслан Гирея я ничего положительного объяснить не могу, кроме того, что он, как отличившийся в народе превосходным умом, пользуется доверием многих магометан, не одних подведомственных мне, но и других, как то кабардинцев, закубанцев и тохтамышевских народов» [ГАСК. Ф. 101. Оп. 2. Д. 196. Л. 347 об.]. Тем не менее 8 ноября в ауле Кирк ставропольский исправник провёл допрос Ар-

слан-Гирея в присутствии Устинова и переводчика, а в начале 1848 г. и сам главный пристав магометанских народов писал «о намерении поехать в Кумский народ, чтобы разузнать о влиянии на них Султана Арслан Гирея» [ГАСК. Ф. 101. Оп. 2. Д. 196. Л. 176, 398–398 об.].

Видимо, Султану не могли простить, что шейх пользовался его гостеприимством. Несколько ногайских стариков, подученные ставропольским исправником, написали о желании сместить кадия Джагапара Джантемирова, который помогал шейху, пригласив его пожить в ауле Покоривший с позволения Арслан-Гирея. Узнав об этом инспирированном письме, ногайцы написали Завадовскому, что весь народ единодушно упросил шейха остаться у них «с добрым намерением, чтобы поправить дурную нравственность вредных для общества людей» [ГАСК. Ф. 101. Оп. 2. Д. 196. Л. 349, 355–355 об.].

Власти постоянно подчёркивали, что речь идёт только о запрете преподавать «тарикат и мюридизм», чтобы отвести от себя обвинения в гонении на мусульманскую веру. Наместник на Кавказе Воронцов 8 января 1848 г. выразил благодарность Завадовскому и велел постоянно обращать внимание на этот вопрос [ГАСК. Ф. 101. Оп. 2. Д. 196. Л. 384]. Вплоть до 1850 года приставы разных ногайских обществ всё ещё успокаивали начальство, посылая рапорты о том, что тариката, мюридизма и шейхов уже «не существует», и «всё духовенство в настоящее время совершенно повинуетя воле начальства» [ГАСК. Ф. 101. Оп. 2. Д. 196. Л. 514–515, 524, 519, 627, 628].

Очевидно, тот факт, что Султан Азамат-Гирей оказал гостеприимство и позволил проповедовать мусульманскому шейху, который по его протекции устанавливал шариат, обучал Корану и грамоте в аулах Султанов Арслан-Гирея, Тохтамыш-Гирея, Крым-Гирея, говорит не только о его глубокой личной религиозности, но и о правомерных сомнениях в курсе российских властей на сохранение адатных норм в судебных разбирательствах местных народов, к каким его так настойчиво привлекали. Начальством Султан Азамат-Гирей был востребован именно как знаток адатов и посредник в решении вопросов, не входящих в компетенцию ни шариата, ни российского суда. Он добросовестно выполнял долг российского офицера, перефразируя его же слова, «знал волю начальства и имел поручения, от исполнения которых, конечно, не отказывался» [Леонтович, 2002, с. 74]. Поэтому в 1850 г., видимо, при отставке, получил звание генерал-лейтенанта и до конца жизни спокойно проживал в Тохтамышевском ауле на правобережье Верхней Кубани.

Генерал-майор Султан Казы-Гирей

Султан Казы-Гирей Бахты-Гиреевич (1807–1863), племянник генерал-майора Менгли-Гирея и генерал-лейтенанта Азамат-Гирея, родился в Тохтамышевском ауле вблизи правого притока Верхней Кубани Джеганас, но после смерти отца жил с матерью в Закубанье. Братья отца беспокоились о его образовании. В 1818–1823 гг. Казы-Гирей обучался в Георгиевском приходском училище, существовавшем во многом благодаря меценатам [Шабловский, 1914. Эл. ресурс]. В училище вёлся учёт пожертвований, например, губернатор Кавказской области внёс на открытие училища 50 рублей, для сравнения тогдашних цен укажем, что по предложению директора Кавказских училищ Монасеина за каждого ученика родители вносили ежегодно по 10 рублей. По сведениям исследователя Шабловского, в мае 1819 г. вместе с Монасеиным училище посетили «генерал-майор и кавалер Менгли-Гирей с братом Азамат-Гиреем и изъявили удовольствие ученикам, решавшим практические задачи из арифметики». Султаны были в числе меценатов, так как здесь учился их племянник Казы-Гирей, которого они привезли десятилетним мальчиком в качестве аманата.

В училище, кроме детей офицеров, чиновников, купцов, мещан, однодворцев и даже крепостных и служащих при чиновниках, очевидно по настоянию Ермолова, отдельно обучались 32 аманата «осетинских горских народов». Они учились отдельно от русских детей и находились на обеспечении военного ведомства, а Монасеин снабжал их учебными пособиями, как и остальных, по катехизису, священной истории, чтению, письму, арифметике, чтению из Евангелия. Количество аманатов менялось, они поступали и убывали из училища в неопределённое время, но в декабре 1823 г. на экзаменах присутствовало 8 аманатов в возрасте от 7 до 25 лет. Отмечено, что из них только Казы-Гирей учился хорошо, трое – удовлетворительно, четверо – неудовлетворительно. Хотя аманаты в Георгиевске называются то осетинами, то кабардинцами, то просто «горцами», присутствие там Казы-Гирея показывает, что они представляли различные народы, уже подвластные на тот момент России.

После училища Менгли-Гирей привлёк племянника к российской службе, и в 1825 г. он выполнял в Закубанье поручения начальника Кавказской области Вельяминова [Из архива... 1910, с. 26]. Казы-Гирей даже успел получить чин унтер-офицера и медаль за участие в русско-персидской войне 1826–1827 гг. [Турчанинов, 1970, с. 37]. В русско-турецкой войне 1828–1829 гг. он не участвовал, так как был отправлен в 1828 г. в лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон императорского конвоя, которым командовал его дядя Султан Азамат-Гирей.

В Петербурге, служа в конвое, Султан Казы-Гирей прошёл курс обучения в Дворянском полку, познакомился с творческой русской интеллигенцией, начал писать сам, проявив незаурядный литературный талант. В 1834 г. он прибыл на Кавказские Минеральные Воды и, посетив свои родные места за Кубанью, описал их в очерке «Ажитугай». По рекомендации писателя А. Н. Муравьёва великий Пушкин опубликовал это произведение в 1836 г. в своём журнале «Современник» и дал восторженный комментарий: «Вот явление неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей, черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке; любопытно видеть, как Султан Казы-Гирей (потомок крымских Гиреев), видевший вблизи роскошную образованность, остался верен привычкам и преданиям наследственным, как русский офицер помнит чувства ненависти к России, волновавшие его отроческое сердце» [Турчанинов, 1970, с. 34, с. 39]. Во втором томе журнала был опубликован «Персидский анекдот» Казы-Гирея, но на этом его литературная деятельность закончилась, так как встретила неодобрение шефа жандармов Бенкендорфа по цензурным соображениям.

Хотя Пушкин, называя его черкесом, уточнял, что он «потомок крымских ханов», о происхождении Казы-Гирея до сих пор продолжают споры. О нём как первом черкесском (адыгском) писателе и просветителе пишут в книгах, очерках, статьях [Кумыков, 1978; Избранные произведения... 1980; Шаги к рассвету..., 1986; Туганов, 1989 и др.]. Однако исследователи Керейтов и Кидирниязов, напомнив, что «при царском дворе каждого горца, носившего черкеску, называли черкесом», доказали его ногайскую идентичность [Керейтов, Кидирниязов, 2002, с. 30]. Известно, что сами горцы нередко называ-

ли себя «черкесами», чтобы было понятнее для русской публики. Так в XIX в. потомки Чингисхана и крымских ханов Казы-Гирей, Хан-Гирей, Адиль-Гирей, Крым-Гирей оказались первыми «адыгскими писателями и просветителями».

Казы-Гирей в своём очерке описал родную степь Ажитугай (ногай.: «долина паломников») от роскошной долины Казма (ногай.: «пахотные земли»), у впадения в Кубань Большого Зеленчука до Урупа [Избранные произведения... 1980, с. 17]. Топонимика этих мест, начиная от Казмы, сохранившейся в названии ставропольского села Казьминское, на которой когда-то ногайцы выращивали пшеницу, просо, бахчевые культуры и др., подтверждает, что его родная среда, действительно, ногайская [Керейтов, Кидирниязов, 2002, с. 28]. Исследователи называют причину отсутствия отца Казы-Гирея неизвестной, однако, несомненно, он – сын закубанского Султана Бахты-Гирея, убитого в 1809 г. в Бештовском приставстве.

Казы-Гирей мечтал о прекрасном будущем своей родины под благотворным русским влиянием, но его образование, талант и стремление к литературной и гражданской деятельности, к сожалению, оказались в то время невостребованными, так как шла долгая Кавказская война. «Странно! Давно ли я сам вихрем носился на коне в этом разгульном краю, а теперь готов представить тысячу планов для его образования. Но это дело не наше, и нам остаётся только желать лучшего – что будет, то будет...», – писал Казы-Гирей [Избранные произведения... 1980, с. 18].

В 1836–1838 гг. Казы-Гирей числился под личным начальством главнокомандующего на Кавказе Розена и ходатайствовал перед ним по просьбе своих родственников о переселении семейства Султанов с Тохтамышевского аула в отдельный аул за Кубанью [Керейтов, Кидирниязов, 2002, с. 25]. Судя по его письму от 13 апреля 1837 г. к Розену, ранее он обращался с этой просьбой к начальнику Кавказской области Вельяминову, но получил отказ, хотя командующий на Кубанской линии Засс тогда же создал отдельный Султановский аул на Урупе, но для других закубанских Гиреев. Этот аул состоял 8 султанских дворов, 142 дворов старшин и узденей, 75 дворов холопов и находился там до 1846–1848 гг. [Сталь, 2001, с. 79].

Засс пытался использовать Султанов в укреплении российской власти в Закубанье, так как «многие из них имеют большой вес в горах и пользуются уважением даже непокорных горцев» [Гордин,

2011. Эл. ресурс]. Однако, что касается Султанов Азамат-Гирея и Казы-Гирея, то их отношения с этим кордонным начальником, видимо, испортились после подстроенного им убийства темиргоевского князя Болотокова. Хотя генерал Вельяминов в 1837 г. настоятельно рекомендовал флигель-адъютанту Хан-Гирею, прибывшему в Закубань, готовить местные народы к встрече с императором и обратиться за помощью прежде всего к Азамат-Гирею и Казы-Гирею, признавая их самыми авторитетными и влиятельными лицами, но содействия им в переселении аулов на левобережье Верхней Кубани не оказал.

В конце 1840 г. майор Казы-Гирей отправился в Грузию в 44-й Нижегородский драгунский полк, считавшийся образцовым кавалерийским полком, «для изучения порядка службы» [Турчанинов, 1970, с. 39]. Кстати, там известный художник Г. Г. Гагарин нарисовал его карандашный портрет (см. на обложке), и по нему мы можем себе представить лица кавказских Султанов-чингизидов. Турчанинов, опубликовав этот рисунок из архива всесоюзного музея Пушкина, писал: «Офицер красив: гордо посаженная голова, нос с горбинкой, чёрные небольшие усики, тонкое, холёное лицо. Перед нами явно представитель знатной фамилии» [Турчанинов, 1970, с. 34]. Бороды у него не было, как и у всех казачьих офицеров. Николай I, осматривая Кавказское линейное войско, заметил, что «бороды к эполетам, а эполеты к бородам не идут» [Толстов, 1900, с. 273]. Начальство приняло во внимание замечание царя и в 1838 г. приказало офицерам и казакам «брить бороды и носить короткие волосы на голове».

Вернувшись на Кубань, Казы-Гирей поступил в Хопёрский казачий полк под началом Круковского, состоявший из 2 штаб-офицеров, 55 обер-офицеров, 3 203 нижних чинов при 1 262 лошадях и 32 орудиях [Толстов, 1900, с. 326, 340]. В начале 1844 г. казачьи отряды стали собираться в разных местах Закубанья «частью для военных работ, а частью для противодействия горцам, которые в последнее время особенно сделались нахальны и дерзки в своих предприятиях», – как писал В. Толстов. Круковский с отрядом строил укрепление Надеждинское в устье Кяфара, впадающего в Большой Зеленчук, а майор Казы-Гирей временно командовал полком. В 1845 г. полк преобразовали в бригаду из двух батальонов полков под командованием полковника Васмунда. Уже в чине подполковника Казы-Гирей возглавил один из них, базиро-

вавшийся в крепости Прочный Окоп, рядом с его аулом на Урупте. Здесь он женился, у него родились две девочки.

В апреле 1846 г., когда имам Шамиль с войском вторгся в Кабарду, Хопёрскую бригаду Васмунда собрали в один отряд из 8 рот пехоты, 8 сотен хопёрцев, 2 сотен донцов с 6 орудиями и приказали охранять кордон, чтобы не допустить Шамиля в Закубанье, а закубанцев удерживать от вторжения на Кисловодскую линию и в Кабарду [Толстов, 1900, с. 359]. Казы-Гирея тогда назначили начальником Лабинской линии. В это время он размышлял о переустройстве своей родины под управлением России и написал две известные записки начальству: 21 июля на 7 страницах изложил свои предложения по привлечению местного населения под российское управление мирным путём, 28 августа на 17 страницах в «Докладной записке» на имя наместника Кавказа Воронцова поднимал социальные, экономические и политические проблемы обустройства края [Кумыков, 1978, с. 15].

Казы-Гирей формулировал своё кредо так: «Рассматривая положение дел на Правом фланге кавказской линии, как человек, любящий родной край свой и его пользы, тем более преданный к пользам России, которой столь многим обязан, я не мог и не должен был остаться равнодушным. Поэтому решил представить на благоусмотрение вашего сиятельства моё мнение как не руководство для вашего обращения, но как мысли человека, преданного к общей пользе». Конечно, прежде всего он мечтал быть полезным для народов Кавказа, будущее которых он видел в образовании, развитии торговли, разработке местных природных богатств и т. д., а призывы к сопротивлению могущественной России называл «несбыточными надеждами» [Кумыков, 1978, с. 78]. В его стремлении образовать особый аул на Лабе известный историк-кавказовед В. Б. Виноградов видел мечту об экономическом и культурном центре, который выполнял бы функции города и писал: «В сущности, это предвидение города Майкопа!» [Виноградов, 1995, с. 106].

В это время наиб Шамиля Магомет-Амин собирал народы за р. Белой, укреплял их в исламе и учреждал мусульманские суды «мехкеме». Российские власти столкнулись с серьёзным препятствием, обойти которое было невозможно, хотя такие попытки предпринимались, например, усиленной поддержкой и пропагандой среди

горцев их обычного права – адата в противовес шариату. Однако Казы-Гирей, признавая, что мехкеме в жизни адыгских обществ Лабинской линии не играет большой роли и народ предпочитает адат, суд «по древнему их обычаю», всё же предлагал российским властям временно поддерживать «шариатское учреждение» по тактическим соображениям. Он писал: «Учреждение и действие этого судилища мнением многих принимается как средство, которым уничтожается власть аристократии, возвышается власть духовенства и ведёт к мюридизму. Я с этим согласен» [Кумыков, 1978, с. 97, 99]. Казы-Гирей видел смысл в привлечении мусульманского духовенства на сторону России, но власти не прислушались к его мнению, между тем очень скоро именно многочисленные мехкеме способствовали успеху Магомет-Амина в объединении сил западноадыгских народов.

Союзниками России остались только некоторые местные князья, не желавшие признавать равноправие всех сословий, как того требовал наиб. Пропаганда мюридизма почти не имела успеха в «аристократических» обществах, особенно у ногайцев, прочно управляемых Султанами и мурзами. Подчинялись российским властям также князья абазин-тапанта, темиргоевцев и бжедухов, хотя и рисковали утратить свою власть в народе. Так, Султан Каплан-Гирей до 1845 г. «являлся главою всех волнений и был глубоко уважаем за Лабою, как только примирился, мгновенно потерял всякое влияние» [Сталь, 2001, с. 258]. Представители высшего сословия переходили на российскую службу, и власти становились гарантом их владельческих прав. Среди так называемых «демократических» народов Причерноморья без высшего сословия: натухайцев, шапсугов, абадзехов и др. российская власть почти не имела опоры.

Со стороны России, несмотря на широкую фронду из закубанской знати на российской службе, личности масштаба Магомет-Амина, способной объединить и подчинить местные народы, не было, более того, как только она появлялась, власти вольно или невольно компрометировали её или лишали всех рычагов влияния, опасаясь конкуренции или измены. Не случайно командующий Правым флангом Кавказской линии Безобразов писал в 1843 г.: «Иные думают, что ежели бы горцев соединить в одну общую нацию, то их можно было бы скорее покорить и иметь дело только с главным лицом, я нахожу, что теперь уже этим заниматься поздно, ибо для соединения горских племен потребовалось бы много

времени и могло бы кончиться двояко [Безобразов, 2005, с. 141]. Казы-Гирей же убеждал командование, что в адыгских обществах «доверенное лицо» из числа местных народов при поддержке правительства, действуя «с благоразумием и осторожностью», мог бы успешно привлечь их к России [Кумыков, 1978, с. 101].

Однако никто не собирался привлекать Казы-Гирея к политическому управлению, ему была предопределена только военная карьера. С Правого фланга Кавказской линии его отправили на Левый фланг, где он в 1846–1848 гг. командовал Моздокским казачьим полком. Здесь он посетил, кстати, сакральный памятник кавказской истории – развалины городища Татар-туп, записал «далеко не безынтересные сведения» из истории этого края до появления русских на Тереке, даже имел свой архив, на который ссылались некоторые исследователи [Турчанинов, 1970, с. 42].

Сохранились несколько примечательных сведений о Казы-Гирее в этот период. Известно, что православный писатель А. Н. Муравьев старался привлечь Казы-Гирея «как образованного и благонамеренного мухаммеданина» в христианство. В 1848 г. в своей книжке «Письма о магометанстве» Муравьев упоминает о нём и сокрушается над его словами о том, что «всё равно, быть христианином или мухаммеданином, лишь бы только быть честным человеком» [Турчанинов, 1970, с. 43]. Позже упоминал о Султানে в своих воспоминаниях и генерал-лейтенант Ольшевский: «Моздокским же полком командовал султан Казы-Гирей, мой старый знакомый, любитель карт и вина; он родился мусульманином, окончил же жизнь добрым, истинным христианином» [Ольшевский, 2003, с. 170].

Тогда же штаб Кубанского полка под командованием бригадного командира Казы-Гирея и полкового командира Чорбы перебазировали в станицу Ессентукскую на Кисловодской линии. В 1848–1849 гг. под их началом служил офицер Горюнов из Оренбурга, написавший в своём очерке: «Обе эти личности оказались людьми честными и благородными, и смотрели на меня, молодого человека, снисходительно, и с должным вниманием» [Горюнов, 1879, с. 92]. Горюнов, назначенный командиром сотни 2-го Волгского казачьего полка, вскоре из-за интриг попал в неприятную ситуацию, которая могла обернуться судом, если бы не доброе участие Казы-Гирея, редкое среди кавказского офицерства.

Остановимся подробнее на воспоминаниях русского офицера Горюнова, свидетельствующих в первую очередь о его собственном достоинстве и широте натуры: «Султан Казы-Гирей был благороднейший и честный человек, и я всегда дорого ценил его к себе внимание; его советы и убеждения, высказанные с такой искренностью, подействовали на меня самым благотворным образом. Порыв моего негодования на жестокую несправедливость сменился безропотной покорностью ждать и искать случая к обнаружению истины. Добрый султан Казы-Гирей долго после того говорил еще со мною о разных виденных им в своей жизни случаях явной несправедливости, вероятно, с целью успокоить меня».

Следственное дело Горюнова представляло недоказанные обвинения и клевету, тем не менее ему назначили месяц содержания на гауптвахте. За отказ выдержать наложенный арест офицеру грозил военный суд и разжалование в рядовые, даже в случае его невиновности, поэтому Горюнов повиновался и явился к Казы-Гирею с вопросом, куда отправиться на гауптвахту. Султан же формально арестовал его на месяц, но разрешил быть совершенно свободным, сказав при этом: «Я счастлив, что хоть этим ничтожным одолжением могу облегчить ваше незаслуженное испытание».

Горюнов поблагодарил его за такое внимание, подал ему свою шашку и, не вытерпев, заплакал. Он писал: «Невинно обесчещенный, я не просил к себе участия, но мне, против воли моей, оказывают его люди с благородной душой и добрым сердцем. Теплое чувство благодарности оживляющим образом действовало на мое разбитое сердце. Я поблагодарил султана за его участие и вышел». Через месяц Султан вернул шашку Горюнову с ободряющими словами: «От души желаю вам, чтобы подобное испытание было последним в вашей жизни. Не отчаивайтесь, не падайте духом; хотя и говорят, что нет правды на свете, но, верьте, истина не умирает. Подобное бесчестие лежит пятном на имени того, кто подобным образом решился обвинять вас, но ни в каком случае не на вашем собственно имени. Для вас обвинение это послужит тяжким житейским опытом, к каким жестоким мерам прибегают иногда сильные люди, решаясь погубить всю жизнь человека. Поэтому мой добрый совет вам, старайтесь служить точно так же, как вы служили у меня; начальство увидит ошибку, сделанную над вами, поверьте, исправит ее и вознаградит».

Офицер вспоминал своего командира с искренней благодарностью: «До настоящего времени остались памятны для меня слова

султана Казы-Гирея, они врезались в моем сердце. Мне говорил их начальник-мусульманин, у которого так высоко были развиты нравственные чувства. Легко может быть, что он бы высказался еще сильнее, но расстояние, существовавшее в то время между рангами начальника и подчиненного, не позволяло ему компрометировать авторитет начальства. Подобного доброго внимания и участия мне не пришлось встречать между всеми, бывшими до того моими христианскими начальниками» [Горюнов, 1879, с. 102–103].

Достойна упоминания и любопытная запись от 3 июля 1851 г. в дневнике Льва Толстого, служившего тогда на Кавказе: «Беспокоился приёмом... Казы-Гирея» [Керейтов, Кидирниязов, 2002, с. 28]. Встретились ли они, о чём говорили, какие сюжеты о кавказской жизни получил великий писатель от нашего героя, неизвестно. Фрагментарные сведения, оставленные современниками, свидетельствуют о духовных поисках Казы-Гирея, воспитанного в горских и мусульманских традициях, но получившего как светское, так и христианское образование. И хотя он жил, как он сам писал: «В стране, где семейство князя считалось блюстителем обычаев и законов и собою должно было подавать пример строгого их исполнения» [Избранные произведения... 1980, с. 113], тем не менее через несколько лет всё-таки принял христианскую веру.

Магомет-Амин и Крымская война (1853–1856)

В 1850 г. в Закубанье горцы не предпринимали действий против русских. Казаки не провоцировали их экспедициями, а тщательно охраняли свои позиции, готовясь к встрече Наследника. Будущий царь Александр II посетил Кавказ, и хопёрцы в Баталпашинске «имели счастье угощать Его Высочество обедом». Однако после его отъезда экспедиции возобновились, вынуждая горцев выселяться на указанные им места в тылу Лабинской линии. В ответ Магомет-Амин угрожал «двинуться к верховьям Кубани и увлечь с собою карачаевцев» [Толстов, 1900, с. 365–367].

Между тем административное ограничение территории Карачаевского приставства Кубанским ущельем при невозможности содержать там весь скот привело к тому, что карачаевцы уходили от своих селений в поисках пастбищ на многие десятки километров. «Уже теперь некоторые из жителей переселяются в другие места», – писал о карачаевцах в 1849 г. офицер Генерального штаба Колянковский,

подтверждая, что «прокормить росшее население долина Кубани уже не могла» [Бегеулов, 2002, с. 21]. Поэтому русские не сомневались, что Магомет-Амин не сможет содержать своё войско и лошадей в Карачае, а постарается прорваться оттуда в Кабарду.

В начале 1851 г. генерал Евдокимов собрал главный отряд на Лабе для экспедиции на реку Белую, а второй отряд сформировал пристав тохтамышевских ногойцев и закубанских кабардинцев подполковник Соколов. В это время к Соколову приехали по земельному вопросу карачаевские князья Крымшамхаловы, и он, собрав отряд из 200 ногойцев, абазин, кабардинцев и 400 казаков, «пригласил с собой 60 человек карачаевцев, прибывших в Усть-Джегуту для решения спорных вопросов с тохтамышевцами» [К. Обзор событий 1898, с. 60].

В сопровождении Крымшамхаловых отряд прошёл до верховий Лабы и 6 февраля между Псеменским лесом и Ахметовским укреплением напал на три зимовника (коша): тамовский, кызылбековский и беглых кабардинцев. Они оказали сопротивление, и отряд Соколова понёс потери, в том числе погибли родные братья подпоручик Гилястан и Мурзабек Крымшамхаловы. Разрушив высокогорные убежища, Соколов оставил пленных абазин-шкарауа в Ахметовском укреплении, а кабардинцев насильно водворил на Большом Зеленчуке. Однако они тайно связались с Магомет-Амином, занявшим в это время Псеменский лес, в ночь на 14 апреля сожгли свои жилища и приготовились к бегству. Начальник Баталпашинского участка Вайсмунд с казаками ждал появления Магомет-Амина, но утром отряд из 400 человек стремительно увёл кабардинцев у них на виду, а тохтамышевская милиция не смогла их догнать. Бежал даже аул княгини Касаевой, вдовы Исмаила Касаева, в «преданности которой менее всего можно было сомневаться» [К. Обзор событий 1898, с. 61].

Отряд генерал-майора Эристова, шедший от устья Тегеня, также упустил их: «При спешном отступлении неприятель отклонился от Урупа в направлении к Джентелмесским (карач.: хребет Джелтиймез – «Ветром не продуваемый». – З. К.) высотам и был принужден оставить арбы уводимых из трёх аулов» [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 13454. Оп. 1. Д. 526. Л. 5]. Осенью войска отправились за беглецами, построили укрепление Белореченское и перекинули мост на левобережье. 3 ноября отряд перешёл за Белую, вывел часть беглых кабардинцев и «без выстрела водворил на местах прежнего жительства аул узденя Али Хахандукова на Большом и аул княгини Касае-

вой на Малом Зеленчуках» [К. Обзор событий 1898, с. 81]. Так, после тридцатилетних скитаний по Закубанью аул Касаева в 1851 г. приобрёл постоянное местоположение (ныне с. Хабез в Карачаево-Черкесии).

Основная часть лабинских жителей в 1848–1851 гг. продолжала вести «скитальческую жизнь» за Белой, находясь под влиянием Магомет-Амина [Сталь, 2001, с. 277]. Российские власти уже определились с методами расселения закубанских адыгов. Командующий войсками Сталь писал: «Год за годом бежавшие народы волею-неволею должны будут вернуться и просить у нас прощения и участки земли; и мы водворим их, но не на прежних местах их жительства, а дадим им участки сообразно с нашими видами, имея главною целью успокоение края и отвращение на будущее время подобного рода побегов» [Сталь, 2001, с. 189].

Пока же на Баталпашинском участке не было опорных пунктов для войск: ни крупных аулов, привязанных к одному месту, ни казачьих станиц. После неудачной попытки властей присоединить левобережье Верхней Кубани к Тохтамышевскому приставству в 1843 г. эта территория, ограниченная на Лабе укреплением Ахметовским, а на Кубани станицей Беломечетской и укреплением Каменная башня, почти не контролировалась, и через неё легко прорывались партии от 15 до 50 человек в набеги на мирные селения правобережья Кубани до Кумы. Сталь писал: «Как скоро партия успеет переправиться обратно на левый берег Кубани, то она все равно, что дома. Ловить эти партии очень трудно» [Сталь, 2001, с. 252–253].

Через это открытое пространство левобережья Верхней Кубани Магомет-Амин планировал вывести своё войско в Большой Карачай для соединения с войсками Шамиля, но медлил и избегал конфликтов с русскими до объявления русско-турецкой войны [Короленко, 2004, с. 400]. Надо сказать, карачаевцы в это время так мало входили в соприкосновение с российскими властями, что военный историк В. Толстов даже написал: «В верховьях Кубани, почти у подножия Эльбурса, в местах малодоступных обитал храбрый и отважный народ, который в начале XIX столетия считался даже нам подвластным. С течением времени влияние наше в Карачае ослабло, и зависимость горцев была забыта» [Толстов, 1900, с. 52]. Примечательно, что Лев Толстой в 1853 г. сделал запись в своём дневнике: «Карачай – нейтральный народ, живущий у подошвы Эльбурса, отличается своей верностью, красотой и храбростью» [Цит. по: Виноградов, 1993, с. 64].

Разумеется, Карачай не был уже «независимым» или «нейтральным», но занятые войной в Чечне и в Закубанье российские власти особо не вмешивались во внутренние дела карачаевского общества. Однако некоторые карачаевские князья уже поступали на российскую службу, так как подтвердить свой сословный статус можно было только «по оказанным ими заслугам российскому государю», и дворянство приобретали не иначе, как военной службой и полученными чинами [Мусукаев, Мальбахов, 1999, с. 36]. Кроме подпоручика Гилястана Крымшамхалова, чины получили: в 1838 г. поручик Бадра Крымшамхалов, в 1840 г. ротмистр Хаджи-мурза Крымшамхалов, в 1843 г. поручик Абдурзак Крымшамхалов, поручик Каншаубий Крымшамхалов, поручик Шмауха Дудов и подпоручик Керты Салпагаров, в 1846 г. поручик Магомет Крымшамхалов и подпоручик Абдрахман Боташев [ЦГА РСО-А. Ф. 262. Д. 22. Оп. 1. Л. 119–133].

Понимая, что замкнутый в Кубанском ущелье народ не выживет и возмутится против российской власти, князья не прекращали попыток вернуть пастбищные места на Правом фланге Кавказской линии, включённые в Тохтамышевское приставство [К. Обзор событий 1898, с. 60]. Однако на них планировалось размещать новых поселенцев, и карачаевцам запрещали использовать хозяйственные земли на правых и левых притоках Верхней Кубани, но, благодаря полученным чинам, карачаевская знать сохраняла родовые и частные владения и хутора (коши). На западе Карачая Магомет-Амин нашёл поддержку в среде узденского сословия, недовольного изъятием пастбищных мест в казну. В отличие от высшего сословия, потери узденей, составлявших в Карачае основной слой землевладельцев, никак не компенсировались правительством.

Неизвестно, насколько искренне, но кадий (главный мусульманский судья) Карачая Магомет Хубиев (Кадох-улу) во время Крымской войны возглавил антироссийскую партию в Карачае. Он был в родстве через браки своих детей с владельцами кабардинцев и бесленеевцев [Кипкеева, 2008, с. 315]. Следует согласиться с исследователем М. Барасбиевым, что родственные отношения между влиятельными фамилиями разных народов «являлись факторами, затрагивающими не только интересы этих двух феодальных семей, но и политическим фактором, отражающимся на судьбах двух народов, проживающих по соседству» [Барасбиев, 2000, с. 52]. Несмотря на недовольство российской властью, побудившее часть карачаевцев

объединиться с враждебными закубанцами, князьям Крымшамхаловым удалось удержать народ в повиновении, убедив «отложить намерение и порыв этот до времени пока турецкие войска не приблизятся к ним на такое расстояние, что можно будет получить от них своевременную помощь» [Цит. по: Бегеулов, 2002, с. 149].

Крымская война (1853–1856) приостановила продвижение русских войск от Лабинской линии к Чёрному морю и колонизацию края. Основная тяжесть по охране кордонов на Верхней Кубани легла на казаков-хопёрцев [Толстов, 1900, с. 358]. В начале войны на Правый фланг Кавказской линии вернулся Султан Казы-Гирей, назначенный командиром 5-й Хопёрской бригады Кавказского казачьего войска, расквартированной в станице Баталпашинской [Турчанинов, 1970, с. 44]. Султана назначили военным начальником Баталпашинского участка в сложнейший период, когда значительная часть закубанских народов впервые объединилась против России, а начавшаяся война позволила начать вооружённую борьбу обеим сторонам.

Получив известие о разрыве мирных отношений России и Турции, Магомет-Амин призвал мусульманские народы в Закубанье к восстанию, собрал массы конных и пеших горцев и 15 июля 1853 г. двинулся к Карачаю. Он хотел поселиться там в труднодоступных ущельях, чтобы оттуда руководить войсками в случае начала военных действий. Российские войска прошли на Маруху и Аксаут, истоки Малого Зеленчука, чтобы «показать карачаевцам готовность к уничтожению покушения наиба» [АКАК. 1985. Т. 10, с. 621–623]. Крымшамхаловы против наиба также выставили 500 хорошо вооружённых карачаевцев с двумя ротами кубанских егерей «для охраны всех важных и удобных для прохода пунктов» [Шамиль... 1953, с. 352]. Закубанское войско не смогло прорваться через русские кордоны на Урупе и Зеленчуках и расположилось на ночлег на берегу Кыфара, куда к нему прибыли агенты из Карачая и предупредили о готовности русских войск и карачаевцев. Магомет-Амин с войском ушел обратно к р. Белой.

После этого горцы вели себя довольно мирно в течение года, и «только на кордонных постах беспрестанно происходили схватки с мелкими хищническими партиями», – писал летописец Хопёрского полка В. Толстов [Толстов, 1900, с. 419–420]. У него же мы находим сведения о редких случаях личного участия в военных действиях Султана Казы-Гирея. Так, 5 февраля 1854 г. он с отрядом из 18 офи-

церов, 980 казаков, полусотни тохтамышевской милиции, 200 человек пехоты и 2 конных орудий выступил к укреплению Надеждинскому, оттуда 10 февраля двинулся к Псеменскому лесу на Лабе для нападения на башильбаевские аулы: «Разгромив хутора и коши непокорных нам горцев и предав уничтожению все, что попало под руку», 15 февраля отряд возвратился обратно. Кроме того, что 18 офицеров искали случая отличиться во время Крымской войны и получить награды, смысла в подобных экспедициях не было, они только ожесточали горцев против России. На Северном Кавказе сложилась общеизвестная практика, как писал, например, генерал-лейтенант Ольшевский: «Ставрополь наполнялся на несколько месяцев военной молодежью лучших фамилий, приезжавшею из Петербурга за чинами и крестами, щедро на неё сыпавшимися за кратковременные экспедиции» [Ольшевский, 2003, с. 23].

В это время в Крыму, основном театре военных действий, на стороне Османской империи выступили морские силы Англии и Франции. На Северо-Западный Кавказ союзники свои силы не направили, хотя на время войны русские покинули Черноморское побережье и Абхазию. Однако Магомет-Амина заботило только вторжение в Карачай, тем более что и Лабинскую линию, оказавшуюся в «печальном положении», командование упразднило [Ольшевский, 2003, с. 483]. Начальник Центра Кавказской линии, сомневаясь, что Магомет-Амин решится основать в горах постоянное местопребывание, так как не имел бы там возможности заготовить сена даже для самого ограниченного количества лошадей, ожидал, что закубанская конница попытается прорваться отсюда на соединение с Шамилем в Кабарде.

Кисловодскую линию на востоке Карачая срочно стали укреплять военными силами для наступательных действий, но главнокомандующий на Кавказе Воронцов писал царю 1 марта 1854 г., что надеется только на верность карачаевцев, с самого покорения в 1828 г. остававшихся верными присяге и никогда не принимавших никаких предложений от Шамиля и его агентов. Поэтому Воронцов уверял царя, что и теперь с их стороны не будет предательства, но войска должны их поддержать и помешать вторжению неприятеля в их земли. Воронцов вполне понимал, чем обусловлена верность и миролюбие карачаевцев: «Собственный интерес карачаевцев склоняет их к нам, потому что огромные стада этого племени пасутся на землях, находящихся в наших руках; впереди Кисловодской линии они не имеют

другой земли для пастьбы этих стад, и богатства их с тех пор, как они нам покорились, более нежели удвоились» [АКАК. 1885. Т. 10, с. 93–95].

Исследователь Ваганов, обозревая Кавказскую линию, также пришёл к выводу, что залог верности карачаевского народа – это его многочисленный скот: «Карачаевцы живут в таких неприступных местах, что вторгнуться к ним неприятель может только с согласия их самих. Власть наша над ними ещё не утверждена совершенно, и народ этот удерживается в повиновении более тем, что в продолжение большей части года многочисленные стада его, не находя достаточного корма в самом Карачае, должны пастись на принадлежащих нам полянах на плоскости» [Ваганов, 1898, с. 492–494].

Понимая, что горы Карачая представляют собой естественную крепость для враждебных сил, Султану Казы-Гирею было поручено организовать Марухский отряд для разведки верховий Зеленчуков и прокладки дороги по Марухе и Кефару для водворения там казаков. 16 апреля 1854 г. Казы-Гирей с отрядом из 7 офицеров, 465 казаков, 5 рот пехоты и 6 орудий выступил из Баталпашинска и стал лагерем в укреплении на Большом Зеленчуке, чтобы провести «рекогносцировку окрестностей для заложения будущих поселений на Зеленчуках» [Толстов, 1900, с. 421, 423]. Разведав окрестности и не вступая в военные действия, отряд перебрался в укрепление Надеждинское и занял позиции между Марухой и Аксаутом.

27 июля казаки имели на Урупе серьёзный бой с отрядом горцев из 400 всадников и обратили их в бегство вниз к Бежгону, используя орудия и гранаты. Толстов не упоминает Казы-Гирея среди участников этого боя, но позже историк Щербина написал, что якобы именно от Казы-Гирея 400 горцев потерпели поражение [Щербина, 1992, с. 485]. На самом деле полковник Казы-Гирей с Марухским отрядом, присоединив к нему тебердинский отряд, до конца октября следил за передвижениями Магомет-Амина. 5 ноября войска были распущены и хопёрцы возвратились в станицы. Не будем особо доверять числам, приводимым военными историками, опиравшихся на бравые рапорты «с полей сражений». Не случайно главнокомандующий на Кавказе Розен в 1836 г. писал, что «его удивляет, как легко небольшие команды казаков справляются с многочисленными толпами горцев, и просил предупредить начальников частей, чтобы они не увеличивали числа врагов и собирали бы более точные сведения о количестве горцев» [Щербина, 1992, с. 276].

Сведений об особых военных подвигах Казы-Гирея против горцев нет, тем не менее, наверное, он воспринимался как враг и предатель, тем более что после смерти жены он перешёл в христианство и получил при крещении имя Андрей Андреевич, чтобы жениться в 1855 г. на красавице казачке Людмиле Лучкиной, дочери войскового старшины [Турчанинов, 1970, с. 44]. Кстати, сестра Казы-Гирея Мубарек-Султан была замужем за ногайским мурзой Хаджи Тугановым, а вот встречающиеся в некоторых публикациях сведения якобы о его матери Анне и сестрах – фрейлинах, воспитанницах Одесского Института благородных девиц, относятся к семье другого Султана – крещёного в 1807 г. в Шотландской колонии Каты-Гирея.

В 1855 г. Казы-Гирей занимался разведкой и подготовкой к казачьей колонизации Верхней Кубани. Со 2 мая по 16 августа пехота и казаки рубили лес, прокладывали просеки и дороги в горных ущельях к подножию Главного Кавказского хребта и, как писал Толстов, «в то же время зорко наблюдали каждый шаг Магомет-Амина и его скопищ» [Толстов, 1900, с. 426–427]. Однако не уследили. В августе Магомет-Амин собрал 3 000 абадзехов, башильбаевцев и убыхов для вторжения в Карачай, «чтобы подчинить его себе и затем через их земли иметь возможность действовать на Кабарду, а в случае успеха соединиться с Шамилем» [Толстов, 1900, с. 109].

10 августа наиб с войском перешел Лабу, 15 августа вошёл в Тебердинское ущелье, а 17 августа уже вступил в Большой Карачай, перейдя из Теберды по высокогорным тропинкам, по которым русские войска с артиллерией пройти не могли. Отряд Казы-Гирея из 5 сотен хопёрцев с 8 ракетными станками, собравшийся у Хумаринского укрепления, направился в сторону Тебердинского ущелья против «сильной неприятельской партии, отставшей от главного скопища и намеревавшейся двинуться на соединение с Магомет-Амином» [Толстов, 1900, с. 427, 834]. 19 августа хопёрцы выследили горцев недалеко от впадения Теберды в Кубань и на берегу последней заняли крепкую позицию вблизи единственной переправы. После 5 часов перестрелки горцы ушли в глубь Тебердинского ущелья. За успешные действия в этом бою полковника Султана Казы-Гирея наградили орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами.

В Большом Карачае закубанское войско разгромил командующий войсками Правого крыла линии генерал Козловский, приведший своё войско с востока по пути Емануеля через высокогорное плато

Бийчесын. В ночь с 25 на 26 августа карачаевцы тайно вывели Магомет-Амина горными тропинками через Дуутское ущелье по перевалу в Абхазию [Толстов, 1900, с. 426]. Только уверения князей Крым-шамхаловых, прибывших 19 августа к командующему войсками, в верности карачаевцев России спасло их от истребления. Князьям удалось убедить командование, что карачаевцы не участвовали в сражении, и только эфенди Магомет Хубиев (Кадох-улу) с частью молодёжи примкнул к Магомет-Амину. Власти обещали не принимать репрессивных мер против Карачая, тем не менее наложили контрибуцию в размере военных издержек около 20 тысяч рублей. Возможно, в период Крымской войны карачаевцы уже не считались российскими подданными, иначе не объяснить факт требования от них контрибуции, если только не предположить, что военным термином прикрыли просто «узаконенный» грабёж.

Последствием вторжения наиба стала также экспедиция российских войск в Тебердинское ущелье и выселение оттуда жителей: «Полковник Казы-Гирей, двигаясь вверх по Тебердинскому ущелью, очистил его от горцев» [Анучин, 2001, с. 296]. У карачаевского князя Идриса Карабашева в Теберде проживал со своим аулом беглый цебельдинский князь Кадырбий Маршания, его тесть. Связывала князей не только родственная связь, но и анти-российская ориентация: в 1855 г. они даже сообщили турецкому генералу Мустафе-паше, что «готовы принять у себя турецкие войска и смогут продовольствовать их на свой счёт целый год» [Барасбиев, 2000, с. 62]. Аул Маршания изгнали в Абхазию, а у карачаевцев изъяли тебердинские земли в казну для вывоза леса.

Казы-Гирей остался в Теберде «наблюдать за горцами», на самом деле, изгнав оттуда карачаевцев якобы за содействие наibu, казаки начали рубить лес [Толстов, 1900, с. 429]. Так осуществился один из его проектов, высказанных ещё в 1846 г., что адыгские владельцы с восторгом приняли бы идею торговли лесными материалами с русскими, «как за предмет, вознаграждающий обильным барышом труды всех сословий» [Кумыков, 1978, с. 109]. Видимо, власти сочли обременительным вознаграждать горцев за их лес, более того, оказалось, что можно самими получить «обильные барыши» просто изгнав, как карачаевцев из Тебердинского ущелья, местное население. Не совсем то, о чём мечтал Казы-Гирей.

В 1856 г. план действий русских войск за Кубанью находился в зависимости от внешней войны и ограничивался возведением не-

скольких укреплений, расчисткой местности по Урупу и Зеленчукам, заготовлением материала и прокладкой необходимых дорог и просек как «подготовительными мерами для будущего заселения и покорения края» [Толстов, 1900, с. 428–429]. Несмотря на поражение в Крымской войне, Россия сохранила за собой кавказские владения и начала усиленную казачью колонизацию пространства от Кубани до Чёрного моря, в том числе Западного Карачая.

***

Через изъятые у карачаевцев в 1855 г. Тебердинское ущелье военное командование планировало соединить Кавказскую линию через Клухорский перевал с Черноморским побережьем [Социально-экономическое... 1985, с. 83]. Пожалуй, это было основной причиной активной казачьей колонизации Западного Карачая, и возведение здесь станиц преследовало цель не только усилить контроль над перемещениями закубанцев, но и главным образом заселить постоянное русское население у перевальных путей через Главный Кавказский хребет.

Вопрос о необходимости дороги через из Карачая в Сухуми российские власти поднимали ещё в 1842 г., после возведения Лабинской линии, придавая ей важное значение в торговом и военном отношениях. Крымская война и мобилизация горцев Магомет-Амином помешали этому предприятию, но показали его военно-стратегическую необходимость. Командующий войсками Правого крыла Филипсон писал: «Мы занимаем Абхазию, но не владем ею. В случае повторения несчастных событий 1854–1856 годов мы опять потеряем эту область, а ещё прежде того будем принуждены оставить все наши заведения по предполагаемому пути чрез хребет в Сухуми» [Ваганов, 1898, с. 680–681]. Активно поддержал идею строительства дороги через перевал кутаисский генерал-губернатор Эристов, полагая что она может быть альтернативой перемещению российских войск к Чёрному морю через Лабинскую линию [Ваганов, 1898, с. 755].

Ради безопасности этого пути власти намеревались вывести из ближайших гор абазин-шкарауа, скрывавшихся там: «Теперь между Лабой и Кубанью есть в вершинах пять или шесть ничтожных аулов, которые уйдут за Малую Лабу по первому требованию. Это пространство делается и всегда должно быть пустыней. Если через него

будет проходить военное и торговое сообщение в Сухум, то нет сомнения, что жадность добычи привлечёт в горные вертепы множество хищников из Закубанских племён и из Абхазии. Наконец, и на самих карачаевцев в этом случае нельзя положиться», – писал генерал Филипсон в 1858 г. [Ваганов, 1898, с. 682].

И всё же для строительства дороги через Тебердинское ущелье власти рассчитывали на содействие местных жителей. 13 мая 1858 г. Филипсон приказал Султану Казы-Гирею «вызвать Карачаевского пристава и через него объявить Карачаевцам о цели предпринимаемых работ и стараться приобрести их содействие в этом деле назначением к посылаемому отряду несколько человек из почётных людей для отвращения всех могущих произойти недоразумений» [Ваганов, 1898, с. 678–688]. Филисон писал, что при устройстве дороги «справедливо и возможно будет возложить на Карачаевцев охранение сообщения по Теберде... если за это назначить им достаточное вознаграждение на первое время».

Однако все приготовления к строительству перевальной дороги оказались напрасными. Во-первых, такая сложная и трудоёмкая работа требовала колоссальных финансовых затрат. Так, при подробном обозрении в конце мая 1858 г. путей из Теберды в долину р. Кодора на южном склоне Кавказского хребта подполковник Йогель писал: «По сведениям, отобранным от Карачаевцев, кроме Клухорского перевала, есть только один перевал по ущелью Аман-кола, по коему приходили иногда Псхувцы отбивать скот, но перевал этот, говорят они, чрезвычайно труден и возможен только для пешеходов» [Ваганов, 1898, с. 718]. Во-вторых, в связи с фактическим присоединением к России всего Кавказа этот обременительный проект большого значения уже не имел. Поэтому проект Военно-Сухумской дороги был отложен, а Султану Казы-Гирею поручили приступить к разработке дороги только по Кубани до устья Теберды для вывоза строевого леса.

На «расчищенной местности» левобережья Верхней Кубани, где Султан Казы-Гирей мечтал собрать ногайские аулы, были основаны казачьи станицы Хопёрского полка (ныне в Карачаево-Черкесии): на Кубани – Усть-Джегутинская (1861 г.) и Красногорская (1861 г.), на Большом Зеленчуке – Сторожевая (1858 г.), Исправная (1858 г.) и Зеленчукская (1859 г.), на Малом Зеленчуке – Кардоникская (1859 г.), на Урупе – Преградная (1860 г.). Казачьи станицы составляли единую линию от устьев Лабы до Западного Карачая и находились в едином военно-административном управлении. В результате пространство

Верхней Кубани разделилось на две части казачьими станицами и постами: карачаевцы оказались зажатыми в Кубанском ущелье, а ногайцев окружили русские поселения.

Казачьи станицы, конечно, стеснили горцев, лишив их жизненно важных мест, но надо признать, что свидетельств уничтожения селений и истребления местного населения при водворении казаков на территории современной Карачаево-Черкесии нет. В верховьях левых притоков Верхней Кубани до Большой Лабы постоянных поселений не было с конца XVII в., после страшной эпидемии, память о которой сохранилась в народных преданиях и фольклоре. Тогда чума истребила большую часть карачаевцев в Тебердинском ущелье, погибли жители крупного селения Ачemez-Кабак на Большом Зеленчуке, на месте станицы Исправной, селения Рачикау-Кабак на Большой Лабе, на месте посёлка Рожкао. Исчезли селения на реках Большой и Малый Зеленчук, Кардоник, Аксаут, Усть-Джегута, Эльтаркач [Лайпанов, 2005, с. 77].

К приходу русских земли Западного Карачая использовались только для хуторного хозяйства, под сезонные пастбища, и жили здесь в небольших подвижных поселениях — кошах. Так как после раздела Крымского ханства между Российской и Османской империями Карачай остался независимой территорией, то здесь находили убежище беглецы с обеих сторон, но постоянных селений никогда не имели. До присоединения к России карачаевцы поддерживали контроль над своими землями, и только в XIX в. их большая часть была изъята в казну [Каракетов. 2004, с. 113]. Партии беглых цебельдинцев, кабардинцев и абазин, укрывавшиеся в ущельях левых притоков Верхней Кубани, были частью выведены российскими властями на прежние места жительства, частью бежали за Лабинскую линию.

Границы земель «перемещались», неуклонно сокращая историческую территорию Карачая до размеров Кубанского ущелья, т. е. Большого Карачая, где располагалась резиденция «большого князя» (карач.: «уллу бий»). Пахотные земли и пастбища находились большей частью в частной собственности у землевладельцев, и прокормить весь народ с его многочисленными стадами Кубанское ущелье не могло. По сведениям доктора исторических наук В. П. Невской, там было только 25 тыс. десятин, пригодных для сенокосов и зимних пастбищ, и они «никак не могли обеспечить карачаевцев необходимым количеством кормов для скота» [Невская, 1963, с. 85].

Не выдержав катастрофического малоземелья, часть карачаевцев в 1859–1861 гг. мигрировала в Османскую империю под предлогом хаджа. Однако после водворения казачьих станиц, начиная с 1862 г., карачаевцы получили возможность вернуть свои коши на земли, отобранные в казну и пользоваться дальними пастбищами, так как в административном устройстве вся Верхняя Кубань в 1860 г. вошла в состав Кубанской области. Правда, за использование пастбищ и сенокосов вне пределов Большого Карачая они платили обременительную арендную плату казакам [Кипкеева, 2008, с. 342].

Восточные пастбища карачаевцев, контролируемые из укреплений Кисловодской линии, власти также изъяли в казну. В 1859 г. командование разграничило два крыла Кавказской линии по черте от Эльбруса по Водораздельному хребту между бассейнами Кубани и Терека до земель Кавказского казачьего войска, приказав её часть, «проходящую в землях кабардинцев и карачаевцев, принять границей между землями этих племён» [Ваганов, 1867, с. 492–494]. Административными границами был разделён единый этнос: карачаевцы Верхней Кубани и балкарцы (пять горских обществ), отнесённые к Кабарде. При этом комиссия, рассматривавшая земельные отношения в Нагорной полосе, «ограничила карачаевские земли с востока Водораздельным хребтом между системой Кубани и Терека, лишив этим самым карачаевцев эшкаконских пастбищ» [ЦГА РСО-А. Ф. 270. Оп. 1. Д. 23. Л. 54].

Таким образом неприкосновенными остались только горные ущелья Большого Карачая, где много веков на одном месте находились крупные селения Карт-Джурт, Хурзук, Учкулан, Джазлык, Дуут [Социально-экономическое... 1985, с. 94]. Исследователь Ваганов писал: «Карачаевцы живут в таких неприступных местах, что вторгнуться к ним неприятель может только с согласия их самих. Власть наша над ними ещё не утверждена совершенно, и народ этот удерживается в повиновении более тем, что в продолжение большей части года многочисленные стада его, не находя достаточного корма в самом Карачае, должны пастись на принадлежащих нам полянах на плоскости» [Ваганов, 1867, с. 491]. Карачаевцы управлялись приставом, но влияние его там было незначительно, тот же Ваганов отмечал, что «он не входит ни в какие разбирательства дел, а наблюдает только по возможности, чтобы карачаевцы не пропускали через свои земли хищнических партий» [Невская, 1960, с. 18].

С севера вход в Карачай закрыли кордонные посты Хопёрской бригады, занявшие всю Верхнюю Кубань от станицы Невинномысский до Хумаринского укрепления. С запада Верхнекубанский участок кордонной линии Хоперского полка отрезал от Большого Карачая Зеленчуки, Уруп и Лабу, где земли объявили казёнными и часть отвели Кубанскому казачьему войску. Тебердинское ущелье карачаевцам вернули, но в 1860 г. Султан Казы-Гирей ввёл туда отряд линейного батальона для рубки леса и сплава его по Кубани [ГАКК. Ф. 347. Оп. 2. Д. 38. Л. 41].

Султаны в Кубанской области

Прорыв Магомет-Амина через Лабинскую линию показал её ненадёжность, и для строительства новых станиц власти решили освободить бассейн Лабы от местного населения, согнав его со своих мест как «пособников» наиба. Остатки бесленеевцев со Среднего Урупа и Тегеней ушли за Лабу, на её левый приток Ходзь [Венюков, 2004, с. 174]. Бесленеевцы и кабардинцы, бежавшие за Лабу, перешли в разряд «непокорных народов» [Анучин, 2001, с. 279]. Оставались в основном только ногайцы Нижнекубанского приставства, впрочем занимавшие равнины не Нижней, а Средней Кубани.

Ногайцы находились в военном управлении и государственных повинностей не несли, но по требованию командования выставляли конную милицию в 1 000 человек [Кочекаев, 1969, с. 52]. Более того, они уже отказывались платить подати и всё более роптали против своих владельцев, на страже интересов которых стояли российские власти. Так, в 1857 г. в аул Султана Сагат-Гирея по его просьбе для подавления народного бунта направили воинскую часть. Насильственные действия русского военно-административного аппарата по отчуждению земель для казачьей колонизации и вознаграждению офицеров из местной знати частновладельческими участками толкали ногайцев к переселению в Османскую империю.

Феодалы же, получившие самые крупные наделы, были заинтересованы в удержании на них подвластного населения в земельной зависимости, но не смогли этого сделать, и свои участки впоследствии продали. Короленко писал: «Закубанские горцы не в состоянии были сопротивляться нашим сильным отрядам, но все ещё крепились в разоряемой своей стране; одни только ногайцы, жившие между Кубанью и Лабой, не удержались на своих местах

и, не желая оставаться в зависимости России, почти все поголовно вышли в Турцию; туда же вышли с той местности и другие черкесы мелких племён» [Короленко, 2001, с. 440]. Так плодородные равнины Прикубанья освободились для казачьей колонизации.

Надо сказать, что донские казаки сопротивлялись как могли переселению на Северо-Западный Кавказ, оно было таким же «добровольно-принудительным», как исход местных народов в Турцию. 24 июня 1861 г. Александр II писал в рескрипте наказному атаману Кубанского казачьего войска генерал-адъютанту Евдокимову: «Переселение вперёд наших линий, конечно, не может не быть тягостным; но это переселение есть жертва, приносимая верноподданными для блага отечества. Казачье сословие предназначено в государственном быту для того, чтобы оберегать границы империи, прилегающие к враждебным и неблагоустроенным племенам и заселять отнимаемые у них земли» [Толстов, 1900, с. 465].

Заселяя казачьи станицы, правительство одновременно намеревалось наделить закубанских ногайцев участками для земледелия и садоводства, чтобы превратить их в «полезных и мирных граждан», лишив кочевий и, соответственно, возможности содержать многочисленные табуны, обеспечивавшие закубанцев прекрасными строевыми лошадьми для набегов. Венюков отмечал: «Это будет важным шагом в цивилизации всех закубанских туземцев» [Венюков, 2004, с. 176]. Но эти планы властей откладывались до окончательного покорения народов Западного Кавказа, между тем с осознанием бессмысленности борьбы западноадыгские и абхазо-абазинские народы вслед за ногайцами также стали склоняться к массовому переселению в Османскую империю, закончившуюся трагическим исходом большей их части в 1864 г.

В это время на Верхней Кубани Тохтамышевское приставство ногайцев вместе с абазинами аула Лоова и кабардинцами аула Касаева состояло из 16 000 человек, из них в 1859 г. эмигрировали 10 500 человек [РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 128. Л. 3]. В 1861 г. карачаевцев и тохтамышевцев объединили в Верхнекубанское приставство с центром в станице Баталпашинской. В него вошли карачаевцы (17 200 чел.), абазины-тапанта (5 000 чел.) и ногайцы-тохтамышевцы (4 500 чел.) [Венюков, 2004, с. 196, 210]. Хотя эта территория уже представляла собой тыл российских войск в Кавказской войне, значительная часть населения ушла в Турцию под

предлогом хаджа. До 1862 г. официально эмиграция была запрещена, так как турецкий султан отказывался принимать большие группы переселенцев из Российской империи, не отказывая только малым группам, шедшим в паломничество к святым местам в Мекку [Берже, 1999, с. 293]. Затем две империи договорились, и «мухаджирство» (вынужденное переселение в Османскую империю) охватило волной весь Северный Кавказ.

Российские власти, вмешиваясь во внутреннюю жизнь новых подданных и стараясь ввести у них порядки и законы, действующие в империи, особенно в землепользовании, вряд ли ожидали такой чрезвычайно масштабной эмиграции, очевидно, просто добиваясь от них большей покорности своей власти и уступки земель. Уверенные в цивилизаторской миссии России, её генералы, привыкшие к более покорному и терпеливому населению, недоумевали по поводу упорного нежелания горцев смириться. Главнокомандующий Кавказской армией так и писал царю в отчёте по военно-народному управлению за 1863–1869 гг.: «Стремление к переселению в Турцию служило и служит в этом населении выражением протеста против всякой правительственной меры, которая покажется для него почему-то неприятною или же тягостною» [РГВИА. Ф. 1268. Оп. 15. Д. 56. Л. 59].

В 1862 г. между Кубанью и Белой основным уже стало русское население – около 80 тыс. жителей в 60 станицах. «Целое население в 100–110 тыс. душ должно было исчезнуть или рассеяться, прежде чем надежда на мирный конец позволила расположить на богатых предгорьях Кавказа и на прикубанских равнинах казачьи станицы, эти аванпосты России на всех азиатских пределах», – писал служивший в этих местах исследователь Венюков [Венюков, 2004, с. 140]. Планомерное заселение казаками завоеванных территорий являлось стратегической задачей России для создания надёжного плацдарма для дальнейшего продвижения на юг, но особенно эффективной оказалась колонизация Северо-Западного Кавказа, так как большая часть местного населения переселилась в Турцию. Оставшиеся западноадыгские народы, жившие на землях от Лабы до Чёрного моря, в конце Кавказской войны были компактно расселены на территории современной Адыгеи.

В 1861 г. в Верхнекубанское приставство, в регион современной Карачаево-Черкесии, началось массовое перемещение кубанских но-

гайцев, бесленеевцев, беглых кабардинцев, абазин-шкарауа из Лабинского и Нижнекубанского приставств Кубанской области и абазин-тапанта из Ставропольской губернии [Венюков, 2004, с. 174]. Землю на новых местах в связи с начавшейся в империи крестьянской реформой предполагалось отводить в общинное пользование, а в частную собственность – только представителей высших сословий, которые «полезной службою и преданностью заслужили особенное внимание правительства», поэтому распределение земель началось с «аристократических» обществ [Социально-экономическое... 1985, с. 94]. Специально для них власти определили 400 тысяч десятин на левобережье Верхней Кубани от Усть-Джегуты до устья Малого Зеленчука [Социально-экономическое... 1985, с. 94, 86]. Однако из-за переселения значительной части народов в Турцию на этих землях вскоре водворились русские поселения, а для аулов остались места только по Малому Зеленчуку.

В земельные отношения карачаевцев власти не вмешивались, так как в отличие от других «аристократических» обществ Кубанской области у них существовало прочное право частной земельной собственности, регулируемое древним обычным правом – адатом. «Карачаевские бии (князья. – З. К.) были бесспорными феодальными владельцами, права и преимущества которых были узаконены адатом», – отмечал исследователь Леонтович [Леонтович, 2002, с. 274]. Царский чиновник Гаврилов писал, что «порядок пользования землями и сложившееся временем право частной собственности на землю уже настолько установился в Карачае, что у карачаевского общества не возникает в этом отношении серьёзных недоразумений» [Гаврилов, 1869, с. 76]. У других народов, как писал Сталь, «каждое семейство берёт себе земли, сколько ему нужно для запашки. О продаже земли, передаче её в наследство, уступке за калым не было никогда речи, и мы первые познакомили черкесов с мыслью, что землю можно превращать в деньги» [Сталь, 2001, с. 243]. Он же отмечал, что в Закубанье «поземельной собственности отдельно от своего народа князья и дворяне у черкесов никогда не имели» [Сталь, 2001, с. 262].

Российские власти всегда подчёркивали, что в ногайских обществах Султаны и мурзы «вели своё происхождение большей частью от Чингисхана, Батыя и других знаменитых вождей Востока» [Венюков, 2004, с. 177]. Однако и они не имели частной собствен-

ности на земли, а феодальные права распространялись только на подвластные аулы. Переходя в российское подданство после покорения Крымского ханства, ногайская аристократия сохраняла свои привилегии до отмены крепостного права. Когда кубанские ногайцы массово бежали в Турцию, на родине осталась только малая их часть во главе с владельцами, находившимися на российской службе или «почему-либо особенно расположенные» к России. Такими Венюков называл прежде всего Султана Казы-Гирея, мурз Мансуровых, Мамаевых, Карамурзиных и др. Российские власти награждали их земельными участками в частную собственность, обрекая ногайцев на поземельную зависимость от своих феодалов. Большая часть народа попадала в крайне стеснённое земельное положение, что также вынуждало их к переселению в Турцию.

Из-за проблем с земельным обеспечением у местных народов Кубанской области реформу по отмене крепостного права отложили до 1867–1868 годов. С потерей подвластных крестьян, владельцы оставались без общинных земель, которыми привыкли распоряжаться, поэтому власти щедро вознаграждали их землями «на полном помещичьем праве» [Социально-экономическое... 1985, с. 94–95]. Владельческие фамилии, «смотря по степени значения и оказанных каждым услуг правительству», наделялись землёй в частную собственность, дворяне или уздени получали земли в фамильную собственность, свободные крестьяне – нераздельным участком на целый аул. Крепостные крестьяне поселялись на землях своих владельцев. Владельцы аулов переселялись в Верхнекубанское приставство, где получали земли наряду с царскими чиновниками. В целом это была модель землеустройства горцев, наиболее пригодная и понятная для Российской империи, где господствовал классовый подход.

Крупные наделы земли по первой категории получили представители княжеских фамилий, служившие в русской армии, в основном, это были Султаны: генерал-майор Казы-Гирей, полковник Адиль-Гирей, полковник Сагат-Гирей, подпоручики Хан-Гирей и Азамат-Гирей и др. В начале 60-х годов ногайским Султанам и мурзам отмежевали земли в Верхнекубанском и Нижнекубанском приставствах: Ураковы получили по левому берегу Урупа 2 482 десятины, Мансуровы – по правому берегу М. Зеленчука – 1 000 десятин, Карамурзины – по левой стороне Кубани – 892 десятины, Ахловы – вдоль левого берега М. Зеленчука – 308 десятин, семья Давлет-Гирея

– 500 десятин, семья Казы-Гирея – 5 000 десятин по Б. Зеленчуку, Султан Адиль-Гирей с племянниками – 13 000 десятин, Мусса Туганов – 5 000 десятин, Адиль-Гирей Капланов-Нечев – 5 274 десятин. В 1863 г. ногайским феодалам отмежевали ещё 14 участков в Верхнекубанском между Кубанью и Зеленчуком. Всего в 1862–1863 гг. в Урупском и Зеленчукском округе выделили в потомственное владение 27 участков площадью 55 936 десятин [ЦГИА Грузии. Ф. 545. Оп. 1. Д. 27. Л. 219 (Из личного архива д-ра ист. наук В. П. Невской)].

Ногайские кочевья отошли казакам, что вскоре привело к почти полному исчезновению ногайцев в Лабинском и Урупском округах Кубанской области, в Пятигорском уезде Ставропольской губернии. Некоторые ногайские владельцы сами спешили переселиться со своими аулами в Верхнекубанское приставство в надежде сохранить свои привилегии [ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 113. Л. 2]. Так, Султан Давлет-Гирей, поселившийся в 1861 г. со своим аулом из 65 рабов («ясыри») и 11 семей крестьян в Ставропольской губернии, в 1865 г. из-за отмены крепостного права переселился с ними в Зеленчукский округ «военного ведомства», чтобы там сохранить свои права на них [ГАСК. Ф. 58. Оп. 1. Д. 13. Л. 244].

В 1862–1863 гг. некоторые абазинские и ногайские владельцы вывели аулы с Кумы и поступили в ведение Верхнекубанского пристава. Им также были отведены места на Малом Зеленчуке. Туда же в 1865 г. предполагалось выселить два аула Трабова с левого берега и аул Джантемирова с правого берега Кумы, однако по просьбе жителей власти оставили их на Куме, но переместили «за границу» Ставропольской губернии в Верхнекубанское приставство, объединив в один аул [ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 116. Л. 4 об.]. Так, на правобережье Верхней Кумы образовался аул Кумско-Лоовский (ныне с. Красный Восток в Карачаево-Черкесии). Остальные абазины после отмены крепостного права переселились в Кабарду [Бейтуганов, 2007, с. 64].

В 1863 г. переселился с правобережья Верхней Кубани на левый берег Малого Зеленчука родной аул генералов Азамат-Гирея и Казы-Гирея – Тохтамышевский (ныне с. Икон-Халк в Карачаево-Черкесии). Самых Султанов, пытавшихся в качестве российских офицеров содействовать этому, в живых уже не было. Так, ровно через 150 лет после переселения их предка сераскира Бахты-Гирея из Крыма в столицу Кубанской орды Копыл на Нижней Кубани ногайцы

окончательно переместились на Верхнюю Кубань. Все кубанские ногойцы были переведены на прочную оседлость и приписаны к трём большим аулам: Карамурзинский на р. Кубань, Тохтамышевский и Мансуровский в низовьях Малого Зеленчука [Алиева, 2010, с. 213].

Поселённых на Верхней Кубани ногойцев, абазин-тапанта, абазин-шкарауа, беглых кабардинцев и бесленеевцев объединили в отдельный Зеленчукский округ. Карачаевцев же выделили в отдельный Эльбрусский округ, оставив пастбищные места за пределами Большого Карачая в казне, поэтому В. М. Сысоев писал: «Огромные стада этого племени пасутся на землях, находящихся в наших руках» [Сысоев, 1913, с. 154]. Из-за катастрофической нехватки земли во время крестьянской и земельной реформ по настоянию начальника округа Н. П. Петрусевича карачаевцам вернули часть изъятой территории по р. Теберде, Маре и Джегуте, где на местах их старых кошей (хуторов) были созданы новые крупные селения, но уже с правом общинного землепользования.

Военно-гражданское управление в Кубанской области позволило властям силовыми и мирными методами привести местные народы к окончательной оседлости на отведённых им местах, провести административные и аграрные преобразования и остановить на некоторое время процесс массового переселения в Османскую империю. После проведения крестьянской и земельной реформы правительство упразднило систему военно-гражданского управления, и 1 января 1871 г. в связи с образованием в Кубанской области гражданской системы управления горское и русское население вошли в состав 5 уездов. Н. Г. Петрусевич возглавил Баталпашинский уезд, объединивший территории и народы бывших Эльбурского, Зеленчукского, Урупского округов и станиц Кубанского казачьего войска. В его ведении оказались русские (казаки), карачаевцы, кубанские ногойцы, абазины (тапанта и шкарауа) и черкесы (закубанские кабардинцы и бесленеевцы).

Во второй половине XIX в. пространство между Зеленчуками и Большой Лабой уже было занято скотом не только карачаевцев, но и новых поселенцев. Впрочем, исследователь С. В. Ваганов отмечал: «Карачаевцы – единственный народ-горец, не покидающий своих летних кормильцев, гор, даже и зимою. Все же остальные являются на всём хребте так называемого Кубанского Кавказа лишь гостями в течение летних пастбищ» [Ваганов, 1899, с. 38, 50].

Формально земли всех аулов Баталпашинского уезда, включая и новые селения карачаевцев, находились «в казне», т. е. были государственными. «Большинство земель признано казёнными, с предоставлением сельскому населению лишь права общественного пользования отведёнными наделами. Право частной собственности укреплено по преимуществу только за представителями высших классов населения», – писал исследователь Линден [Линден, 1917, с. 40]. В Баталпашинском уезде из 2 млн 400 тыс. десятин земли более 1 млн 100 тыс. было отдано под казачьи станицы, около 200 тыс. – под невойсковые поселения, по 100 тыс. десятин – русским и горским частным землевладельцам и около 900 тыс. десятин оставлено в казне [Невская, 1964, с. 15].

***

Последние представители Султанов окончательно потеряли «командную роль в общественно-политической жизни закубанских народов» и вели частную жизнь. Исследователь Кочекаев писал: «Снижение их роли в политической жизни ногайского общества объясняется окончательным вхождением ногайского народа в состав России и установлением царской колониальной администрации на Северном Кавказе» [Кочекаев, 1973, с. 58]. В мирной жизни, наступившей в пореформенный период, немногочисленные Султаны представляли собой, видимо, такую экзотику, что иногда с их сословной и этнической атрибуцией возникали проблемы.

В 1867 г. помощник начальника Кубанской области по управлению горцами Дукмасов в записке кавказскому наместнику относил Султанов, князей и узденей 1-й степени к высшему сословию, пользовавшемуся правами, «подобными феодальным». При этом сделал примечание: «Звания султанов между горцами издревле не существовало. Теперешние горские султаны суть потомки крымских Гиреев» [Магаяева, 2003, с. 168]. В 1873 г. в «Ведомости горских сословий Кубанской области» отдельно от всех народов и их знати указаны только те Султаны, которые «выслали в сословную Комиссию депутатов» [ГА РСО-А. Ф. 262. Оп.1. Д. 22. Л. 96–98]. Благодаря личному присутствию в ведомость попали: в Баталпашинском уезде – 5 семей (8 муж.), в Майкопском уезде – 3 семьи (5 муж.). Кроме того, в ведомости указаны Султаны, проживающие в Пятигорском уезде: Джамбек-Гирей и Тохтамыш-Гирей – 2 семьи (2 муж.), сыновья генерал-майора Менгли-Гирея.

Тогда же «Общая ведомость о числе семейств и в них лиц мужского пола высшего сословия Кубанской области по сведениям уездных управлений» зафиксировала: Султаны в Кубанской области – 18 семей, 33 души мужского пола; кабардинские пши – 14 семей, 35 мужчин; абазинские аха – 47 семей, 144 мужчины; ногойские мурзы – 33 семьи, 77 мужчин; бесленеевские пши – 6 семей, 15 мужчин; бжедухские пши – 22 семьи, 42 мужчины; натухайские пши – 1 семья, 2 мужчин; темиргоевские пши – 3 семьи, 8 мужчин; карачаевские бии – 35 семей, 93 мужчины.

Однако уже в 1874 г. в «Списке лицам Туземного происхождения Баталпашинского уезда Кубанской области произведённым в офицерские чины», составленном сословной комиссией, обнаруживается стремление завуалировать высокий статус Султанов [ЦА РСО-А. Ф. 262. Оп. 1. Д. 22. Л. 119–133]. Так, в графе «Из какого сословного происхождения» сословный титул Султанов превращён просто в фамилию, а сословие и национальность не указываются. Например: штабс-капитан Хан-Гирей Султан Сагат Гиреев, «из какого сословия происходит – неизвестно»; ротмистр Султан Селим-Гирей, «сословие – неизвестно»; поручик Султан Азамат Гирей Сагат Гиреев, «сословие – неизвестно».

Это могло быть попыткой преднамеренного игнорирования высокого статуса Султанов, хотя буквально за несколько лет до этого, в 1867–1868 гг., начальник Баталпашинского уезда Петрусеви́ч составил для комиссии по разбору сословий в Кубанской и Терской областях «Записку о горцах Баталпашинского уезда», в которой писал: «Сословие султанов весьма немногочисленно и разбито по разным местам в целой области. Султаны считают свою родословную от крымских ханов. И у главнейших представителей этого сословия (ген.-м. Свиты Его Величества Султана Адиль-Гирея и штабс-ротмистра Селим-Гирея), вероятно, есть разные доказательства, по которым можно добраться до родоначальника Султанских фамилий, проживающих теперь в уезде». Петрусеви́ч уверенно писал: «По своему происхождению (и по нравам) они должны быть поставлены выше всех остальных горских сословий во всех племенах без исключения» [ЦГА РСО-А. Ф. 262. Оп. 1. Д. 17. Л. 107–108 об.].

В 1872 г. по списку Петрусеви́ча в Баталпашинском уезде жили «из сословия Султанов»: Каплан-Гирей, «из крымских ханов», в ауле Шахгиреевский (в семье 2 муж.); Шахым-Гирей, «их крымских

султанов», в ауле Бибердовский (в семье 1 муж.); Алхаз-Гирей Ериков в ауле Лоовско-Кубанский (1 муж.); Менгли-Гирей Давлет-Гиреевич в ауле Тохтамышевский (2 муж.); Ислам-Гирей, «крымский султан», в ауле Мансуровский (2 муж.) [Генеалогия... 2007, с. 76, 91, 93, 96, 99]. В Урупской станице на р. Уруп жил Селим-Гирей, и отдельные семейства Султанов жили в Майкопском и Екатеринодарском уездах. В отчётах комиссий статус и происхождение Султанов находились под пристальным вниманием. Отмечалось, что часть их, например, Менгли-Гирей и Шахым-Гирей переселились в Турцию, Алхаз-Гирей Ериков умер, остались только Каплан-Гирей и Ислам-Гирей [Сборник документов... 2003, с. 303]. Их потомки подверглись гонениям после революции, как и все представители высших сословий, объявленные классовыми врагами.

Надо сказать, что в XIX в. эмиграция в Османскую империю охватила в основном ногайцев из Ставропольской губернии и Кубанской области, исторически имевших более тесные связи со Стамбулом, тогда как из Дагестанской и Терской областей переселений ногайцев практически не было, как не было там и сословия Султанов. Оказавшись в разных частях бывших обширных кочевий, ногайский этнос так и не получил единого административного устройства и оказался в качестве этнического меньшинства в разных областях Северного Кавказа. Разделение этноса и принуждение к эмиграции, возможно, не входило в стратегические планы Российской империи, но не случайно конец ногайских орд некоторым исследователям XVIII–XIX вв. представлялся как некий исторический реванш России за владычество над нею некогда Золотой Орды, которую олицетворял ногайский этнос, судя по замечанию Венюкова: «Народ этот есть один из любопытных остатков монголо-татарских вторжений в Европу» [Венюков, 2004, с. 175].

**Ногайцы и абазины в Кавказской области
(1830–1840-е годы)**

Когда на Левом и Правом флангах Кавказской линии шла Кавказская война, к северу от неё, в Кавказской области, уже началась крестьянская колонизация. В ставропольских степях стремительно сокращались кочевья ногайцев, власти контролировали и ограничивали любые перемещения, пресекая попытки владельцев защитить интересы народа, изнемогавшего от нехватки земли для кочевого скотоводства, от непосильных повинностей и податей. Особенно тяжело приходилось аулам, в которых не было достаточно грамотных и влиятельных лиц, способных наладить контакты с российской администрацией. Поэтому, например, один из джембойлукских аулов из 70 кибиток, кочующий в Моздокском округе на Горькой речке, призвал к себе на жительство Султана Мурат-Гирея. Как «старшина» аула, он написал главнокомандующему в Тифлис о недостатке земли, занимаемой его подвластными, и 15 августа 1836 г. в Ставрополь пришло предписание «сделать добавку земли для помянутых магометан» [ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1885].

Однако начальник Кавказской области А. А. Вельяминов не исполнил этого предписания, сославшись на то, что Мурат-Гирей с братом Аджи-Гиреем, сыновья капитана российской службы Султана Кудайнета, прибыли из Крыма 23 года назад, имеют 40 лошадей и 30 штук рогатого скота, отбывают все казённые повинности и «подвластных им решительно никого не имеется», а к джембойлукцам просто «причислены». Несмотря на то что Мурат-Гирей отслужил в лейб-гвардии горском полуэскадроне и был избран ногайцами ходатаем перед властями, Вельяминов счёл, что «звание старшины народа присвоено им несправедливо» и «просьба Мурат-Гирея об отводе ему земли для кочевья не основательна и не заслуживает уважения», — как он донёс главнокомандующему 31 марта 1837 г. Так, попытка джембойлукцев реанимировать обычай принятия к себе Султана из рода Гиреев, облакая его с учётом российских реалий властью выборного «старшины», не удалась.

Особенную заинтересованность власти Кавказской области проявляли к землям «Кумских аулов» в Пятигорье, которое интен-

сивно заселяли русским населением. Ссылки властей на необходимость обезопасить Кавказские Минеральные Воды от набегов были преувеличенными, ведь даже охрана здесь снималась за ненужностью. Так, в 1835 г. барон Розен писал по поводу Кисловодской крепости: «По успехам нашим против горцев уже не предвидится надобности делать там какие-либо новые укрепления, и крепость сия по Высочайшей воле упразднена» [АКАК. 1881. Т. 8, с. 816]. Смешанное ногайско-абазинское население Пятигорья осталось без своего «ходатая» перед властями, так как сыновья Султана Менгли-Гирея наследовали его земли и крепостных крестьян, но, разумеется, не должность пристава.

Первыми с Верхней Кумы стали вытесняться абазины, они уходили в Кабарду, где к тому времени обосновался на Малке аул Трамова. Так, в 1837 г. уздени Коковы из Калмыкаевского аула, которые «20 лет назад прибыли из гор гостями к умершему генерал-майору Султану Менгли Гирею с довольным числом крестьян», подали пристава жалобу на бывших крепостных, отпущенных ими на волю за выкуп по 1 500 рублей, но переселившихся в Кабарду, не выплатив всей суммы [ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1787. Л. 19, 24]. В архивном деле сохранились написанные эфенди Челебием арабскими буквами на татарском языке «отпускные», по которым они переселились.

О заинтересованности и прямом участии властей в выселении абазин из кумских аулов говорят доносы местного начальства губернатору, что абазины противятся переселению, так как у них «нет средств кочевать», т. е. переселяться [ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1787. Л. 97–98]. Тем не менее комиссия начала поиски земли, «на которую желают переселиться абазинцы, проживающие ныне на земле Султана Менгли Гирея» [ГАСК. Ф. 79. Оп. 2. Д. 539. Л. 7]. Частью они переселились в Кабарду, частью – в Карачай. Единственной причиной вытеснения абазин с их мест являлось желание завладеть их землями. Так, беглые князья Лоовы, примирению которых с русскими властями содействовали в 1835 г. разведчик Ф. Ф. Торнау и Султан Азамат-Гирей, вернулись на Куму и стали принуждать абазинские аулы к переселению на Кубань [Торнау, 1994, с. 63]. Однако абазины не хотели переселяться, и тогда Лоовым помогли российские власти, прислав казаков для их насильственного переселения [Социально-экономическое... 1985, с. 58].

Примечательно, что 18 октября 1838 г. штаб-ротмистр Султан Арслан-Гирей, старший сын Менгли-Гирея, подал рапорт начальнику

Кисловодской линии о бунте абазин против переселения под предводительством Юсупа Какупшева, отметив его недостойное, на взгляд Султана, поведение: «Вместо того чтобы ожидать моего разбирательства, потеряв уважение ко мне, в присутствии моём, против народного обычая, Какупшев осмелился дерзкими неприличными словами обидеть своего владельца Саралыка (Саралыпа Лоова. – З. К.), который из уважения ко мне должен был перенести таковую обиду в молчании, за каковую дерзость и забытие самого себя я велел его взять под арест» [Социально-экономическое... 1985, с. 50–52].

Султаны выступали в своей обычной роли медиаторов и хранителей обычного права – адата, поэтому в данном случае за разъяснением прав князей и свободных общинников власти обратились к генерал-майору Султану Азамат-Гирею и подполковнику Мамат-Гирею Педисову, которые подтвердили, что «уздени и вольноотпущенники обязаны следовать за обществом своим при переселении». Так часть абазин-тапанта, подвластных Лоовым, переселили за Кубань.

Ногайские пастбища в Кавказской области изымались в казну для продажи и передачи в аренду новым поселянам. В 1840 г. Кавказская палата государственных имуществ объявила торги и выставила «с отдачею в оброчное содержание от 1 до 3 и 12 лет» по Ставропольскому округу 13 участков, по Кизлярскому округу – 8 участков, по Моздокскому округу – 4 участка, по Пятигорскому округу – 51 участок [ГАСК. Ф. 407. Оп. 1. Д. 674. Л. 74–76]. Кочевья ногайцев изымались в казну по причине «пустопорожности», т. е. отсутствия там постоянных поселений. Так, были проданы земли: Щелканская между речками Буйволы и Томузловка – удобной 5 000, неудобной 1 185 и 1 200 десятин; Мокро-Буйвальская на правой стороне Мокрой Буйволы – удобной 1 000, неудобной 194 и 2 041 десятин; Томузловская на левой стороне Томузловки – 1 500 и 1 500 удобной, 1 155 и 999 неудобной; на правой стороне Кумы – 3 000 удобной и 2 380 неудобной; Саблинская-подгорная при речке Сухом Карамыке – удобной 2 000, неудобной 2 065; Бештаво-Горская у горы Бештау – 1 000 удобной; степь Калаусо-Янкульская по Калаусу и Янкулям – 66 975 десятин.

Это были не первые торги Кавказской палаты государственных имуществ землями кочевников и, конечно, не последние. Смириться с потерей кочевий было нелегко, пути передвижения скота затруднялись, приходилось конфликтовать с новыми хозяевами, но на страже интересов последних стояли власти. Так, в 1839

году моздокский купец 1-й гильдии Улуханов взял на 3 года в оброчное содержание 10 тыс. десятин казённой пустопорожней земли в Пятигорском округе, «начиная от межи Касаевой ямы, прилегающая частью к Горькой балке (называемой по-татарски Куру Ачлау)» и просил распоряжения властей, чтобы «ногайцы ни под каким предлогом не смели кочевать на казённой земле» [ГАСК. Ф. 407. Оп. 1. Д. 674. Л. 78]. Главный пристав магометанских народов 2 июля 1840 г. предписал Калаусо-Джембойлуковскому приставу «иметь неослабное наблюдение, дабы вверенный Вам народ не вкочёвывал в эти казённые земли, отведённые Улуханову по опасению за противное строгого взыскания по законам».

Свободные ногайцы вытеснялись не только с кочевий, но также с частных земель наследников Менгли-Гирея, и часть ногайцев из аула Покорившаго на Куме в 1840 г. переселилась «на казённую землю, находящуюся близ Кумского ретраншементы» ниже по левобережью Кумы, устроив аул Канкешу. Этот аул, как и переселённые туда ранее абазины, состоял в ведомстве пристава Устинова, поэтому он содействовал переселению из аула Покорившего и остальных ногайцев, уверив начальство, что препятствия со стороны абазин не будет [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 3636. Л. 25]. Он пресёк попытки абазин протестовать против заселения к ним ногайцев, а узденя Борова, пытавшегося указать на недостаток земель в этой местности, представил властям просто человеком «беспокойного характера» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 3636. Л. 31–32 об.]. В 1842–1844 гг. состоялось переселение 25 ногайских семей «вслед за абазинами». Пристав указывал, что они переселяются с земли, доставшейся по разделу во владение корнету Джамбет-Гирею (Джанибек-Гирею. – З. К.), младшему сыну Менгли-Гирея [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 3636. Л. 1].

Начальник области разрешил это переселение, так как землевладелец запрещал ногайцам пользоваться его землёй, и они, «не имея своего места, должны неминуемо претерпевать во всём недостаток и самую крайность». Свободные ногайцы, живущие на частной земле Султанов, перешедших в сословие помещиков, естественно, лишались права пользоваться ею бесплатно. Власти же были заинтересованы в обложении их государственными повинностями. Так, 10 января 1844 г. начальник области распорядился переселять ногайцев из аула Покорившего «с обязанностью отбывать определённые законом повинности, без всякого изменения в порядке для этого установленном» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 3636. Л. 28].

Сам пристав Калаусо-Саблинского и Бештаво-Кумского народа Устинов перенёс центр своего приставства с Кумы на Калаус в аул Суалаклы (Салаклы), удалив оттуда ногайский аул Азамата Карамурзина, впрочем, переселение было представлено как его желание [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 3332. Л. 1–1 об.]. Прикомандированный к Хопёрскому казачьему полку корнет Карамурзин обратился к приставу с просьбой ходатайствовать за него в переселении с подвластными ему семействами на речку Крымгирей. Устинов написал начальству, что Карамурзин со своим аулом терпит «крайний недостаток в воде, неурожай травы и хлеба» и хочет переселиться в места, прежде занимаемые его умершим отцом у речки Крымгирей, на «пустопорожней и удобной земле, принадлежащей калаусским ногайцам» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 3332. Л. 3–3 об.]. О том, что эта земля в 5 верстах от аула Суалаклы принадлежала его отцу, Карамурзин указал в своём прошении; и этот арабописьменный текст на татарском языке от 22 марта 1840 г. и его перевод сохранились в архивном деле.

Главный пристав писал в комиссию, учреждённую для наделения землями кочующих в Кавказской области магометанских народов, что Карамурзин просит о дозволении переселиться с 53 подвластными семействами на р. Крымгирей и «препятствия к переселению Карамурзина с настоящего места, где он действительно претерпевает во всём недостаток, не имеется» [ГАСК. Ф. 79. Оп. 2. Д. 539. Л. 2–5]. Однако комиссия не нашла в своих планах ни речки, ни урочища Крым-Гирей, кстати, так же как и мест, куда хотели переселиться абазины с земли наследников Менгли-Гирея [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 3332. Л. 7]. Как видим, российское присутствие охватывало далеко не все места даже в пределах мирной Кавказской области, чем и пытались воспользоваться владельцы, уводя свои аулы подальше от тягостного надзора, обременительных повинностей и поборов приставов, а главным образом из-за изъятия у них лучших земель.

Устинов провёл «дознание», нашёл и описал укромные места у речки Крымгирей в рапорте от 30 июля 1840 г., доложив, что земля эта находится на правой стороне Калауса в 7–8 верстах от аула Суалаклы близ речки, «называемой с весьма давнего времени всеми ведомства моего жителями Крым-Гирей». Речка брала начало от горного источника на вершине Бриковой (Ярыковой) горы и, протекая на расстоянии 20 вёрст, разделялась на мелкие ручейки неподалёку от Саблинского аула. До 1810 г. там был поселён аул Крым-Гирея, кото-

рый посадил грушевые деревья, и по его имени называлась речка и местность [ГАСК. Ф.79. Оп. 2. Д. 539. Л. 11]. Оказалось, что аул Крым-Гирея в своё время переселился за Кубань, и ставропольские власти указали «сделать справку в Чертёжной с планом земли, оставшейся за уходом ногайцев за Кубань» [ГАСК. Ф. 79. Оп. 2. Д. 539. Л. 17–21]. Земли эти были признаны «казёнными» и начальник области генерал-адъютант Граббе разрешил в 1840 г. переселение Карамурзина. В апреле 1841 г. его аул поселился там и стал называться Крымгирей [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 3332. Л. 12 об. – 14].

В 1845 г. в аул Крымгирей переселили также аул Шулак из 33 дворов с Калауса из-за «крайнего недостатка воды в летний период». На самом деле после разграничения в 1844 г. земли между аулами Касаевского рода и станицей Круглолесской шулакцы оказались без пастбищ, поэтому пристав просил переселить их «во избежание крайности и могущих возникнуть с круглолесскими казаками тяжб». Аул Шулак решили переселить для совместного жительства в аул Крымгирей, «с которыми, как одного куба (рода. – *З. К.*), отбывают общественную повинность» [ГАСК. Ф. 79. Оп. 2. Д. 1307. Л. 1–5]. Жители аула Крымгирей согласились принять к себе аул Шулак, видимо, под угрозой пристава лишить их самих права проживания там, иначе зачем ему понадобилось напоминать, что на точную принадлежность им занимаемой земли «документов у них никаких не имеется». Власть предусмотрительно не оформляли письменно ногайские земли, что оставляло широкий простор для манипулирования ими.

Климат и природа в ставропольских степях совсем не располагали жить на строго ограниченных местах постоянно и содержать там скот, на что и указывали в своих прошениях ногайцы. Так, князь Килимбет Касаев из аула Бурунши из 47 дворов писал: «Я и все жители претерпеваем, в особенности летом, крайний недостаток в воде, потому что р. Янкуль, протекающая по земле ногайской, безводна и, наполняясь от дождей, через весьма короткое время высыхает от сильного жара или же, протекая по солонцеватому грунту, делается горько-солёной и затхлоу; через это становится не только негодною для пищи, но даже вредною для здоровья жителей» [ГАСК. Ф.79. Оп. 2. Д. 1007. Л. 1 об.].

Попытки властей Кавказской области закрепить аулы на постоянных местах и урезать кочевья ногайцев привели к тому, что они

пытались уйти из российских пределов. Кроме того, распространились слухи «о передаче кочующих магометанских народов в военное ведомство, за которою может быть последует изменение и в поселении их», — как писал Устинову в 1840 г. главный пристав Миронович, осведомлённый о планах правительства [ГАСК. Ф. 79. Оп. 2. Д. 1307. Л. 5]. В 1841 г. ногайцы просто засыпали Мироновича прошениями на поездки в Мекку, судя по десяткам таких арабописьменных текстов на татарском языке в архивном деле [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 3357. Л. 84–89, 92–94, 100–124, 131–132]. Очевидно, что выездом в паломничество в Мекку мусульмане хотели воспользоваться как поводом, чтобы остаться навсегда в Османской империи.

Большая часть кумских ногайцев «Касаева рода» жила за Кубанью под именем мансуровцев, и мурзы из Пятигорья хотели переселиться со своими аулами к ним, но там шли военные действия, поэтому власти всячески препятствовали их связям. Так, в переселении за Кубань отказали в 1842 г. мурзе Джамбулату Наурузову, хотя «подвластные его отца в мирном ауле Мансурова желали его принять» как законного наследника умершего в 1841 г. отца [ГАСК. Ф. 79. Оп. 2. Д. 713. Л. 2.]. Управление мирными горцами штаба войск Кавказской области и Черномории отказало Наурузову из-за отзыва тогдашнего командующего войсками Кубанской линии Засса о его неблагонадежности и нецелесообразности переселения в аул Мансурова, где якобы «10 семейств холопей принадлежат после смерти отца не ему, а родственникам» [ГАСК. Ф. 79. Оп. 2. Д. 713. Л. 9].

В 1845 г. в Кавказской области насчитывалось 46 кумских аулов: касаевцев — 25, едишкульцев — 5, едисанцев — 7, абазин — 9 [Бентковский, 1883, с. 85]. Из них крупнейшие жили оседло и занимались не только скотоводством, но и земледелием, например, аул Покоривший на Куме, аул Султана Тохтамыш-Гирея, Касаевский аул Султана Азамат-Гирея на Калаусе, Джанахматовский (Калмыкаевский) кумский аул Султана Крым-Гирея, Канглинский (Султановский) на Куме, Четен-Салган в Калаусо-Саблинском народе, аул Кирк Султана Арслан-Гирея, кроме того, аул Тохтамышевский на правобережье Верхней Кубани. Обширные кочевья по Калаусу, Сабле, Куме и др. переходили в разряд «казённых», мелкие аулы вытеснялись в места, ещё не попавшие в зону колонизации.

Вытеснение аулов из Ставропольской губернии

В 1847 г. Кавказская область была преобразована в Ставропольскую губернию. В результате размещения массово прибывающих переселенцев из внутренних губерний России непрерывно сокращались кочевья ногайцев и менялась локализация их аулов. И всё же по статистическим отчётам управления Кавказскими магометанскими народами можно представить картину их расселения в этот период. Так, в Моздокском и Георгиевском уездах при Горькой балке (Ачикулак) продолжали кочевать ногайцы джембойлукские (6 834 души) и едисанские (5 089 душ), при этом указано, что аул Ачикулак стоит на своём месте с 1799 г. [ГАСК Ф. 70. Оп. 2. Д. 298. Л. 11–11 об.]. Аулы включали от 5 до 50 кибиток и, очевидно, в местах постоянного жительства имели мечети и мектебы для молитв и обучения, поскольку грамотных ногайцев для того времени было немало: детей, знающих по татарской грамоте среди джембойлукцев – 243, едисанцев – 114, а среди взрослого населения число умеющих читать и писать – 299 джембойлукцев и 227 едисанцев.

В Калаусо-Саблинском и Бештаво-Кумском приставстве с центром в ауле Суалаклы на Калаусе насчитывалось 12 622 человека, они занимались хлебопашеством, но главной отраслью оставалось кочевое скотоводство [ГАСК. Ф. 70. Оп. 2. Д. 203. Л. 21–22]. В их аулах действовали 63 мечети. Понятно, что обучение детей грамоте и занятие земледелием предполагает наличие оседлости аулов. И действительно, в статистическом отчёте за 1848 г. пристав Устинов отметил, что его подведомственный народ численностью 12 243 человека в 1 875 домах имеет оседлость в 40 аулах на казённой земле по рекам Кума, Джумуха, Кош, Сурахлы, Сабля, Мокрый Карамык, Калаус, Б. и М. Янкуль и Горькая, в которых, кроме Кумы, Карамыка и Сурахлы, летом «от сильных жаров и без дождя вода совершенно высыхает» [ГАСК. Ф. 70. Оп. 2. Д. 298. Л. 11]. Заметим, что всего за один год численность в приставстве уменьшилась на 379 человек.

Пристав дал также подробную ведомость о числе жителей Калаусо-Саблинского и Бештау-Кумского народа, бывшего Бештовского приставства, по сословиям: дворян потомственных Султанов – 4 муж., 4 жен., мурз – 120 муж., 132 жен., духовенства – 100 муж., 140 жен., ногайцев и абазинцев – 5 883 муж., 5 859 жен., инородцев, имеющих промышленность – 37 муж., 40 жен. Все Султаны, наследники Менгли-Гирея, являлись обер-офицерами на службе [ГАСК. Ф. 70.

Оп. 2. Д. 298. Л. 7]. В других ногайских приставствах Ставропольской губернии сословия Султанов не было.

По статистическому отчёту главного пристава магометанских народов полковника Багратион-Мухранского за 1849 г., во всей губернии насчитывалось 87 468 «инородцев», как стали называть местные народы, из них в Ставропольском округе калаусо-джембойлукцев – 15 091 чел., калаусо-саблинцев и бештавокумцев – 12 490 чел.; в Пятигорском округе ачикулак-джембойлукцев и едисанцев – 8 547 чел., в Кизлярском округе караногайцев и едишкульцев – 38 450 чел., трухмянцев (туркмен) – 12 890 чел. [ГАСК. Ф. 70. Оп. 2. Д. 336. Л. 42–42 об.] В 1850 г. числилось калаусо-саблинских, калаусо-джембойлукских и бештавокумских ногайцев – 27 124 чел., ачикулак-джембойлукских и едисанских – 7 600 чел., караногайцев и едишкульцев – 38 819 чел. [ГАСК. Ф. 70. Оп. 1. Д. 305. Л. 47].

Ставропольские ногайцы добросовестно несли «аробную» повинность, бесплатно выделяя для государственных и военных нужд 1 000 арб с 1 000 погонщиками [ГАСК. Ф. 70. Оп. 2. Д. 298. Л. 12. Л. 15об]. Власти же для роста их благосостояния долго не учреждали ярмарки и базары, жизненно необходимые для реализации продуктов обширного скотоводства и приобретения необходимых товаров. Уменьшение пастбищ и рынков сбыта вело к снижению поголовья скота и массовым перекочевкам с обжитых мест, особенно в засушливые годы. Так, в 1848 г. из-за засухи многие ногайцы для спасения скота отбыли в другие места.

Особенно интенсивно шёл процесс вытеснения ногайцев с плодородных земель Пятигорья. Так, 14 декабря 1848 г. Ставропольская палата государственных имуществ начала отмежевание дополнительных земельных наделов для колоний Пятигорского уезда Каррас, Николаевской и Константиновской из Калаусо-Янкульской степи, заключающей в себе 330 тысяч десятин, отобранной в казну из-за ухода части ногайцев за Кубань, но затем возвращённой им под кочевья. Здесь же прямо указывается, что у ногайцев отобрали эту степь в 1837 г., когда император повелел обратить их в казачье сословие со всеми имеющимися в их владении землями, чтобы причислить к казачьим полкам и наделить наравне с казаками по 30 десятин. Однако тогда из-за переноса Кавказской линии на Лабу и переселения казаков в Закубанье, «исполнение этой Высшей воли оставлено до времени» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3 Д. 5164. Л. 3–4].

В конце 1848 г. Устинову приказали прирезать из Калаусо-Янкульской степи 2 500 десятин из земель касаевских и едисанских ногайцев для колоний Каррас, Николаевская и Константиновская, прилегавших к землям аулов Найманова, Старо- и Ново-Покорившего (Султановский), Большого и Малого Кирковского (Кырк аул). Пристав пытался защитить их интересы и писал, что кумские аулы не имеют большого избытка в земле и не могут уделить её кому-либо, но из-за близости их к колониям, а также «по кляузному характеру немцев и невежеству ногайцев происходит между ними спор, и сии последние за пропуск своего скота на землю первых делаются всегдашние данники» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 5164. Л. 9]. Ставропольская палата государственных имуществ настаивала на изъятии, уверяя, что Калаусо-Янкульская степь достаточно обширна, и кочующие на ней народы не почувствуют недостатка в земле. Устинов упорствовал, указывая, что ближние к немецким колониям аулы имеют постоянную оседлость, а не кочуют, поэтому изъятие у них земли «будет весьма ощутительно».

Тогда Устинова лишили должности пристава и заменили на кабардинского князя штабс-капитана Мисостова. 29 ноября 1849 г. начальство приказало ему наделить землёй и поселить 18 семейств немецких колонистов из Саратовской губернии на место Наймановского аула, который якобы хочет переселиться в Турцию [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 5164. Л. 13–13 об.]. Но в начале 1850 г. Мисостов жаловался на нежелание этого аула переселяться, а другого такого привлекательного места для колонистов он не нашёл [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 5164. Л. 19].

В это же время генерал-майор Султан Азамат-Гирей из Тохтамышевского аула обратился к командующему войсками Кавказской линии Завадовскому с просьбой с наступлением весны переселиться с 10 семьями крестьян в Ставропольскую губернию под Брикову гору. Начальник штаба войск интересовался у пристава, «не встретится ли на это переселение каких-либо местных препятствий и не будут ли стеснены ногайцы этим поселением Азамат Гирей в среде их» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 5164. Л. 15]. На что в рапорте от 12 февраля 1850 г. Мисостов ответил: «Под Бриковой горой аул Касаевского рода может быть совершенно стеснён... как в хлебопашестве, так и в сенокосении». Так в обычной перекочёвке аула было отказано даже Султану Азамат-Гирею. Впрочем, в том же году он

получил чин генерал-лейтенанта и был награждён земельным участком в частную собственность.

22 мая Завадовский лично написал письмо его племяннику Султану Арслан-Гирею по такому ничтожному поводу, что возникает подозрение о начале натиска властей и на землевладельцев: «Ногайцы, которые доставят Вам эту бумагу, жалуются, что Вы стесняете их в пользовании необходимою для них землёю. В уверенности на миролюбие Ваше и не желая заводить формальных разборов по этой жалобе, я обращаюсь к Вам самим с просьбою, не затруднять ногайцев в пользовании землёю, им необходимою, и тем отвратить могущие произойти в противном случае между Вами и ими неудовольствия и жалобы, которые и для начальства неприятны до крайности» [ГАСК Ф. 70. Оп. 1. Д. 271. Л. 1–2]. Арслан-Гирей ответил, что конный табун по недосмотру табунщика на земле Наймановского аула потравил часть сенокоса, «убыток не стоит более 20 рублей – это пустое дело, между собой мы кончим миролюбиво и без хлопот». При этом он открыто обвинил Мисостова, беспокоившего командующего из-за «такой безделицы», что он «не имеет целью водворение миролюбия и спокойствия».

Арслан-Гирей оказался прав, в ведении Мисостова усилились притеснения и поборы ногайцев. Так, в октябре 1850 г. Мисостов донёс, что из аула Кирк бежали братья Бокаевы, на самом деле они «по бедности не выплатили повинностей деньгами, а хотели уйти на заработки за Кубань» [ГАСК. Ф. 70 Оп. 1. Д. 304. Л. 5 об., 9]. Их поймали и на обратном пути одного из братьев убили казаки станицы Баталпашинской. Очевидно, в этом происшествии была вина пристава, так как его тут же уволили, а оставшийся в живых Бокаев по распоряжению Завадовского получил разрешение на поездку за Кубань. Приставом Калаусо-Саблинским и Бештаво-Кумским назначили капитана Дикова.

Отметим, что аульные общества имели право принимать к себе на жительство желающих: «из ногайцев, приходящих из-за Кубани, но не иначе, как семьями; из холопей и ясырей, выбегающих отсюда же; из ногайцев, переходящих из Крыма; из абазинцев и других народов, не принадлежащих никому в собственность; из холопий, отпускаемых на волю ногайцами и тухменцами; из киргизов, за Астраханью обитающих» [ГАСК. Ф. 70. Оп. 2 Д. 1125. Л. 6]. Так, в 1855 г. Диков известил главного пристава магометанских народов

подполковника Шихалиева (Шейх Али) о желании кабардинского князя Тугана Атажукина переселиться в аул Найманова к своей матери, вдове, и просил у губернатора разрешения, приложив к рапорту «приговор общества», т. е. согласие аула на его переселение [ГАСК. Ф. 70. Оп. 2. Д. 1125. Л. 1].

Приём, причисление и водворение людей в аулы разрешалось не иначе, как с утверждения губернатора по представлению главного пристава. Принятые таким образом люди пользовались свободой от повинностей в течении трёх лет для обзаведения хозяйством, однако фактически мусульманам препятствовали в переселении в пределы губернии. Более того, «иногородцы» постепенно вытеснялись, так, в 1850 г. выслали в Крым татар, проживавших в Калаусо-Саблинском пристастве среди ногайцев [ГАСК. Ф. 70. Оп. 2. Д. 611. Л. 7]. Между тем ногайские земли легко отводились под казачьи станицы, хутора, помещичьи усадьбы. Кроме того, на Ставрополье уже образовались 102 иностранные колонии. Так, в 1851 году у Пятигорска заселились эстонские колонисты.

Осенью 1851 г. началось притеснение ногайцев аула Найманова казаками станиц Бабуковская и Александрийская. Ставропольская палата государственных имуществ потребовала от ногайцев доказательства права на проживание в Пятигорье, пытаясь изъять у ногайцев «Бештаугорскую дачу», т. е. лесные массивы. Ногайцы утверждали, что аул Найманова (он же Беймурзинский) 67 лет стоит на одном месте «не перекочевывая», но доведен до стеснения поселенцами колонии Каррас, которые «занимают нашу землю произвольно» [ГАСК. Ф. 70. Оп. 1. Д. 511. Л. 7]. При расследовании оказалось, что у ногайцев незаконно отбирали лес, обманывали при размежевании, «заставляли подписываться неграмотных по-русски». В 1852 г. генерал-губернатор Завадовский вынужден был признать спорные земли ногайскими и приказал оставить им «во временном владении», тем более что у них уже изъяли часть земель для Кисловодских поселян, и они имели «крайний недостаток в поземельном довольствии» [ГАСК. Ф. 70. Оп. 2. Д. 611. Л. 23].

Казакам станицы Железноводской отвели земли Калмыкаевского аула, взамен предложив 550 десятин из земель Волгского казачьего полка возле станицы Суворовской. Ногайцы, узнав, что там земля «состоит из косогоров, изрыта крупными оврагами и для хлебопашества неудобна», решительно отказались, но под нажимом властей

уступили и «дали подписку» [ГАСК. Ф. 70. Оп. 2. Д. 612. Л. 3–4]. Только так кумские ногайцы смогли остаться в Ставропольской губернии, уступая колонистам свои лучшие земли.

Абазины же планомерно вытеснялись из пределов губернии на территорию Карачая. В 1846 г. между станицей Боргустанской и постом Хахандуковским были наделены земельным участком потомки Атажуки Абукова за его услуги российским войскам в Закубанье и покорении Карачая в 1828 г. [Бейтуганов, 2007, с. 249]. Они образовали Абуковский аул (на месте совр. с. Первомайское в Карачаево-Черкесии), впоследствии переселившийся на Кубань (совр. с. Хумара), а затем в Турцию.

В 1848 г. абазинские аулы Лоова, Абукова, Джантемирова и Трамова переселились с левобережья Верхней Кумы на правобережье и «подчинились через карачаевского пристава начальнику Центра Кавказской линии» [Сталь, 2001, с. 204]. Абазины аула Песчаный надеялись, что их включат в Карачаевское приставство вместе с занимаемыми землями, и в 1849 г. просили наместника на Кавказе «о перечислении их к жителям карачаевского и абазинского приставства Джантемирова аула с оставлением их на настоящем жительстве», но им было отказано, так как Песчаный аул принадлежал ногайцам.

В июле 1850 г. главный пристав магометанских народов обратился к военным властям с предложением переселить в аул Джантемировский Карачаевского приставства более 70 абазин из аула Песчаный [ГАКК. Ф. 70. Оп. 1. Д. 241. Л. 1 об.]. Переселяясь в Карачаевское приставство, они переходили из гражданского управления в военное, поэтому начальник штаба войск Кавказской линии выступил против перевода абазин в его ведение и требовал оставить их между Калаусо-Саблинскими ногайцами, так как ранее поселённые по Куме абазины «не имеют ещё постоянной оседлости, и сами стеснены в поземельном довольствии, заимствуясь оным более от казаков» [ГАКК. Ф. 70. Оп. 1. Д. 241. Л. 5–6]. Тем не менее в 1851 г. часть абазин из аула Песчаный переселили в Джантемировский аул.

Кумские ногайцы приносили ощутимую пользу властям, поэтому от них избавляться не спешили. К середине XIX века они почти полностью прекратили выплату податей мурзам. Источники сообщают, что «все мурзы уже лишены пользы от общества и ничего не получают от народа потому, что они исполняют повинность царскую» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2733. Л. 23]. К государственным по-

винностям бештово-кумских и калаусо-саблинских ногайцев прибавился вывоз карачаевского леса для строительства дач и казённых построек на Кавказских Минеральных Водах.

Ногайцы Ставропольской губернии раньше других народов почувствовали на себе земельные притеснения властей, хотя давно уже вели мирную жизнь, несли государственные повинности, платили налоги и не досаждали соседям набегами и грабежами. К 1858 г. у всех ставропольских ногайцев и туркмен имелось 1 564 104 десятины земли на 101 379 душ [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 5158. Л. 2–3]. Для обширного кочевого скотоводства этого количества не хватало, но власти видели в кочевьях только «пустопорожные земли» и пытались заселить их оседлым населением, не принимая в расчет засушливую и безводную природу этих мест, гибельную для землепашцев.

В самом начале 1858 г. военное начальство собиралось переселить в Ставропольскую губернию на земли Калаусо-Саблинских ногайцев, «у которых около половины этих земель остаётся пусто-порожными», покоровившихся закубанских горцев, чтобы они находились там под административным и полицейским надзором. Штаб Кавказской армии уверял, что число этих горцев с каждым годом должно увеличиваться, «по мере того как мы, подаваясь вперёд военными линиями, отнимаем у непокорных народов собственные их земли» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 5158. Л. 1].

Военные власти намеревались оставить в Закубанье только тех, кто согласится быть причисленным к казачьему сословию, и это касалось не только горцев. В Черноморском казачьем войске проживали в разных местах черкесы, татары, армяне и греки в числе 749 мужчин и 703 женщин. Войсковой атаман 20 февраля 1858 г. писал главному приставу, что планирует зачислить их в казачье сословие, а отказавшихся переселить в аулы Ставропольской губернии и «по возможности далее от наших казачьих поселений» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 5158. Л. 4]. Предложение атамана о переселении к ним закубанцев ставропольские власти отвергли, наоборот, решительно настроились на вытеснение мусульман из губернии, прежде всего из Пятигорья.

С этой целью в мае 1858 г. начали работы «по утверждению границ земель Кавказского линейного казачьего войска и магометанских народов» [ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 4460. Л. 1]. 5 июня наместник на Кавказе потребовал сведения о ногайцах Пятигорья:

1. Сколько аулов и число в них душ Бештаво-Кумских и Калаусо-Саблинских ногайцев имеют свои поселения и поземельные угодья на правой стороне Кумы в пределах между землями 1-го и 2-го Волгских полков и участками Емануелевским, казённым лесным Бештавогорским и шотландской колонией?

2. В случае перемещения этих аулов на левую сторону Кумы, можно ли наделить достаточным количеством земли, пропорционально их населения?

3. Нет ли препятствия к тому, чтобы взамен части Менгли-Гиреевской земли на правой стороне Кумы отвести соразмерное количество десятин на левой стороне, из других земель? [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 5158. Л. 7].

Пристав Калаусо-Саблинского и Бештаво-Кумского народов ответил, что переселить с правой стороны Кумы аулы Наймановский, Тенахметовский, Большой и Малый Кырк в количестве 330 дворов «не представляется возможным без конечного их разорения, ибо вся левая сторона Кумы совершенно безводна и пригодна для пастбищ в раннюю весну и позднюю осень». По правой же стороне Кумы находились большей частью частная земля Султанов, отведённая Менгли-Гирею в 1826 г. «в награду его усердной службы, и документально принадлежащая наследникам его двум сыновьям» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 5158. Л. 8–9 об.]. Пристав признавал, что эта земля также «по обширности и качеству своему не может быть обменена ни на какую другую землю по левой стороне без нарушения справедливости и ущерба владельцам». Кроме того, по Куме от станицы Александрии до станицы Суворовской жили 3 500 ногайцев, «поселившихся более 70 лет назад», очевидно, наурузовцы, перешедшие на российскую сторону вслед за своим владельцем Султаном Менгли-Гиреем в 1790 г.

***

Обратимся теперь к судьбе Султанов в Пятигорье. Во второй половине XIX века были живы только два наследника генерал-майора Султана Менгли-Гирея, видимо, поэтому кавказовед Бентковский писал, что Султан «умер в 1831 г., оставив 2 сыновей: майора Тохтамыш-Гирея и штаб-ротмистра Джанибек-Гирея [Бентковский, 1883, с. 67]. Хотя, кроме них, у Менгли-Гирея был ещё старший сын штаб-ротмистр Арслан-Гирей (умер в 1853 г.), а также брат генерал-лейтенант Азамат-Гирей (умер в 1859 г.) и племянник генерал-майор Казы-Гирей (умер в 1863 г.). Кем приходились семье Менгли-Гирея

Султаны Крым-Гирей, владевший Джанахматовским аулом в 1847 г., и Девлет-Гирей, наследовавший земли Азамат-Гирея у Воровсколеской станицы, нам выяснить не удалось. Отметим, что вопросы наследования земельных угодий и имущества прославленных администраторов-военачальников решались по нормам сразу трёх правовых традиций – адата, шариата и русского (имперского) законодательства.

Арслан-Гирей в 1850-х годах занимался коневодством на своих частных землях, строго разграниченных с ногойскими пастбищами [ГАСК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 271. Л. 1–2]. С 1851 до конца 1853 года тянулось дело по предложению начальника Кавказской области Завадовского об освобождении его как наследника от взысканий поземельного долга «за пожалованную отцу его генерал-майору Султану Менгли-Гирею земли» [ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2511]. Скорее всего, в 1853 г. Арслан-Гирей умер, так как в том же году по поводу жалобы аталычки (воспитательницы) его сестры Завадовский обращался не к нему, а к его дяде Азамат-Гирею.

Завадовский писал генерал-лейтенанту Султану Азамат-Гирею 15 августа 1853 г., что семейство умершего Менгли-Гирея должно выплатить узденъше аула Султановского Жаже Кунжафовой «за издержки, употреблённые на воспитание его дочери Кенжехани». Он просил Султана разобраться в этом деле: «Я очень желал бы окончания настоящей претензии миролюбивым путём, чего при Вашем средстве, конечно, нетрудно будет достигнуть. Посему обращаюсь к Вашему превосходительству с покорнейшею просьбою выйти по жалобе Кунжафовой... в надлежащее разбирательство и убедить семейство Менглигиреевых к удовлетворению её в том, что может ей следовать по справедливости и обычаям народным» [ГАСК. Ф. 70. Оп. 1. Д. 751. Л. 1]. Очевидно, что «обычаи народные» – это адатный способ решения проблемы. 2 марта 1860 г. Ставропольское губернское правление запросило у пристава Тохтамышевских аулов данную переписку и получило ответ, что «за смертью Султана Азамат Гирея неизвестно, в каком положении находится это дело» [ГАСК Ф. 70. Оп. 1. Д. 751. Л. 9].

Земли Азамат-Гирея наследовали сыновья Менгли-Гирея и «закубанский ногоец» прапорщик Султан Давлет-Гирей, имевший семью из 14 человек. В 1861 г. он переселился со своим аулом на земли Азамат-Гирея к северу от станицы Воровсколеской в Пятигорском округе [ГАСК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 113. Л. 2]. Однако в 1866 г. он продал

эти земли и увёл своих подвластных ногайцев в Зеленчукский округ «военного ведомства», так как там реформа по освобождению крепостных крестьян началась позже, чем на Ставрополье [ГАСК. Ф. 58. Оп. 1. Д. 13. Л. 244]. Возможно, его примеру хотели последовать и сыновья Менгли-Гирея. Во всяком случае, в 1861 г. они поспешили продать один участок земли помещику Евдокимову, так возникло первое русское поселение Евдокимовка на бывших землях Менгли-Гирея [Гриценко, 1998. Эл. ресурс].

Однако Тохтамыш-Гирей и Джанибек-Гирей в Закубанье не переселились, а земля Азамат-Гирея оставалась в их частной собственности до конца XIX века [Список ногайцев в 1865 г. Эл. ресурс]. Так, Джанибек-Гирей наследовал более 2 тысяч десятин при балке Казинка Пятигорского уезда, «Высочайше пожалованной генерал-лейтенанту Султану Азамат Гирею» [ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 7040. Л. 48]. Он писал властям Ставропольской губернии в ноябре 1869 г., что управляет землёй Султана Азамат-Гирея, которую наследовал «с племянницами» [ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 7040. Л. 27 об.]. Скорее всего, он упоминал о двух дочерях Султана Казы-Гирея, своих двоюродных племянницах. Адат не допускал женщин к наследованию, значит, здесь речь идёт о действиях шариатских норм.

Генерал-майор Султан Казы-Гирей, один из самых верных и искренних приверженцев России, имевший за мужество и храбрость два ордена св. Анны 2-й степени, в том числе с императорской короной, золотую шашку с надписью «За храбрость», орден св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, умер в 1863 г. в Закубанье. Он даже не успел получить выделенные ему в частную собственность 5 тысяч десятин и назначенную генеральскую пенсию. Военный министр уведомил его дочерей, что им полагается пожизненная пенсия из казны по 430 руб. в год, т. е. полный оклад пенсии, выслуженной их отцом [Керейтов, Кидирниязов, 2002, с. 28]. Сыновей-наследников у Казы-Гирея не было, как и у его дяди Азамат-Гирея.

Наследниками трёх генералов: Менгли-Гирея, Азамат-Гирея и Казы-Гирея, награждённых императором земельными угодьями в частную собственность, стали Султаны Джанибек-Гирей и Тохтамыш-Гирей. Они прожили долгую жизнь, возможно, поэтому некоторые исследователи даже ошибочно считают их внуками Менгли-Гирея от сына Арслан-Гирея [Шкарупа, 2008. Эл. ресурс]. Об этих крупнейших землевладельцах Пятигорья сохранились не-

которые сведения, связанные уже с историей городов Кавказских Минеральных Вод.

О штабс-капитане Джанибек-Гирее (в документах иногда Джамбек-Гирей) из послужного списка, выявленного исследователем Казаковым, известно следующее: «Потомок крымских Гиреев. Офицер с 13.10.1839 г. В чине поручика в 1849–1851 гг. был прикомандирован к 2-му Волгскому казачьему полку. Награждён орденом св. Анны 4 степени с надписью „За храбрость”» [Казаков, 2006, с. 316]. Кое-что известно о его личной жизни. Женат он был на дочери кабардинского князя Джамбулата Джанхотова, убитого по приказу генерала Вельяминова в 1825 г. за «неукротимый нрав, всегдашнюю готовность к послушанию против правительства» [АКАК. 1882. Т. 9, с. 951]. Дочь Джамбулата Кудасу воспитали его сестра Хамсада с мужем Бересланом (Биасланом) Тугановым, который и получил за неё калым как аталык в 1 000 рублей серебром (Бейтуганов, 2007, с. 193). Джанибек являлся душеприказчиком Хамсады, что говорит о прочных родственных связях Султана с ногайскими и кабардинскими княжескими домами. Также отметим, что, по сведениям исследователя Бейтуганова, в 1868 г. народный эфенди Кабардинского окружного суда Муртазали Алиев женился на дочери Джанибек-Гирея по имени Ханиш Хани и с 1871 г. проживал в с. Канглы Пятигорского уезда, хотя имел в Кабарде 300 десятин земли [Бейтуганов, 2007, с. 77].

Имена Джанибек-Гирея и Тохтамыш-Гирея всплывают в архивных документах в связи с колонизацией Ставропольской губернии, когда усилился поток прибывающих русских крестьян из России, освободившихся от крепостной зависимости в 1861 г., и иностранных колонистов. Безводные пустынные степи не привлекали земледельческое население, поэтому власти старались расселить их на плодородных землях, занятых ногайскими аулами. Тогда же лучшие земли активно скупались помещиками, особенно в Пятигорье, где разрасталась курортная инфраструктура.

Переселения ногайцев в Турцию в 1859–1860 гг.

В конце 1850-х годов ставропольские власти активизировали политику перевода ногайцев на оседлый образ жизни, изымая кочевья для новых колонистов-земледельцев [ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 3758. Л. 53]. В результате началась волна массового переселения части ногайцев в Османскую империю под предлогом хаджа в

Мекку. По «Сведениям о выселившихся в Турцию почти одновременно с горцами, мирных, трудолюбивых и полезных для государства Калаусо-Саблинских, Бештово-Кумских и Калаусо-Джембулуковских ногайцах», опубликованным исследователем Бентковским, только в 1859 г. из Калаусо-Саблинского и Бештово-Кумского приставства ушли 8 046 человек, остались 9 428 человек, из Калаусо-Джембулуковского ушли 2 067 человек, остались 18 586 человек [Бентковский, 1883, с. 93].

Генерал-губернатор Ставропольской губернии Бранчанинов сразу же озаботился водворением на их места переселенцев из России и писал наместнику на Кавказе о необходимости «местность, занимаемую ныне Калаусо-Саблинцами, Бештау-Кумцами, Едисанцами и Калаусо-Джембойлукцами совершенно освободить от этих народов для поселения на ней коренных русских хлебопашцев» [Бентковский, 1883, с. 107].

Территория Калаусо-Джембулуков и Калаусо-Саблинцев практически опустела, за два года ушли 40 тысяч ногайцев, в 1860 г. в губернии остались всего несколько десятков малочисленных аулов, и в 1861 г. эти приставства были упразднены, а земли переданы в распоряжение Ставропольской палаты государственных имуществ. Бентковский писал: «История не может обойти их молчанием и потому уже, что они более 70 лет пребывали под властью России и были бесполезными её подданными» [Бентковский, 1883, с. 78].

Османская империя «никогда не изъявляла прямого согласия на переселение», хотя принимала мусульман, приходивших под предлогом хаджа, и в 1859 г. просила российское правительство, чтобы переселения эти «совершались не разом, а малыми партиями» [Берже, 1999, с. 293]. В 1860 г. для урегулирования этой проблемы в Стамбул отправился генерал-майор Лорис-Меликов и хлопотал разрешение на прибытие 3 000 семейств, поэтому численность выехавших ногайцев до 1861 г. официально считалась около 30 000 человек, из расчёта 10 человек в семействе. Так началось вынужденное переселение значительной части северокавказских народов, официально получивших разрешение императора на эмиграцию в 1862 г. Ставропольские, а вслед за ними и кубанские ногайцы переселялись более 10 лет [Башенев, 1914, с. 7]. По общим сведениям, за 1858–1866 гг. переселилось около 70 000 ногайцев [Край наш Ставрополье, 1999, с. 114].

Исследователь и очевидец М. И. Венюков пытался связать исход ногайцев с массовым переселением крымских татар в 1860–1861 гг.: «Как истые мусульмане, единоплеменные крымским татарам, ногайцы почти всей массой ушли одновременно с ними в Турцию» [Венюков, 2004, с. 177]. Однако массовое переселение в Османскую империю мусульманских народов совпало по времени и в связи с общей государственной политикой Российской империи, отбиравшей у них земли для колонизационных целей. Эта была главная и основная причина, хотя в каждом случае имелись особенные обстоятельства, поводы и мотивы. Другой вопрос: были ли они настолько неразрешимыми, что делало невозможно тягостным нахождение мусульман под властью российского императора?

В связи с образованием в 1860 г. Кубанской и Терской областей в Ставропольскую губернию не вошли Моздок, Кизляр, Георгиевск и города Кавказских Минеральных Вод. Ставрополье потеряло своё значение как административный и политический центр военно-казачьей колонизации, но зато стало зоной крестьянско-земледельческого освоения. После реформы 1861 г., по освобождении от крепостной зависимости на Ставрополье хлынул поток крестьян из Воронежской, Харьковской, Курской, Орловской, Черниговской, Полтавской и Екатеринославской губерний [Беликов, 1997, с. 79]. На степных просторах для них отводились земли, а ногайцы, потеряв кочевья, селились в основном на частных землях Султанов. Губернатор разрешил Джанибек-Гирею заселить принадлежащие ему земли на левой стороне Кумы ногайцами, не ушедшими в Турцию, а также вернувшимися оттуда [Волкова, 1974, с. 220].

Часть ногайцев вернулась на родину из-за невыносимых условий, в которые попали на чужбине. Приведём только одно свидетельство из статьи Е. Н. Рукавишникова. 2 марта 1861 г. команда российского фрегата «Илья Муромец», причалившего в бухте Айас на побережье Сирии, встретила недалеко от берега несколько тысяч ногайцев, покинувших Ставропольскую губернию. Османские власти расселили их в безлюдных районах Сирии, где они жестоко страдали от нищеты, голода и болезней. Русские офицеры передали деньги для наиболее нуждавшихся из них, а капитан Пузино принял у представителей ногайцев письма с просьбами о возвращении в Россию и передал их в соответствующие инстанции [Рукавишников, 2006, с. 112].

В это же время закубанские народы массово выселялись в пределы Османской империи, поэтому власти, не ожидавшие воз-

вращения ставропольских ногайцев, планировали расселить их за Кубанью на освободившиеся места или отправить в Россию. Так, с 14 по 19 августа 1861 г. прибыли в Тифлис из Турции через Карс более 100 человек, ушедших из Ставропольской губернии в 1860 г. [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 61. Л. 65]. Чтобы не допустить их на свои места, власти рассматривали возможность отправлять их «во внутрь России», но, побоявшись «поставить тамошнее начальство в крайнее затруднение», командующий Кавказской армией генерал Орбелиани просил селить их в Черномории [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 61. Л. 9–10]. В июне ставропольский губернатор велел отправлять «кавказских туземцев, возвращающихся из Турции», в г. Ейск для поселения на места бывших татарских аулов.

Возвратившиеся ногайцы даже не просрочили паспорта, выданные на выезд в Мекку, и ставропольские власти вынуждены были их всё-таки допустить обратно, указав для поселения участок джембойлукской земли близ селения Кугульта, но кочевья не вернули. На случай народного недовольства или сопротивления военное командование приказало казачьим полкам оказать «пособие земской полиции к настоящему переводу магометан». Причины для недовольства у ногайцев были, так как им не только не вернули их земли, но и поспешно заставляли переходить в сословие государственных крестьян и отказываться от кочевого образа хозяйствования [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 61. Л. 17–19].

В августе 1861 г. из Турции, также через Карс, вернулись бештовские ногайцы из аула Уракова (16 семей), из аула Калмукай (11 семей), из аула Кырк (6 семей), из аула Билерзип (3 семей). Все они уходили в 1860 г. «под видом на богомолье в Мекку» и вернулись вовремя с непросроченными паспортами [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 61. Л. 38–39]. Правительство предписало дипломатическим агентам и консулам в Турции выдавать разрешение на возвращение в Россию только «тем из кавказских выходцев, которые имеют непросроченные паспорта» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 61. Л. 87]. Тем не менее началась волна массового возвращения ногайцев, и решение их проблем еще более осложнилось, так как империя вошла в пореформенный период, и освобождение крестьян от крепостной зависимости неминуемо распространялось на все народы России.

26 августа 1861 г. Орбелиани указал в «правилах для причисления в податное сословие Ставропольской губернии возвращаю-

щихся из Турции магометан»: 1) составить их списки и приготовиться к оседлому поселению; 2) разрешить проживать в разных селениях, станицах и городах Ставропольской губернии в течение одного года, а затем выбрать место для окончательного водворения; 3) приписку магометан к казённым селениям и станицам совершать без согласия обществ и наделять землёй наравне с крестьянами, дозволить устройство жилищ и хозяйства.

Кроме того, Ставропольскому губернатору предоставлялось право «только в самых крайних случаях на первоначальное пропитание и приобретение рабочих инструментов выдавать беднейшим из магометан заимообразно по 20 руб. серебром на семейство из сумм магометанского капитала или капитала для переселенцев Палаты государственных имуществ». И самое главное, приписанным к сельским или станичным обществам ногайцам давалась восьмилетняя льгота от податей, натуральных повинностей и рекрутских очередей. Лица, принявшие христианство, освобождались пожизненно от рекрутства [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2 Д. 61. Л. 63].

Возвращение ногайцев разрушало планы правительства, разрабатывавшего обширный проект по обмену мусульманским и христианским населением между Российской и Османской империями. 9 ноября 1861 г. император учредил комитет «О переселении в Россию выходцев из Турции» из министров иностранных дел, военного, финансов и государственных имуществ, которым велел обсудить, «какие денежные и поземельные средства имеются в виду для предполагаемого переселения и соответственно тому в какой соразмерности может быть допускаемо переселение из Турции в будущем и в последующих годах» [ГАСК. Ф. 249. Д. 2. Д. 88. Л. 2]. На заседании 29 ноября Кавказский комитет в правительстве решил, что в Новороссийском крае свободных земель недостаточно, и предложил «полезным и возможным поселение на Кавказе некрасовцев, черногорцев, греков, болгар и других славянских племён».

20 января 1862 г. Орбелиани на запрос комитета ответил, что для этой цели в Ставропольской губернии в безопасных от горцев местах имеется 662 000 десятин свободных и удобных земель. Его предложение поселить черногорцев в горах между верховьями Кубани и Белой комитет не одобрил. Однако и весь проект оказался чересчур обременителен с финансовой стороны из-за ожидаемого

наплыва христиан из Османской империи. Опасаясь, что переселение на Кавказ «могло бы в короткое время принять размеры совершенно неисполнимые для государственного казначейства», комитет ограничил переселение [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 88. Л. 5–6 об.]. Так, некрасовцам разрешалось переселение с Турции на Кавказ с условием зачисления в казаки, ограничив 3 000 семьями; черногорцев от переселения велено было «отклонить», допустив только до 300 семейств; из армян, греков и других христиан «неславянского происхождения» принимать только тех, «которые не потребуют никакого пособия».

Однозначное одобрение встретил только проект по расселению славянских мигрантов в Ставропольской губернии. Между новыми поселенцами планировалось распределять земли мусульман, которых власти всячески склоняли к переселению в Турцию. Вот почему 19 февраля 1862 г. вернувшихся оттуда ногайцев лишили «права на водворение их на прежние места жительства с правами кочующих племён» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 61. Л. 98]. Ногайцы обещали не кочевать и «заняться хлебопашеством», лишь бы их оставили на своих местах, но многие опять заговорили о переселении в Турцию, и власти не исключали восстания, поэтому 6 апреля главный пристав кочевых народов получил приказ поступать с ними «по законам как с возмутителями» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 94-а. Л. 6]. В Ачикулак-Джембойлуковском приставстве шестеро ногайцев были арестованы именно за агитацию против оседлости. Изъятие кочевий власти пытались завуалировать заботой о народе, уверяя, что «в основании кочевой жизни скрываются начала народной нищеты, вызвавшей этих нищих тунеядцев на разбои, грабежи и все те преступления, которым способствует жизнь кочевая» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 94-а. Л. 14, 27, 33].

От произвола властей не были защищены даже землевладельцы из числа «инородцев». Так, 16 февраля 1862 г. Пятигорский окружной начальник, заметив жителей аула Бабукова «самовольно пасущих» несколько тысяч овец, взыскал с них штраф, хотя они имели «билеты» на 4 месяца на Куру, Бейбулу, Карамык и Калаус с разрешением пасти скот на арендованных землях Султана Джанибек-Гирея за 35 рублей серебром. Несмотря на то что земля была не казённая, а «принадлежащая названному ногайцу», Орбелиани приказал взыскать по 3 копейки с каждой овцы и козы [Бейтуганов, 2007, с. 317].

В 1862 г. наместником на Кавказе стал брат императора великий князь Михаил Романов и, обеспокоенный волнениями ногайцев, обещал, что «с принятием оседлости они останутся при прежних правах и преимуществах своих и что правительство при этом никогда не имело и не имеет в виду обращать их в сословие государственных крестьян», а губернатору указал, что «находит невозможным принуждать их тому мерами насильственными» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 94-а. Л. 31–32 об]. На добровольный переход к оседлости выделили 25 тысяч руб. серебром, по 10 руб. без возврата на семейства, приступившие к постройке домов [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 94-а. Л. 43–44, 61, 68]. Кроме того, переходящим к оседлости ногайцам выделили по 30 десятин земли на пространстве от Кумы до Астрахани. Получив государственную помощь, ногайцы официально и добровольно стали отказываться от кочевания, хотя конфиденциально агенты докладывали, что ногайцев к оседлости принуждают. Видимо, при такой кардинальной и неизбежной ломке традиционных устоев и способов хозяйствования обойтись без эксцессов и нажима со стороны властей не представлялось возможным, тем не менее многие ногайцы предпочли вернуться на родину.

В Пятигорье в 1864–1870 гг. из 25 363 ногайцев, уходивших в Турцию в 1859–1860, вернулись 3 223 человека [Бентковский, 1883, с. 112–114]. Но их земли уже были пожалованы в частную собственность генералам и чиновникам: аул Найманова – Харитонову, аул Песчаный – князю Орбелиани, аул Саблинский – Фадееву, аул Мангыт – графу Евдокимову, аул Крымгиреевский заселён греками. В 1866 г. Ставропольское губернское правление поспешно объявило, что в Пятигорье, «у Бештаугорской лесной дачи», никаких владельческих ногайских аулов уже нет [ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 5789. Л. 7. Л. 9–9 об]. Пятигорский земский суд направил в Ставрополь рапорт с опровержением и назвал в Калаусо-Саблинской степи оседлые владельческие аулы Султанов Джанибек-Гирея, Тохтамыш-Гирея и Девлет-Гирея. Ногайцы поселились оседло на правах государственных крестьян в аулах Канглы и Крымско-Кевсалинский, а частью – на частных землях Султанов.

Всего в Пятигорье разместилось 2 576 человек, остальные, видимо, ушли к кубанским ногайцам [Бентковский, 1883, с. 113]. В Пятигорье земли для кочевания не осталось совсем, и ногайцы

жили в маленьких оседлых аулах, численность которых выглядела к этому времени так:

После ухода и возвращения	муж.	жен.
Аул Канглы		
вернувшихся из Турции	113	94
не уходивших	18	77
Аул Найманова (земля пожалована т. с. Харитонову)		
вернувшихся из Турции	76	54
не уходивших	21	23
Аул Песчаный (земля пожалована ген.-адъютанту князю Орбелиани)		
вернувшихся из Турции	19	13
не уходивших	84	71
Аул Саблинский (земля пожалована т. с. Фадееву)		
вернувшихся из Турции	377	284
не уходивших	-	-
Аул Крымгиреев (поселены греки)		
вернувшихся из Турции	184	144
не уходивших	-	-
Аул Султана Тохтамыш-Гирея		
вернувшихся из Турции	26	21
не уходивших	99	78
Аул Султана Джанибек-Гирея		
вернувшихся из Турции	85	51
не уходивших	113	86
Аул Мангыт (земля пожалована графу Евдокимову)		
вернувшихся из Турции	143	108
не уходивших	32	16

Итого, всех ногойцев – 1 456 мужчин и 1 120 женщин [Бентковский, 1883, с. 128].

В 1866 г. по распоряжению правительства пятигорским ногойцам как государственным крестьянам был отрезан участок земли на общинном праве пользования с приказанием жить всем в одном месте. Так ногойцы собрались в один аул Канглы на Верхней Куме, иначе называемый соседними жителями «Суркуль», т. е. «Сорок аулов» [Твалчрелидзе, 1991, с. 46]. Очевидно, сами ногойцы Пятигорья называли своё общество Кырк (сорок), так как оно состояло из сорока родов. Этот ногойский аул в Ставропольском крае существует и поныне.

Губернатор против Султана Джанибек-Гирея

Нового ставропольского губернатора Властова заинтересовали на предмет изъятия в пользу колонистов не только кочевья ногайцев, но и места их постоянного расселения на Верхней Куме. В 1869 г., объезжая новые русские селения в Пятигорье, он заехал в аул Канглы, находившийся между частными землями графа Евдокимова и Тохтамыш-Гирея, и 17 сентября подал Кавказскому наместнику весьма примечательный рапорт [ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 60. Л. 21–25].

Властов писал, что в ауле живут на правах государственных крестьян ногайцы из бывшего Калаусо-Саблинского и Бештау-Кумского приставства, уходившие в Турцию в 1860–1861 годах, но затем вернувшиеся обратно, получив правительственную льготу на восемь лет от податей и рекрутской службы. При этом на тех жителей аула, которые вовсе не уходили в Турцию, губернатор навешивал ярлык «разбойников», большей частью оставшихся на родине лишь потому, что «были задержаны следственными делами по совершенным ими воровствам и разбоям». Зачем губернатор пытался настроить наместника против ногайцев, становится понятно из этого же рапорта.

Оказывается, приближался конец срока льготы, и среди ногайцев начались волнения, связанные со «страхом воинской повинности». Властов спешил воспользоваться естественным неприятием мусульманами рекрутской системы набора в российской армии как поводом к их удалению из своей губернии. Для этого он клеветал на весь народ, не вникая в его проблемы и нужды, возникшие из-за изъятия кочевий и резкого перехода на оседлый образ жизни, и уверяя начальство, что многие из ногайцев не обзавелись прочным хозяйством, потому что не собираются долго оставаться на своём месте, а «значительная часть их и до сих пор занимается воровством как промыслом».

21 августа Властов собрал всех жителей Канглы якобы для того, чтобы убедить их во вреде кочевого образа жизни, но, по его словам, в ауле уже установилось единодушное и твёрдое желание переселиться в Турцию «навсегда». Хотя губернатор уверял наместника, что старался отвлечь ногайцев от этого шага, напоминая об уже испытанных ими бедствиях в Турции, но «встретил упорную и настойчивую просьбу о дозволении подать прошение о выселении». Однако он сам же подстрекал ногайцев к массовому выселению, так

как убеждал их в неотвратимости рекрутчины, пугал ссылкой в Сибирь и ссылался на слова самого наместника, «что они будут или на правах крестьян, или будут отосланы в Оренбургский край».

Выхода у ногайцев, по мнению губернатора, не было, и он позволил им подать прошение об эмиграции, хотя решение подобного вопроса зависело от высшей власти. Поэтому он довел до наместника этот вопрос только 17 сентября, после того как дождался депутатов от ногайцев со списком семейств, желающих уйти в Турцию, и убедившись, что «из всего селения ни один не пожелал остаться». Затем губернатор обозначил истинное своё желание, видимо, убежденный, что оно совпадает с государственными интересами: «Положительно не вижу причин удерживать силой селение мусульман-фанатиков, которые не только никогда не принесут особой пользы, но по образу жизни своей и привычек скорее суть источник зла. Заставить их в случае отказа силою или даже оружием по окончании льготного срока исполнить повинности, и в том числе рекрутскую, не представляется особенно желательным, — отступить от раз для них принятого решения и даровать им особые права невозможно с точки зрения достоинства Правительства» [ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 60. Л. 25].

При этом он не скрывал свою цель изъять у ногайцев земли по Куме и близ Кум-горы с горячими серно-щелочными ключами, что «даст богатство и довольство русскому поселению, которое займёт места ушедших татар». Властов надеялся, что наместник будет ходатайствовать перед императором об эмиграции ногайцев, чтобы российское правительство договорилось с турецким о назначении им земель в Малой Азии. 5 ноября 1869 г. наместник направил Властову из Тифлиса конфиденциальное письмо. В нём, в какой-то степени соглашаясь, что удерживать «этих магометан от переселения не представляется полезным для края», он всё же обращал внимание губернатора на то, что «подобный вопрос не может с полной основательностью быть разрешаем при одном субъективном взгляде на отдельное поселение; но что к этому должны необходимо присоединиться и общие соображения», т. е. государственные интересы. Наместник указал, что у правительства нет причин желать повторения массового переселения в Турцию, и оно не может остаться равнодушным, если среди мусульманского населения «опять возникло лихорадочное стремление к передвижениям».

Признавая, что ногайцы просто хотят избавиться от рекрутства, подавая «дурной пример» остальным народам, наместник писал:

«Немыслимо, чтобы на вечные времена тягость это лежала только на коренном Русском населении». Остановить ногайцев он предлагал усложнением условий для эмиграции, например, заставить платить подати за 10 лет вперед. В заключении наместник добавил, что не считает удобным и «сообразным с достоинством нашего правительства» ходатайствовать перед турецким правительством за канглинцев, предпочитавших турецкое подданство русскому. Тем более что такая забота о них могло бы поощрить и другие народы к уклонению от податей, повинностей и рекрутства [ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 60. Л. 28-37].

Таково было общее представление кавказского начальства, не по своей воле вынужденного иногда сдерживать миграционные процессы на Северном Кавказе, ставя перед мусульманами различные препоны. Однако Александр II проводил в империи реформы, одна из которых касалась пресловутого рекрутства, неприемлемого мусульманами, и в 1874 г. его отменили во всей Российской империи. Что касается ногайцев, ставропольский губернатор ещё 14 декабря 1873 г. получил телеграмму от начальника главного управления нового наместника на Кавказе барона Николаи: «Его Высочество изволил признать возможным не привлекать в предстоящем наборе 1874 г. оседлое мусульманское население Ставропольской губернии к отбытию рекрутской повинности ни натурою, ни деньгами» [ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 60. Л. 232].

Как тут не отметить, что упорное неприятие мусульманами рекрутской повинности, возможно, послужило не последней причиной для её полной отмены по военной реформе Милютина 1874 года. Русское крестьянство смогло, наконец, избавиться от второго рабства после крепостной зависимости – рекрутского набора на 25 лет в армию. Мусульманским народам правительство заменило обязательную службу специальным налогом, а военную карьеру оставило на добровольных началах для высших сословий.

***

Властову не удалось вытолкнуть в Турцию аул Канглы, не удалось ему изъять в казну и частновладельческие земли Султанов, натравливая на них колонистов. Так, 74 семьи эстонцев поселились отдельным посёлком в степи при балке Казинка Пятигорского уезда и обратились к губернатору с просьбой указать им границу с соседней с ними частновладельческой землёй наследников генерал-лейтенанта

Султана Азамат-Гирея [ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 7040. Л. 7–8. Л. 17]. Однако межевание произведено не было, а эстонцы начали косить сено на чужой земле и вывезли 120 «отгонов сена». 22 ноября 1869 г. Султан Джанибек-Гирей подал жалобу Пятигорскому уездному исправнику на эстонцев, вывозивших сено с его земли, несмотря на предупреждения, что она находится под его управлением [ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 7040. Л. 28].

Судя по рапорту исправника от 11 декабря 1869 г., расследовавшего этот конфликт, колонисты рассчитывали на благосклонность к ним властей, поэтому не боялись нарушать чужую частную собственность [ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 7040. Л. 23]. Исправник произвел следствие и признал законность претензии землевладельца по статьям уголовного суда. Эстонцы же написали жалобу губернатору, что им запрещают вывозить сено, «будто бы со степи, принадлежащей Султану», и Властов приказал исправнику доложить ему, по какому праву эстонцам запрещают вывозить сено, «кошеное на земле, признанною казённою», и отменил его распоряжение до определения суда [ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 7040. Л. 33].

Всю переписку по этому поводу губернатор потребовал прислать ему и пытался воспользоваться этим инцидентом, чтобы признать эту землю казённой, не проводя официального размежевания и принимая жалобы эстонцев на Султана, не пускающего их на свои земли. Властов специально удерживал у себя документы на эту землю, но Джанибек-Гирей настоятельно потребовал вернуть ему бумаги, акты межевания и наказать эстонцев «к отвращению дальнейшего производства эстонцами самоуправства» [ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 7040. Л. 46–47, 27 об.].

На защиту частной земельной собственности стал губернский землемер Булашевич, видимо, ставивший закон выше воли губернатора. 29 июня 1870 г. он составил протокол на месте по возобновлению межи между селением Казинки и «землёю Высочайше пожалованной генерал-лейтенанту Султану Азамат Гирею, ныне владения его наследников», и подал губернатору об этом рапорт [ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 7040. Л. 48]. Землемер обвинил эстонцев не только в нарушении межевых границ, указанных им при водворении в июне 1866 г., но и в незаконном домогательстве более 2 тысяч десятин из земли Джанибек-Гирея. Эстонцы даже «составили сорище» для сопротивления землемеру, исполняющему правительственное рас-

поряжение по межеванию земель, за что должны были подвергнуться уголовному взысканию. Примечательно, что, несмотря на запрет полиции, эстонцы продолжали косить сено на чужой земле, а не на собственном участке вокруг Казинки, где трава «от большого роста по сочности своей во многих местах полегла».

В 1872 г. закончились работы по размежеванию земель, но ко 2 марта 1873 г. селение Казинка ещё не оплатило расходы по межеванию Пятигорскому уездному казначейству: 228 руб. 8 коп. – землемеру, 228 руб. 8 коп. – в пользу казны [ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 7040. Л. 65 об]. Такое самоуправство и сопротивление властям, продемонстрированное эстонцами, никогда не сошло бы с рук ногайцам или горцам. Очевидно, что они действовали с позволения и, скорее всего, по наущению губернатора, который через них провоцировал Султана на конфликт. Вариант с эстонцами не прошел, но оставались другие методы, более изощренные, и, вероятно, Султаны были бы, в конце концов, разорены, если бы не строительство железной дороги через их земли.

Ещё в 1869 г. наместник великий князь Михаил Романов убедил императора в необходимости скорейшего соединения Кавказа с Россией железнодорожной линией Ростов-на-Дону – Владикавказ. В 1872 г. началась прокладка железной дороги по ровной местности через станицу Невинномысскую, вдоль Кубани, Курсавки, Кумы, Малки и Терека. В Пятигорье под строительство железнодорожного пути и технических сооружений была выкуплена часть земли у Султанов, но прежде чем они получили деньги, в 1873 г. ставропольские власти начали дело по взысканию с них «недоимок», т. е. долга по налогам за землю, которую они наследовали от родственников [ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 7699. Л. 2–4].

Началось с того, что в августе Джанибек-Гирей подал прошение в губернское правление о выдаче доставшихся ему по наследству от генерал-майора Султана Казы-Гирея ценных бумаг, выразив надежду, что задержек с получением не будет. Надеялся он, разумеется, зря. Чтобы не отдавать ему выкупные свидетельства, билет Государственного банка, заёмные письма и деньги, всего на общую сумму 4 692 рубля, власти тут же предъявили ему счет на эту же сумму, как долг по налогам, начислив 4 688 рублей. Губернатор предписал пятигорскому полицейскому управлению выдать ценные бумаги Джанибек-Гирею как наследнику Казы-Гирея, но одновременно взыскать с

него «недоимку», предложив для этого внести в казначейство или продать их по биржевым ценам.

Однако 17 октября из своего аула Султановский на Куме Джанибек-Гирей оповестил полицейское управление, что налог на унаследованные земли генерал-лейтенанта Султана Азамат-Гирея и генерал-майора Султана Менгли-Гирея они с братом намерены внести с предстоящей выплаты за отход части их земли под строительство Ростово-Владикавказской железной дороги. Джанибек-Гирей даже предложил уездной полиции право самой взыскать с главной конторы строителей сумму, причитающуюся за выкупленные у Султанов земли, и «оказавшийся излишек от пополнения недоимки» прислать ему.

Пятигорский исправник 29 октября писал губернатору, что Джанибек-Гирей своим решением заплатить долг из денег, причитающихся ему от главной строительной конторы, поставил полицейское управление «в большое недоразумение» [ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 7699. Л. 1]. Исправник ждал дальнейших указаний от губернатора: «Следует ли означенные здесь документы и деньги выдать Султану Джамбек Гирею или же продать их по биржевым ценам на уплату числящейся на нём недоимки?». Полицейское управление, выпустив из рук эти ценные бумаги, ожидало затруднения в погашении недоимок, так как Джанибек-Гирей не представил доказательства, что денег за его земли, отошедшие под строительство железной дороги, будет достаточно для покрытия долга. Примечательно, что власти даже сомневались, чтобы «деньги эти действительно подлежали ему в выплату» [ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 7699. Л. 9–11 об.]. Губернатор отказал Джанибек-Гирею в отсрочке платежа, но 5 февраля 1874 г. Пятигорское полицейское управление доложило, что весь долг Султан вовремя заплатил. Дело было закрыто.

Джанибек-Гирей отстоял свою собственность, так как управление железной дороги заплатило ему деньги за отчуждение части его земель. Всё-таки это были уже другие времена и законы капитализма не позволили обойти узаконенные самим Сенатом частные земельные права наследников генерал-майора Менгли-Гирея. К концу XIX в. Султаны Тохтамыш-Гирей и Джанибек-Гирей стали вполне добропорядочными российскими помещиками, и только табуны любимых лошадей ногайской породы, которых они продолжали разводить в своих поместьях, напоминали о бурном и героическом прошлом их предков на Северном Кавказе.

Писатель Девлет Гиреев

К концу XIX в. Пятигорье преобразилось в курортный регион Кавказских Минеральных Вод. В частном владении Султанов здесь находилось более 6 000 десятин земли, частью из плодородной земли и роскошного леса, а частью из каменистых и глинистых земель под болотами и камышами. Жизнь Султанов, как и всего региона, окончательно изменило строительство железной дороги. На земле аула Султановский, состоявшего из «усадьбы, татарского хутора с десятками дворов и мечетью у одной из излучин Кумы», возникла станция Кумская, в 1875 г. переименованная в станцию Минеральные Воды.

К этому времени ногайцев из Пятигорья почти полностью вытеснили в Кубанскую область, так, в 1877 г. губернский землемер, командированный в селения Султанское и Крым-Гиреевское, нашёл эти места при балках Суркули и Куршавке уже полностью занятыми русскими хуторами [ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 8234. Л. 1]. Остался только аул Канглы на Верхней Куме, в котором жили оседлые ногайцы с земельным наделом по 15 десятин [Твалчредидзе, 1991, с. 46]. Семьи Джанибек-Гирея и Тохтамыш-Гирея, жившие по соседству, не прерывали родственных связей с этим аулом.

О наследниках бывшего ногайского пристава генерал-майора Султана Менгли-Гирея любопытные сведения обнаружены исследователями-краеоведами В. Б. Гриценко [Гриценко, 1998] и И. Ф. Шкарупа [Шкарупа, 2008]. Когда на земле Султанов, разрезанной железной дорогой на две части, поселились русские переселенцы-арендаторы, начальник Пятигорского округа в 1877 г. ходатайствовал об образовании на земле Джанибек-Гирея поселка из арендаторов под названием Султановский. Он указывал, что «местность эта, вследствие выгодного местоположения близ железнодорожной станции, может увеличиваться вновь прибывающим торговым, ремесленным и просто рабочим классом народа» [Гриценко, 1998. Эл. ресурс]. Власти Терской области, в ведение которой отошёл район Пятигорья, потребовали письменное согласие землевладельцев на образование поселка, и Султаны его дали.

Поселок к северу от станции быстро разрастался, появились гостиница, питейное заведение, пивоваренный завод, пекарни, лавки, мастерские. Временно проживающие на земле Султана «иногородние лица» арендовали участки на срок от одного до де-

сяти лет, а все постройки принадлежали ему. Джанибек-Гирей писал, что проведение железной дороги и строительство станции, которые пересеклись с вновь открытым Кумским почтовым трактом, «на середине его земли», сделали поселение «средоточием пунктов торговли, привлекает торговцев и вредных для общественной жизни людей, и так как агенты на станции железной дороги не обращают внимания на обыденную жизнь своих рабочих, что самое подстрекает последних совершать преступления и скандалы». Поэтому для прекращения беспорядков в поселке Султан просил об учреждении полиции. Кстати, железнодорожная станция действительно стала вскоре основным очагом в регионе по распространению революционной агитации.

16 июля 1878 г. был образован поселок Султановский Пятигорского отдела Терской области. В 1881 г. в состав преобразованного Пятигорского округа вошли также: г. Пятигорск, станции Горячеводская, Ессентукская, Кисловодская и Боргустанская, селения Железноводское, Кисловодское, Михайловское, колонии Константиновская, Николаевская, Шотландская (Каррас), железнодорожная станция Минеральные Воды, аул Абуков, хутора частных лиц и соленое озеро Тамбукан.

В 1893 г. посёлок Султановский состоял из 350 семей немцев, русских, ногайцев, татар, армян и греков. Сначала Султаны сдавали землю в аренду на 10–12 лет за 12 руб. в год, и дополнительно участки под пашню за 5 руб. за десятину, под покос – 2 руб., под выпас скота – 1 руб. Под усадьбу поселенцам отводилось 300 кв. саженей с правом возводить необходимые для жилья и хозяйства постройки. Условия были хорошими, и количество желающих поселиться здесь с каждым годом увеличивалось, поэтому землевладельцы повысили арендную плату и уменьшили срок договора до 3–8 лет. Поселенцы сначала просили местные власти о содействии в освобождении от арендных платежей, затем обратились в правительство с письмом о «покровительстве и защите от притеснений со стороны местных землевладельцев» и просили заставить Султанов продать им земли [Гриценко, 1998. Эл. ресурс]. Однако Сенат поддержал законные права землевладельцев, и арендаторы до революции платили по 60 рублей в год за усадьбное место.

Станция Минеральные Воды приобрела широкую известность. На Кавказ устремлялись, особенно в летнее время, пассажи-

ры, чтобы потом на лошадях добраться до курортов. В 1892 г. для расширения станции и укладки железнодорожного полотна от Минеральных Вод до Кисловодска снова было произведено отчуждение земель у Султанов с оплатой 3 588 рублей за 51 десятину. Также были куплены 15 десятин земли у дворянина Пеховского, 3 десятины у графа Строганова и участки еще у 11 владельцев, всего более 400 десятин. Железную дорогу до Кисловодска в 60 верст по сложному горному рельефу открыли 17 мая 1894 г. и приток пассажиров увеличился в 10 раз.

Через Минеральные Воды и Кисловодск проходили поезда из Санкт-Петербурга и Москвы до Владикавказа и Тифлиса. Жители поселка Султановский, видя перспективу и увеличение рабочих мест на железной дороге, не хотели переезжать на другое место, более того, появилась масса желающих арендовать землю у Султанов. Так как они не шли на уступки по аренде, 25 октября 1898 г. поселенцы обратились с просьбой к властям выкупить у помещиков всю усадьбную и 500 десятин выгонной земли за счет правительства, с которым бы они рассчитались в течение 25 лет. В поселке уже проживали 2 090 человек, большей частью бедных и неграмотных. Вскоре для них открыли школу в здании, принадлежавшем Джанибек-Гирею [Шкарупа, 2008. Эл. ресурс].

Начальник Терской области поддержал поселенцев, и в 1899 г. писал начальнику штаба военного округа, что «находит причины вполне достаточными, чтобы придать им общественное значение для отчуждения земли в пользу жителей Султановского поселка и устройства постоянного русского поселения на участке земли Султан Гиреев». И всё же частная собственность на землю Султанов оставалась неприкосновенной, поселенцам разрешили только, чтобы возведенные ими строения при расторжении договора остались их собственностью [Гриценко, 1998. Эл. ресурс].

Не добились арендаторы и отчуждения земли под строительство церкви и церковно-приходской школы. Когда же Общество Владикавказской железной дороги безвозмездно выделило землю для церкви и школы «в полосе отчуждения», жители Султановского остались недовольны, так как «считали, что если церковь будет построена на территории поселка, то владелец земли не вправе лишать их арендованного участка земли». Видимо, поэтому Джа-

нибек-Гирей и отказал им, понимая истинную причину желания построить церковь именно на его земле.

В состав поселка, кроме «татарского владельческого хутора с мечетью» Джанибек-Гирея, состоящего из 36 дворов со 186 жителями, было приписано также имение Пеховского со 175 жителями. В собственности «местного миллионера» Джанибек-Гирея к этому времени оставались, по крайней мере, 6 154 десятины земли у горы Змейка и четыре домовладения в Железноводске [История города... 2003. Эл. ресурс]. К началу XX века в поселке Султановском насчитывалось более 120 домов и 40 торговых заведений, появились неофициальные базары. В 1904 г. Джанибек-Гирей предложил атаману Пятигорского отдела сдать участок своей земли под официальный базар, представил разработанный договор с перечнем условий, взимания платы с торговцев за продажу товаров и с обязательством «не брать плату за продажу продуктов и молока» [Гриценко, 1998. Эл. ресурс]. Пожалуй, это последнее упоминание о Джанибек-Гирее. Видимо в 1906 г. его, как и брата, уже не было в живых, а наследников всё-таки вынудили продать землю, так как поселку дали новое название – Илларионовский в честь наместника Кавказа Иллариона Воронцова-Дашкова, освободившего жителей от арендной платы [Город Минеральные Воды, 2008. Эл. ресурс].

Что касается Тохтамыш-Гирея, то его имя связано с городом Железноводском, который активно застраивался дачами, пансионатами и частными лечебницами. Так, в 1879 г. по ул. Шоссейной внаём сдавали дома Клюгенау, Махатадзе, Пожидаева, Шпинер, Фидлер, Фальковский, а также «богатый землевладелец Султан Тохтамыш-Гирей», имевший дома ещё и на ул. Курсовой. В 1900 г. у Тохтамыш-Гирея было уже 6 домов, в которых он сдавал 40 комнат. В разгар летнего сезона одно место стоило у богатых домовладельцев от 10 до 40 рублей. В домах Тохтамыш-Гирея на летний сезон открывались магазины. С Минеральных Вод к горе Железной прибывали экипажи, за ними тянулись фуры с дорожной поклажей, пока по Кисловодской ветке не были пущены поезда с остановками на станциях Железноводской, Пятигорской и Ессентукской. О популярности Железноводска говорит тот факт, что даже царская семья приобрела здесь 5 352 десятины земли [История города... 2003. Эл. ресурс].

Гирей никогда не оставляли своего любимого занятия коневодством, несмотря на то что оно перестало приносить большие

доходы. Лошади пользовались спросом в основном для прогулок верхом в окрестностях курортов, например, к подножью горы Бык в имение Евдокимова, где путешественники утоляли жажду лечебным напитком из кобыльего молока – кумысом. Для больных на курортах даже сооружались специальные «кумысные», и для поставки кумыса приглашались ногайцы со своими табунами кобылиц [Керейтов, 2006, с. 152]. Кроме того, в конце XIX в. на ежегодных базарах кавалерийские офицеры предпочитали выбирать ногайских лошадей, которые «отличались выносливостью и большей частью поставлялись в Терские казачьи войска» [Калмыков, Керейтов, Сикалиев, 1988, с. 62].

Сохранились упоминания о роли Султанов в развитии и сохранении коней ногайской породы, а также в разведении английской породы на Северном Кавказе. Так, в публикации результатов экспедиции 1926 г. по обследованию кабардинской породы лошадей, отмечая, что она возникла от смешения с турецкой, монгольской, астраханской, киргизской, калмыцкой, ногайской и др. породами, авторы пишут: «В последнее время влияние на коневодство кабардинцев оказали культурные заводы таких коннозаводчиков, как Строганов, Щербатов, Тохтамыш-Султан-Гирей, Петрик и т. д.» [Экспедиция... 1927. Эл. ресурс]. Исследователи побывали в бывших имениях при Беш-тау (Пятигорье) и Кум-Су (Кума-река) еще до 1918 г. и осмотрели 44 английские скаковые лошади Султана Тохтамыш-Гирея, находившиеся тогда в тяжелом положении от недокорма. Очевидно, что братьев Султанов в живых уже не было.

***

У Джанибек-Гирея остался сын Азамат-Гирей. Рядом с его родовым поместьем, находившимся к северу от горы Змейка между станцией Минеральные Воды и аулом Канглы, располагалось имение помещика Пеховского в пойме р. Джемуха. Пеховский занимался разведением скаковых лошадей чистокровной английской породы. Две семьи крепко объединяли общие интересы, а вскоре и родственные связи. Кирилл Пеховский, женатый на певице Вере Диамандиди, познакомил Азамата с её очаровательной сестрой Еленой [Шкарупа, 2008. Эл. ресурс]. В роскошной усадьбе «жизнь была ключом»: пикники, поездки в горы чередовались с посещениями театров, выставок, скачек. Здесь молодые люди полюбили

друг друга и поженились. 26 апреля 1916 г. у Азамат-Гирея и Елены в ауле Канглы родился сын Девлет [Гиреев Девлет, 2007. Эл. ресурс]. После ранней смерти Азамат-Гирея, Елена вышла замуж за художника М. В. Лермонтова и родила дочь Киру.

При советской власти в 1921 г. посёлок Илларионовский вместе со станцией был преобразован в город Минеральные Воды. В 1925 г. здесь была открыта воздушная станция, а в 1930 г. началось строительство большого аэропорта, ставшего воздушными воротами Северного Кавказа. По улице Ленина, бывшей Султановской, сохранился один из домов Джанибек-Гирея, в котором разместился Совет рабочих, крестьянских и казачьих депутатов, а затем – краеведческий музей [Шкарупа, 2008. Эл. ресурс].

Девлет в детстве подрабатывал, продавая газеты у парка «Цветник» в Пятигорске, последнем пристанище великого поэта Лермонтова. В 1932 г., окончив школу, он уехал в Осетию, где реализовал две свои страсти, унаследованные от родителей: любовь к лошадям и любовь к искусству и литературе. Девлет устроился табунщиком в конесовхоз под Моздоком, но тогда же начал писать для местной газеты театральные рецензии и литературно-критические заметки.

В 1937 г. Девлет Гиреев поступил на литературный факультет Северо-Осетинского пединститута во Владикавказе и как лучший студент получал Сталинскую стипендию. В 1938 г. он приехал на практику в музей «Домик Лермонтова» в Пятигорске. Исследователь Шкарупа пишет: «Высокий, очень красивый молодой человек проводил экскурсии эмоционально и темпераментно» [Шкарупа, 2008. Эл. ресурс]. В путеводителе по лермонтовским местам, изданном в Москве в 1940 г., студент Гиреев написал две главы, а в журнале «Пионер» опубликовал повесть о великом поэте «Последние дни».

В годы Великой Отечественной войны Гиреев ушёл на фронт, был ранен, пережил плен. После войны работал старшим научным сотрудником в возрожденном «Домике Лермонтова», в 1951 г. переехал во Владикавказ, работал редактором, затем школьным учителем. В 1956 г. защитил кандидатскую диссертацию по поэме Лермонтова «Демон» и стал преподавать в Северо-Осетинском педагогическом институте. Гиреев – автор ряда научных работ о Лермонтове, являлся членом Союза писателей СССР и редактором альманаха «Литературная Осетия». Жизнь удивительно талантливого, энергичного и доброжелательного Девлета Азаматовича Ги-

реева оборвалась 21 октября 1981 г. в автокатастрофе. Во Владикавказе у него живут сын и дочь.

За год до смерти ему удалось с большим трудом опубликовать свою документально-художественную книгу «Михаил Булгаков на берегах Терека» о великом писателе, бывшем в опале у коммунистических властей [Гиреев, 1980. Эл. ресурс]. Примечательно, что известный литературовед Л. М. Яновская, видимо, злясь на Гиреева, опередившего её в публикации книги о Булгакове, пыталась очернить автора в глазах читателей, съязвив: «Этот Девлет Гиреев, тёзка (или потомок?) хана Девлет-Гирея, некогда сжёгшего Москву...» [Яновская, 2013, с. 95]. О том, что советский литературовед Девлет Гиреев – прямой потомок того самого хана Девлет-Гирея I, она, конечно, не знала. Возможно, не знал этого и сам Гиреев. По словам его дочери Марины Гиреевой, замечательного учителя-филолога, отец никогда не говорил об этом и не афишировал свою принадлежность к роду Чингизхана.

Советский писатель Гиреев, обрусевший потомок крымских ханов, кубанских сераскиров, царских генералов и помещиков, чудом выживший после революции наперекор всем трагическим обстоятельствам, как и его знаменитые предки, нашел своё место в истории Северного Кавказа, но уже на литературном поприще. Впрочем, возможно, это вовсе не изгибы судьбы, а её прямая линия, predetermined и расписанная на несколько поколений вперёд, но совсем не упрощающая собственного выбора в исторической реальности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы проследили судьбы некоторых Султанов Гиреев, органично вплетённые в событийную канву истории Северного Кавказа и оставившие в ней яркий и значительный след. Конечно, представленная работа не претендует на исчерпанность столь большой темы, как роль потомков Чингизхана в истории нашей страны, её регионов и народов. Мы попытались на примере жизни и деятельности нескольких выдающихся личностей обозначить роль представителей некогда могущественной династии в интеграции Северного Кавказа в состав Российской империи, характерные черты многосложного процесса формирования её многонациональной и поликонфессиональной элиты.

До присоединения к России важнейшая роль Султанов, инфильтрированной посредством обычая «аталычества» в состав ногойской и адыгской знати, заключалась в становлении у этих народов политических начал, мотивируемых принадлежностью к общему государству – Крымскому ханству и Османской империи. Султаны, в принципе, последовательным образом держались того же стратегического курса и на следующем этапе истории, всемерно стараясь приобщить подвластные этнические группы к политико-правовому пространству Российского государства. Элита осознавала все преимущества данного процесса в сферах безопасности, устойчивой экономики и культурного развития.

До своего окончательного покорения Северо-Западный Кавказ семь раз становился одним из театров русско-турецких войн: 1710–1713 гг., 1736–1739 гг., 1768–1774 гг., 1787–1791 гг., 1806–1812 гг., 1828–1829 гг. и Крымской войны 1853–1856 гг. Международные мирные договоры по результатам этих войн утверждали межгосударственные границы и подданство местных народов. Однако фактическое присоединение региона к Российской империи не укладывается в однозначные и единовременные хронологические рамки, поскольку этот исторический процесс объективно имел собственную поступь для каждого из народов, выстраивавших свою «линию защиты» и способы самосохранения в условиях геополитического противостояния могущественных держав, деливших между собой их земли.

Местные народы, не имея самостоятельной политической субъектности и соизмеримой как по уровню, так и по оснащённости военного потенциала, были обречены на поиски более надёж-

ного покровителя, а в XIX в. их надежды не только на обретение независимого статуса, но и на право выбора подданства оказались трагической иллюзией. В таком историческом контексте, на фоне почти не прекращавшихся войн проходила жизнь кавказских Гиреев с самого начала их появления в регионе в качестве ногайской и адыгской элиты. Собственный опыт открытого военного противостояния с Россией привёл часть Султанов к выбору личной службы могущественной империи как на военном, так и на мирном поприще, что во многом способствовало распространению и утверждению российской власти среди подвластных им народов.

Обращение к этой многогранной теме неуклонно возвращает нас к проблемам так называемой Кавказской войны 1817–1864 гг., начавшейся с появлением на Кавказе главнокомандующего А. П. Ермолова, практиковавшего весьма суровые меры против местных народов. Тем не менее, отдавая должное героической борьбе горцев за независимость, всё же необходимо признать, что политико-правовой статус народов Северо-Западного Кавказа, находившихся под юрисдикцией Османской империи, менялся в результате побед России именно в русско-турецких войнах. При этом в российских войсках служило немалое количество представителей северокавказских народов. Так, только в одной семье Султанов три человека получили генеральские чины: Менгли-Гирей, Азамат-Гирей и Казы-Гирей.

Важной ролью российских Султанов было предотвращение пагубных последствий резкого перехода кочевых общин к оседлому образу жизни, а также обеспечение земельными угодьями на постоянных местах жительства, качественного роста сферы жизнеобеспечения, развития хозяйственной отрасли и социального уклада, культурной жизни. Султаны использовали свои статусные ресурсы (административные позиции, элитное положение, влияние, связи и др.) в деле отстаивания прав подвластных этнических меньшинств перед чиновничьим произволом. Одновременно с этим они своим личным примером (образовательный аспект, военная карьера, общественно-просветительская деятельность и др.) показывали соплеменникам и единоверцам перспективность экономической и культурной интеграции в составе Российской империи.

Таким образом, инкорпорация представителей ханского рода Гиреев в северокавказскую элиту началась с представительства и

наместничества ханской власти в подвластных народах, закрепи-
лась посредством аталычества и брачных союзов, а сохранилась
благодаря государственническому генезису этого сословия, ока-
завшегося самым подготовленным, гибким и открытым для вос-
приятия новой государственной власти – российской.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБКИЕА – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.

АКАК – Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии

ИОЛИКО – Известия общества любителей истории Кубанской области

КС – Кавказский сборник

КРО – Кабардино-русские отношения

СМОМПК – Сборник материалов по описанию местностей и племён Кавказа

ССКГ – Сборник сведений о кавказский горцах

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания

ЦГИА РГ – Центральный государственный архив Республики Грузия.

Эл. ресурс – Электронный ресурс

ВОА – *Vaşbakanlık Osmanlı Arşivi* (Архив османского правительства, Турция).

адыг. – адыгский

араб. – арабский

ногай. – ногайский

кабард. – кабардинский

карач. – карачаевский

тюрк. – тюркский

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГЕНЕАЛОГИЯ

Таблица 1

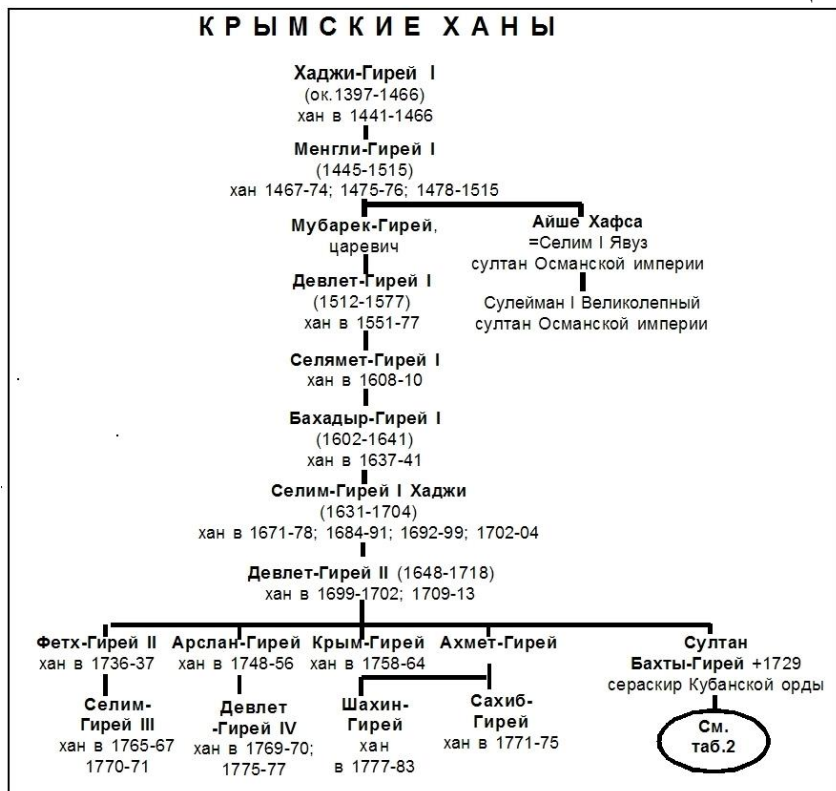
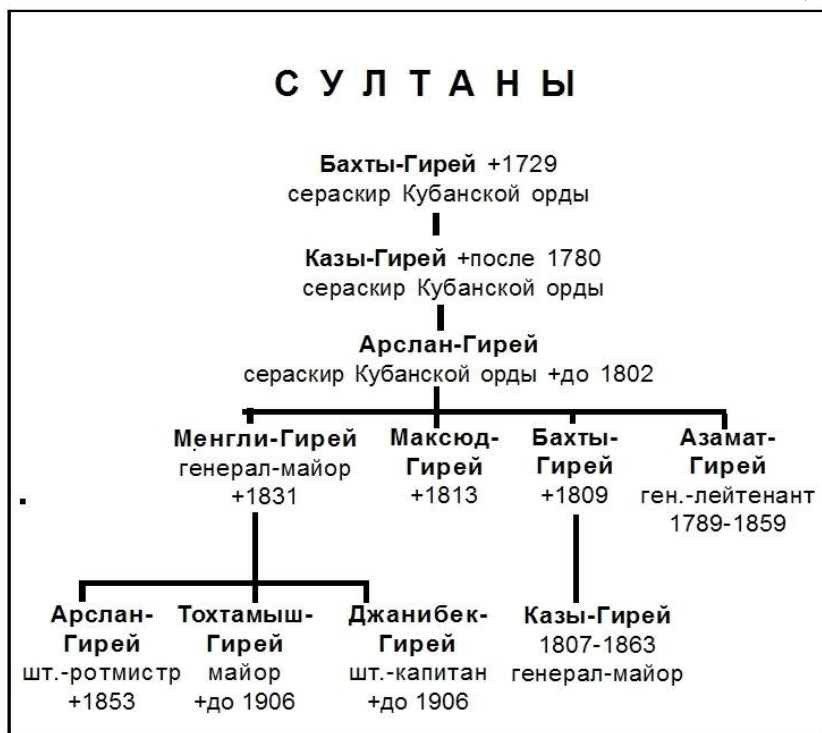

Таблица 2

Архивные источники

- РГВИА. Фонд ВУА «Военно-учёный архив»
- РГВИА. Фонд 38. «Департамент Генерального штаба (1832–1863)»
- РГВИА. Фонд 482. «Военные действия России на Кавказе и документы по истории народов Кавказа. Коллекция (1733–1901)»
- РГВИА. Фонд 1268. «Кавказский комитет (1839–1881 гг.)»
- РГВИА. Фонд 1300. «Штаб Кавказского военного округа (1865–1918)»
- РГВИА. Фонд 13454. «Военное управление на Кавказской линии и в Черномории (1778–1858)»
- РГВИА. Фонд 14257. «Временная военная канцелярия при начальнике Кубанской области (1787–1877)»
- РГВИА. Фонд 14719. «Главный штаб Кавказской армии»
- ГАКК. Фонд 347. «Штаб начальника Лабинской кордонной линии Правого фланга Кавказской линии»
- ГАКК. Фонд 774. «Канцелярия помощника начальника Кубанской области по управлению горцами (1865–1870 гг.)»
- ГАСК. Фонд 22. «Главный смотритель меновых дворов и карантин по Кавказской линии»
- ГАСК. Фонд 68. «Ставропольское губернское правление (1847–1918 гг.)»
- ГАСК. Фонд 70. «Канцелярия управляющего гражданской частью в Ставропольской губернии, командующий войсками по Кавказской линии и в Черномории (1842–1858)»
- ГАСК. Фонд 79. «Общее управление Кавказской области (1822–1847)»
- ГАСК. Фонд 87. «Кавказский гражданский губернатор (1799–1822)»
- ГАСК. Фонд 101. «Канцелярия Ставропольского губернатора (1848–1919 гг.)»
- ГАСК. Фонд 128. «Кавказское губернское правление (1770–1864)»
- ГАСК. Фонд 249. «Управление главного пристава кочующих народов (1800–1917)»
- ГАСК. Фонд 407 «Пристав Калаусо-Джембулуковских ногайцев и Кызыларских татар (1822–1861 гг.)» Начало формы
- ГАСК. Фонд 444. «Канцелярия Гражданского губернатора Кавказской области (1822–1847)»

ГАСК. Фонд 459 «Ставропольская казённая палата»
ЦГА РСО-А. Фонд 262. «Комиссия для разбора сословных прав
горцев Кубанской и Терской областей (1871–1910 гг.)»
ЦГА РСО-А. Фонд 224. «Из архива городского головы г. Влади-
кавказ Баева Г. В.»
БОА. Hattı-ı Hümayûn, Dosya No: 1104, Gömlek No: 44590-E, Tarih:
25 Rebîü'l-âhir 1242.
БОА. Hattı-ı Hümayûn, Dosya No: 1089, Gömlek No: 44279-Ç, Tarih:
29 Zilhicce 1243.
БОА. Hattı-ı Hümayûn, Dosya No: 1042, Gömlek No: 43115-Y, Tarih:
06 Muharrem 1243.

Опубликованные источники и литература

Абаев, 1911 – *Абаев М. К.* Балкария // Мусульманин. № 14–17. Па-
риж, 1911. С. 595–596.
Абазины, 1989 – Абазины. Историко-этнографический очерк (от-
ветственная за выпуск Л. З. Кунижева). Черкесск, 1989. 240 с.
АБКНКА 1974 – АБКНКА (сост. В. К. Гарданов). Нальчик, 1974.
635 с.
Адыгские писатели-просветители... 1986 – Адыгские писатели-
просветители XIX века. Избранные произведения. Краснодар,
1986. 398 с.
АКАК 1866 – АКАК (под ред. Берже А. П.). Том 1. Тифлис, 1866.
816 с.
АКАК 1868 – АКАК Том 2. Тифлис, 1868. 1238 с.
АКАК 1869 – АКАК Том 3. Тифлис, 1869. 760 с.
АКАК 1870 – АКАК Том 4. Тифлис, 1870. 1012 с.
АКАК 1873 – АКАК Том 5. Тифлис, 1873. 1170 с.
АКАК 1874 – АКАК Том 6. Часть 1. Тифлис, 1874. 942 с.
АКАК 1875 – АКАК Том 6. Часть 2. Тифлис, 1875. 950 с.
АКАК 1878 – АКАК Том 7. Тифлис, 1878. 994 с.
АКАК 1881 – АКАК. Том 8. Тифлис, 1881. 1033 с.
АКАК 1884 – АКАК Том 9. Тифлис, 1884. 1013 с.
АКАК 1885 – АКАК Том 10. Тифлис, 1885. 982 с.
Албогачиева – *Албогачиева М. С.-Г.* Шотландская миссия в Ингу-
шетии // Архивный вестник Республики Ингушетия. Назрань,
2009. Вып. VI. С. 43–56. <http://ingarchives.ru> (дата обращения:
20.08.2016).

- Алиев, 1991 – *Алиев У. Дж.* Карачай. Черкесск, 1991. 321 с.
- Алиева, 2010 – *Алиева С. И.* Ногайские тюрки (XV–XX вв.). Баку, 2010. 332 с.
- Анучин, 2001 – *Анучин Д. Г.* Очерк горских народов Правого крыла Кавказской линии // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Том 2. Нальчик, 2001. С. 245–298.
- Бакунин, 1939 – *Бакунин В. М.* Описание истории калмыцкого народа // Красный архив № 3(94), 1939. URL: <http://www.vostlit.info/Text/Dokument/Russ/XVIII/1760-1780/Bakunin>
- Барасбиев, 2000 – *Барасбиев М. И.* Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX века. Нальчик, 2000. 112 с.
- Барасбиев, 2007 – *Барасбиев М. И.* Обычай аталычества во взаимоотношениях ногайцев с соседними народами // Архивы и общество. № 3. Нальчик, 2007. С. 152–155.
- Башенев, 1914 – *Башенев Н.* Пятидесятилетие покорения Западного Кавказа. Тифлис, 1914. 48 с.
- Бегеулов, 2002 – *Бегеулов Р. М.* Карачай в Кавказской войне XIX века. Черкесск, 2002. 178 с.
- Бегеулов, 2005 – *Бегеулов Р. М.* К вопросу о некорректной интерпретации одного из документов по истории Балкарии // Известия Карачаевского НИИ. Т. 1. Черкесск, 2005.
- Безобразов, 2005 – *Безобразов С. Д.* Рассуждение и мнение о покорении Кавказа 1842 года. (Публикация и комментарии В. А. Захарова) // КС. Том 2. (34). 2005. С. 132–144. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/> (дата обращения: 20.10.2016).
- Беликов, 1997 – *Беликов Г. А.* Ставрополь – врата Кавказа. Ставрополь, 1997. 351 с.
- Берозов, 1980 – *Берозов Б. П.* Переселение осетин с гор на плоскость. Орджоникидзе: Ир, 1980. 240 с.
- Бесс, 1974 – *Бесс (Бешие) Ж.-Ш.* Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829 и 1830 гг. // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 329–353.
- Беннигсен, 1994 – *Беннигсен А.* Шейх Мансур. Народное движение на Кавказе в XVIII в. Махачкала, 1994. 80 с.

- Бентковский, 1883 – *Бентковский И. В.* Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Часть 1. Ставрополь, 1883. 134 с.
- Берже, 1999 – *Берже А. П.* Выселение горцев с Кавказа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Том 1. Нальчик, 1999. С. 279–316.
- Бейтуганов, 2007 – *Бейтуганов С. Н.* Кабарда: история и фамилии. Нальчик, 2007. 784 с.
- Бутков, 2001 – *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год. Извлечения. Нальчик, 2001. 355 с.
- Броневский, 1999 – *Броневский С. М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 222 с.
- Ваганов, 1867 – *Ваганов С. В.* Обзор Кавказской линии. Тифлис, 1867.
- Ваганов, 1898 – *Ваганов С. В.* О Военно-Сухумской дороге. Тифлис, 1898.
- Ваганов, 1899 – *Ваганов С. В.* Значение охранно-карантинной линии по границе Кубанской области с Закавказьем // ИОЛИКО. Вып. 1. Екатеринодар, 1899. С. 21–50.
- Васильева, 2002 – *Васильева Е. Ю.* Протестанты на Кавказе в XIX в. Протестанты на Кавказе в XIX в.: дис.... канд. ист. наук. Владикавказ, 2002. 156 с. URL: <http://www.dslib.net/istoria-otechestva> (дата обращения: 20.10.2016).
- Вельяминов. Способ... 1883 – *Вельяминов А. А.* Способ ускорить покорение горцев (мемория генерал-лейтенанта Вельяминова, представленная в 1828 г.) // КС. Том 7. Тифлис, 1883.
- Вельяминов. Замечания... 1883 – *Вельяминов А. А.* Замечания на письмо главнокомандующего действующей армией к военному министру от 27 июля 1832 года // КС. Том 7. Тифлис, 1883.
- Венюков, 2004 – *Венюков М. И.* Очерк пространства между Кубанью и Белой // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик, 2004. С. 137–213.
- Вершигора, 1999 – *Вершигора А.* Материалы к военной биографии Хан-Гирея // История и культура народов степного Предкавказья и Северного Кавказа: проблемы межнациональных отношений. Ростов-на-Дону, 1999. С. 145–154.

- Виноградов, 1993 – *Виноградов В. Б.* Страницы истории средней Кубани. Армавир, 1993. 102 с.
- Виноградов, 1995 – *Виноградов В. Б.* Средняя Кубань: земляки и соседи. Армавир, 1995. 150 с.
- Виноградов, 2009 – *Виноградов В. Б.* Интегрирующие проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII – начала XIX в. Славянск-на-Кубани, 2009. 138 с.
- Возгрин, 1992 – *Возгрин В. Е.* Исторические судьбы крымских татар. М., 1992. 448 с.
- Возгрин – *Возгрин В. Е.* Политические отношения Карла XII с крымскими ханами и турецким султаном в годы Северной войны. 2004. Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. URL: <http://www.kunstkamera.ru/lib/> (дата обращения: 20.10.2016).
- Волкова, 1974 – *Волкова Н. Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М: Наука, 1974. 275 с.
- Гаврилов, 1869 – *Гаврилов П. А.* Устройство поземельного быта горских племён Северного Кавказа // ССКГ. Вып. 2. Тифлис, 1869. С. 3–78.
- Главани, 1974 – *Главани Ксаверио.* Описание Черкесии // АБ-КИЕА. Нальчик, 1974. С. 156–173.
- Генеалогия... 2007 – Генеалогия Северного Кавказа. № 19. Сословное право горцев Кубанской области 1872–1903 гг. Нальчик, 2007. 123 с.
- Гиреев, 1980 – *Гиреев Д. А.* Михаил Булгаков на берегах Терека. Владикавказ, 1980. 140 с. URL: <http://kopilkaknig.ru/books/> (дата обращения: 20.10.2016).
- Гиреев Девлет, 2007 – Гиреев Девлет (1916–1981). Сайт «Осетия и осетины». 2007. URL: <http://osetins.info/2007/10/27/gireev-devlet> (дата обращения: 20.10.2016).
- Голицын, 2001 – *Голицын Н. Б.* Жизнеописание генерала от кавалерии Емануеля // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Том 1. Нальчик, 2001. С. 105–156.
- Гордин – *Гордин Я. А.* Кавказская Атлантида. 300 лет войны. М., 2011. 480 с. URL: <http://litfile.net/web/> (дата обращения: 20.10.2016).

- Город Минеральные Воды, 2008 – Город Минеральные Воды в объективе времени. Ессентуки, 2008. С. 2–32. URL: <http://muk-cbs.ru/node/> (дата обращения: 20.10.2016).
- Горюнов, 1879 – *Горюнов*. Воспоминания из Кавказской военной жизни. Рассказ 3-й // Историческая библиотека. 1879. № 12. URL: a-u-l.narod.ru – Материалы из русских журналов XIX–XX вв. (дата обращения: 20.10.2016).
- Грибовский, Сень, 2008 – *Грибовский В. В., Сень Д. В.* «Кубанский вектор» во взаимоотношениях калмыков и ногайцев в первой трети XVIII в. // Калмыки в многонациональной России: опыт четырех столетий. Элиста, 2008. С. 168–192.
- Гриценко, 1998 – *Гриценко В. Б.* История Земли Минераловодской. 1998. URL: <http://mvschool.ru/article> (дата обращения: 20.10.2016).
- Гугов, 1999 – *Гугов Р. Х.* Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. Нальчик, 1999. 684 с.
- Дебу, 2001 – *Дебу И. Л.* О кавказской линии и присоединённом к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселённых полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах (Извлечения) // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Том 1. Нальчик, 2001. С. 51–90.
- Дельпоццо, 2001 – *Дельпоццо И. П.* Записка о Большой и Малой Кабарде // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Том 1. Нальчик, 2001. С. 7–41.
- Документальная история... 1998 – Документальная история образования многонационального государства Российского. Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX веках. М., 1998. 672 с.
- Дружинина, 1959 – *Дружинина Е. И.* Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М.: Наука, 1959. 279 с.
- Дударев, 2013 – *Дударев С. Л.* К изучению специфики интегративного процесса у народов Северного Кавказа и Большой России в XVIII – начале XXI века. Армавир: Дизайн-студия Б, 2013. 56 с.
- Дударев, Захаров, Королёва, 2016 – *Дударев С. Л., Захаров В. А., Королёва И. А.* Колония Каррас и судьба М. Ю. Лермонтова // Гуманитарные и юридические исследования. Вып. 2. Ставрополь, 2016. С. 56–61.

- Записки А. П. Ермолова, 1991 – Записки А. П. Ермолова во время управления Грузией. 1798–1826 гг. М., 1991. Сайт «Военная литература». <http://militera.lib.ru> (дата обращения: 20.10.2016).
- Захаревич, 2003 – *Захаревич А. В.* Донские казаки в Закубанской экспедиции генерала от инфантерии С. А. Булгакова в январе – марте 1810 года // Учёные записки Донского юридического института. Том 21. 2003. С. 174–218.
- Зубов, 2001 – *Зубов Платон.* Подвиги русских воинов в странах кавказских с 1800-го по 1834 год. (Извлечения до 1825 г.) // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Том 2. Нальчик, 2001. С. 61–141.
- Из архива... 1910 – Из архива князей Бековичей-Черкасских // КС. Том 30. Тифлис, 1910. С. 1–59.
- Избранные произведения... 1980 – Избранные произведения адыгских просветителей (Вступ. статья, подготовка текстов и комментариев Р. Х. Хашхожевой). Нальчик, 1980. 302 с.
- ИТУАК, 1914 – Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 51. Симферополь, 1914. С. 1–46.
- История города... 2003 – История города Железноводска. 2003 URL: <http://www.zhvv.ru/istorija-goroda/konec-xix-stoletija> (дата обращения: 20.10.2016).
- Кавказский вектор... 2014 – Кавказский вектор Российской политики // Сборник документов. Т. I. Книга 2: 1796–1864 гг. / сост.: М. А. Волконский, В. М. Муханов. М.: Объединенная редакция МВД России. 2014. С. 71–72.
- К. Обзор событий 1898 – *К. (аноним).* Обзор событий на Кавказе в 1851 г. // КС. Том 19. Тифлис, 1898. С. 16–119.
- Казаков, 2006 – *Казаков А. В.* Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в.: биографический справочник. Нальчик, 2006. 406 с.
- Карачаевцы. Балкарцы, 2014 – Карачаевцы. Балкарцы / отв. ред.: Каракетов М. Д., Сабанчиев Х.-М. А.). М.: Наука, 2014. 815 с.
- Калмыков, Керейтов, Сикалиев, 1988 – *Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.* Ногайцы. Черкесск, 1988. 232 с.
- Каракетов, 2004 – *Каракетов М. Д.* От вооружённых столкновений до брачных связей: из жизни северокавказских элит в XVII–XIX вв. // Диаспоры: независимый научный журнал. 2004. № 4.
- Карданов, 2001 – *Карданов Ч. Э.* Путь к России. Нальчик, 2001. 430 с.

- Керейтов, Кидирниязов, 2002 – *Керейтов Р. Х., Кидирниязов Д. С.* Казы-Гирей, кто он: ногаец или адыг? // Генеалогия Северного Кавказа: историко-генеалогический научно-реферативный независимый журнал. КБНИИ. 2002. № 4. Нальчик, 2002.
- Керейтов, 2006 – *Керейтов Р. Х.* О традиционном хозяйстве ногайцев юга Российской Федерации // Современное положение и перспективы развития ногайского народа в XXI веке. Санкт-Петербург, 2006. С. 147–160.
- Керейтов, 2009 – *Керейтов Р. Х.* Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры. Ставрополь, 2009. 464 с.
- Кипкеева, 2006 – *Кипкеева З. Б.* Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение. 60-е годы XVIII в. – 60-е годы XIX в. М., 2006. 360 с.
- Кипкеева, 2007 – *Кипкеева З. Б.* Конец Ногайской орды: миграции и расселение на Северном Кавказе // Новый исторический вестник. 2007. № 1 (15). С. 1–14.
- Кипкеева, 2008 – *Кипкеева З. Б.* Северный Кавказ в составе Российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь, 2008. 432 с.
- Кипкеева, 2015 – *Кипкеева З. Б.* Раздел владений Крымского ханства на Северном Кавказе // Крымское историческое обозрение. № 2. Симферополь – Казань, 2015. С. 50–62.
- Клапрот, 1974 – *Клапрот Генрих-Юлиус.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 235–280.
- Клычников, 2002 – *Клычников Ю. Ю.* Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840). Пятигорск, 2002. 494 с.
- Ковалевский, 1915 – *Ковалевский П. И.* Кавказ. Том 2. История завоевания Кавказа. СПб., 1915. 272 с.
- Коленати, 2016 – *Коленати Ф. А.* Воспоминания о путешествиях: поездка по Черкассии. (Reiseerinnerungen: die Bereisung Circassiens). Дрезден, 1859. Перевёл на русский язык Р. А. Абреков (рукопись). Вена, 2016. *Автор выражает благодарность Ратмиру Владимировичу Абрекову за любезно предоставленный текст.*
- Короленко, 2001 – *Короленко П. П.* Записки о черкесах // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Том 2. Нальчик, 2001. С. 153–237.

- Короленко, 2004 – *Короленко П. П.* Закубанский край // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик, 2004. С. 293–450.
- Косвен, 1961 – *Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа. М., 1961. 260 с.
- Кочекаев, 1969 – *Кочекаев Б. Б.* Классовая структура ногойского общества в XIX – начале XX веков. Алма-Ата, 1969. 60 с.
- Кочекаев, 1973 – *Кочекаев Б. Б.* Социально-экономическое и политическое развитие ногойского общества в 19 – начале 20 века. Алма-Ата, 1973. 130 с.
- Краснокутская, 2013 – *Краснокутская Л. И.* Меры правительства Российской империи по обустройству шотландских колонистов на КВМ // Каррасские научные чтения, посвящённые 210-летию освоения посёлка Иноземцево. Пятигорск, 2013. С. 32–41.
- Край наш Ставрополье, 1999 – Край наш Ставрополье. Очерки истории / науч. ред.: Д. В. Кочура и В. П. Невская. Ставрополь, 1999. 528 с.
- КРО, 1957 – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: документы и материалы: в 2 т. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 424 с.
- Кумыков, 1978 – *Кумыков Т. Х.* Казы-Гирей. Нальчик, 1978. 134 с.
- Кундухов, 2013 – *Кундухов Мусса.* Мемуары. Владикавказ, 2013. 95 с.
- Курмансеитова, 2009 – *Курмансеитова А. Х.* У истоков ногойской книги (XIX – начало XX века). Черкесск, 2009. 216 с.
- Лайелл – *Лайелл Роберт.* Симферополь и его окрестности // «Путешествия по России, Крыму, Кавказу и Грузии» (Перевела О. В. Корчевская). Крымский альбом. 2002. URL: <http://www.krimoved-library> (дата обращения: 20.10.2016).
- Лайпанов, 2005 – *Лайпанов К. Т.* Карачай и карачаевцы. Черкесск, 2005. 280 с.
- Лайпанов, Хатуев, Шаманов, 2009 – *Лайпанов К. Т., Хатуев Р. Т., Шаманов И. М.* Карачай с древнейших времён до 1917 года. Историко-этнографические очерки. Черкесск, 2009. 270 с.
- Леонтович, 2002 – *Леонтович Ф. И.* Адаты кавказских горцев. Нальчик, 2002. 263 с.
- Линден, 1917 – *Линден В.* Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Исторический очерк. Издание канцелярии наместника на Кавказе. Тифлис, 1917.

- Магаяева, 2003 – *Магаяева П. М.* Реформы 60–70-х годов XIX века в горских округах Кубанской области. Карачаевск, 2003. 231 с.
- Материалы для истории... 1902 – Материалы для истории Северного Кавказа 1787–1792 гг. // КС. Том 18. Тифлис, 1902.
- Медокс, 1879 – *Медокс Р. М.* Мое предприятие составить кавказско-горское ополчение в 1812 году // Русская старина. 1879. № 12. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/> (дата обращения: 20.10.2016).
- Мусукаев, Мальбахов, 1999 – *Мусукаев А., Мальбахов К.* Письма с Кавказа и Крыма // Эльбрус. 1999. № 1 (10). Нальчик, 1999.
- Народы Карачаево-Черкесии, 1998 – Народы Карачаево-Черкесии: история и культура. Черкесск, 1998. 542 с.
- Невская, 1960 – *Невская В. П.* Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. (дореформенный период). Черкесск, 1960. 180 с.
- Невская, 1963 – *Невская В. П.* Земельные отношения в Карачае во 2-й половине XIX в. // Труды КЧНИИ истории, языка и литературы. Вып. IV. Черкесск, 1963.
- Невская, 1964 – *Невская В. П.* Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1964. 224 с.
- Нерсисян, 1965 – *Нерсисян М. Г.* Отечественная война 1812 года и народы Кавказа. (Приложения). Ереван, 1965. URL: <http://a-l.narod.ru/> (дата обращения: 20.10.2016).
- О Малой Татарии, 1916 – О Малой Татарии. Доклад императрице Екатерине II по вступлении Ея на Престол, изображающий систему Крымских Татар, их опасность для России и претензию на них // ИТУАК. 1916. № 53. Симферополь, 1916. С. 190–193.
- Ольшевский, 2003 – *Ольшевский М. Я.* Кавказ с 1841 по 1866 год. Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века», СПб.: Звезда, 2003. 608 с.
- Орак-эли... 2015 – Орак-эли – Эркин-юрт – Ураковский / сост. И. С. Капаев. М., 2015. 368 с.
- Очерки истории Кубани, 1996 – Очерки истории Кубани с древнейших времён по 1920 г. / под ред. В. Н. Ратушняка. Краснодар, 1996. 656 с.
- Пейсонель, 1990 – *Пейсонель Ш.* Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Чёрного моря в 1750–1762 годах (репринтное издание). Майкоп, 1990. 35 с.

- Плотников, 1991 – *Плотников Д. Н.* Собственный Его Величества Конвой // Военно-исторический журнал. 1991. № 5. URL: <http://gosudarstvo.voskres.ru/> (дата обращения: 20.10.2016).
- ПСЗ, 1830 – Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXII (1784–1788). СПб, 1830. 1168 с.
- Потто, 1991 – *Потто В. А.* Два века терского казачества (1577–1801). Репринтное издание. Ставрополь, 1991. 383 с.
- Потто, 1994. Т. 1 – *Потто В. А.* Кавказская война: в 5 т. Том 1. Ставрополь, 1994. 672 с.
- Потто, 1994. Т. 2 – *Потто В. А.* Кавказская война: в 5 т. Том 2. Ставрополь, 1994. 688 с.
- Потто, 1994. Т. 5 – *Потто В. А.* Кавказская война: в 5 т. Том 5. Ставрополь, 1994. 672 с.
- Приймак, 2009 – *Приймак Ю. В.* Прообраз «Великой Черкесии» в исторической ретроспективе попытки создания протогосударства Бахты-Гирея на Северо-Западном Кавказе. 1722–1730 гг. // Российский Северный Кавказ: текущие риски, посягательства и перспективы. Москва – Армавир, 2009. С. 93–101.
- Рыжов – *Рыжов К. В.* Все монархи мира: мусульманский Восток XV–XX вв.: справочник. М., 2004. 541 с. URL: <https://www.livelib.ru/> (дата обращения: 20.10.2016).
- Рукавишников, 2006 – *Рукавишников Е. Н.* Участие Российского флота в урегулировании ближневосточного конфликта в 1860–1861 гг. // Вопросы истории. 2006. № 10.
- РОО, 1976 – Русско-осетинские отношения в XVIII веке: сборник документов. Том 1. Орджоникидзе, 1976.
- Санин, 2000 – *Санин О. Г.* Крымское ханство в русско-турецкой войне 1710–11 г. // Москва – Крым: историко-публицистический альманах. 2000. № 2. URL: <http://historiawars.narod.ru/> (дата обращения: 20.10.2016).
- Санин, 2010 – *Санин О. Г.* Россия и Крымское ханство накануне Полтавской битвы // Северная война и Приднестровье: история и современность. Тирасполь, 2010. URL: <http://militera.lib.ru/> (дата обращения: 20.10.2016).
- Сборник документов... Т. 1, 2003 – Сборник документов по словесному праву народов Северного Кавказа. Том I. Нальчик, 2003. 345 с.

- Сборник писем... 1986 – Сборник писем великого русского полководца А. В. Суворова. М.: Наука, 1986. 810 с. URL: <http://historic.ru/books/> (дата обращения: 20.10.2016).
- Сень, 2002 – *Сень Д. В.* Императорский конвой и участие в нём казаков Кубани. Краснодар, 2002. URL: <http://www.cossackweb.narod.ru/kazaki/> (дата обращения: 20.10.2016).
- Сень, Грибовский, 2015 – *Сень Д. В., Грибовский В. В.* Кубанский султан Бахты-Гирей и его роль в османо-крымско-российских отношениях первой трети XVIII в. // Роль личности в становлении и развитии российско-кавказских отношений. Грозный, 2015. С. 635–649.
- Сенютин, 2000 – *Сенютин М.* Военные действия донцов против ногайских татар в 1777–1783 годах // Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. 1781–1786 гг.: сборник документов. Том III. Нальчик, 2000. С. 235–314.
- Сергеев, 1914 – *Сергеев А. А.* Состояние народа турецкаго в 1703 г., описанное графом П. А. Толстым // ИТУАК. 1914. № 51. Симферополь, 1914. С. 47–134.
- Слатвинская, 2013 – *Слатвинская Е. А.* Формирование и использование культурных ресурсов в начальный период освоения Кавказских Минеральных Вод (Шотландская колония Каррас) // Каррасские научные чтения, посвящённые 210-летию освоения посёлка Иноземцево. Пятигорск, 2013. С. 214–221.
- Смирнов, 1889 – *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты в XVIII столетии до присоединения его к России. Одесса, 1889. 253 с.
- Социально-экономическое... 1985 – Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790–1917): сборник документов / сост.: В. П. Невская, И. М. Шаманов, С. П. Несмачная. Ростов-на-Дону, 1985. 228 с.
- Список ногайцев... 2013 – Список ногайцев, проживающих около станции Воровсколеской в Пятигорском округе Ставропольской губернии. 1865 г. (ГАСК Ф. 58. Оп. 1. Д. 13. Л. 244). URL: <http://vorovskolesskaja.narod.ru/> (дата обращения: 20.10.2016).
- Сталь, 2001 – *Сталь К. Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Том 1. Нальчик, 2001. С. 185–278.

- Сысоев, 1913 – *Сысоев В. М.* Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении // СМОМПК. Вып. 43. Тифлис, 1913. С. 1–156.
- Султан Адиль-Гирей, 2001 – *Султан Адиль-Гирей*. Об отношениях крестьян к владельцам у черкесов. Выписка из заметок // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Том I. Нальчик, 2001. С. 175–178.
- Султан Казы-Гирей. *Султан Казы-Гирей*. Долина Ажитугай // Современник. 1836. № 1. СПб., 1836. С. 155–169.
- Твалчрелидзе, 1991 – *Твалчрелидзе А.* Ставропольская губерния. Репринтное издание. Ставрополь, 1991. 744 с.
- Толстов, 1900 – *Толстов В. Г.* История Хопёрского полка Кубанского казачьего войска (1696–1896 гг.). Тифлис, 1900. 656 с.
- Томкпев, 1898 – *Томкпев В.* Кавказская линия под управлением генерала Эмануеля (продолжение) // КС. Том 19. Тифлис, 1898. С. 120–221.
- Торнау, 1994 – *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания кавказского офицера. Черкесск, 1994. (по изданию «Воспоминания кавказского офицера». М., 1864). 264 с.
- Трагические последствия... 2000 – Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина – начало XX века: сборник документов и материалов. Нальчик, 2000. 462 с.
- Туганов, 1989 – *Туганов Р. У.* Сын «полудикого Кавказа» (Неизвестные страницы из жизни и деятельности Султана Казы-Гирея) // Страницы прошлого. Нальчик, 1989. С. 4–56.
- Турчанинов, 1970 – *Турчанинов Г. Ф.* Султан Казы Гирей – корреспондент пушкинского «Современника» // Временник Пушкинской комиссии. 1967–1968. Л., 1970. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin>. (дата обращения: 20.10.2016).
- Фелицын, 2004 – *Фелицын Е. Д.* Материалы для истории Северного Кавказа 1787–1792 гг. // Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. 1787–1791 гг.: сборник документов. Том IV. Нальчик, 2004. С. 71–204.
- Феофилактова, 1995 – *Феофилактова Т. М.* Политические отношения России с народами Северо-Западного Кавказа в период подготовки второй русско-турецкой войны II половины XVIII в. (1783–1787 гг.) // Россия и Черкесия (вторая половина XVIII–XIX вв. Майкоп, 1995. С. 61–78.

- Хаджимуков, 1910 – *Хаджимуков Т. Т.* Народы Западного Кавказа (по неизданным запискам природного бжедуха князя Хаджимукова // КС. Тифлис, 1910. Том 30. С. 1–50).
- Халим Гирай-султан, 2008 – *Халим Гирай-султан*. Розовый куст ханов, или История Крыма / транскрипция, перевод переложения А. Ильми; под ред. Н. С. Сейтягьева. Симферополь, 2008. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/> (дата обращения: 20.10.2016).
- Хан-Гирей, 1989 – *Хан-Гирей*. Черкесские предания. Избранные произведения. Нальчик, 1989. 286 с.
- Хотко, 2012 – *Хотко С.* Заказное убийство князя Джамбулата Болотокова (документы). 2012. URL: <http://www.adygvoice.ru/> (дата обращения: 20.10.2016).
- Черкесы... 1996 – Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. 1763–1774. Сборник документов. Том I. Нальчик, 1996. 460 с.
- Черкесы... 2000 – Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. 1781–1786 гг.: сборник документов. Том III. Нальчик, 2000. 330 с.
- Черкесы... 2004 – Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. 1787–1791 гг.: сборник документов. Том IV. Нальчик, 2004. 448 с.
- Шабловский, 1914 – *Шабловский Н. Н.* Георгиевская старина. СПб, 1914. URL: <http://obrazok.livejournal.com/8324>. (дата обращения: 20.10.2016).
- Шаги к рассвету... 1986 – Шаги к рассвету: Адыгские писатели-просветители 19 века. Избранные произведения. Краснодар, 1986. 398 с.
- Шамиль... 1953 – Шамиль – ставленник Султанской Турции и английских колонизаторов: сборник документальных материалов / под ред. Ш. В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1953. 456 с.
- Шкарупа, 2008 – *Шкарупа И. Ф.* Провинциальный город мой: Очерки по истории города Минеральные Воды. Минеральные Воды, 2008. 66 с. URL: <http://www.muk-cbs.ru/node/31678>. (дата обращения: 20.10.2016).
- Щербина, 1992 – *Щербина Ф. А.* История Кубанского казачьего войска. Том II. (Репринтное воспроизведение). Краснодар, 1992. 880 с.

- Экспедиция... 1927 – Экспедиция 1926 года по обследованию коневодства в Кабардино-Балкарской области (руководитель проф. В. Г. Беляев). М., 1927. URL: <http://www.horseskb.ru/belyev/> (дата обращения: 20.10.2016).
- Якобсон, 1964 – *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым. М., 1964. 232 с.
- Яновская, 2013 – *Яновская Л. М.* Письма литературоведа // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири на Дальнем Востоке. 2013. № 1.
- Osmanli Devleti... 1992 – Osmanli Devleti ile Kafkasya, Turkistan ve Kirim hanliklari arasindaki muna sebetlere dair arxiv belgeleri (1687–1908). Basbakanlik Devlet Arsivleri. Ankara, 1992 (Архивные данные, касающиеся отношений между Османской империей и Кавказом, Туркестаном и Крымским ханством (1687–1908). Анкара, 1992).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. Кубань в Крымском ханстве	11
Гирей – потомки Чингизхана	11
Бахты-Гирей во главе Кубанской орды (1713–1729).....	17
Султаны и русско-турецкая война (1735–1739)	29
ГЛАВА II. Султаны в ногайских ордах	40
Кубань и Кабарда в русско-турецкой войне (1768–1774).....	40
Ногайский сераскир Султан Казы-Гирей	47
Конец Крымского ханства	51
ГЛАВА III. Российское пограничье на Кавказе	59
Кавказское наместничество.....	59
Кубанская линия во время русско-турецкой войны (1787–1791)	64
Генерал-майор Султан Менгли-Гирей	76
Султаны и шотландская колония Каррас.....	82
Миграции аулов через Кубанскую линию.....	93
ГЛАВА IV. В Пятигорье	102
Чума в период русско-турецкой войны (1806–1812).....	102
Менгли-Гирей и Тормасов: надежды на мир.....	112
Благосостояние Бештовского пристава.....	120
Авантюра Медокса.....	126
Бегство ногайцев в Закубанье в 1813 г.....	134
ГЛАВА V. Время Ермолова	141
Начало Кавказской войны (1817–1864).....	141
Преобразования на Кавказской линии.....	149
Военные походы в 1822–1824 гг.....	153
Бекович-Черкасский.....	159
ГЛАВА VI. Между Россией и Турцией	165
Верхняя Кубань между двумя империями	165
Емануэль накануне русско-турецкой войны (1828–1829)	170

Покорение Карачая в 1828 г.	175
Султан Менгли-Гирей и его современники	185
ГЛАВА VII. В Закубанье	192
Генерал-лейтенант Султан Азамат-Гирей	192
Кубанская и Кабардинская линии.....	195
Николай I на Кавказе в 1837 г.	201
Лабинская линия в 1840-х годах.....	206
ГЛАВА VIII. Султаны – хранители адатов	214
Адаты против шариата.....	214
Разбор по адату конфликта в Карачае.....	221
Шейх в кумских аулах в 1847 г.....	230
ГЛАВА IX. На службе России	238
Генерал-майор Султан Казы-Гирей.....	238
Магомет-Амин и Крымская война (1853–1855).....	246
Султаны в Кубанской области.....	259
ГЛАВА X. Султаны на Ставрополье	269
Ногайцы и абазины в Кавказской области	
в 1830–1840-е гг.....	269
Вытеснение аулов из Ставропольской губернии.....	276
Переселение ногайцев в Турцию в 1859–1860 гг.....	286
Губернатор против Султана Джанибек-Гирея.....	294
Писатель Девлет Гиреев.....	300
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	307
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	310
ПРИЛОЖЕНИЕ	311
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	313

Научное издание

Кипкеева Зарема Борисовна

**ПОТОМКИ ЧИНГИЗХАНА
В ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
XVIII–XIX вв.**

Оформление обложки Илона Байрамкулова

Редактор, технический редактор Н.Б. Копнина
Компьютерная верстка М. И. Толмачёв

Подписано в печать 17.03.2017

Формат 60х84 1/16
Бумага офсетная

Усл. печ. л. 19,18
Заказ 53

Уч.-изд. л. 18,52
Тираж 500 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2